

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**КАРАГАНДИНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ Б. БЕЙСЕНОВА**

Ж. А. Шалабаев

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ**

Учебное пособие

**КАРАГАНДА
2010**

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**КАРАГАНДИНСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ Б. БЕЙСЕНОВА**

Ж. А. Шалабаев

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ**

Учебное пособие

**КАРАГАНДА
2010**

УДК 327 (075.8)
ББК 66.4 я 73
Ш 18

Рецензенты:

Романова Н. В. — доктор политических наук; *Симтиков Ж. С.* — доктор политических наук; *Бакишев К. А.* — доктор юридических наук; *Еликбаев Н. Е.* — доктор философских наук.

Рекомендовано решением Ученого Совета Карагандинского юридического института имени Б. Бейсенова (Протокол № 10 от 27 мая 2010 года).

Рекомендовано решением Учебно-методической Секции по специальности «Правоохранительная деятельность» (цикл общеобразовательных и элективных дисциплин).

Шалабаев Ж. А.

Ш 18 Международный терроризм и экстремизм. Учебное пособие. — Караганда: Карагандинский юридический институт МВД Республики Казахстан, 2010. — 254 с.

ISBN 9965-836-52-3

В настоящем учебном пособии автор рассматривает актуальные проблемы формирования и распространения таких угроз современной цивилизации как религиозно-политический экстремизм, международный терроризм, информационализм и насильственное заложничество. В работе прослеживаются эволюционные корни возникновения радикализма в социально-политической сфере жизни мирового сообщества, особенности развития теоретико-концептуальной основы экстремистско-террористического феномена в исторической ретроспективе. Международную политическую и правовую деятельность по организации борьбы с современными проявлениями экстремизма, терроризма и насильственного заложничества автор рассматривает в контексте принятия международных конвенций, двух и многосторонних договоренностей на уровне ООН, ОБСЕ, СНГ, ФЕДЕФАМ, ЦАС, ШОС, СВМДА, ОБСЕ и др. организаций, неправительственных объединений мирового сообщества. При исследовании проблем обеспечения национальной и общественной безопасности страны от угроз и вызовов современности автор акцентирует внимание на новой информационной политике как важном направлении совершенствования системы государственной и общественной безопасности.

Учебное пособие предназначено для обучающихся в магистратурах высших учебных заведений системы МВД, КНБ, в учебных центрах и на курсах повышения квалификации и переподготовки кадров правоохранительных органов, а также государственных служащих, сотрудников научных учреждений, изучающих проблемы глобализационных процессов современности, связанных с ними экстремистско-террористических, информационных угроз и совершенствования систем национальной и общественной безопасности Республики Казахстан.

УДК 327(075.8)
ББК 66.4 я 73

Ш 0801000000
00(05)-09

ISBN 9965-836-52-3

© *Карагандинский юридический институт
МВД РК им. Б. Бейсенова, 2010*

Равновесие должно быть найдено между спокойствием и осознанием опасности. Нельзя окружать себя ужасами, но и беззаботность не есть решение.

Древняя легенда

ПОЛИТИКА НАСИЛИЯ И АГРЕССИИ В ДЕЙСТВИИ — ЭТО... (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Современная цивилизация наряду с прогрессивными формами социально-экономических, политических отношений явилась источником распространения и таких уродливых, по своему антигуманистическому потенциалу, явлений как религиозно-политический, этнический экстремизм и терроризм. Представляя собой угрозу глобального масштаба международный терроризм и экстремизм обрели сегодня характер феноменального явления, деструктивный потенциал которого грозит стать основным фактором нестабильности в XXI веке. С экстремистско-террористической угрозой и обстоятельствами, вызванными их различными рода проявлениями, сегодня приходится считаться любому правительству как при решении проблем внутренней, так и внешней политики. Более того, большинство влиятельных стран мира, в том числе США, Англия, Китай, Франция, Россия, Япония, Израиль и т. д., признали борьбу с экстремизмом и терроризмом в качестве одного из основных приоритетов не только в сфере обеспечения национальной безопасности, но и в реализации комплексных стратегий государственного развития своих стран. Особая актуальность экстремистско-террористической угрозы миру аргументирована и тем фактом, что сегодня только в афганский процесс борьбы терроризмом вовлечено 38 стран мира. Для разработки и проведения антитеррористических мероприятий в данном регионе Центральной Азии международным сообществом ежегодно выделяется более 300 миллионов американских долларов. В афганском антитеррористическом проекте задействовано свыше 150 тысяч человек. По данным американских и российских экспертов в среднем на одного террориста здесь приходится по 1500 солдат миротворческих сил. Казалось бы, сложность осознания такого несоответствия материальных затрат объему выполняемых задач, относи-

тельно регионального масштаба, сводит к минимуму и объективность, логику такой деятельности. Однако, целевая мотивация столь затратного международного проекта обусловлена прежде всего причиной, которая заключается в высокой степени опасности явления, исходящая из данного региона, для всего мира. Девятилетняя военная миссия антитеррористических сил в Афганистане, к сожалению, еще не привела к ожидаемым результатам. Более того, война с терроризмом в Афганистане выявила еще более страшную угрозу для мирного человечества — наркопроизводство, которое является одним из основных источников финансирования и жизнеобеспечения экстремистско-террористической деятельности. В этой связи, фронт антитеррористического противодействия обретает в современности масштабы глобальных военных операций. Не менее ярким свидетельством актуальности антитеррористической борьбы являются и многосторонние договоренности по проблемам противодействия ядерному терроризму, заключенные на апрельском (2010 года) Саммите стран мира по ядерному разоружению.

Антитеррористический акцент в практике формирования современной национально-государственной политики характерен и современному Казахстану. Еще в начальный период обретения и укрепления независимости в Стратегическом плане развития страны до 2010 года экстремизм и терроризм, наряду с такими транснациональными угрозами как наркобизнес и торговля людьми, были признаны вызовом для государственной власти и общества. Присоединение же Казахстана в 2008 году к международным конвенциям ООН о борьбе с коррупцией и против транснациональной преступности не только позволило стране более эффективно противостоять коррупционным проявлениям и организованной преступности, но и создало прецедент для универсализации, а так же совершенствования нормативно-правового поля и в сфере противодействия экстремистско-террористическим проявлениям. В этой связи, особого внимания заслуживает и тот факт, что при ратификации Конвенции о борьбе с коррупцией Казахстаном было сделано заявление об использовании настоящего договора в качестве основания для выдачи лиц, разыскиваемых за совершенные коррупционных преступлений. Это решение позволит, по нашему мнению, значительно расширить правовое поле деятельности в плоскости общей декриминализации мира и в отношениях с государствами, с которыми не имеется соответствующих двусторонних договоров. Особый позитивный политический резонанс вызвали в мировом сообществе и инициативы Казахстана по ряду действенных мер в сфере создания прочной договорно-правовой базы нового поколения, в том числе универсального Договора о всеобщем горизонтальном и вертикальном нераспространении

ядерного оружия. Суть иницилируемых мероприятий — необходимость адаптации документа к реалиям современности, среди которых и глобальная угроза терроризма, создающая критическое напряжение вокруг реализации мирных ядерных программ на уровне развивающихся стран. Не менее перспективными мерами в сфере совершенствования региональной и евразийской систем безопасности, а так же субъектно-правового закрепления Казахстана в качестве влиятельного участника мирных программ являются казахстанские инициативы, касающиеся проведения в стране Саммита по борьбе с ядерным терроризмом и создания Международного учебного центра по ядерной безопасности.

Еще недавно кое-кто из казахстанских экспертов, политиков могли считать, что говорить в таком апокалиптическом тоне о глобальной экстремистско-террористической угрозе и актуальной необходимости организации крупномасштабной борьбы с разного рода его проявлениями, в том числе на территории Казахстана, — значит увлекаться гиперболизацией проблемы. Сегодня, после трагических событий только первых месяцев весны 2010 года, связанных с массовыми проявлениями терроризма и экстремизма в государствах ближнего зарубежья и приграничных территорий (Россия и Дагестан — теракты в московском метро, ставропольском крае и Кизляре, Кыргызстан — чрезвычайное положение, введенное временным правительством в связи с общественными беспорядками, политическим кризисом и сменой власти, Азербайджан — пресечение ряда террористических актов на территории страны в результате ареста группы террористов, Монголия и Таиланд — экстремистские действия групп общественного протеста и неповиновения,...), каких — либо оснований для такого проявления скептицизма относительно степени экстремистско-террористической угрозы для национальной и общественной безопасности любой современной страны нет.

Фактором доминантного проявления «мировоззренческой концепции безопасности» относительно глобальной опасности изучаемого феномена является и правовая статистика. Только за период со второй половины 90-х годов минувшего столетия по начало 2007 гг. в Казахстане, в зоне, так называемой, «тихой угрозы» изучаемого явления, было зарегистрировано более 30 преступлений по статьям, предусматривающим уголовную ответственность за возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды, 7 преступлений по статье 233 Уголовного Кодекса Республики Казахстан, квалифицирующего состав терроризма, более 40 — захват заложников (сопутствующее экстремизму и терроризму явление), 1 — организация незаконного военизированного формирования

ния, 1 — угон и равно захват воздушного, водного транспорта¹. Последующие годы до настоящего времени демонстрируют тенденцию увеличения такого рода криминальных проявлений. Соответствующую динамику регистрации в стране преступлений по статьям УК РК за возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; захват заложников; организацию военизированного формирования; заведомо ложные сообщения об акте терроризма; угон, а равно захват воздушного судна можно проследить по их количественному росту (см. Приложение А). К сожалению, следует отметить, что тенденция распространения явления свидетельствует большей частью о популяризации идеологии насилия и агрессии в сознании отдельной категории населения, особенно молодого возраста (см. комментарий к приложению А). Всего за указанный период в различные правоохранительные органы страны поступило около 500 ложных сообщений о заложенных бомбах, взрывных устройствах, готовящихся террористических актах². События же последних пяти лет, связанные с ликвидацией в девяти крупных населенных пунктах страны разветвленной сети ячеек экстремистской религиозно-политической организации «Хизб-ут-Тахрир», а также арестом в западном регионе Казахстана трех террористов, свидетельствуют о том, что и казахстанское общество является объектом особой экстремистско-террористической угрозы. Особенность современной геополитической обстановки в Евразии, связанная с распространением новых угроз мирному развитию, в которой Казахстан, наряду с другими странами Центрально-азиатского региона, является не менее уязвимой территорией для внутренних и внешних факторов дестабилизации, была отмечена и лидерами мировых и традиционных религий на их очередном Ш-ем съезде, состоявшемся в 2009 году в Астане.

Вышеприведённая статистика проявлений терроризма и экстремизма возрастает в геометрической прогрессии если привести данные по наиболее «горячим точкам» мира. Например, в период с 1970 по 1990 гг. в мире было совершено более двух тысяч терактов, а за десять последующих лет их число на порядок увеличилось (см. Приложение Б). Эксперты Гейдельбергского института исследования международных конфликтов на основании данных ежегодного мониторинга исследуемого явления в 2009 году заявили о том, что количество конфликтов в мире увеличивается. Напри-

---

¹ Сведения Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Исх. № 11ц /8-1185.

² Там же.

мер, в 2008 году было зафиксировано 345 случаев конфликтов, в том числе 134 — насильственного характера. Эти показатели более чем на два десятка такого рода проявлений выше предыдущего года. В связи с изложенным, особая социальная опасность рассматриваемого явления сегодня требует научной аргументации причин, мотивов экстремизации общественных и политических отношений, международных связей, определения конкретных ориентиров и методов противодействия такого рода агрессии и насилию. Особую значимость обретает необходимость междисциплинарного исследования проблемы. Не случайно, данный аспект, в частности, проблема в доказывании экстремистско-террористического характера преступных деяний, связанных с фактами возбуждения национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, была выделена в отдельную актуальную сферу перспективных научных исследований на состоявшемся в мае 2007 года в Астане IV Координационном совещании органов СНГ, осуществляющих сотрудничество в борьбе с преступностью. На данном форуме отмечалась необходимость подготовки специалистов в области социальной психологии, лингвистики, религиоведения и других отраслях наук для целей осуществления качественных экспертных оценок по вопросам, связанным с экстремистско-террористическими проявлениями. В этой связи, в Программу сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2008-2010 годы было включено положение о целесообразности разработки единой методики оценки действий, направленных на возбуждение национальной, расовой, религиозной ненависти либо вражды, об образовании экспертных учреждений для проведения психолого-лингвистических и иных исследований по экстремистско-террористической проблематике³. По сути, сегодня необходима комплексная экспертная работа в режиме мониторингового изучения по раскрытию всех аспектов экстремистской и террористической деятельности, выявлению механизмов возникновения и усиления экстремизма в социально-политической сфере современных обществ. Несомненно, результатом такого научного поиска должны стать обоснованные рекомендации по организации антитеррористической деятельности, совершенствованию внутренних механизмов саморегуляции системы национальной и общественной безопасности от вызовов и угроз современности.

Следует отметить, что в Казахстане наблюдается динамика накопления позитивных результатов целенаправленной работы по созданию зоны безопасности и межнационального согласия. Приняты законы, регулирую-

---

³ Вызовам и угрозам безопасности ответим сообща // На страже. 2007. 3 мая.

щие вопросы свободы вероисповедания, организации деятельности политических и общественных объединений, борьбы с терроризмом и религиозно-политическим экстремизмом. Только за последние пять лет на территории страны в правовом порядке запрещена деятельность таких организаций, как Талибан, Братья-мусульмане, Жамаат моджахедов Центральной Азии, Хизб-ут-Тахрир, Исламское движение Узбекистана, Ансар-аль-Асбад, Лашкар-и-Тайба, Аль-Каида, Общество социальных реформ, Организация курдских сепаратистов, признанных экстремистскими и террористическими. Казахстан присоединился к 12-ти Конвенциям ООН по борьбе с терроризмом, является и инициатором, и активным членом анти-террористических центров, созданных в Москве, Бишкеке, а также, по решению Шанхайской организации сотрудничества, с центром в Пекине.

Вместе с тем, высокий государственный и международный уровень принимаемых мер по борьбе с политическим и религиозным экстремизмом и международным терроризмом свидетельствует, прежде всего, о потенциальной мощи феномена и его значительном усилении, в связи с имеющимися тенденциями развития и распространения, в перспективе. Как отмечают, в этой связи, участники разработки законодательной базы казахстанской стратегии противодействия международному терроризму и экстремизму для Казахстана наиболее опасен терроризм, проявляющийся в трёх основных направлениях:

Первое — социальный терроризм, руководствующийся стремлением к утверждению или изменению (вплоть до его уничтожения) того или иного социально-политического строя.

Второе — националистический терроризм, борющийся за ликвидацию господства одной нации над другой (или движимый этно-сепаратистскими идеями).

Третье — направление определяется как терроризм религиозный, связанный либо с борьбой приверженцев различных религий и сект друг с другом, либо со стремлением низвергнуть светскую власть⁴. (Последнее направление, связанное с борьбой за власть, следует определять как религиозно-политический терроризм). От такого рода вызовов современности, имеющих силу глобальной угрозы регионального, мирового масштаба, реализованные на сегодня в Казахстане меры безопасности не могут обеспечить полной гарантии сохранения общественно-политической стабильности в государстве. В этой связи, изучаемая тема посвящена актуальной проблеме, обусловленной современными требованиями к реше-

---

⁴ *Муқанов С.* Некоторые аспекты классификации террористической деятельности // «Право и государство». — 2000. — № 3. — С. 58.

нию вопросов по обеспечению защиты мира от транснациональных угроз мирового распространения. В свою очередь, политическая мотивация, причинно-следственные факторы такого рода силового давления при решении международных проблем, во всём своём разнообразии по формам, способам и классификациям, требуют углубленного анализа как на уровне политологического, так и междисциплинарного исследования.

Общественно-политическая стабильность представляет собой явление, многогранное по форме и, в то же время, взаимообусловленное, по структуре и содержанию. В этой связи, на современном этапе развития общества, в условиях мировых угроз, она требует комплексности в изучении как целостный объект, классификации на внутривнутриполитическом и международном уровнях формирования структурно-функциональных компонентов. Для более эффективного редуцирования основных элементов политической стабильности представляется необходимым условием исследование роли демократических институтов казахстанского общества на различных стадиях модернизационного процесса, таких подсистемных компонентов его политической жизни, как политическая и правовая культура, средства массовой коммуникации, являющихся, по сути, основными детерминантами стабилизационных процессов и формирования позитивного потенциала политического и правового сознания.

Актуальность изучения обозначенной проблемы обусловлена к тому же необходимостью повышения мотивации к концентрации внимания общественности, политиков, политологов, правоведов, широкого круга представителей научной сферы к модернизационным проблемам казахстанского общества, к процессам формирования в нём позитивно-преобразующих компонентов политической и правовой культуры, эффективной реализации законов республики по борьбе с терроризмом и различными проявлениями экстремизма, к использованию потенциала республики в преодолении современных экономических, политических, идеологических кризисов, имеющих в республике как внутренние, региональные, так и мировые характеристики.

Модернизационные процессы казахстанского общества в условиях глобальных вызовов и угроз современности требуют глубокого осмысления преобладающих в нем тенденций, определения основных направлений и методов позитивизации процесса политического развития, рассчитанных на ближайшую и отдаленную перспективу. В этой связи, иллюзорность мнения о том, что базисные изменения механически детерминируют в соответствующем направлении и общественное, массовое сознание, очевидна. Рождение в реалиях изменяющейся действительности новых политических и социальных ценностей — явление многосложное,

имеющее свои глубинные автономные тенденции, стереотипы и установки. Аномическое же состояние определенной части казахстанского общества не может не вызывать озабоченности непредсказуемостью реакции людей как на социально-экономические кризисные явления, так и на усиление тенденций распространения в мире и, особенно, в Центрально-азиатском его регионе, экстремистских идей и террористических угроз. Это актуализирует проблему познания современных особенностей казахстанского социума, постановки социального диагноза таким основным компонентам, влияющим на структуру политической системы, как политическая и правовая культура, институты гражданского общества, «масс-медиа», их роли в обеспечении политической стабильности, а также в социальной защищённости общества от негативного воздействия внешних факторов.

Анализ имеющихся исследований по рассматриваемой нами проблеме позволяет сделать следующее заключение (с определённой долей условности, потому как в зарубежной науке спектр представлений о проблеме шире и разнообразнее, а в отечественных исследовательских лабораториях различных направлений (политологическое, правовое, философское, социологическое и т. д.) идет динамичный поиск практических путей антитеррора, результаты которых имеют зачастую закрытый характер). В западной научной мысли в большей степени выделяются функциональные определения рассматриваемого явления, что, на наш взгляд, обусловлено преимущественно предметно-ориентированным направлением исследований. Учёные СНГ, в том числе и Казахстана, в своих работах по указанной тематике демонстрируют проблемно-ориентированную направленность, что означает их стремление выявить поведенческие характеристики явления. Этот факт имеет определённую логику, которая заложена в необходимости научного познания и социальных субъектов экстремизма и терроризма. Отсутствие же в современной мировой науке универсальных дефиниций исследуемого явления (о данном обстоятельстве свидетельствуют и документы, принятые ООН, в которых отмечается, что начиная с первого исследования явления, проведённого ООН в 1972 году, международное сообщество до сих пор не может достигнуть согласия в отношении общеприемлемого содержания термина и мер антитеррора⁵) еще в большей степени определяет в качестве насущной задачи необходимость выработки единых подходов к его международно-правовой и по-

---

⁵ Резолюция ООН № 39000012 по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана. Куба. 27 августа — 07 сентября 1990 г. Приложение «Об определении».

литологической классификации, с последующим выделением наиболее действенных путей антиэкстремистской и антитеррористической деятельности.

Что касается политических и идеологических аспектов формирования системы национальной и общественной безопасности от экстремистско-террористических и внутренних угроз в условиях модернизации казахстанского общества, то следует отметить, что политика стабильного развития современного общества, рассчитанная на долгосрочную перспективу, должна быть обусловлена, прежде всего, внутренними процессами саморегуляции. Тенденции их развития, в свою очередь, определяются уровнем политической социализации населения, степенью формирования культурно-политических ценностей и установок в общественном сознании, становления и развития институтов гражданского общества, современных средств массовой коммуникации. Перечисленные компоненты определяют и особенности формирования политического, правового сознания, а так же политического и правового поведения населения. В связи с изложенным, особую значимость обретает и всесторонний анализ приоритетных направлений развития гражданских инициатив, а так же проблем их реализации. Являясь основой для разработки целевых программ, законодательства и других нормативных актов, нацеленных на создание благоприятных условий для институционализации гражданского общества, они требуют научных аргументаций и определения современных доминирующих тенденций развития.

ВВЕДЕНИЕ В ТЕРРОЛОГИЮ

По характеру экстремистско-террористических угроз и вызовов миру к наиболее критическим этапам в развитии мирового сообщества можно отнести вторую половину минувшего столетия. И данное утверждение имеет свое объективное логическое обоснование. Тенденции формирования новых транснациональных угроз и вызовов миру напрямую связаны с динамикой глобализации современных международных связей, которая, в свою очередь, в 70-90-е годы прошлого века обрела небывалое развитие и темпы распространения в наиболее важные сферы мирового партнерства. Вместе с тем, начало нового тысячелетия привнесло в характеристики данного явления еще более трагичные коррективы. Сентябрьские (2001 года), мартовские (2010 года) события в Америке и России отличались как в количественном, так и в качественном отношении от предыдущих этапов терроризма. Масштаб человеческих и материальных потерь был шокирующим, а медийно-информационная трансляция террористических акций усилила их тяжёлое психологическое воздействие. Факт такой планомерности, чёткости, оперативности исполнения и самоотречённости террористов, осознающих свою гибель, является ярким свидетельством новой тенденции распространения явления в XXI веке, которая требует определения новоценностных, в том числе и в рамках междисциплинарного (политическая идеология и политическая психология, международные отношения и международное право, социология и криминология ...) исследования, критериев его оценки и соответствующих методов противодействия. В свою очередь, научные представления о рассматриваемых явлениях должны, по нашему мнению, основываться на умениях выделять в объекте познания теоретические, прикладные, аксиологические и инструментальные компоненты знаний об изучаемом объекте. В этой связи, при подготовке настоящего учебного пособия автор определил следующие задачи.

Теоретико-методологические:

- раскрыть теоретические понятия и положения лекционного курса;
- предоставить возможность слушателям самостоятельно работать с учебной литературой по соответствующему курсу учебной дисциплины;
- ознакомить слушателей с основами и приоритетными аспектами изучаемого предмета, в том числе применительно к междисциплинарной новой научной отрасли — териологии;

– показать специфику процесса формирования и распространения глобального феномена международного терроризма и особенности анти-террористического противодействия на политическом, международно-правовом и информационном уровнях;

– раскрыть теоретическое и практическое значения использования концептуальных формулировок и универсальных дефиниций изучаемого явления в практике деятельности органов политического, государственного управления и субъектов обеспечения национальной и общественной безопасности;

– определение и раскрытие структурно-функциональной значимости всех стадий формирования такого рода политической агрессии по принципу рассмотрения целого через познание единичного в системе взаимосвязанных проявлений объекта изучения;

– определение структурных и функциональных различий и сходств форм проявления политического, религиозного экстремизма и международного терроризма в исторической ретроспективе. В этих целях, через всеобщность изначальных проявлений феномена, его составляющих элементов, а также ассоциативных особенностей политического насилия осуществление анализа его проявлений по форме и содержанию, что позволит обучающимся выработать навыки выявления разновидностей изучаемого феномена, их типологическую неодинаковость.

Практические:

Практические задачи состоят в том, чтобы оказать помощь слушателям в обретении умений комплексного осмысления рассматриваемой проблемы через:

– характеристику общего, единичного и особенного в логической цепи формирования целостного феномена международного терроризма;

– выявление критериев определения такого рода видов агрессии в деятельности субъектов мировой политики, транснациональных формирований, политических, общественных, религиозных организаций и учреждений;

– выявление роли институтов гражданского общества в общественно-политической консолидации казахстанского народа;

– определение основных тенденций глобальной информатизации современного постиндустриального общества и связанной с этим потенциально возросшей манипулятивной роли «масс-медиа» в политическом процессе, степени информационного воздействия на политическое и правовое сознание населения, а также формирование инертной специфики массового сознания.

В контексте достижения целей, поставленных в процессе разработки учебных материалов и решения изложенных выше задач, в учебном пособии дано обоснование следующих положений:

Процесс глобализации современного международного экстремизма и терроризма — результат политической трансформации локализованных международных связей в мировую политику, а также появления на её арене транснациональных субъектов отношений с инновационными (нетрадиционными) геополитическими структурами и схемами жизнеобеспечения, обусловившими новоценностные политические претензии на модернизацию мироустройства в XXI веке.

Религиозный же фактор в контексте экстремистско-террористического действия выполняет роль мобилизационного импульса усиления и событийной драматизации явления, в связи с чем, функционально детерминирует глобальный процесс дестабилизации на уровне региона, континента, в целом, мира в форме (условиях) целенаправленной религиозной идеолого-ревизионистской политики.

Как политически мотивированное насилие, терроризм, является категорией рассмотрения специальной междисциплинарной отрасли — террологии, в связи с чем комплексный анализ явления представляется рационально обоснованным при условии исследования его в логической последовательности политического радикализма и политического экстремизма, как составляющих идеологических звеньев в формировании и развитии целостного глобального явления международного терроризма.

Система национальной и общественной безопасности суверенного государства Казахстан зародилась в 1990-е годы и преодевает на современном этапе процесс формирования основных компонентов обеспечения государственной и общественной защиты от внутренних и внешних угроз дестабилизации. Как комплекс мер по обеспечению сохранности территориальных границ, политической и экономической безопасности общества в процессе дальнейшего совершенствования данная система должна учитывать политические, идеологические факторы обеспечения национальной и общественной защиты от потенциальных угроз и вызовов современности в качестве доминантных факторов долгосрочной общественно-политической стабильности, формирования гражданского общества, духовного единения представителей более чем 130 наций и народностей, проживающих на территории республики и более 40 конфессий, осуществляющих свою деятельность в пределах страны.

Среди стран Центрально-азиатского региона Казахстан относительно локализованная территория от угроз международного терро-

ризма, что, по сути, представляет из себя дополнительное благоприятное условие для осуществления стратегии прорыва в 50 наиболее развитых стран мира. Вместе с тем, глобализационные процессы, обладая колоссальным преобразующим потенциалом, могут спровоцировать и дестабилизацию внутренней обстановки в стране. Для предупреждения развития такой ситуации необходимо учитывать баланс «социального характера» казахстанского общества — сочетание характера социально-политических процессов и явлений с тенденциями и динамикой формирования социально-психологических ценностей и установок населения) как фактора, способного гарантировать в большей степени безопасность от внешних и внутренних угроз без излишних, в данном случае традиционных в практике большинства постсоветских государств, милитаризированных мер.

Мотивационная основа современных проявлений экстремизма и терроризма имеет скрытые типологические особенности, характерные, соответственно, разным видам политической агрессии. Это, в свою очередь, требует совершенствования деятельности международных научных и политических институтов, субъектов гражданского общества по выявлению функциональных границ экстремистско-террористических угроз, определению концептуальных подходов в их исследованиях и методологических принципов противодействия такого рода угрозам современности на уровнях национально-государственной и международной политики.

Тенденции политической активизации населения страны не являются достаточным фактом и основанием для заключений о формировании активистской, гражданского типа, политической и правовой культуры населения. Более того, в массах преобладают патриархально-подданнические черты, как перманентные признаки тоталитарной культуры прошлого. Однако, эта особенность и является одним из основных факторов современной политической стабильности, которую необходимо учитывать в качестве существенной «политической форы» в процессе ускорения политической модернизации казахстанского общества и формирования гражданской политической культуры.

В своем развитии, как суверенное государство, Казахстан прошел несколько этапов становления. Это периоды конституционного оформления ориентиров независимости, институционального становления суверенитета, духовного формирования облика гражданина суверенного государства. За это время и политическая социализация населения имела несколько уровней изменения политических ценностей. Эти **перемены происходили, как правило, в обстановке преимущественно матери-**

ально ориентированных (потребительских) и экологических установок, в основе которых были крайняя материальная нужда (конец 80-х до середины 90-х г.г. минувшего столетия), экологические бедствия в Приаралье, Семипалатинской зоне ядерных испытаний и т. д. На современном этапе развития казахстанского общества наблюдается тенденция преобладания мировоззренческой концепции безопасности, в основе которой - социальный иммунитет, систематически возбуждаемый пропагандой разного рода насилия, в том числе экстремистского характера. В этих условиях необходима соответствующая программа политической социализации населения, особенно молодёжи. Одним из условий реализации таких мер является выход на общий высокий уровень образованности, а соответственно и на уровень тех критериев, которые определяют политическую стабильность.

Анализ процесса формирования современного казахстанского общества свидетельствует об усилении тенденции сакрализации общественного сознания. Социальные тяготы, неуверенность в завтрашнем дне являются основными факторами обращения людей к духовным символам. И, здесь, крайне важно и необходимо учитывать Коранические, Библейские традиции отчуждения агрессии в процессе формирования плюралистической культуры. В этой связи, в современных тенденциях образовательно-воспитательной практики казахстанцев, которые обусловлены преобладанием двух направлений — светского и религиозного обучения и воспитания, важнейшим условием формирования современного общественного сознания и мировоззрения казахстанцев является такая образовательная политика, которая обеспечила бы функционирование принципа взаимного сочетания и согласования теологического и светского направлений обучения на общенациональном уровне.

Глобализация коммуникационных технологий обусловила появление новой угрозы миру — информационной, которая имея транснациональные характеристики, способна оказать разрушающее воздействие на традиционные международные связи, национальные и общественные ценности и установки групп и целых народов, дезорганизовать политический процесс и спровоцировать в нём неуправляемые конфликты. По сути, современные СМИ, как основные каналы информационализма, с обновленным арсеналом электронно-технологических возможностей воздействия на общественное сознание, обрели на практике значение и функции неформальных регуляторов политическими процессами в стране, что ранее заносилось, преимущественно, в их потенциальный актив. В этой связи, особую опасность стала представлять

манипулятивная роль «масс-медиа» в современных политических процессах общества.

На основании изложенного, в условиях внутренних и внешних угроз современности важнейшим фактором совершенствования системообразования национальной безопасности Казахстана является обеспечение информационной безопасности страны. Воздействие средств массовой коммуникации и массовой информации на общественное сознание, процесс формирования гражданской политической культуры должно осуществляться с учетом национальных, государственных интересов. Организаторами такой деятельности СМИ и должны стать политические структуры, государственные органы, институты гражданского общества, практическая деятельность которых в этом направлении должна строиться на демократических методах и принципах регулирования информационного пространства в рамках закона.

Казахстанское общество преодолевает модернизационную стадию развития. Стратегия развития страны, задачи которой определены Президентом РК Назарбаевым Н. А. в ежегодных Посланиях казахстанскому народу, посвященных, в том числе, вхождению Казахстана в состав 50-ти наиболее развитых стран мира, требует дальнейшего совершенствования реформ во всех сферах жизнедеятельности общества. В этой связи, **для укрепления национальной государственности, межнациональной консолидации, достижения политической идентичности в общественном сознании населения, конкурентоспособной интеграции в мировое пространство Казахстану необходимо пройти несколько критических этапов становления. Это:**

– преодоление кризиса идентичности, в основе которого формирование у представителей всех наций и народностей, проживающих на территории Казахстана, ассоциативных чувств единой нации, принадлежности к «политической субкультуре» одного государства:

– этап утверждения принципа законности по вектору обратной связи, суть которой в стремлении правительства воспитать у казахстанских граждан чувства уважения к закону государства, а, соответственно, нравственные качества законопослушности;

– этап активной политической социализации, т. е. приобщения казахстанских граждан к управлению делами общества через совершенствование избирательной системы, формирование институтов гражданского общества, создание надлежащих условий для полной реализации конституционных прав граждан;

– этап преодоления кризиса материального обеспечения граждан: сокращение до минимальных размеров разницы доходов между имущими

слоями населения и находящимися по уровню доходов ниже черты бедности. Цель в современных условиях практически не достижимая. Тем не менее, для сохранения политической стабильности и мобилизации демократического потенциала политического режима, она требует постоянной коррекции со стороны правительства системы распределения благ.

В процессе реформирования политической системы общества, формирования его новоценностных подсистемных компонентов Казахстана одновременно претерпевает этап становления среднего класса, с присущими ей специфическими особенностями. В этой связи, наряду с борьбой за собственные интересы между различными группами населения казахстанское общество характеризуется и наличием консенсусной основы, которая заключается в том, что среди многочисленных по составу групповых объединений определяется социальный слой, впитывающий в себя все имеющиеся в социуме интересы и переплавляющий их в интересы всего сообщества людей. Эта парадигма консенсуса и ее двигателя- среднего класса, рожденная в западной политологии, как нельзя лучше отражает современную транзитную модель общества. При условии последовательного развития казахстанского модерна парадигма консенсуса и согласия найдет свое отражение в такой ценностно-нормативной модели общества, когда нормы и ценности демократического, правового государства выступят в качестве доминантных, приоритетных факторов современного поступательного развития общества.

В свою очередь, формирование и укрепление консенсусной основы общества повлечёт развитие и совершенствование в практике демократического общественно-политического регулирования парадигмы плюрализма, в основе которой укрепление методологии систематического поиска согласия в рамках различных политических настроений, интересов, взглядов и установок.

Транзитный характер казахстанского общества, превалирование в нём патриархально-подданических особенностей политической культуры, признаком чего является противоречивость внутренних явлений (наличие политических традиций «староукладной» жизни и новоценностных ориентаций), требует учитывания в процессе политической модернизации нравственного компонента, обоснованного С. Хантингтоном как парадигма дисгармонии⁶. Основу предложенной концепции составляет следующий принцип: идеально-нормативный порядок, насаждаемый в

---

⁶ *Huntington S. Political Order in changing Societies. – New Haven. London. Yale University Press, 1968. — 236 p.*

обществе, должен сочетаться с реально существующим или систематически корректироваться под наличную социальную базу общества. Данная парадигма ориентируется на гуманизацию политики и представляет из себя мощный инструмент формирования политического и правового сознания, гражданского типа политической культуры, институтов гражданского общества.

Глобальный характер современного экстремистско-террористического явления имеет свои критерии определения в категорию мировых угроз. Во-первых, оно систематически провоцирует мгновенное формирование такой совокупности жизненно важных проблем, от решения которых зависит дальнейший социальный прогресс человечества. Во-вторых, эти проблемы в определенной мере затрагивают жизненные интересы всего цивилизованного мира, всех государств, каждого человека. В-третьих, перманентно усиливаясь обретают острый характер, угрожающий позитивному развитию мировых связей и даже массовой гибелью людей не только в масштабах одной страны или региона. В-четвертых, требуют для своего разрешения коллективных усилий всего мирового сообщества. Основные группы такого рода глобальных опасностей связаны:

- со сферой международных отношений;
- с группой проблем, которые обусловили экономическую отсталость многих освободившихся стран;
- с масштабными, по своей разрушающей мощи, экологическими и энергетическими кризисами;
- с «загрязнением» духовной среды обитания человечества.

В связи с изложенным, с полной уверенностью можно утверждать о том, что представляя из себя «социально-политический продукт» этой же цивилизации, международный терроризм и экстремизм явились по сути глобальным дестабилизатором всей традиционной системы миропорядка.

Новые признаки транснационализации явления, проявившиеся в конце двадцатого столетия, усилили тотальный характер его угрозы общественной и национальной безопасности в региональном и континентальном масштабах.

В прошлом, используемый в качестве средства для достижения тех или иных политических целей, экстремизм и терроризм, сегодня обрёл черты целостного явления, имеющего перманентно-детерминирующие свойства глобального антисоциального механизма, не признающего государственных границ, игнорирующего конституционные права людей на жизнь, свободу, равные возможности.

Имея колоссальные доходы из криминальных источников финансирования (их годовой бюджет вдвое, а то и втрое превышает средне-годовые

социально-экономические ассигнования обществ отдельных государств мира) экстремистско-террористические организации современности представляют из себя мобильные транснациональные структуры, способные разрушить традиционные основы государственности, успешно «лоббировать» собственные политические амбиции на уровне геополитических сфер. Более того, социально-политическую опасность явления усиливает государственная поддержка терроризма отдельными странами мира, усматривающими в радикализации и деструктуризации установленных международных связей способ решения собственных социальных, экономических проблем или возможность выхода на позиции регионального, мирового лидера с целью навязывания собственных интересов при определении политико-экономического курса другим суверенам либо достижения конкретных идеологических целей. В связи с изложенным, наиболее характерными причинами, провоцирующими современный процесс глобализации феномена экстремизма и терроризма являются этнические, экономические, политические и религиозные мотивы. При этом, религиозный фактор, наиболее часто обсуждаемый в качестве основного стимулятора такого рода преступных деяний международного характера субъектами обеих сторон противоборства, не является доминирующим. Во многих случаях религия выполняет, как правило, роль ширмы политических устремлений.

Зачастую, усиление этнических, политических, религиозных противоречий и перерастание их в антагонистическое противоборство провоцируется также действиями формальных субъектов международного права. Так, меры, принятые политическим руководством Израиля после Мюнхенской (1972 г.) трагедии (террористический акт, повлекший смерть израильских спортсменов) и планомерно реализованные на протяжении ряда лет спецслужбой «Моссад», явились мощным катализатором израильско-палестинского конфликта. Операция возмездия по уничтожению членов террористической организации, ответственной за теракт в Мюнхене, вылилась, по сути, в скрытую широкомасштабную военно-политическую кампанию по истреблению активистов Организации Освобождения Палестины и стала перманентным усилителем международной угрозы экстремизма и терроризма на Ближнем Востоке и, в целом, в регионе Центральной Азии. Судебное же решение об экс-президенте Ирака, представляющее, по сути, в общественном сознании ответное политическое действие «коалиционного» шиитско-американского правления в данной стране, также, по-нашему мнению, не ослабит межконфессионального (суннитско-шиитского) противостояния не только на иракской территории, но и во всех арабских странах. Более того, это может стать тем случаем, когда

экстремистско-террористическое движение провоцирует гражданское противостояние, вплоть до вооруженной борьбы.

Временами современный терроризм принимает формы партизанской войны (Чечня) или более широкомасштабного военного противостояния между государствами (Палестина и Израиль). В этой связи, экстремистско-террористические проявления в истории развития мирового сообщества имели разные виды, от примитивных актов террористов-одиночек до современных, организационно-подготовленных операций, влекущих массовую гибель невинных жертв, по воле случая оказавшихся в местах проведения террористических актов.

За последние десятилетия претерпели ощутимые изменения и мотивы, стратегия экстремистско-террористических организаций. Произошел спад анархистских движений, деятельности «левых» террористических группировок типа «Красных бригад» в Германии и Италии, «герильярос» в Латинской Америке. Современные же проявления экстремизма и терроризма в большей степени имеют религиозно-политические и этнические мотивации. По сравнению с предыдущими идеологическими, эти новостные установки обладают более устойчивой основой, поскольку имеют широкую поддержку в отдельных слоях общества, этнонациональных общностях и религиозных общинах.

И, несомненно, особым негативным явлением современности следует признать то, что терроризм, в результате разделения труда в экстремистско-террористическом движении, стал обретать статус относительно независимой отрасли международной преступной деятельности. То есть, как свидетельствует практика деятельности террористических организаций («Мусульманское братство», «Хамас», Ирландская республиканская армия и т. д.) возникая в периоды становления таких формирований в качестве боевого обеспечения политических целеустремлений, террористическое крыло, впоследствии, выходит из-под контроля центрального руководства и начинает преследовать некие дополнительные, более узкие цели, как правило, имеющие собственно криминальную мотивацию. И, это, является немаловажным фактором в формировании современных тенденций ужесточения проявлений терроризма.

Изменился и характер экстремистско-террористического действия. Если раньше практиковались точечные акции террористов, угоны самолетов и т. д., то современная тенденция состоит в совершении массовых убийств людей.

Не менее опасным явлением в современной деятельности экстремистско-террористических организаций стало движение шахидов (совершение терактов добровольцами — самоубийцами). Оно связано с профессиона-

лизацией терроризма на уровне психо-функциональной подготовки членов экстремистско-террористических организаций.

Многообразие форм, мотиваций, видовых особенностей исследуемого феномена приводит к разночтениям, имеющим не только семантическую основу. Например, одних и тех же акторов террористического деяния в одних СМИ называют бойцами, в других — боевиками или активистами, третьи наделяют их лаврами борцов за национальное освобождение.

В связи с вышеизложенным, международный терроризм, как завершающий деятельностный этап в формировании политической экстремистской идеологии, следует квалифицировать как политически мотивированное систематическое насилие против мирного населения с целью его устрашения и создания в обществе аномического состояния беззакония, бессилия и страха, преследующий также цели — свержение конституционного строя, изменение формы политического управления, в целом социо-культурной основы традиционной государственности, или же максимальная реализация возможностей лоббирования собственных интересов в органах власти. Современный экстремизм и терроризм — это тактика политической борьбы, выражающаяся в убийствах, похищениях или иных действиях, представляющих угрозу жизни и безопасности людей. По сути, это явление, влекущее абсолютное нарушение прав и свобод граждан.

Вследствие вышеуказанных причин борьба с терроризмом и экстремизмом, а также вопросы обеспечения национальной и региональной безопасности, политической стабильности в обществе, должны стать основными приоритетами внутренней и внешней политики любого современного государства в мире, в том числе и Казахстана.

Основные причины такой постановки вопроса в процессе исследования проблемы состоят в том, что:

— во-первых, феномен экстремизма и терроризма, как форма политического насилия в большей степени, чем другие виды такого рода агрессии, формирует в общественном сознании непреходящее, постоянное чувство опасности. Сама природа явления основана на систематическом воспроизводстве страха, как психологического состояния, граничащего со стадией деформации структуры личности, общностей, которая, в свою очередь, и приводит к аномизации всего общества;

— во-вторых, экстремисты и террористы путем создания атмосферы паники, нарушения общественных, политических связей и размежевания социальных слоев общества преследуют цели ослабления и дискредитации конституционной власти, демонстрации их неспособности защитить права и свободы своих граждан, что ведёт к формированию в обществен-

ном сознании чувства неверия в собственное правительство. Такого рода тенденции могут переходить в радикальные формы выражения;

– в-третьих, как вид политического насилия, имеющий и скрытые формы проявления в практике деятельности политических, религиозных организаций, а также отдельных государств, формирует в мировой политике теневую сферу международных отношений, направленную, преимущественно, на изменение идеологических, культурологических, традиционно-ментальных основ некоторых обществ (в основном находящихся в транзитной или развивающейся стадиях);

– в-четвёртых, как тактика политической борьбы экстремистско-террористическое действие обретает свою значимость в процессе решения некоторыми организациями мира этнонациональных проблем современности. Например, особенности развития движений курдов в Турции, уйгуров в Китае, чеченской оппозиции в России, тамиллов в Шри-Ланке в формате усиления радикально-экстремистских свойств, являются ярким подтверждением такого вывода. На наш взгляд, данная современная тенденция является одним из основных провоцирующих факторов глобализации феномена в мировом масштабе;

– в-пятых, явление терроризма представляет из себя очаг распространения идеологии экстремизма и в другие сферы человеческой жизнедеятельности, образуя тем самым коммуникационные пространства политической напряжённости и социо-культурного дискомфорта, создающие благоприятные условия для формирования тенденций дестабилизации отношений и разрушения традиционных основ государственных и международных структур.

В этой связи, противодействие данному негативному феномену современности на уровне мировой политики должно, на наш взгляд, включать:

– политические меры по созданию условий для применения международных санкций к тем субъектам мировых отношений, которые проявили себя (либо реализуют намерения) в сфере незаконной торговли оружием, поставке ядерных технологий организациям, государствам, имеющим прямое или косвенное отношение к терроризму. Это, в свою очередь, требует введения новых стандартов международного поведения;

– экономические меры, включающие систему международных операций по нейтрализации и замораживанию финансовых потоков в организации и государства, имеющих связи с терроризмом. Это требует чёткого определения в сфере международного права таких субъектов отношений в качестве непосредственных участников террористической деятельности;

– правовые меры, предусматривающие перманентное усиление и систематизацию общего контроля за террористической деятельностью на

региональном, континентальном и мировом уровнях; пересмотра национальных законодательств под единые форматы оценки и мер противодействия. Это, в свою очередь, требует создание соответствующего правового поля благоприятствования антитеррористической деятельности (введение ограничений на владение и применение оружия; более жёсткая редакция иммиграционного законодательства; упрощение технологии ареста, когда речь идёт о субъектах терроризма и т. д.).

Для современного общества представляет не менее серьёзную опасность информационная угроза. Информационизм, с его сетевыми принципами охвата территорий мира, является, по сути, новым фактором распространения глобальных угроз, при котором независимо от количественных характеристик объекта исследования (индивидуальный терроризм или при участии большого числа террористов) многократно будет усиливаться его разрушающее воздействие. В современных развитых странах основная часть государственной системы жизнеобеспечения (банки, силовые структуры, транспорт, связь, наука и т. д.) работают в режиме «онлайн», что значительно облегчает координацию усилий заинтересованных лиц в осуществлении диверсионных планов в отношении тех или иных государств. Транснационализация информационного пространства повышает и потенциальные возможности манипулятивных технологий СМИ, их негативного субъективирования в современном политическом процессе, провоцирующее целенаправленное влияние «масс-медиа» на развитие политических конфликтов общества в русле антагонизации его межсубъектных связей.

На основании изложенного, следует вывод о том, что процесс глобализации современных противоречий мировой цивилизации, а также формирования мировых угроз был спровоцирован столкновением транснациональных тенденций распространения одних типов культуры (культура понимается как опыт человеческого развития) с процессом совершенствования (как противодействия) способов сохранения идентификационных особенностей развития других. Это противостояние систематически обретает различные формы выражения и проявления в общественно-политической практике, от узаконенных в нормативно-правовой практике государства, форм, до «несанкционированных» типов и способов сопротивления.

Международные подходы к оценке экстремизма и терроризма, изложенные в политических, нормативно-правовых документах (Конвенции, Декларации, Соглашения и т. д.), отличает характеристика явления, как глобального феномена современности, подрывающего основополагающие ценности правового и политического характера, выполняющих функции интеграционного механизма как в рамках локальных социумов, так и в

масштабах мирового сообщества, создающего свои «контрценности», которые базируются на событиях преходящих негативных явлений современной цивилизации или недостатках, функционального порядка, в системе государственных институтов управления. Политический цинизм в деятельности экстремистских и террористических организаций представляет из себя главную опасность для демократии, так как способствует формированию у граждан чувства неверия в законы общества, размыванию этических норм, силовому насаждению покорности, последствия которой, пронизывая все сферы жизни общества, являются сдерживающим фактором его развития. Экстремизм и терроризм — это и серьёзный вызов мерам, которые предпринимает мировое сообщество по установлению в современной глобальной геополитической системе приоритета гуманных кодексов поведения, формированию цивилизованной политической и правовой культуры поведения, принципов взаимной ответственности. Глобализация же информационного пространства в глазах мирового сообщества — дополнительный фактор импульсации противоречий между процессом транснационализации информационной техносферы и суверенитетом государств, духовными и культурными ценностями, ориентациями различных групп общества, этнонациональных общностей.

На основании изложенных выводов, особого внимания требуют проблемы усиления и совершенствования политических, идеологических аспектов государственной и общественной системы защиты от внутренних и внешних угроз современности, которые заключаются в формировании политико-культурных ценностей и институтов гражданского общества в качестве целостного механизма позитивной общественной саморегуляции. Информационная безопасность, обретающая на современном этапе развития общества значение важнейшего условия и необходимого компонента, в целом, системы обеспечения национальной безопасности актуализирует проблему совершенствования информационной политики государства, которая должна основываться на новых принципах взаимоотношения между структурами государственной власти и средствами массовой коммуникации и информации. Эта деятельность должна осуществляться с учетом использования регулятивного потенциала институтов гражданского общества в контроле ими свободного потока информации (в рамках соблюдения законодательства и прав) от субъекта — носителя, распространителя информации до его потребителя.

В связи с изложенным, в целом, определение новой парадигмы политических, правовых, идеологических, культурологических ценностей в развитии современного общества, его успешной модернизации в новое русло мироразвития, обусловлено основным фактором обеспечения раци-

ональности и эволюционности современной геополитики, который заключается в общем признании, наряду с западной культурой и достижениями восточной цивилизации, как движущих компонентов мирового прогресса. Условия современной глобализации информационного и коммуникативного пространства предопределили, на наш взгляд, приоритетность данного фактора и необходимость умелого взаимного сочетания опыта западной и восточной культур в целях обеспечения мирного сосуществования всей земной цивилизации.

В целях реализации обозначенных в настоящем пособии мер безопасности от экстремистско-террористических угроз необходимо формирование Нового мирового порядка, основанного на объективных факторах современности, которые, на наш взгляд, заключаются в следующем:

- демилитаризация международных отношений, мировых связей;
- создание глобальной и региональной систем безопасности на основе формирования баланса интересов всех субъектов международного права;
- обеспечение международной стабильности при резких изменениях политического климата, обусловленных революционными переменами в некоторых странах мира;
- унификация правовой основы политических связей между государствами мира в новые форматы такой модели, которая гарантировала бы свободу социально-политического выбора, суверенитета и независимости каждого из них;
- деидеологизация межгосударственных отношений;
- гуманизация международной жизни;
- укрепление роли международных организаций типа ООН, ОБСЕ, ШОС... в поддержании мира на земле.

Основные направления осуществления идеи Нового мирового порядка заключаются, на наш взгляд, в следующем:

- усиление полномочий ОБСЕ, ООН в контексте решения проблем безопасности;
- создание региональных штаб-квартир ООН с правами центрального органа в решении вопросов безопасности и сотрудничества;
- создание независимой международной комиссии по управлению мировыми процессами на глобальном уровне;
- по образцу Давосского экономического форума созыв всемирного консультативного совещания по выработке единой стратегии формирования глобальных мировых процессов, функционирования транснациональных субъектов международных отношений.

В приложениях № 1-6 учебного пособия даны схемы, позволяющие слушателям визуально усвоить основные направления методики оценки состояний безопасности, классификационные особенности систем угроз безопасности, виды угрожаемых факторов и звенья механизма обеспечения безопасности.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

1.1. Международный терроризм и современная геополитика

Изучение специфики деятельности современных субъектов мировой политики, их взаимодействия — проблема, имеющая в равной степени научную и практическую обусловленность. Актуальность и истинная мотивация таких разработок — поиск новых принципов глобального управления в условиях транснационализации международных связей. По сути, речь идет о принципах урегулирования глобальных отношений, которые должны быть сконструированы с учетом интересов и возможностей различных акторов мировой политики. Известные западные ученые Дж. Розенау и Е. О. Сземпил сформулировали эту ситуацию как «управление без правительства»⁷.

Вместе с тем, в современной практике мировых связей такие разработки имеют пока проблемную ориентированность в русле научных дискуссий от теорий «вестернизации» развивающихся обществ до концепций сохранения локализованных, в лучшем случае формирования элементов региональных, культур. Попытки же безапелляционных способов «окультуривания» некоторых наций и обществ, передела мира по лекалам, имеющим глобальные измерения, заканчиваются конфликтами и множественными противоречиями социального, этнического, религиозного толка, которые зачастую переходят в русло антагонистического противостояния, вплоть до широкомасштабных военных действий. Босния и Сербия — на Балканах, Россия и Чечня, Россия и Грузия, Северная Осетия и Грузия — на Кавказе, евреи и арабы, с новой волной территориальных и политических противоречий — на Ближнем Востоке, таджикские и афганские национальные и межнациональные этноконфликты — в Центральной Азии, наконец, политические проблемы нового поколения, связанные с расширением географии экстремизма и терроризма — в Киргизии, Азербайджане, Узбекистане и Украине — это далеко не полный перечень вызовов безопасности и горячих точек, отмеченных на современной политической карте только евразийского континента. О тенденциях глобализа-

---

⁷ Governance Without Government: Order and Change in World Politics/ J. N. Rosenau, Y. O. Szempiel (eds). Cambridge: Cambridge University Press. 1992.

ции такого рода проявлений насилия можно судить по масштабам их распространения в мире (Приложение Б). Планета обрела вид вулканизирующего пространства. У жестокого противоборства сегодня появился и новый облик ратников — борцов за веру. Причем знамя веры стало более активно использоваться в политической борьбе за мировое, региональное либо межэтническое лидерство. Популярным и привлекательным образом таких устремлений в широких кругах оппозиции стали люди, организации, способные на крайний радикализм.

Как следствие, в конце XX века распространённым явлением политической жизни мирового сообщества стали политический, религиозно-политический экстремизм и, одна из крайних форм его проявления, международный терроризм. Обостренное процессами трансформации и модернизации в сферах геополитики и глобальной экономики евразийских государств перманентное отражение общественно-политических проблем минувшего столетия на современность еще в большей степени обусловило расширение масштабов этого вида политической агрессии. Преодоление идеологического противостояния между суперимпериями также не сняло с мировой политики причин, толкающих людей на теракты. Смещение же баланса сил в мировой политике в сторону США, сделало возможным появление в глазах остального мира единоправного монстра, чьим методам устрашения можно, по мнению некоторых, противопоставить только адекватные меры или насилие. Об этом свидетельствует и сентябрьская (2001 г.) трагедия в Нью-Йорке и Вашингтоне, которая ознаменовала начало новой эпохи в области международной безопасности. Американский специалист Майкл Н. Шмидт, в этой связи, убежден в том, что сентябрьские (2001 года) события в Америке отличались как в количественном, так и в качественном отношении от предыдущего этапа терроризма и требуют новоценностного рассмотрения и соответствующих методов борьбы. В подтверждение своим выводам о возрастании степени угрозы терроризма миру автор приводит сообщение из пресс-релиза британского правительства, в котором изложены высказывания Усама Бен Ладена (Аль-Каида) о том, что терроризм против американских оккупантов (имеется ввиду оккупация священных мест ислама) является религиозной и естественной обязанностью, а приобретение химического, ядерного и иного оружия в целях организации борьбы — религиозным долгом мусульман⁸. В прошлом, во многих своих проявлениях национальная, ре-

---

⁸ Шмидт Майкл Н. Борьба с терроризмом и применение силы с точки зрения международного права // Публикация № 5 Центра им. Маршалла. 2002. — С. 6-7.

гиональная проблема, ныне терроризм вышел из локальных узкогеографических границ и стал международным феноменом политики. В этой связи, тактика национально-государственного изоляционизма в процессе противостояния такого рода мировой угрозе, как со стороны объектов политического насилия, так и стран-наблюдателей, в лучшем случае приводит к фрагментарным успехам, в худшем — к «вовлечению в круг интересов» террористических организаций новых территорий.

Существуют различные точки зрения на причины, мотивы возникновения и распространения международного терроризма. Их можно сгруппировать по наиболее характерным признакам и особенностям проявлений. Так, первая заключается в том, что исследуемый феномен понимается как следствие негативной реакции субъектов — аутсайдеров мировой политики, не имеющих других возможностей для полноправного участия в геополитических играх новой истории. То есть, идет столкновение двух доминирующих направлений мироразвития — новых институтов глобальных наднациональных структур с традиционалистским сознанием и устоявшейся общественно-политической практикой. Вторая точка зрения построена на анализе американской политики и стратегии в контексте событий на Ближнем Востоке. Двучленная политика Белого дома, выраженная в поддержке жестких режимов некоторых арабских государств и Израиля, явилась постоянным импульсатором противодействия со стороны таких исламизированных обществ как Иран, Ирак, Палестина и т. д., групп, устоявшихся в восточном регионе на основе приверженности культурному традиционализму, западной элите. По убеждению сторонников такого восприятия рассматриваемого явления террор и явился в данном случае методом сопротивления формам глобализации международных связей. В частности, сквозь призму отмеченных направлений, а, соответственно, и антиамериканскими, антизападническими акцентами в определении мотивации экстремистско-террористической деятельности исследуют феномен такие эксперты как Г. И. Мирский, В. Иноземцев, А. С. Панарин^{9:10:11}. В целях осуществления сравнительного анализа имеющихся заключений с авторскими выводами, изложенными в настоящем пособии, а так же расширения знаний по изучаемой проблеме слушателям рекомендуется ознакомиться с основными положениями указанных трудов.

---

⁹ *Мирский Г. И.* Дракон встаёт на дыбы (о международном терроризме) // *Мировая экономика и мировые отношения.* — 2002. — № 3. — С. 40-45.

¹⁰ *Иноземцев В.* Глобализация по-американски как альтернатива вестернизации // *Космополис.* Зима. — 2003/2004. — № 4. — С. 46.

¹¹ *Панарин А. С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. — М., 2003.

Вместе с тем, при всем разнообразии существующих причинно-мотивационных интерпретаций явления обусловленность международного терроризма от тенденций развития глобализационных процессов современности очевидна. Она прослеживается в том, что «новый терроризм» мобильно адаптируется к транснациональному характеру развития коммуникационно-информационных технологий, трансформационной специфике формирования геополитических схем современного мира.

Сегодня терроризм изменяет свою мотивационную основу и все чаще становится своего рода средством убеждения в руках отдельных групп, частных лиц. Террористический арсенал основных акторов преступного деяния систематически обновляется новейшими технологиями современности, «арендованными» у государств — спонсоров международного терроризма или изъятыми из официального оборота нелегальными путями. В этой связи, разнообразнее стали и формы экстремистско-террористической деятельности: от примитивной партизанщины и взрывов, до атак в киберпространстве, информационных войн и манипуляций, угроз применения бактериологического и ядерного оружия. В результате наблюдается резкое увеличение жертв такого рода терактов, массовость объектного воздействия террористов — от убитых и покалеченных (в терактах и операциях противодействия спецслужб) до формирования на уровне психологического состояния у населения социофобного рефлекса страха. Последний аспект анализируется в 4-ой главе настоящего пособия (в контексте результатов соответствующих социологических исследований) как фактор приоритетности формирования у населения, в частности Казахстана, ценностных установок концепции безопасности.

Современные террористические акции в сравнении с аналогичными единичными проявлениями политической агрессии в конце XIX и первой половине XX вв. отличаются серийностью в течении длительного времени. В этой связи, с учетом, отмеченных выше, специфики и характера явления, необходимо выделить следующие его особенности, которые, в основном, и определяют трудоемкость процесса организации антитеррора:

- скрытность направления теракта и неизвестность объекта нападения;
- возможности террористов на расстоянии управлять операцией или самим актом насилия (взрыв, адресное направление бактериологической посылки, кибератака на компьютерную сеть и т. д.);
- фанатичная самозабвенность акторов насилия;
- глубокая конспирация личностей террористов и их месторасположения до операции;

О существенных изменениях в характере современных проявлений феномена, возросшей, в связи с этим, глобальной опасности традиционным институтам мировой политики и суверенитету национальной государственности свидетельствует адекватная реакция мирового сообщества. Так, США, начиная с 2001 года, практически находятся на военном положении. Это выражено в политике американской администрации последних лет (кампании по мобилизации резервистов в вооруженные силы, объявлению чрезвычайных ситуаций и т. д.). Соединённое королевство (Великобритания) все крупные политические мероприятия связывает с обсуждением проблем борьбы с международным терроризмом (парламентские заседания последних 3-х лет, выступления по телевидению Т. Блэра и других английских политиков по вопросу антитеррористического противодействия). ОАЭ и Саудовская Аравия прекратили дипломатические отношения с Талибаном и заявили о своей готовности сотрудничать с мировым сообществом в отрасли обеспечения региональной безопасности, Австралия в соответствии со ст. 4 Тихоокеанского пакта безопасности (АНЗЮС) выразила готовность развернуть свои вооруженные силы в целях противодействия глобальным проявлениям терроризма. Япония и Корея предложили материально-техническую поддержку антитеррористических кампаний международного сообщества и т. д.

Акции международного терроризма имеют политический характер. На этом важном аспекте явления неоднократно акцентировалось внимание международного сообщества, особенно в период формирования «нового» терроризма. Так, в итоговом (1972 г.) документе III Международного симпозиума по международному терроризму и политическим преступлениям указывается на политический характер всех акций международного терроризма, затрагивающих международные отношения или направленных против объекта, находящегося под международной защитой. В комментариях к определению подчеркивается, что целью террористического акта, осуществляющегося силой, является изменение или сохранение политической, социальной, экономической структур, политики государства, изменение или сохранение правового статуса территории. Коренными же причинами явления в докладе Специального комитета по международному терроризму (1979 г.) называются неокOLONиализм, расизм, политическая агрессия, иностранная оккупация и их последствия, несправедливость, неравенство, эксплуатация, угнетение. И лишь устранение этих причин будет содействовать ликвидации международного терроризма¹². В Шан-

---

¹² Всеобъемлющая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы. Справочник. — М., 1990. — С. 173-176.

хайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятой 15 июня 2001 года, дана, в этой связи, современная характеристика экстремистско — террористической угрозы, которая представляет из себя серьезную опасность для международного мира, развития дружественных отношений между государствами, а также осуществления основных прав и свобод человека, территориальной целостности и безопасности государств, их политической, экономической и социальной стабильности. В исторической ретроспективе общий акцент в интерпретации объекта и мотиваций угрозы сохранился.

Политический аспект феномена и определил особенности его развития, а также глобализации в современном периоде. В связи с этим, тенденции распространения экстремистско-террористической деятельности сегодня отличаются тем, что современный терроризм:

- ищет контакты с официальными структурами власти в условиях гласного обсуждения выдвигаемых требований, намереваясь тем самым спровоцировать последних самым фактом официального общения, а, следовательно, и формального признания в глазах мировой общественности в качестве субъекта международного права. В этой связи, страны антитеррористической коалиции встали перед антиномией позиционности: уступить и пойти на такую связь — значит признать субъектно-правовую дееспособность террористов, не уступить — означает усиление конфронтации, а значит и потенциальной опасности новых жертв;

- в большей степени стал использовать практику сокрытия, присущую криминальным структурам. То есть, если ранее террористические организации в обязательном порядке подтверждали «авторство» своих акций, то сегодня увеличение количества анонимных терактов свидетельствует о стремлении террористов создать благоприятные условия для распространения слухов и предположений, что усиливает устрашающее воздействие таких деяний на общественное сознание, вызывая нередко ответную реакцию протеста населения, но уже в адрес собственного правительства за его бездействие или неумение контролировать ситуацию в стране. Это на руку экстремистско-террористическим организациям и отвечает их целям манипулирования массовым сознанием и расширения социальной базы своей деятельности;

- активнее стал использовать конфликтный потенциал современных трансформационных обществ евразийского континента, что и обусловило во многом фактор его глобализации в современности, а также определило деизоляционистскую внутреннюю специфику развития структурных компонентов явления. Об этом свидетельствуют количественные показатели — сегодня в мире насчитывается более 900 нелегальных террористических

организаций, большинство из которых имеют полирегиональную дислокацию, то есть их отличает сетевое расположение на территориях различных государств. По отдельным же данным в более чем 70-ти странах мира насчитывается свыше тысячи таких групп и организаций¹³. Увеличение их численности сопровождается возрастающей технической оснащённостью. Использование современных технологий, средств связи, интернета, множительной техники становится характерным элементом тактики экстремистско-террористических организаций. Анализ деятельности такого рода группировок в Центрально-азиатском регионе показывает, что происходит их активное взаимодействие, а нередко и сращивание с этнической организованной преступностью. Более того, как свидетельствуют факты, наблюдается эскалация экстремистско-террористической деятельности радикальных группировок в ранее «тихий» зонах угрозы. Расширяется социальная база явления вплоть до поддержки экстремистско-террористических организаций целыми государствами.

Особенностью современного экстремизма и терроризма является то, что сфера действий террористов не ограничивается территорией суши, а распространяется на водные и воздушные пространства. Тем самым, систематической экстремистско-террористической угрозе подвергается мореходство, воздухоплавание, практически все связи между континентами мира. Перспективным направлением развития глобального терроризма является и космос.

Постиндустриальная эпоха форсирует развитие и информационного фактора, не признающего национальных границ и суверенитетов, обладающего мобильным и мощным потенциалом преобразования сознания людей.

Сегодня угрозы экстремистско-террористического характера оперативно трансформируются в военные противостояния, но более ограниченного масштаба интенсивности, а сам терроризм из средства устрашения и принуждения — самоцель культивирующих его субъектов. Именно этот аспект и стал решающим в формировании у мирового сообщества единого мнения о том, что действенность борьбы с терроризмом сегодня зависит не только от мер, которые принимаются на уровне государственных специальных органов или системы правоохраны, но и прежде всего многостороннего международного сотрудничества, а также структурирования политико-идеологических компонентов национальной безопасности на уровне формирования национальной идеологии, как фактора политиче-

---

¹³ *Гушер А. И.* Проблема терроризма на рубеже третьего тысячелетия новой эры человечества. – [http = www. e – journal. ru / p _ euro – st3 – 3. html](http://www.e-journal.ru/p_euro-st3-3.html). — С. 17-47.

ской стабильности, урегулирования отношений между государством и СМИ, в части, касающейся введения цензурной практики.

В числе острых проблем современности, связанных с терроризмом и экстремизмом, особого внимания требуют сферы торговли людьми и финансовой поддержки экстремистско-террористической деятельности. Как отмечалось на IV Координационном совещании органов СНГ, осуществляющих сотрудничество в борьбе с преступностью (май 2007 г.) «Отлаженная система финансирования террористической деятельности, как правило, из средств, полученных преступным путем и легализованных с использованием международных криминальных схем, позволяет сделать исполнение терактов прибыльным бизнесом для их заказчиков и способом решения материальных проблем для исполнителей. В качестве же каналов финансирования терроризма в ряде случаев используются общественные организации и движения, благотворительные и социальные программы, которые зачастую вовлекают в террористическую деятельность новых людей»¹⁴.

Особого рода моральной и финансовой поддержки терроризма является «диаспорно-религиозный» контакт, то есть, на территориях отдельных государств (преимущественно развитых) дислоцируются многочисленные диаспоры или религиозно-этнические общины, неудовлетворенность которых своим «иностранным» существованием нередко выливается в крупные акции поддержки соотечественников, ведущих экстремистско-террористическую борьбу за собственные идеалы на территориях других государств.

Террористические акции, затрагивающие отношения между государствами, по своей сути, имеют разнообразный характер. Объектами угрозы экстремистов и террористов могут быть государства, союзные объединения, организации, этнические группы (этнический терроризм), отдельные личности от государственных, политических деятелей до рядовых граждан. При этом, границы признания терроризмом актов агрессии не должны ограничиваться только действиями непосредственных исполнителей. В качестве субъекта террористического акта следует рассматривать и деяния по предоставлению убежища террористам. Так, еще в международной Конвенции (1933 г.) об определении агрессии было предусмотрено положение, где актом насильственных деяний, агрессии признается и поддержка, оказанная государством «... вооруженным бандам, которые будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого Государства, или отказ, несмотря на требование Государства, подверг-

---

¹⁴ Вызовам и угрозам безопасности ответим сообща // На страже. 2007. 3 мая.

шегося вторжению, принять на своей собственной территории все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства»¹⁵. Тем самым, в настоящем документе государство-покровитель, даже в относительно пассивном своем проявлении, объявляется субъектом деяния терроризма. Ввиду заключения настоящего договора на основе доклада на Конференции по сокращению и ограничению вооружений, понятийное определение рассматриваемой категории ограничивается рамками одной конвенционной статьи, обусловленной конкретной ситуацией. Однако, это не умаляет ее значимости в определении квалификационных характеристик такого рода международных преступлений, имеющих политический мотив.

Ущерб, наносимый мировому сообществу терактами нельзя переоценить. Они крайне осложняют межгосударственное сотрудничество, препятствуют демократизации отношений между народами, затрудняют дипломатическое урегулирование внутренних и межнациональных конфликтов. Эта угроза безопасности и стабильности мира за последние тридцать лет неизмеримо возросла и потери современной международной политики могут привести к необратимым процессам, вплоть до региональных или, в худшем случае, глобальных континентальных войн. Еще в 70-е годы минувшего столетия исследователь проблемы Г. И. Тункин справедливо определил тенденцию рассматриваемого явления в общем русле развития мирового сообщества. Разрабатывая вопросы международного права он отмечал, что «...категория международных преступлений имеют тенденцию к расширению»¹⁶. И, сегодня факт глобализации явления терроризма и превращения его в современный феномен международных политических отношений, очевиден. Не случайно и Президент Республики Казахстан среди четырех пороков современного общества наряду с коррупцией, наркобизнесом, организованной преступностью особо выделяет и терроризм.

В связи с изложенным, очевидным фактом современного состояния исследуемой проблемы является отсутствие методологических основ антитеррористической деятельности, что существенно ослабляет акценты точечного воздействия на очаги распространения явления. Определение основных приоритетов методологии противодействия экстремизму и терроризму является, на наш взгляд, важнейшим условием любого исследо-

---

¹⁵ Международное право в избранных документах. — М.: Изд-во ИМО, 1957. — Т. 3. Конвенция об определении агрессии. — С. 6.

¹⁶ Тункин Г. И. Теория международного права. — М., 1970. — С. 477.

вательского поиска по избранной тематике. Это направление стало предметом анализа в соответствующей части и настоящего пособия.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какие геополитические особенности развития современной цивилизации и факты из правовой статистики свидетельствуют о глобализации экстремистско-террористического явления в мире?
2. Характерные особенности распространения экстремизма и терроризма на современном этапе развития мировой цивилизации?
3. Причины и мотивы формирования, распространения экстремизма и терроризма в мире? Мнения экспертов, занимающихся данной проблемой?
4. Какие особенности характерны современной стратегии и тактике экстремистско-террористической деятельности? В чем заключается суть целевых установок новой тактики субъектов мирового терроризма?
5. Чем отличаются современные террористические акции от аналогичных актов политического насилия и агрессии XIX, первой половины XX столетий?
6. Какие меры антитеррористического противодействия мирового сообщества свидетельствуют о формировании в современном мире нового вида угрозы миру и цивилизации, имеющего политический характер?
7. В каких правовых актах международного значения политический характер транснационального терроризма нашел свое нормативное закрепление?

1.2. Международная деятельность в сфере борьбы с терроризмом

На протяжении всей практики международных отношений, проявляясь в различных формах классического антипода мирного решения политических проблем, терроризм и сегодня не имеет единой, комплексно разработанной методологии противодействия, а также универсального научного понятийного аппарата. Интенсивная работа в этом направлении, в большей степени, велась в ходе заключений ряда международных конвенции и соглашений, разработки проектов, направленных на борьбу с террористическими актами, начиная с 30-х годов минувшего столетия. Процесс выявления наиболее важных составляющих особенностей таких преступлений, имеющих международный характер и чёткая формулировка их в до-

кументах межгосударственных соглашений крайне сложен по систематизации определений и требует длительной как дипломатической, так и исследовательской работы. Причины такой проблематичности объяснения феномена терроризма, кроются в противоречивости, а, соответственно, и сложности криминогенных условий, в которых совершаются такого рода деяния, нетипичности средств и способов борьбы с ними, неоднородности составов преступлений относительно совершаемых террористических актов. В связи с изложенным, об исследовательской практике теоретических разработок рассматриваемой категории можно судить по характерным особенностям международной нормативно-правовой деятельности в сфере противодействия экстремистско-террористической угрозе. В исторической ретроспективе, ориентируясь на фактор активизации международного нормотворческого процесса, ее можно разделить на несколько этапов.

Первый этап теоретико-концептуальной разработки явления терроризма на уровне международных организаций и признания его, как угрозы транснационального характера, охватывает 30-е и 60-е годы XX века. Причины, побудившие мировое сообщество в полной мере признать экстремизм и терроризм как международный феномен современности, соотносились тогда, в большей мере, с политическими событиями соответствующего исторического периода. Это — борьба с неокOLONИализмом, национально-освободительные движения, идеологические войны за мировое господство, переходящие в русло глобального военного противостояния. Поэтому, концептуальные разработки нередко основывались на идеологических и экономических приоритетах субъектов международного права. Вместе с тем, в процессе формирования общепринятых норм оценки международного терроризма этот период является одним из плодотворных. Особый интерес, в этой связи, представляют международные конвенции, договоры и соглашения, подготовленные в 40-50-е годы минувшего столетия и направленные на борьбу с преступлениями международного характера, в том числе, связанными с террористическими актами.

Так, Конвенция (1948 г.) о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него занимает, по нашему мнению, важное место в разработке определения терроризма в желаемом русле исследования проблемы. В нём, пожалуй, впервые в качестве объекта терроризма признаны нормы международных отношений и международного права, что позволило квалифицировать проявления терроризма не только с правовой точки зрения, как общеуголовные преступления, а в большей степени как политические

акции¹⁷. Факт признания терроризма как угрозы международной безопасности так же позволил формировать соответствующую реакцию мирового сообщества по поводу вынужденно-насильственных действий, которые предпринимаются в ходе национально-освободительной борьбы.

В комплексе мер по пресечению актов международного терроризма следует выделить и Соглашение, принятое комиссией международного права в 1954 году (далее проект Кодекса преступлений). Составители проекта справедливо уделили главное внимание объекту международного терроризма, в качестве которого в документе признаются мир и безопасность всего человечества, международные отношения. По нашему мнению, факт столь четкой и верной ориентации в проекте Кодекса преступления на межгосударственный правопорядок и международные отношения является наиболее важным при решении проблем противодействия террористическим актам, выборе адекватных мер, способов борьбы с ними и, в целом, при оценке политической и юридической сущности данной категории международных преступлений¹⁸.

Второй этап успешной международной договорной практики по исследуемой проблеме охватывает конец 60-х и 70-е годы XX века. Этому историческому периоду характерны и несколько иные особенности международного терроризма. Это и увеличение числа террористических акции против лиц, имеющих дипломатический иммунитет, угон самолётов, нападения на представителей иностранных фирм, предприятий и т. д. Например, только с 1968 по 1972 годы было совершено террористических актов, объектами которых являлись «... 46 международно защищаемых лиц (из них 16 были убиты), аэропорты: нападение на олимпийских спортсменов в Мюнхене (1972 г.), угон самолетов (311 случаев), волна писем-бомб, нападения на представителей иностранных предприятий (апрель 1971 г. — 2 случая в Аргентине)»¹⁹. В этой связи, понятие «международный терроризм» стало толковаться в более широком значении. Так, в Дипломатическом словаре 1973 года в разряд рассматриваемого явления помимо убийств или иных посягательств на Глав государств, глав или членов правительств, дипломатических представителей и других должностных лиц государства, организованных иностранными кругами в целях оказания влияния на внутреннюю и внешнюю политику других госу-

---

¹⁷ Международное право в документах / Сост. Блатова Н. Т. — М., 1982. — С. 366.

¹⁸ Международное право в избранных документах / Сост. Моджорян и др. — М., 1957. Изд-во ИМО. — Т. 1. — С. 406.

¹⁹ АЖЛ, vol. 67, 1973. No 5. — P. 87.

дарств, провокации международных осложнений и (или) войны включены и такие действия как угон гражданских самолётов за границу под угрозой или в результате применения оружия, похищения иностранных дипломатов²⁰.

Обострение международной криминогенной обстановки способствовало тому, что только в период с 1971 по 1979 гг. было заключено 8 международных конвенции, в которых содержится определение международного терроризма²¹. В этот перечень не включены итоговые справки различных структур ООН, делавших попытки политико-правовой разработки понятия данного явления (Генеральная Ассамблея на 27 и 30 сессиях, секретариат, специальный комитет...). Как показывает анализ дефиниций (определений), сформулированных в большинстве из указанных международных конвенций, принятых в 70-е годы XX века, в основном дипломаты и учёные сходились во мнении о том, что международный терроризм — это политическая акция, направленная на обострение международных отношений и нарушение международного правопорядка. В официальные международные организации поступали и проекты, в которых содержались предложения о более расширенном определении явления, включающем элементы обобщения с акциями общеуголовного характера. Например, предлагаемые формулировки понятия охватывали и случаи совершения преступных деяний физическим лицом (группой) против конкретного предмета внутригосударственных международных отношений²². В данном случае, на наш взгляд, такого рода толкование понятия затрудняет процесс определения субъекта и объекта международного преступления, его социально-политического характера в конкретно взятой ситуации. Определённого рода проблемы при такой формулировке понятия могут возникнуть и при квалификации вынужденно-насильственных действий, которые предпринимаются в ходе национально-освободительных движений. Вместе с тем, каждое из существующих мнений (выделение политических

---

²⁰ Курс международного права. — М., 1974. — 562.

²¹ Конвенция о предупреждении и наказании актов терроризма, принятая в 1971 г. Организацией американских государств, ст. 2; Конвенция ООН 1973 года, одобренная на 28-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН ст.1,2; Гагская (1970 г.) и Монреальская (1971 г.) Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации; Европейская (1976 г.) конвенция о борьбе с терроризмом, ст. 1, 2; Проект (1972 г.) конвенции США, представленный в ООН, ст. 1; Конвенция (1979 г.) о борьбе с захватом заложников, одобренная на 36-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

²² ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. XXXI сессия, доп. № 39 (A/32/39). — V. 1977. — P. 124-129.

или общеуголовных характеристик) имеет объективное право на существование, если сформулировано в документе с учетом того, что особо эффективной мерой для уголовного преследования террористов является их выдача стороной, на территории которой пребывает в данный момент преступник. В этой связи, критерием действенности избирается принцип наказания. «Деление преступления на политические и общеуголовные проводятся для решения вопроса о предоставлении убежища или об отказе в нём,... », справедливо утверждает российский исследователь Л. А. Моджорян²³. Наглядный пример такого подхода к решению проблемы прослеживается в содержании Европейской конвенции о пресечении терроризма (Страсбург, 27 января 1977 г.). Так, в ст. 1 Конвенции оговаривается перечень преступлений, при совершении которых, для целей выдачи между Договаривающимися Государствами не рассматриваются их политические характеристики или мотивы, а в ст. 2 определены возможности Договаривающихся Государств в процессе решения вопроса, то есть каждая из сторон для целей выдачи преступника может постановить не рассматривать политические мотивы или политический характер такого рода тяжкого преступления²⁴.

Третий этап разработки исследуемой проблемы охватывает середину 80-х — начало 90-х годов минувшего столетия. Этому периоду характерны новые тенденции, которые нашли в работах английских ученых отличительное название «новый терроризм»²⁵.

В чем же особенности «нового терроризма»? Выделяются следующие из них: систематический характер, разнообразие объектов нападения, неизбирательное действие, координация деятельности террористических организаций нескольких государств, безнаказанность террористов, угроза атомной катастрофы²⁶. Исследователи проблемы, учитывая эти новые тенденции распространения явления, непростые условия развития международных отношений, пришли к единому мнению о необходимости установления общепризнанного определения международного терроризма, что нашло отражение в резолюции 42-й сессии Генеральной Ассамблеи

---

²³ Моджорян Л. А. К вопросу о сотрудничестве государств в борьбе с международным терроризмом // Советское государство и право. — 1990. — № 3. — С. 122.

²⁴ Международные акты о правах человека: Сбор. документов./ Составители и авторы В. А. Картошкин, Е. А. Лукашева. — М., 2000. — С. 603.

²⁵ The New Terrorism/ Ed. Gutteridge W. — London, 1986. — 341 p.

²⁶ Моджорян Л. А. К вопросу о сотрудничестве государств в борьбе с международным терроризмом // Советское государство и право. — 1990. — № 3. — С. 116-120.

ООН (декабрь 1987 г.). В этом же году Генеральная Ассамблея приняла резолюцию, в которой содержались предложения — рекомендации по борьбе с международным терроризмом. Они включили пять направлений деятельности. Это — предотвращение подготовительной и организационной деятельности, имеющей цель совершения терактов на этих территориях или за их пределами, направленных против других государств и их граждан; обеспечение задержания и судебное преследование или выдача террористов; стремление к заключению двухсторонних, региональных и международных соглашений; обмен оперативной и другой информацией относительно предотвращения терроризма; приведение законодательства государств — участников соглашения в соответствие с принятыми конвенциями по предотвращению терроризма²⁷. Данные предложения легли в основу последующих международных соглашений. Так, п.п. 8,9,10 итогового документа Венской встречи государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Вена, 15 января 1989 г.), подтверждают обязательства государств относительно вышеуказанных рекомендаций в сфере борьбы с международным терроризмом²⁸. Настоящие договоренности разработаны на принципах, выработанных Генеральной Ассамблеей ООН в 1987 году, о которых шла речь выше.

Вместе с тем, попытки дипломатов и учёных выработать универсальную формулировку понятия оказались безрезультатными. Более того, в ходе 42 сессии Генеральной Ассамблеи ООН под сомнение была поставлена сама возможность выработки общепризнанного определения понятия. Своё отрицательное отношение к таким попыткам некоторые дипломаты объясняли отсутствием отличий между терроризмом и национально-освободительной борьбой. Несомненно то, что эти объяснения в большей степени были тогда продиктованы идеологическими соображениями сторон - участников, а не возможностями научных методик исследования.

Пути разработки способов борьбы с терроризмом привели во второй половине восьмидесятых годов минувшего столетия к созданию общества «СССР — США: совместный ответ терроризму» (январь 1989 года). В результате двух встреч (Москва — январь 1989 г., Лос-Анджелес-сентябрь 1989 г.) стороны договорились способствовать друг другу в обмене ультрасовременной технологией для обнаружения взрывчатых веществ, выдаче террористов, обмене информацией и воспрепятствовании возможному использованию террористами средств массового уничтожения. Одна-

---

²⁷ Там же. — С. 124.

²⁸ Международные акты о правах человека: Сбор. документов./ Составители и авторы В. А. Картошкин, Е. А. Лукашева. — М., 2000. — С. 649.

ко, результаты этих встреч не внесли ясности в методологию антитеррористической борьбы о чем свидетельствует и высказывание одного из участников второй встречи генерал-лейтенанта КГБ в отставке Ф. Щербак, который после заключения соответствующих договорённостей вновь акцентировал внимание на необходимости выработки согласованного определения терроризма, едином понимании того, кто несёт ответственность, за что и как наказывается²⁹.

Итак, рассматриваемый период оказался наименее плодотворным в вопросе выработки методологии борьбы с «новым терроризмом», в связи с чем, и предложенные разнообразные способы, формы локализации явления не привели к желаемым результатам. Об этом свидетельствуют и факты количественного роста проявлений терроризма: 1988 году от рук террористов погибли 685 человек и 1131 — получили ранения, возникла угроза использования террористами атомного оружия, утвердился транснациональный характер терроризма³⁰. Более того, террористические организации стали координировать свою деятельность на международном уровне, а актив их преступных деяний пополнился новым способом устрашения — биотерроризмом. Тенденция координации усилий терроризма на международном уровне, как типичная характеристика современного проявления феномена, берет начало именно с 1970-х годов. Английский исследователь П. Уилькинсон утверждал о возникновении даже лиги международного терроризма, в системе которых террористы различных стран якобы координируют свою деятельность³¹.

Четвёртый этап актуализации проблемы борьбы с международным терроризмом приходится на рубеж XX и XXI в.в. и охватывает последние 15-20 лет. Связан он, прежде всего, с усилением тенденций, проявившихся в 70-80-х годах минувшего столетия. Это период интенсивной политической трансформации евразийского пространства и начала интеграционных (Западная Европа) и дезинтеграционных (Восточная Европа и азиатский регион) процессов, придавших импульс активизации на международном уровне транснациональных (Евросоюз) блоков государств и самостоятельных субъектов международного права из числа бывших Восточно-европейских государств и союзных республик. Изменение геополитической ситуации в Европе и Азии ослабило обороноспособность некото-

---

²⁹ Сидорова Г. *Профессионалы за работой*. КГБ и ЦРУ: совместный ответ терроризму — Новое время, — 1989. — № 43. — С. 38-39.

³⁰ Моджорян Л. А. К вопросу о сотрудничестве государств в борьбе с международным терроризмом // Советское государство и право. — 1990. — №3. — С. 117.

³¹ Wilkinson P. *Terrorism and the Liberal State*. 1985. — P. 215.

рых бывших членов союзной империи. Данное обстоятельство и явилось одним из тех факторов, которые благоприятствовали глобализации международного терроризма и его превращения в интернациональный феномен современности. В этих условиях требовалось объединение усилий международного сообщества на уровне новоценностного восприятия исходящей глобальной угрозы. 15 мая 1992 года главы шести государств — Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана заключили многосторонний Договор о коллективной безопасности (ДКБ). Приоритетными направлениями, согласно документу, были определены: создание региональных коллективных сил безопасности; оказание противодействия таким новым угрозам и вызовам, как международный терроризм, сепаратизм, религиозный экстремизм и контрабанда наркотиков; информационная и консультативная деятельность. Вместе с тем, изложенные приоритеты совместной борьбы с такого рода международными преступлениями признаны актуальными только в начале 2000 года на майской сессии коллективной безопасности, которая состоялась в Минске. По итогам совместной работы было принято решение о создании региональных систем безопасности, которые поэтапно станут составляющими частями общей системы коллективной безопасности на всем пространстве участников Договора о коллективной безопасности³². Определяя специфику четвертого этапа (большей частью относительно безопасности Казахстана) в основном по характерным особенностям формирования постсоветского пространства, новоценностным отношениям между бывшими союзными республиками, но новыми субъектами международного права, следует отметить, что дезинтеграционные политические процессы по аналогии обусловили и процесс восприятия новыми суверенами экстремистско-террористической угрозы, что, безусловно, определило ориентиры их участия и в концептуально-теоретической разработке явления терроризма на международном уровне. Наиболее яркие факты такого «участия» приведены в соответствующей части учебного пособия на примерах взаимоотношения новых евразийских государств — Грузии и России.

Тем не менее, эффективными, на данном этапе международной анти-террористической деятельности, мерами в образовании евразийской системы безопасности от экстремистско-террористических угроз современности, следует признать создание региональных структур защиты, среди которых особая роль принадлежит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Совещанию по взаимным мерам доверия в Азии (СВМДА).

---

³² *Афанасьев Н. Н.* Международные конвенции по борьбе с терроризмом // Закон и право, — 2001. — № 5. — С. 7.

Так, в Конвенции о борьбе с терроризмом ШОС международный терроризм признан угрозой для общества, суверенитета государства и международных отношений. Это подтвердило политическую мотивацию явления, признанную, исходя из реалиев уже современного мира. Основываясь этих положениях страны — участники конвенционного соглашения, в том числе Казахстан, пришли к единому мнению о необходимости формирования целостной концепции противодействия террористическим проявлениям на геополитическом уровне. В рамках же Совещания по мерам взаимного доверия в Азии ряд консультативных встреч, инициированных казахстанской стороной, позволили снять напряжение в отношениях между Индией и Пакистаном, выработать методологические ориентиры современной антитеррористической пропаганды. Отдельные рекомендательные меры легли в основу международных договоренностей по проблемам экологической и международной региональной безопасности.

Признавая огромный вклад дипломатов и учёных в разработку общих принципов борьбы с терроризмом на уровне подготовки международных документов, следует, тем не менее, отметить, что не достигнуты адекватные результаты в поиске дефиниции понятия. Одна из причин тому, на наш взгляд, использование отдельными государствами международного терроризма в качестве средства для достижения имперских целей или противодействия процессу глобализации. Новое время требует современных подходов к решению проблемы борьбы с терроризмом. Наибольшего эффекта в этой борьбе можно достигнуть только при условии комплексной выработки общепризнанных критериев антитеррористической деятельности, а также универсализации подходов в определении и классификации такого рода угроз мировой безопасности.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какие особенности и мотивации характерны первому этапу международной антитеррористической деятельности? Нормативно-правовые акты (договоренности, конвенции и т. д.) по изучаемой проблеме данного периода?
2. Историческая и политическая обусловленность второго этапа противодействия мирового сообщества экстремизму и терроризму? Какие международные нормативно-правовые акты, документы позволяют наиболее наглядно представить антитеррористическую практику стран мира в данный период истории?
3. Какие особенности и мотивации характерны третьему этапу борьбы с экстремизмом и терроризмом на международном уровне? Основные

нормативно-правовые документы (договоренности, конвенции и т. д.) данного времени?

4. В чем заключается суть «нового терроризма»? Пять рекомендованных направлений антитеррористической деятельности, изложенных в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН на 42 сессии ГА ООН в декабре 1987 года?

5. Особенности четвертого этапа актуализации на мировой политической арене проблемы борьбы с международным терроризмом?

1.3. К вопросу об определениях терроризма, религиозного и политического экстремизма

Ни один вид преступления против личности, общества, человечества в целом, за исключением военной агрессии, не имеет в современности столь устрашающей динамики распространения, столь сложной психо-функциональной (деятельностной) структуры формирования акта преступного деяния, как экстремизм и терроризм. Как феномен человеческой цивилизации данное явление не случайно спровоцировало появление целого направления в теории науки — террологии, на практике — институциональное оформление антитеррористического противодействия как на государственном, так и на международном уровнях (специализированные отраслевые органы борьбы с терроризмом в странах — США, Израиле, России, Англии, Казахстане..., регионах — Европе, СНГ, Центральной Азии, ...).

Вместе с тем, организация борьбы с экстремизмом и терроризмом, со всеми присущими ей, на современном этапе, характерными признаками массовости, без четкого определения объекта противодействия не может вестись в русле необходимых целевых ориентиров. В этой связи, выработка на государственном уровне единой, эффективной политики защиты личности, общества и государства от террористических актов должна начинаться с разработки основных понятийных характеристик терроризма, как социально-политического и социально-правового явления. Соответственно, программы организационного и непосредственно антитеррористического (обеспечивающего) характера должны строиться с целью исключения беспредметной ориентации противодействия, на конкретных дефинициях рассматриваемого феномена.

Мнения большинства исследователей явления сходны и подтверждают, во-первых, низкий уровень разработанности понятийных характери-

стик явления, во-вторых, необходимость выработки теоретико-концептуальных дефиниций феномена с целью определения предмета противодействия и его места в целостной системе общих задач борьбы с преступлениями международного характера. Так, российский учёный О. В. Будницкий справедливо отмечает, что историческая литература пока не выработала единого определения понятий «террор» и «терроризм» и в ней эти термины используются для обозначения явлений разного порядка, схожих друг с другом в одном — применении насилия по отношению к отдельным личностям, общественным группам и даже классам³³. Галахов С.С., применительно к российской действительности, также утверждает, что «Разработка эффективной концепции противодействия терроризму, выработка на ее основе государственной политики, системы мер по противодействию терроризму, а также совершенствование антитеррористического законодательства невозможны без изучения данного явления в ретроспективе»³⁴. Е. П. Кожушко, рассматривая основные направления современного терроризма, акцентирует внимание на актуальности теоретического анализа их фундаментальных основ, разработки проблем о сущности, методах и мотивах, порождающих такого рода глобальные угрозы современности³⁵.

Терроризм, как социально-политическое явление имеет свои исторические корни, характеризующие его природу. Генезис явления свидетельствует о его существенной трансформации, изменениях форм проявления и идеологической основы. Современный терроризм сблизился по классификационным признакам с другими видами социальной агрессии, вооруженной борьбы, военных конфликтов, организованной преступности и т. д. В этой связи, трудоемкий процесс научно-исследовательских попыток по формулировке универсального определения феномена породил только в западной науке свыше ста его дефиниций³⁶. При классификации основных направлений рассматриваемое явление подразделяется на разновидности, имеющие свои характерные признаки и формы проявления. Исследование терроризма было обусловлено и требованиями четкого

---

³³ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 5.

³⁴ Галахов С. С. Криминальные взрывы: основы оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступлениями террористического характера. — М., 2002. — С. 7.

³⁵ Кожушко Е. Современный терроризм: анализ основных направлений / под общей редакцией Тараса А. Е. — Мн.: Харвест, 2000. — С. 5-7.

³⁶ Schmid A. P. Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bass and Literature. — New Brunswick, 1983. — P. 88.

определения его конфликтогенной сущности. Вместе с тем, изучение данного феномена современности в обозначенных контурах невозможно было и без раскрытия функциональной сущности самого понятия. Одна из причин такой многоплановости в толковании феномена заключается в том, что он содержит наряду с правовыми и политическими характеристиками также и психологические, культурно-исторические особенности развития. Как отмечают, в этой связи, российские эксперты А. В. Змеевский и В. Е. Тарабрин, терроризм — явление сложное, динамичное и многоплановое. Помимо правовых он затрагивает и целый ряд других проблем — психологических, исторических, технологических и т. д. Здесь присутствуют и противозаконное насилие, как правило, с применением оружия, и стремление запугать широкие слои населения³⁷.

Многие исследователи в связи с тем, что исследуемый объект крайне сложно поддается универсальной формулировке, дают ему описательную трактовку. Например, Б. Дженкинс, при разработке понятия акцентирует внимание на том, что терроризм определяется в зависимости от характера акции, а не от личности исполнителя или сути дела, за которое он борется. Все террористические акции сопряжены с применением насилия или угрозой насилия, часто это сопровождается выдвиганием конкретных требований. Насилие направлено в основном против гражданских объектов. Мотивы имеют политический характер. Акции совершаются так, чтобы привлечь максимум общественного внимания. Исполнителями являются, как правило, члены организованных групп, которые в отличие от других преступников берут на себя ответственность за совершаемые акции. И, наконец, сама акция призвана оказать воздействие, выходящее за рамки причинения непосредственного физического ущерба³⁸.

В связи с изложенным, следовало бы обратить особое внимание на разграничение часто используемых (порой не по назначению) смежных терминов. После террористических актов в Нью-Йорке, 11 сентября 2001 года, Центр стратегического анализа и прогноза России провел опрос среди москвичей. Основная масса респондентов на вопрос о смысловом обозначении слова «терроризм» ответила, что это террористический акт или преступление, варварство. По данным аналогичного опроса фонда «Общественное мнение» международные террористы — это «бандиты»,

---

³⁷ *Змеевский А. В., Тарабрин В. Е.* Терроризм. Нужны скоординированные усилия международного сообщества // *Международная жизнь.* — 1996. — № 4. — С. 14.

³⁸ *Jenkins B.* The Study of Terrorism: Definitional Problem. — Santa Monica (Call.), 1980. — P. 2-3.

«нелюди» и т. д.³⁹. В умах людей, на себе, непосредственно или косвенно, испытавших весь ужас террористических актов (Москва, 1999 г. — взрывы жилых домов; 2002 г. — захват заложников в Норд-Осте) — смешение понятий, сформулированных на основе эмоциональных переживаний и негодования. Иными словами, ответы опрошенных содержат оценочные суждения о преступном деянии, либо отражают результаты «действия» фактора насилия, также присущего собственно уголовному преступлению без учета политических целей и мотивации. На современном же этапе борьбы с феноменом глобализации экстремизма и терроризма необходимость определения четкого «образа», невидимого в привычных классических формах военного противостояния, врага, имеет особую актуальность и практическую значимость.

Наряду с обыденным сознанием такое неполное восприятие одного из самых опасных явлений современного мира закрепилось и на уровне теоретического сознания прошлого века, когда в научных работах, сообщениях исследователей проблемы специальные термины и понятия использовались в русле одного смыслового определения.

Среди общей терминологии, пожалуй, наиболее часто употребляются как в исторической ретроспективе, так и сегодня понятия «террор» и «терроризм». Отдельными исследователями проблемы они наполняются единым смыслом. Так, А. И. Спиридович в работе «Революционное движение в России» характеризуя террористическую деятельность эсеров, утверждал «Самой яркой работой партии..., работою, на которую тратились и самые большие денежные средства, в которой участвовали выдающиеся революционные деятели и которая дала партии известность во всех кругах населения — являлся террор»⁴⁰. Исследователь феномена терроризма говорит о террористических акциях революционеров, объектом которых являлись большей частью представители монархической государственности России. Наш современник С. С. Галахов в предисловии своих практических рекомендаций по организации и тактике оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступлениями террористического характера использует понятие «террор» при анализе террористической деятельности революционных организаций начала прошлого века типа «Народная воля». «В качестве объектов террора, — пишет автор, — избирались госу-

---

³⁹ *Ольшанский Д. В.* Психология террора. — М.: Академический проект, 2002. — С. 11-12.

⁴⁰ *Спиридович А. И.*, Революционное движение в России. — Петроград, 1916. — С. 123.

дарственные чиновники, представители жандармерии, а также предатели и провокаторы из числа самих революционеров.

С массовым террором, как явлением, в России удалось покончить только в 1908 году, в основном благодаря успешным действиям политической полиции.

Помимо прямого средства достижения своих политических целей — террора, народовольцы прибегали и к средствам, которые они сами считали вспомогательными, ...»⁴¹. В данном заключении автор также имеет в виду преступления террористического характера (террористические акции) против чиновничьей элиты государственных и политических структур.

В приведенных источниках идет речь о собственно терроризме, выраженном в террористических акциях субъектов политической оппозиции. В этой связи, понятие «террор» использовано, по нашему мнению, в ином смысловом контексте. В данном случае, оно объясняет насильственное деяние не в полной мере адекватного содержанию понятия субъекта.

Упрощенное, но приближенное к нашей методике рассмотрения проблемы определение понятий явления дается исследователем К. В. Жариновым. «Под террором понимается осуществление репрессий государством в отношении своих граждан и политической оппозиции с целью парализовать волю к сопротивлению и утвердить свое господство. Терроризм рассматривается как присущая оппозиционным политическим группам деятельность»⁴².

В связи с обозначенной целью изучения терроризма, особого интереса, на наш взгляд, заслуживает подход российского ученого М. П. Требина, который утверждает, что для определения явления относительно его формулировки по принципам строения, форме, содержанию необходимо соблюдать четырех логических правил. Оно должно быть, во-первых, соразмерным; во-вторых, не должно содержать в себе круга; в-третьих, быть ясным; в-четвертых, не должно быть отрицательным⁴³. Для осуществления их исследователь через этимологический (фиксация моментов насилия и страха), исторический (ретроспективный показ истоков явления, начиная с Французской революции, процесса формирования в обществен-

---

⁴¹ *Галахов С. С.* Криминальные взрывы: основы оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступлениями террористического характера. — М., 2002. — С. 12.

⁴² *Жаринов К. В.* Терроризм и террористы: Исторический справочник / под общей редакцией *А. Е. Тараса*. — Мн.: Харвест, 1999. — С. 23.

⁴³ *Требин М. П.* Терроризм в XXI веке / под общей ред. *А. Е. Тараса*. — Мн.: Харвест, 2003. — С. 11-12.

ном сознании функциональных параметров феномена) срезы явления попытался выделить существенные признаки объекта познания. Они, по мнению учёного, заключаются в природе человеческого насилия, которая выводит насильственность из экономических, социальных условий жизни общества и динамики конфликта (конкуренция в сфере экономических, политических, духовных отношений). С точки зрения особенностей насилия автор делает акцент на его явном и латентном элементах. Первый — связан с осуществлением непосредственно террористических актов, второй — с тем, что террористический акт запускает механизм принуждения людей делать так, как этого требуют террористы, влиять на государственные структуры с целью реализации на практике тех требований, которые выдвигают террористы, создает в обществе атмосферу страха и безысходности. Исходя из такого подхода к анализу явления, а также используя идею о трех сферах постиндустриального общества (они изложены в теории Дэниеля Белла) исследователь отмечает, что под терроризмом в широком смысле слова необходимо понимать социальное явление, которое основано на использовании или угрозе использования насилия в виде теракта с целью нарастания атмосферы страха и безысходности в обществе во имя достижения целей субъектов террористической деятельности. В трактовке учёного в узком смысле дается понятие политического терроризма. При этом, настоящий вид агрессии рассматривается им как социально-политическое явление, основанное на использовании или угрозе использования политического насилия в виде теракта с целью создания атмосферы страха и безысходности в обществе во имя достижения политических целей субъектов террористической деятельности. Вместе с тем, и в данном случае акцент смещен в сторону описательно-правовой квалификации явления, с выделением в нём, большей частью, нормативных требований.

Цели определения понятийной характеристики категории требуют, на наш взгляд, обращения к изначальному, латинскому значению слова «террор». Оно обозначает — страх, ужас, то есть категории, отражающие уже достигнутое состояние, которое при соответствующих целях, посредством насильственных действий (воспроизведённого террора) остается поддерживать. Следовательно, понятие «террор» включает в себя и целевую мотивацию действий определённых политических кругов (власть имущих), и конечные результаты их деятельности, которые позволяли бы и далее реализовывать политику ожидаемого эффекта.

С психологической точки зрения ужас (террор), может быть достигнут только при условии постоянно воспроизводимого страха. Это возможно при наличии статичной, легитимированной данным государством, систе-

мы механизмов, посредством которых осуществляется репрессивная политика воспроизводства насилия. Не любой акт насилия предполагает террор в исследуемом нами собственном значении этого слова. Насилие — это один из признаков любого государства и, как способ принуждения, имеет объективную причинность в политике. «Жизнь человека и общества регламентируются множеством законов и правил. Эти регламентации существенно влияют и на активность субъектов политики. Крайняя и наиболее жесткая такая детерминация предстает в виде насилия»⁴⁴. Вместе с тем, это не означает и оправдания насилия конечной целью установления порядка «по-Макиавелли». Автор «Государя» в арсенал положительных качеств сильного правителя вводит его способность организовывать массовый террор. Категорию жестокости он характеризует не по ее насильственной природе, а по тем условиям, в которых она может применяться. Таким образом, Н. Макиавелли отводит террору место в «государевых благодеяниях» народу и чем оперативнее и разово будет проводиться эта репрессивная мера, тем лучше для общества⁴⁵. В этой связи, исследуя проблему террора, насилия, характеризующего природу явления, следует различать его по количеству участников, осуществляющих такие меры, форме организации и степени организованности. Как правило, государственный террор отличают массовое насилие с централизованным началом и привлечением специальных институтов — органов карательного назначения.

Если «террор», достигаемый систематическим массовым насилием, обозначает конечную цель, то терроризм — это переходящее из одного состояния в другое комплексное явление, характеризующееся идеологически мотивированным насилием и включающее в себя, наряду с теоретико-мировоззренческой концепцией, сами акты насилия, как результат террористической деятельности.

Автор отдает себе отчет в том, что и данная формулировка не содержит всестороннего охвата элементов, структурирующих понятие. Теоретико-концептуальная дефиниция феномена не нашла своего окончательного отражения и в международных нормативно-правовых актах (договорах, конвенциях, докладах специальных комиссий ООН и др.) о чем на документальной основе было изложено автором учебного пособия в научных публикациях по результатам исследования настоящей пробле-

---

⁴⁴ Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, А. Г. Лантева. — М., 2001. — С. 355.

⁴⁵ Макиавелли Н. Государь. — М., 1990. — С. 22.

мы⁴⁶. Односторонними выглядят и определения феномена в словарях, когда их авторы сужают понятие до рамок физического насилия^{47:48:49}. Современное содержание явления выходит за рамки этих определений (экологический, экономический терроризм, кибертерроризм, биотерроризм, психологическое насилие и т. д.)

Вместе с тем, предложенное смысловое разграничение смежных терминов рассматриваемого явления расширяет его понятийные границы, помогает точно определить объект исследовательского поиска (использование смежных понятий в русле конкретного научного анализа как аналоговых категорий сводят эффект такой работы до уровня «голой» теории) с целью выработки форм и методов противодействия.

Понятийное обособление основных категорий исследуемого явления определяет соответствующую логику рассмотрения истоков проявления политического террора, с его признаками массовости, централизованного характера и терроризма, как тактики политической борьбы, характеризующуюся систематическим применением идеологически мотивированного насилия, которое выражается в угрозах безопасности людей, общества и государства.

Историю политического террора принято вести с Великой Французской революции. Однако, если сделать экскурс в древнюю и средневековую историю, яркий «образец» террора можно наблюдать в деятельности правителей Древнего Рима, которые в условиях военных действий широко применяли метод децимации — казнь каждого десятого солдата из подразделения, бежавшего от противника. С именем самопровозглашенного диктатора Суллы связаны проскрипции, списки потенциальных жертв режима, которые ежедневно дополнялись правителем и предавались гласности, создавая в обществе атмосферу страха и ужаса. С методом децимации связано и имя монгольского императора Чингис-хана, который предавал казни всю сотню, отступившую без приказа с поля брани. Что же касается деятельности французских революционеров, то известно утверждение одного из их вождей — М. Робеспьера «... в революцию народному правительству присущи одновременно добродетель и террор:... террор, без ко-

---

⁴⁶ Терроризм, как феномен международной политики // Сб. научных статей международной научной конференции. — Караганда, 2001.; Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом (на гос. языке) // Сб., КЮИ МВД РК выпуск № 5. — Караганда, 2001.

⁴⁷ Современной энциклопедической словарь / под ред. *Прохорова А. М.* 3-е издание, — М., 1984. — С. 1319.

⁴⁸ Сов. Энциклопедический словарь, — М., 1980. — С. 1335.

⁴⁹ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. — М., 1986. — С. 691.

того добродетель бессильна. Террор есть не что иное, как правосудие...»⁵⁰. Настоящая концепция М. Робеспьера проявилась в жизни французского общества конца XVIII в. в жесточайшей форме крайнего экстремизма и политических репрессий (массовый террор).

Террор, как тактика и метод ведения политической борьбы, используемый оппозиционными силами, в зависимости от конфликтогенной сущности делится на виды.

На основе социально-политических конфликтов формируется революционный (левый) и контрреволюционный (правый, так называемый черный) терроризм. Наиболее характерная особенность сил левого терроризма — это посредством организации террористических акции обострение социального конфликта до экстремальных условий и провоцирование властей до принятия крайних мер противодействия (введения положений ЧС, особого режима общественно-политической жизни, ужесточение карательных мер за отдельные виды правонарушений и т. д.). Цель — компрометация режима в глазах общества. Программные установки у представителей леворадикальных сил строятся на доктринах типа марксизма, ленинизма, маоизма, троцкизма и т. д. Современный облик левых сил определяют организации типа «Революционный коммунистический союз молодёжи» во главе с Андреем Соколовым (известный теракт со взрывом могильной плиты над символическим местом захоронения царской семьи состоит в активе экстремистской деятельности этой организации), «Национал - большевистская партия» Эдуарда Лимонова и т. д.

Праворадикальный терроризм возникает как «ответ» на формирование и активизацию деятельности левых сил. Пожалуй, наиболее ярким примером таких организаций являются деятельность «чёрных сотен» начала прошлого века, Ку-Клус-Клана — американских расистов середины XIX-начала XX в.в. Правые силы ориентируются на национальные традиции, религиозный фанатизм, культ личности и т. д. В качестве современного примера представительства этого течения достаточно привести деятельность японской группировки «Аум-Синрике», идеи которой нашли свое распространение далеко за пределами истоков зарождения экстремистской организации.

В русле изучения революционного и контрреволюционного видов терроризма следует выделять и террористическую деятельность в рамках национально-освободительных движений. В качестве наглядного примера здесь можно привести экстремистскую и террористическую деятельность Курдского национального фронта освобождения (КНФО) и Народной

---

⁵⁰ Vellay C. Discours et Rapports de Robespierre. — P., 1908. — P. 332.

освободительной армии Курдистана (НОАК) в Турции, Организацию освобождения Палестины, у которой цель — создание арабского государства в Палестине, Национального революционного фронта Восточного Туркестана, преследующего цель создания независимого государства уйгуров в Китае — на территории СУАР и т. д.

Такие разновидности феномена, как терроризм на основе ревизии религиозных священных писаний, националистических лжеучений с учетом их глобального размаха в планетарных масштабах требуют рассмотрения в русле специальных исследовательских разработок. В этой связи, на наш взгляд, по данной проблеме имеется солидный пласт для совершенствования научных изысканий не только в дальнем зарубежье, но и на пространстве СНГ и Средней Азии, о чем свидетельствуют факты и события последнего десятилетия. Более подробно ей посвящена и соответствующая часть данного учебного пособия.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем заключается проблемная специфика теоретических разработок понятийных категорий изучаемых явлений?
2. Какие существенные признаки характерны террору, как методу оппозиционной политической борьбы и терроризму, как явлению?
3. В чем заключается методологическая привлекательность функциональной трактовки понятия терроризма в исследованиях российского ученого М. П. Требина?
4. Какие виды политического террора наиболее известны в истории развития явления и в чем заключалась основная цель таких мер военно-политического управления или методов реализации политических программ?
5. Какие особенности характерны проявлениям революционного левого и контрреволюционного правого терроризма?

14. Методология и аналитические подходы в исследованиях религиозного и политического экстремизма

В политическом дискурсе современного мира ислам стал, пожалуй, наиболее популярной темой. Это вызвано практической востребованностью знаний о данной сфере жизни стран мусульманского Востока. Выбор объекта познания обусловлен нарастанием угрозы международного тер-

роризма, импульсатором которого зачастую выступают религиозно-политические движения, дислоцируемые преимущественно в социумах Центрально-азиатского региона, Южного и Северного Кавказа, Ближнего и Среднего Востока. Вместе с тем, массивный информационно-идеологический поток о проблемах распространения религиозного экстремизма привел к чрезмерной политизации данного явления. Объективированный поиск причин, условий и тенденций глобализации феноменального по качественным характеристикам дестабилизатора мировой политики постепенно входит в русло идеологического противоборства сторон, преследующих гегемонистские цели в региональном, континентальном и планетарном масштабах, все больше обретая функциональные особенности инструментария геополитики. Российский учёный Б. Ключников в этой связи отмечает, что Вашингтон близоруко использует в своих краткосрочных, и потому мелких целях, энергию великой мусульманской религии. Они переводят национально-освободительные движения в экстремизм, в исламистское русло — в русло джихада и столкновения цивилизаций⁵¹.

Такая современная особенность «идеологического видения» правящей элитой отдельных мировых держав глобальной террористической угрозы миру существенно затрудняет процесс ее научного познания. В этой связи, актуализируются задачи всестороннего рассмотрения концептуальных вопросов, связанных с исследованиями процессов радикализации религиозных движений.

В обозначенной плоскости изучения основ религиозного экстремизма особое внимание следует уделить проблеме структурно-функционального анализа базовых терминов явления. Прежде всего, требуют уяснения понятийно-функциональные особенности таких терминов, как «ваххабизм», «фундаментализм», «политический ислам», которыми нередко обозначается неоправданно более широкий спектр известных социально опасных явлений. Верное толкование перечисленных терминов непосредственно связано с пониманием природы собственно религиозного, а также религиозно-политического экстремизма, как одной из составляющих основ международного терроризма и политического лейтмотива радикализации религиозных движений современности.

В обоснованиях социальной опасности исследуемого явления «в исламской комплектации» сетевые коммуникационные каналы мира, политические эксперты акцентируют внимание на его идеологической ваххабистской основе. При этом, не видя различий между типологиями различ-

---

⁵¹ Ключников Б. Исламизм, США и Европа: Война объявлена. — М.: Эксмо, 2003. — С. 89.

ных направлений, фундаментализм данного религиозного течения они приравнивают только к джихадистским (от слова «джихад» — священная война) видам собственно религиозного экстремизма (международный терроризм). Так, специалист из Иудейского университета (г. Иерусалим) Эманнуэль Сиван пишет, что установление различий между умеренным и радикальным исламом неверно, вследствие отсутствия в нем границ между реформами и революцией, так как доктрина добрых дел в исламе требует борьбы против угрозы вере в зависимости от обстоятельств «языком или руками» (т. е. убеждением либо насилием)⁵². Между тем, Саудовская Аравия, в основу официальной религии которой заложены концептуальные идеи того же ваххабизма, выдерживает такой же натиск сторонников джихада во главе с Усама бен Ладеном, преследующих религиозно-политическую цель полной исламизации саудовского режима. Ситуативный парадокс в данном случае заключается в квалификационных характеристиках по сути разных видов, в плане тактики преследования конечной цели, рассматриваемого религиозного течения. Эти характерные особенности ваххабизма скрыты, в свою очередь, в его эволюционных моделях, которые представляют из себя относительно самостоятельные концепции. В связи с изложенным, современный ваххабизм следует анализировать в исторической ретроспективе с выявлением причинно-следственной связи формирования тех или иных его идеологических модификаций, а также различать эволюционные модели течения.

Сформированный в начальном периоде «обновленческой» эпохи ислама ваххабизм (концепция аравийского проповедника Мухаммада Абд аль-Ваххаба (1703-1797 гг.) ставил основной целью очищение учения пророка Мухаммеда и его «праведных халифов» Али, Умара, Усмана и Абу Бакра от компонентов цивилизации, общественно-политического опыта, которые, по мнению ваххабитов, искажают истинную суть религиозного учения и противоречат его изначальным постулатам. По сути, в исламской религии это был период ревизионизма, схожий по форме с возрожденческой эпохой нового восприятия в западных странах таких фундаментальных истоков мировой культуры, как греко-римское право, греческая и римская философия, поэзия, литература, искусство. В этой связи, источниковая база ваххабизма не имела столь политизированных мотиваций, а представляла из себя собственно обновленческое религиозное учение, основной целью которого было формирование новых мировоззренче-

---

⁵² Сиван Эманнуэль. Радикальный ислам и терроризм. // Кожушко Е. Современный терроризм: анализ основных направлений. — Минск, Харвест, 2000. — 348.

ских устоев при условии возрождения изначального его содержания и с соблюдением соответствующих ритуальных форм.

«Обновленческий» ваххабизм начальной стадии имел локальный характер и ограничивался решением внутрирелигиозных проблем типа соблюдения исламских ритуалов, внедрения в государственные структуры теократических принципов управления, норм шариата и т. д. Тип данного направления еще можно определять как консервативный ваххабизм.

Следующему этапу развития и распространения ваххабизма (вторая половина XX века) присущ деизоляционистский и реформистский, в плане организационно-структурного переустройства, характер. Эти изменения также имели в меньшей степени политический мотив. Расширение границ религиозного влияния ваххабизма стало возможным после создания ими Всемирной мусульманской религии. При этом учение распространялось в рамках выдвижения требований по соблюдению идей «истинного ислама» (светский аналог — партийно-фракционная борьба), в частности, к саудовскому режиму.

Политизированный воинствующий ваххабизм берет начало во второй половине 70-х годов минувшего столетия. Усиление деятельности данного движения эксперты и политики наблюдают после известных афганских событий (ввод советских войск в Афганистан и начало военных действий). Так, в качестве мощного побудительного фактора глобализации международного терроризма и экстремизма афганскую войну и победу в ней братства моджахедов выделяет экс-премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху⁵³. При соблюдении основополагающих принципов ваххабитского течения (все мусульмане — братья, независимо от места проживания; они должны соблюдать идеи исламского порядка; недопустимость праздности, отступничества от веры; джихад за сохранение и чистоту ислама против еретиков и иноверцев) воинствующие исламисты возвели последнее положение учения (джихад) в статус основной стратегии и тактики достижения намеченной цели. Ваххабизм джихадистского толка, по сути, явился новоценностным ориентиром для многих религиозных организаций современности и представляет из себя уже сугубо политизированное движение, цель которого не ограничивается коррекцией современного ислама под салафитские (дословно «предковые») традиционные, фундаментальные нормы, но определяется политическими претензиями по переустройству миропорядка, объективные и субъективные причины которых необходимо исследовать в специальном анализе. Лидерами мирового воин-

---

⁵³ Нетаньяху Б. Война с терроризмом. Как демократии могут нанести поражение сети мирового терроризма. — М., 2002. — С. 16.

ствующего ваххабизма являются шейх Усама-бен-Мохаммед бен Ладен («Аль-каида»), Айман аль-Завахири («Исламский джихад»), Абу Ясир Рифа Ахмед Таха («Вооруженная исламская группа»). Данный, третий этап развития ваххабитского течения и является, на наш взгляд, одним из периодов формирования и распространения современного радикального политизированного ваххабизма. Этот период, по нашему мнению, следует определять как новоценностное течение — неоваххабизм.

Таким образом, сравнительно-исторический и структурно-функциональный анализ ваххабизма, как теологического учения, позволяет нам выявить в нём три основных эволюционных этапа развития (изложенные выше), два вида распространения (аполитичный, характеризующийся собственно фракционными обновленческими особенностями и джихадистский, воинствующий ваххабизм, имеющий ярко выраженную политическую мотивацию и широкое распространение в современном мире). Именно джихадистское направление ваххабизма (неоваххабизм) создало в начале 90-х годов XX века сеть летних молодёжных лагерей в Чечне, Дагестане, Кабардино-Балкарии якобы для оздоровления молодёжи и ознакомления ее с основами ислама. На самом деле в них велась целенаправленная идеологическая и военно-прикладная подготовка. А одними из проповедников экстремистского течения на Кавказе были террористы иорданцы Фатхи — профессионально подготовленный идеолог движения и Хаттаб — специалист по методам диверсионной и подрывной работы.

Усвоение различий эволюционных типов исследуемого явления позволяет с большей долей уверенности комментировать и программные заявления отдельных лидеров неоваххабистского течения. Так, лидер саудовской оппозиционной группы Комитета в защиту законных прав доктор Мухаммед Масари заявляет, что термином ваххабит в США неверно называют джихадистов⁵⁴. Это утверждение верно в части ошибочного толкования американцами всего учения. Тем не менее, как показывает наш анализ деятельности последователей учения Ваххаба, современное его, строго политизированное, ответвление (неоваххабизм) имеет ярко выраженные особенности джихадизма.

Термин «фундаментализм» определяет не только характеристику в целом явления, устремленного к салафитским (изначальным, истоковым) устоям религии, но содержит специфические концептуальные особенности самостоятельного учения. Это — политическая доктрина, включающая

---

⁵⁴ Saudi Oppositionists View // Terrorism Monitor, The Jamestown Foundation. Washington, D. C. December 4. 2003. Vol. 1. Issue 7. — P. 1.

объектно-целевые направления деятельности религиозных (независимо от теологической концепции) движений.

Как самостоятельное религиозное течение фундаментализм исламско-го толка зародился в 30-е годы XX века в Египте. Сформулированное Аль-Банной учение включало этические нормы отправления исламского вероучения. Активными проводниками аль-баннизма были сунниты. Фундаменталисты суннитского направления известны также по результатам деятельности организаций движения «Мусульманское братство» на Ближнем Востоке. Также как и фундаментализм ваххабитов рассматриваемое учение имело изначально салафитское направление, т. е. в нём доминировали ревизионистские мотивации по очищению ислама от модернизационных наслоений современной цивилизации или, как нередко называют западные эксперты, это был период развития «умеренного» фундаментализма.

Середина прошлого столетия характеризуется для арабского Востока усилением процесса проникновения в различные слои мусульманских обществ западного культурно-политического модернизма. Это вызвало негативную реакцию со стороны традиционных (салафитского направления) исламских религиозных организаций. В этой связи, 50-70-е годы XX века остались в истории мировой цивилизации периодом нарастания антагонистического противостояния между религиозной культурой отдельных восточных стран и светской западной культурой. Разнополярность социально-политического, культурного устоев породила взаимное неприятие и, как результат, экстремизм религиозного фундаментализма суннитского направления.

Относительно самостоятельно развивается третье направление фундаментализма в исламе — его шиитская ветвь с центром в Иране, которая ориентируется на учение имама Хомейни. Шиитская концепция уже изначально основана на неразделимости религии и политики и была положена в основу послемонархической новой иранской (1979 г.) Конституции. По сути — это политический ислам, который выражен в теократическом режиме Ирана. Политическую ориентацию хомейнизма раскрывают слова Ш. Ахави, который справедливо отмечает, что интерпретация основателем течения понятия «худжжат Аллах» («доказательство Аллаха») напоминает исмаилитскую концепцию (исмаилиты — религиозно-политическая организация в истории религиозного движения Востока) о важной политической роли представителя «сокрытого» имама (двенадцатый имам, который явится к людям в день страшного суда) на земле, находящегося в

постоянном контакте с «сокрытым» имамом⁵⁵. Речь идет о возвеличивании в хомейнизме, вопреки изначальным постулатам традиционного шиизма, которые включают только религиозные аспекты, факихов (посредников) до уровня пророков, чья воля обязательна для мусульман. На деле это абсолютизация роли религиозных посредников в политической жизни общества.

Сама природа шиизма, возникшего в VIII-IX веках, как религиозно-политического оппозиционного движения против суннитской ветви ислама, предопределила радикальный характер хомейнизма. Воинственную суть религиозного фундаментализма шиитского толка не отрицали и его ведущие идеологи во главе с имамом. Экстремизм шиитского фундаментализма (хомейнизм) подтверждают слова одного из влиятельных в 70-х годах людей Ирана аятоллы Ширази из г. Мешхед. «Где на земле целую группу людей судят и казнят в течение нескольких часов? Где в исламе говорится, что обвиняемому можно дать на защиту всего пять минут? Даже овец не убивают с такой лёгкостью, как людей в некоторых наших судах»⁵⁶. При рассмотрении современного шиитского фундаментализма не следует обобщать его в целом с шиитским учением в исламе. В этой связи, необходимо также отличать традиционалистское направление, в основе которого принцип отчуждения от исламского вероучения секуляристских традиций цивилизации.

У современных религиозных фундаменталистов (неоваххабизм, альбаннизм, хомейнизм) политическая ориентация (свержение светских режимов, взамен которому должен установиться порядок шариата, а также интеграция народов, исповедующих «истинный» ислам) доминирует над изначальными формами салафизма (сохранение классической сути вероучения). Как целостное явление в мировой общественно-политической жизни фундаментализм предстал в образе нового феномена современности. По содержанию — это результат духовного единения последователей салафизма, теологического учения, основанного на поклонении религиозной культуре предков, но с подчинением обозначенной принципиальной основы учений политической доктрине борьбы с западничеством.

Антизападная позиция фундаменталистов, выражающаяся в экстремизме его действий — это далеко не только способ солидарного волеизъявления арабского исламского мира в устремлениях по теократизации ми-

---

⁵⁵ Bayat Mangol Ph. The Iranian Revolution of 1978-79. Fundamentalism of Modern? — «The Middle East Journal» Т. 37. — Wash., — 1983. — № 1. — P. 39.

⁵⁶ *Дорошенко Е. А.* Шиитское духовенство в современном Иране. — М.: Наука, 1985. — С. 205.

ровой политики. Это еще и (а может, прежде всего) ответно-иммунная реакция социума по сохранению собственной национально-культурной идентичности против некоего западного монстра, пытающегося уподобить мир своему образу. В этой связи, любая позиция достойна понимания и требует особого внимания и изучения даже если это связано только с мерами по недопущению ее радикализации. В настоящем пособии данная мысль получила свое обоснование и развитие в соответствующей части.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем состоит особенность идеологического обоснования современной экстремистско-террористической угрозы религиозного толка отдельными сетевыми коммуникационными каналами мира?
2. Основные этапы и направления развития фундаментализма в исламе?
3. Какие эволюционные особенности характерны для консервативного и политизированного ваххабизма?
4. Какие основные признаки характерны неоваххабизму, альбаннизму и хомейнизму, как источниковой идеологической основе современного религиозного, религиозно-политического экстремизма и международного терроризма?
5. В чем суть идеи салафизма как явления и религиозного течения? Современные интерпретации данного явления?

2. ТИПОЛОГИЯ И ФАКТОРЫ УГРОЗЫ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

2.1. Религиозно-политический экстремизм

В открытых демократических обществах религиозные организации и учреждения всегда оказывали мощное воздействие на формирование общественного сознания, определяя акценты ориентиров его развития в сторону стабилизации общественно-политической жизни, либо формируя её негативный фон в связи со стремлением активно субъективироваться в политическом процессе общества. Политическая ориентация религиозных движений становилась зачастую причиной экстремизации их деятельности. Наряду с этим, среди доминантных инерционных механизмов религиозного экстремизма особая роль принадлежит идеологическим аспектам. В сочетании с политическими факторами они и порождают феномены, подобные объекту нашего изучения. В своих проявлениях экстремизм присущ всем направлениям религиозных течений. Типичным же вариантом его становления является формирование фундаменталистского направления. Рассмотрим их особенности, распространенные в христианстве и исламе, а так же общие признаки, характерные для других религий.

Как и в исламе фундаменталистское течение в христианстве (протестантское направление) зародилось в XIX веке. Сформировавшись в качестве религиозной оппозиции евангелистскому направлению в США, он проявил себя в национальном масштабе. Основные доктрины христианского религиозного фундаментализма были сформулированы в пяти положениях. Это:

- непогрешимость «священного писания»;
- божественное происхождение Христа и непорочное зачатие;
- Христос погиб на кресте, заместив собой грешников, «искупление замещением»;
- физическое воскресение Христа;
- возвращение Христа во - плоти во второе пришествие.

В 1910 году эти доктрины фундаменталистов были одобрены на генеральной ассамблее пресвитерианской церкви, а также рядом других консервативных религиозных организаций. В начале XX-го столетия калифорнийские миллионеры Р. Торри и Л. Диксон выпустили 12 томов под общим названием «Основы» («The Fundamentals»), в которых было дано

толкование основных доктрин христианского (протестанского направления) фундаментализма. Позже, к концу второго десятилетия XX-го века в более сжатом варианте (уже в четырех томах) они были разосланы по всему миру. По поводу распространения религиозных фундаменталистских идей протестантов эксперты пишут, что при помощи людей бизнеса эти тома «... роздали миллионам и миллионам как пасторов, так и прихожан, по всей стране и они оказали воздействие, помогая формировать фундаменталистские взгляды среди прихожан в большинстве церквей протестантского вероисповедания»⁵⁷.

Какова же суть американского христианского фундаментализма и в чем их идеологическая «привлекательность» для верующих, а так же власть имущих? Как нельзя лучше это описано самими американцами в пособии «Феномен фундаментализма», подготовленного в начале 1980-х годов пасторами Эдом Добсоном и Эдом Хиндсоном, под редакцией одного из апологетов фундаментализма Дж. Фолвелла. Во-первых, что касается непогрешимости «священного писания», они убеждают об абсолютности библейских истин для всех ввиду их происхождения от бога, а сомнения радикальных оппонентов (евангелистов) объясняются их интеллектуальным приспособленчеством к современному обществу. (Тем самым, в данном случае, фундаменталистами устанавливается основной принцип функционирования идеи, который заключается в полном отчуждении религиозного сознания от светских достижений современной цивилизации — прим. Ж. Ш.). Во-вторых, непорочное происхождение Христа они объясняют очевидностью библейских истин, которые являются таковыми в связи с божеским предопределением их для людей. В-третьих, «искупление замещением». Смерть Христа оказала, по их убеждению, не моральное воздействие на человечество, а является искуплением человеческих грехов, в связи с чем, его физическое воскресение стало основой для того, чтобы христиане несли добрую весть миру. В-четвертых, физическое воскресение Христа для фундаменталистов представляется очевидным фактом. Для них недостаточно духовного воскресения, в связи с чем, они и говорят от лица живого спасителя, с помощью которого можно решить любые земные проблемы в современном мире. В-пятых, второе пришествие Христа во плоти — доктрина, утверждающая факт явления Христа для отделения праведников от грешников⁵⁸.

---

⁵⁷ *Bedell G., Sandon L., Wellborn Ch. Religion in America/* — N.Y, 1982. — P. 255.

⁵⁸ *Dobson E., Hindson E./ The Fundamentalist Phenomenon/ The Resurgence of Conservative Christianity.* — N. Y., 1981. — P. 5-11.

В последующие этапы распространения христианского фундаментализма в него «вкрапливались» и положения о греховности человеческой жизни, высшей силе зла в человеческом обличье и т. д. Вместе с тем, изложенные выше пять основных доктрин оставались неизблемыми.

Христианские фундаменталисты нашли квалифицированных противников в лице таких людей, как Р. Фоедик (1878-1969 гг.), который будучи пастором в церкви Нью-Йорка, обосновал греховность самих религиозных идей фундаменталистов для религиозного мировоззрения и церкви. Он утверждал, что непорочность зачатия — не исторический факт и это подтверждается отсутствием упоминаний о нём со стороны Павла и Иоанна, а ожидание в безделье крушения или ухудшения мира является не более чем несурзанностью такого бытия. «Нынешняя обстановка взывает к небесам!, — гневно восклицает автор проповеди. И перед лицом грандиозных проблем, которые должны быть разрешены именем Христа и во имя Христа, фундаменталисты предлагают изгнать из христианских церквей всех верующих, которые не согласны с их теориями. Какая чудовищная глупость!»⁵⁹.

Религиозный христианский фундаментализм в США имел широкую поддержку и среди политиков. В послевоенное время фундаменталисты прочно интегрировались в американскую большую политику. В этой связи, исследователи проблемы в США приводят пример из практики религиозной деятельности, которая проходила преимущественно в домах влиятельных людей страны, одного из фундаменталистских проповедников Ф. Бухмана, изрекавшего в своих проповедях слова: «Благодарю небо за Адольфа Гитлера, который создал первую линию обороны против антихриста коммунизма. Что получил бы мир, если бы Гитлер признал над собой бога! Или поступил бы так Муссолини или иной любой другой диктатор. (Имеется в виду, что этот мир потерял из-за их религиозного невежества — прим. Ж. Ш.). Через такого человека бог буквально за день поставил бы под контроль народ и разрешил бы до единой все запутанные проблемы»⁶⁰. Такая картина американского христианского фундаментализма актуально перекликается с современными идеями фундаменталистских течений в религиях мира.

В Америке правящие элиты фундаментализм пленяет не из-за их религиозных проповедей, а в виду их практической пригодности для реализации политических целей. Это подтверждается фактом создания в начале

---

⁵⁹ The Cristian Work, 1922. June 10. — P. 718, 719, 722.

⁶⁰ Young P. God's Bullies. Natve Reflections on Preackers and Politics. — N. Y., 1982.

1980-х годов организации «Моральное большинство», которая базировалась на мобилизационных результатах, достигнутых в ходе распространения фундаментализма. То есть, созданная тем же Дж.Фолвеллом (один из лидеров фундаменталистов) она имела ту же авангардную электоральную основу, но с более широким охватом в связи с новой волной идеологических мотиваций. Цель, сформулированная организаторами, состояла в возвращении к моральному здравью в США⁶¹.

Однако, истинной мотивацией создания «Морального большинства» было стремление поддержать силы правых, которые сами были заинтересованы в этом в ходе президентских выборов 1980-го года и максимально использовали фундаменталистов для достижения победы Р. Рейгана. В дополнение к «политической специализации» криминализация американского христианского фундаменталистского движения свидетельствует о том, как были далеки они от истинных идей религиозного вероучения. И здесь, сами американские эксперты подтверждают изложенный вывод на основе анализа практики деятельности религиозных христианских фундаменталистов. Так, они утверждают, что для вымогательств денег на «святые дела» представители Фолвелла рыщут по стране, всеми способами собирая даяния вплоть до уговоров престарелых христиан оставить завещание в пользу фундаменталистских организаций⁶².

В связи с изложенным, представляют интерес факты о деятельности религиозных фундаменталистов в Америке, изложенные в прессе. Например, в 1981 году «Пентхауз» информирует читателей о том, что в 1980 году Фолвелл получил от своих сторонников 56 млн. долларов, не облагаемых налогом⁶³. Остается задаться вопросом, зачем организации нужны такие огромные средства, когда основная деятельность её, как утверждает идеологическое руководство фундаменталистов, заключается в возрождении библейских истин и моральное очищение нации. И, в этой связи, сами американские эксперты утверждают, что сателлиты фундаментализма хитроумно используя отечественную смесь старой и новой форм запугивания, угрожают базовым ценностям общества. Эти ортодоксы морали грозят публичным осуждением тех, кто не согласен с их позицией и, используя СМИ, хотят уничтожить всякого инакомыслящего. Из трубы их морали появились те, кто знает все законы бытия⁶⁴. В этом соб-

---

⁶¹ *Dobson E., Hindson E./ The Fundamentalist Phenomenon/ The Resurgence of Conservative Christianity.* — N. Y., 1981. — P. 188.

⁶² *Goodman W., Price Y. Jerri Falwell: an unokthorized profile.* — N. Y., 1981. — P. 18, 19, 23.

⁶³ *Penthouse.* 1981. May. — P. 116-117.

⁶⁴ *Young P. God's Bullies Natve Reflections on Preackers and Politics.* — N. Y., 1982.

ственно и вся суть воинствующего обскурантизма американских религиозных фундаменталистов.

Мы не случайно затронули проблему и актуальность американского христианского фундаментализма в данной работе. Являясь мощной политической силой США фундаменталисты во многом определяют «политические симпатии» американских правящих кругов к Израилю, обосновывая это моральными соображениями, якобы исходящими из библейских истин. Дж.Фолвелл утверждает в этой связи, что бог в первой книге Моисеевой — Бытие, ясным образом обещал благословить всех тех, кто благословляет Израиль и проклянуть тех, кто злословит Израилью. Значит выступать против Израиля — выступать против бога⁶⁵. Достаточно привести мнения самих американцев, чтобы убедиться в надуманности сказанного. В части Ветхого Завета, касающейся распределения земель, они справедливо пишут, что речь в Священном писании идет о равном праве арабов и евреев на обсуждаемые территории. В Ветхом Завете указание о передаче земель «твоему потомству» включает через сына Авраама Измаила (родоначальник арабов по еврейскому и арабскому эпосам) арабов, как мусульман, так и христиан. Попытки же фундаменталистских сионистских идеологов поставить вопрос о землях в собственную пользу в таком религиозном выигрышном толковании и явилось, на наш взгляд, одной из основных причин начала арабо-израильского конфликта и его систематической подпитки в результате однобокой американской стратегии на Ближнем Востоке.

С точки зрения освещения и разработки данной проблемы особо интересна следующая, на наш взгляд, статистика, приведенная в «Вашингтон таймс» 27 января 1984 года. Согласно ей, евреи составляют только 3 % от населения США, а если учитывать тех из них, кто ходит в синагогу, то и этот процент значительно упадет. Тем не менее, в докладе, подготовленном одним из университетов штата Северная Каролина, указывается, что передачи об иудаизме занимают 16,2 % от всего времени, отводимом американскими ТВ для новостей на религиозные темы. В этой связи, на наш взгляд, религиозные комбинации американских фундаменталистов в общем комплексе других факторов, негативно влияющих на процесс ближневосточного урегулирования, представляет из себя прямую угрозу стабильности не только в регионе, но и в мировом масштабе. Квазирелигиозная оболочка проблемы очевидна.

---

⁶⁵ *Dobson E., Hindson E/ The Fundamentalist Phenomenon/ The Resurgence of Conservative Christianity. — N.Y., 1981. — P. 5-11.*

Другое фундаменталистское течение, зародившееся в США, Церковь Иисуса Христа и позднейших святых (мормоны) (основана в 1825 году. Дж.Смит). В 1830 году была издана Книга Мормона, которая ещё носила название Золотой Библии. В ней содержатся откровения пророка, ценности которых в идеализировании коллективизма первобытнообщинного строя на стадии его распада и перехода в рабовладельческую формацию. Эти отношения описаны как данные свыше в канонических книгах Ветхого Завета. В целом же, они подчеркивают возрождение идеалов иудаизма. Так что мормонство это не только возрождение фундаментальных основ христианства, а скорее, иудаизма. О силе этого движения свидетельствует численность мормонов (в 1980-х годах она составляла около 6-ти миллионов человек). Вселенские амбиции мормонов связаны также с Израилем, откуда флаг их учения будет вознесён над миром. И это aspect вызывает оправданную озабоченность теологических и политических кругов Израиля, которые знают истинную цель последователей данного учения, заключающуюся не в религиозных мотивациях, а в политических и идеологических амбициях мормонов. В этой связи, мормонизм, как религиозное течение фундаменталистского толка не просто религия, которая преследует каноны вероисповедания, а целенаправленная идеологическая ориентация и деятельность, требующая конформизма и установления режима тотального контроля и повиновения.

На основании изложенного, можно с большой долей уверенности утверждать, что США сегодня одно из самых христианизированных обществ современности, с активными проявлениями фундаменталистских течений. И американские политики полностью признают и принимают, на наш взгляд, такое обстоятельство. Об этом свидетельствуют и факты включения слов о боге в 1954 году в Присягу американского Президента, а в 1955 году — в денежные знаки, а также результаты исследований, согласно которым основная часть американцев, в том числе и правящей элиты, больше полагается на бога и верит в него⁶⁶.

В этой связи, необходимо отметить, что тенденции усиления «внешней инносекторной коррекции» (религиозно-фундаменталистского, промышленно-корпоративного характера) политики Белого дома определяются в целом масштабностью и мощностью влияния в стране лоббизма (как совокупного представительства неформальных, в том числе религиозно-фундаменталистского толка, субъектов политики), который достиг в США уровня неформальных институций. Как утверждают отдельные эксперты число профессиональных лоббистов с 1970 года только в столице увели-

---

⁶⁶ Washington Post, 1983. September 14; Public Opinion, 1978. March. — P. 39.

чилось в 4 раза, достигнув 67 тысяч. Они играют важную роль в формировании внутренней и внешней политики государства. Выделяются три группировки: эмигрантское, кубинское лобби — во Флориде; армянское — в Лос-Анджелесе и многочисленное еврейское лобби в Вашингтоне. Последние определяли даже ход развития событий в известном югославском кризисе⁶⁷. Весомую лепту в детерминантную линию такого рода формирования и развития политики лоббизма США вносят религиозные фундаменталисты. В свою очередь, лоббизм, как явление в Америке, явился действенным фактором усиления протестантского фундаментализма.

Усиление религиозного фактора в процессе радикализации современной ситуации в мировой политике связано с рядом причин объективного и субъективного характера. Ускоренное развитие капитализма, расширение его экономических и политических границ, появление на геополитической арене мира новых национальных суверенов с собственными политическими амбициями по вхождению в систему глобальной политики и экономики, резкое увеличение разницы в материальном благополучии населения и, в целом, стран на региональном и мировом уровнях, маргинализация и люмпенизация отдельных социальных слоев населения в транзитных обществах постсоветского пространства, изменения в демографической ситуации целых регионов за счет миграционных процессов — все это привело не только к резкой поляризации мирового сообщества, но и к глобальному противостоянию восточной и западной типов культур и цивилизаций. Вместе с тем, для объективного научного познания особенностей этого противостояния необходимо учитывать его причинно-мотивационные истоки формирования в исторической ретроспективе. В первую очередь, политизированный характер феномена экстремизма и терроризма требует особого акцента на его воинствующей природе. В этой связи, явление религиозно-политического экстремизма и терроризма имеет свою обусловленность фактами исторических событий XII-XIII веков, которые, по сути, и явились основным провоцирующим импульсом качественного накопления на протяжении более восьми веков энергии агрессии. Связаны эти события с развитием крестовых походов в бассейне Средиземного моря, когда земли исламского, на тот период, влияния волевым (военно-силовым) методом были перераспределены в пределы зоны интересов крестоносцев. Тем самым, уже с середины XIII века территории восточного побережья Средиземного моря были оккупированы с целью образования на них христианских государств. Впоследствии здесь, при содействии

---

⁶⁷ Ключников Б. Исламизм, США и Европа: Война объявлена. — М.: Эксмо, 2003. — С. 266-267.

приграничных государств была создана христианская коалиция с целями христианизации всего региона. Конфликтный потенциал, заложенный крестоносцами в результате этих завоеваний, перманентно распространился на весь Перенейский полуостров и мусульман стали изгонять из их традиционных мест проживания в Испании и Португалии. В связи с отмеченными событиями XIII век явился эпохальным периодом социальных, культурных преобразований во всем средиземноморском бассейне, положившим здесь начало расцвета христианства и кризиса ислама, сопровождаемого глубокой социальной депрессией в мусульманских общинах. Это было и начало мусульmano-христианского противостояния, когда попоранная и изгнанная культура обрела политизированные черты с воинствующим устремлением к возврату своего былого актива.

Безусловно, огромный пласт истории и времени, отделяющие современность от средиземноморского кризиса, является тем объективным фактором, который не позволяет нынешнюю ситуацию (относительно изучаемой проблемы) непосредственно связывать с событиями средневековой истории. Тем не менее, фактор первичной событийной обусловленности имеет свойство и характер объективной неизменности в доказывании логики формирования, развития тех или иных явлений, имеющих, как в нашем случае, глобальные масштабы распространения.

Перечисленные в данной части учебного пособия факторы сыграли значительную роль в формировании и усилении религиозно-политического экстремизма, мощный импульс ускорения которому на современном этапе распространения придали известные события 70-х годов прошлого века в Иране. Еще в период начального этапа религиозного «интегризма» (следование принципу неделимости светского и духовного в теологических концепциях фундаменталистов) известный российский теоретик и практик в исследованиях восточного мира Е. М. Примаков справедливо утверждал о том, что исламский фактор, сыгравший ведущую роль в развитии иранских революционных событий привел к «исламскому взрыву» и оказал серьезное воздействие на процессы развития стран традиционно-го распространения ислама⁶⁸.

Данный аспект мирового распространения явления отмечает и Б. Нетаньяху. «Рост сети терроризма стал результатом нескольких событий, имевших место в последние два десятилетия. Главным из них, — утверждает автор, — была революция, совершённая Хомейни и возникновение в Иране клерикального исламского государства, что создало суверенную

---

⁶⁸ *Примаков Е. М.* Ислам и процессы общественного развития стран Зарубежного Востока. Вопросы философии. — 1980. — № 8. — С. 60.

духовную базу для разжигания в мире воинствующего ислама, который не только обладает пронзительным голосом, но и зачастую использует в качестве своего оружия террор»⁶⁹.

В условиях «вестернизации», пропаганды западного образа жизни, ислам стал в глазах миллионов мусульман единственной мобилизующей силой, способной уберечь их восточную, основанную на сакральных принципах, культуру от разлагающего воздействия проамериканской цивилизации. По сути, ислам пережил в арабском сообществе нововозрожденческий период, после которого обрел качества мощного средства политического влияния на массы, разного рода политические организации и движения, идеологические группировки. Победа же иранской революции и приход к власти в одной из влиятельных стран исламского мира шиитских фундаменталистов во главе с религиозным радикалом аятоллой Хоймени придали исламу дополнительные функции основного политического и идеологического регулятора обществом. Особенно сильное влияние лозунги об эгалитаризме, социальной справедливости, вреде западничества и т. д. имели на низшие, обездоленные слои населения, составляющих большинство, а также на фанатичных мусульман из среды мелких собственников, наиболее близких в социальном статусе к массам, и соответственно, имеющих на них большую степень экономического и политического влияния.

Началом современной феноменизации явления исламского экстремизма в действительности можно считать этап формализации шиитского фундаментализма в Иране. Между тем, для выявления причин и мотиваций глобализации религиозного экстремизма исламского толка необходимо, на наш взгляд, исследовать его корни. В этой связи, актуальнейшую проблему современной отрасли исследований о религиозном экстремизме составляют экономические, идеологические, политические, психологические аспекты явления. Косвенно, при рассмотрении вопроса о методологических особенностях противодействия религиозному экстремизму мы уже акцентировали внимание на экономических и политических составляющих насилия в деятельности некоторых современных движений⁷⁰. Вместе с тем, наложение каких-либо статичных мотивационных конструкций на потенциально благоприятные для экстремизма зоны слабого развития социально-экономической инфраструктуры, с низким уровнем

---

⁶⁹ *Нетаньяху Б.* Война с терроризмом. Как демократии могут нанести поражение сети мирового терроризма. — М., 2002. — 207 с.

⁷⁰ *Шалабаев Ж. А.* К вопросу о методологии противодействия экстремизму и терроризму // Саясат. — 2006. — № 9.

жизни населения, не обеспечивает объективных исследовательских результатов. Так, выводы о том, что экстремизм любого вида (политический, религиозный, ...) питают в основном соответствующие условия, порожденные социально-экономической отсталостью отдельных стран, не в полной мере оправдываются из-за полярно обратных примеров высокой концентрации радикальных и экстремистских организаций в относительно развитых странах Центральной Азии, Ближнего Востока, Европы (Саудовская Аравия, Ирландия, Италия, ...). И, напротив, слабо развитые западные и юго-западные страны Северной Африки (Сенегал, Мавритания, Гвинея, Буркина Фасо, ...) с низким уровнем жизни не имеют схожей с развитым миром аналогии усиления религиозно-политического экстремизма. В этой связи, анализ свидетельствует о том, что устоявшийся какой-либо уровень жизни в обществе вырабатывает устойчивый социальный иммунитет и, накапливая в процессе общественного развития элементы статичного состояния, не может обладать ярко выраженными функциями основного фактора радикализации определенной сферы человеческой культуры. Для экстремизма более благоприятно неустойчивое состояние постоянного накопления негативных тенденций, что характерно для транзитных обществ. Социальный, экономический дискомфорт на переходной стадии формирования институтов общественной регуляции при наличии регрессивных тенденций по указанным направлениям государственного обустройства формирует (или усиливает) инертный потенциал массового сознания (негативные особенности которого исследуются в последующих частях работы), который при благоприятных условиях или же посредством политических технологий пробуждает конфликтогенный инстинкт личности, групп, масс и находит в зависимости от характеристик, параметров объекта выход в русло политического, религиозного или иного рода экстремизма (Киргизия, Узбекистан, Украина, Палестина и т. д.).

В связи с изложенным, не верным, по нашему мнению, является утверждение одного из американских специалистов по религиозному экстремизму Джейсона Берка о том, что ведущее место в аргументации экстремистов занимает укоренившееся чувство несправедливости и униженности, которое имеет особую религиозную значимость в исламе⁷¹.

Несомненно, факторы психологического порядка, как уже отмечалось выше, играют одну из доминантных ролей в усилении религиозно-политического экстремизма исламского толка. Они обладают меньшей стати-

---

⁷¹ *Jason Burke. Al-Gaeda Today and the Real Roots of Terrorism // Terrorism Monitor 2004. February 12.*

кой, в большей степени содержат ценностные, ассоциативные элементы восприятия массовым обыденным сознанием категорий меры и уровня жизни. Однако, в то же время они не в состоянии систематически воспроизводить агрессивность в религиозном сознании, находящемся одновременно в зависимости от таких сакральных принципов учения, как непричинение зла ближнему, снисходительность к обидам во имя милосердия и прощения Всевышнего и т. д., тем более не могут стать фундаментальной постоянной основой религиозного экстремизма, политического ислама.

Что касается выводов об особой религиозной значимости в исламе чувств «несправедливости и униженности», то они скорее основаны на наблюдениях социальной отчужденности мусульманских общин (диаспор) вне их этнических территорий, которая не имеет ничего общего с религиозным мировоззрением, но является причиной формирования чувств социальной несправедливости и социальной униженности. Напротив, исламская концепция жизни основывается на принципе прощения даже врагов и только в этом случае мусульманин может рассчитывать на прощение собственных земных грехов и милосердие Всевышнего⁷².

Основываясь на этих коранических заповедях прощения один из известных турецких теологов-просветителей Феткуллах Гюлен приводит каноническое определение религии в целом «Религия — свод Божественных законов, непосредственно побуждающих обладателей разума творить добро»⁷³. Причем добро понимается не в том смысле, как его понимают те или иные люди, а добро — подлинное, истинное.

В буддизме фундаментализм наиболее ярко проявился в республике Шри-Ланка. Характерные черты буддистских радикалов кроются в их религиозных представлениях о космосе и земном происхождении. В частности, в своих фундаменталистских учениях они проводят идею космической предопределенности личного и национального тождества, отвергая, тем самым, исторический процесс как эволюционную основу бытия. В этой связи, все то, что предпринимается людьми, обществом в реалиях общественно-политической практики развития мира воспринимается ими как недопустимое вмешательство в предначертание свыше. Данная концепция открыто допускает насилие, возможность проявления которого усиливается в процессе современной политизации отдельных положений учения идеологами движения. В качестве примера достаточно привести деятельность сикских религиозных экстремистских группировок.

---

⁷² Коран. Изд. 7-е, перераб. и доп. — Алматы: Дәуір, 2002. — С. 64: 14.

⁷³ Гюлен Ф. Сомнения, порожденные веком. Т. 2. — Алматы, 2005. — С. 63-70.

В связи с изложенными выше результатами анализа, относительно объекта изучения, именно в «регрессивной динамике» негативных социально-экономических тенденций, при системном формировании инерционных элементов массового сознания происходит формирование в логической последовательности радикализма, экстремизма, в том числе религиозного толка.

Политические мотивы религиозного экстремизма имеют скрытые (статичные) и легальные (поступательно–динамичные) формы. Наличие определённых причинно-мотивационных форм зависит от типа политического режима. В странах с тоталитарными, авторитарными политическими режимами с изолированными от внешнего мира социумами, в которых попираются права и свободы граждан, развивается радикализм с присущими ему теологическими претензиями к концептуальным основам и принципам формализации идеологии государства, ее институтам и способам осуществления. Однако, тоталитарный характер развития общественных, политических, религиозных институтов общества не позволяет совершенствоваться методам реализации радикальных идей, в связи с чем, они остаются, в большей степени, на уровне религиозных идей в форме идеологических намерений и лишь периодически в хаотичной форме могут переходить в стадию экстремистского действия.

В демократических обществах открытого типа религиозный радикализм легализуется в доступных плюралистических (дозволенных рамками закона) пределах и имеет более широкие возможности для преодоления переходной, в деятельностьную стадию, фазы экстремизма. Следовательно, демократизм общественных институтов расширяет потенциальные возможности религиозного экстремизма. Вместе с тем, это не является свидетельством того, что демократия — один из побудительных источников экстремизации тех или иных сторон жизнедеятельности общества. Напротив, соблюдение демократических прав и свобод граждан создает реальные возможности естественного структурирования механизмов предупреждения радикализма и экстремизма. То есть, в данном случае при действенном, квалифицированном подходе государства к разрешению религиозных вопросов и налаживанию межконфессионального диалога вырабатывается социально-политический иммунитет общественного сознания, который, в свою очередь, позитивно воздействует на формирование диалогичных типов политической и правовой культуры.

Что касается идеологических мотиваций религиозного экстремизма, то их необходимо, на наш взгляд, относить к основным индикативным факторам разоблачения истинных, внутренних побуждений субъектов экстремистской деятельности. В этой связи, анализ джихадистских устрем-

лений, возведённых в статус самоцели в достижении политических целей, организациями типа Аль-Каида, Хезболлах, свидетельствует о явном несоответствии практики экстремистской деятельности с концептуальными положениями священного Корана. По данному поводу об игнорировании террористами классического исламского учения справедливо, на наш взгляд, утверждает один из ведущих исламоведов Запада (США) Джон Эспозито⁷⁴. Речь идет о прямых нарушениях террористическими организациями религиозного толка базовых принципов исламского учения. Для подтверждения данного вывода следует привести пример шахидизма (самопожертвование) «во имя Аллаха». Акт самоубийства, ставший методом террористического деяния воинствующих радикалов от религии, в современности предстал целостным явлением. Вместе с тем, ряд хадисов в исламе запрещает акции самоубийц, которых будут мучить в аду тем же способом, каким они лишили себя жизни. В частности, этот аспект ревизионистской политики религиозных экстремистов подчеркивает в своей работе и западный исследователь Бернард Льюис⁷⁵.

Необходимо отметить тот факт, что аналог шахидизма есть и в других направлениях религиозного экстремизма (движения «сикариев» в иудейской ветви 1-го века; революционных народников начала XX века; японских смертников «комикадзе» и т. д.). Основная мотивация таких поступков лежит не в религиозных концепциях тех или иных направлений, а в тех психолого-мировоззренческих основаниях личности, которые являются «продуктом» эффективной методики «религиозного зомбирования» обыденного сознания до уровня фанатизма, политического манипулирования посредством идеологической ревизии тех или иных учений.

В связи с последним заключением, представляет интерес классификация радикальных движений специалистом А. Мотыль, который выделяет среди членов таких организаций «мучеников», «искренне верующих», «фанатиков» и «верующих с практической целью»⁷⁶. Для эмиссаров религиозных экстремистских организаций наиболее благоприятной социальной основой для культивирования насилия представляются первые три категории верующих. К последним, как правило, относятся сами идеологи движений и их посредники, преследующие цели далекие от традиционного религиозного салафизма.

---

⁷⁴ *Esposito J. Unholy War; Terror in the Name of Islam.* Oxford: Oxford University Press, 2002. — P. 157.

⁷⁵ Bernard Lewis. *Crisis of Islam. Holi War and Unholy Terror* N Y The Modern Library, 2003. — P. 153-154.

⁷⁶ *Motyl A. Sovietologu: Rationality Nationality.* — N. Y.: Columbia University Press, 1990. — P. 37-39.

Одним из движущих факторов феномена религиозного экстремизма и терроризма является готовность субъектов этих деяний к самопожертвованию «во имя Всевышнего (Аллаха, Бога)». И эта составная особенность явления требует пристального изучения, так как представляет из себя ту часть в целом рассматриваемого объекта, которая наряду с другими факторами и определяет насильственный облик современного фундаментализма.

В отличие от других сфер жизнедеятельности человека религия является статичным и неизменным феноменом культуры. Определяющая в ней «констатация понятий абсолютной истинности» в сознании людей обретает значение нерушимых догм, в связи с чем, порождает «категоричность отношения» верующего к тем или иным религиозным концепциям сотворения и существования мира, что, в свою очередь, формирует в его обыденном восприятии окружающей действительности психологическое состояние «полного доверия и веры» к объекту поклонения. Это состояние закрепляется в мировоззрении личности в качестве принципиальных устоев его существования. Так, в логической последовательности формируются в человеке религиозные ценности, порой возводимые, в зависимости от условий и методов их «культивирования» (образ жизни, религиозная пропаганда и т. д.) в статус доминантных предпочтений, а то и самоцелевых ориентиров жизни. Последние и определяют самозабвение в религии и вере, отчуждающее сознание от меркантильных интересов бытия.

Фанатизм веры основывается на чувственно-эмоциональных восприятиях. Недоступность экспериментальным доказательствам концептуально-теоретических выводов религиозного обоснования мира создает установку сакрального таинства, куда разум человеческий не способен проникнуть, а следовательно и объективно объяснить логическую суть исходного понятия. Именно отношение к этому таинству и есть вера. Окружающий мир материального, динамично видоизменяясь (процессуальная картина этого динамизма отражается в общественно-политическом, экономическом опыте человека в виде результатов жизнедеятельности, исследований, преемственности традиционных укладов жизни и т. д.) имеет свои логические объяснения, поэтому светское общество не делает идолов духовного поклонения из объектов достижений культуры и цивилизации. Подтверждённое практикой или опытом не требует каких-либо духовно-символических освящений. Недоступность же чего-либо обычному человеческому разуму завораживает его и требует поклонения как к более высшей инстанции бытия.

Основные религиозные концепты — вечные категории человеческого бытия и внедряются в сознание людей в заготовленном виде, не требую-

щем каких-либо логических, с точки зрения современных возможностей познания, подтверждений. В этой связи, верующий человек не знает сомнений в вере, потому как нет на то подтвержденных практикой побудительных фактов. Вера — категория публичного оперирования и имеет способность массового овладения умами людей. Более того, она формирует стереотипы массового поведения и массового действия, что и является основным фактором в достижении эмоционального эффекта «религиозно-идеологического зомбирования» людей в экстремистских и террористических организациях. Необходимо отметить, что в данном случае, априори, вне анализа и оценок конкретных религиозных направлений или, в целом, роли религии в развитии цивилизации, исследуется технология формирования основных компонентов фанатичного религиозного сознания, ее деятельного аспекта в рамках анализа религиозного фанатизма.

Вера и фанатизм — категории взаимно обусловленные. Вера предполагает безапелляционное следование идеологическим, в данном случае, религиозного толка, предписаниям, догматизируя теорию, вводя стереотипное мышление и поведение, фанатизм требует отчуждения инакомыслия, постоянного самоконтроля в рамках религиозной идеологии, а соответственно и самобичевания и нахождения в состоянии нереализованных возможностей по достижению крайней степени угодничества высшим силам. Перманентное психологическое возбуждение, постоянное воспроизводство в сознании верующего повышенного эмоционального состояния в пике своего развития и могут приводить к экстремальному, девиантному поведению. В истории религиозных движений факты экстремизма — частое явление. Варфоломеевская ночь во Франции и массовая физическая расправа католиками гугенотов; инквизиционные сожжения на кострах еретиков и иноверцев в средневековой Европе; «крестовые походы» миссионерского характера, в которых крестоносцы в фанатичном богоугодничестве истребляли тысячи иноверцев и гибли сами; современные шахиды, самоуничтожающиеся во имя благой жизни после смерти; современные феномены сектантства в христианстве, иудаизме с человеческими жертвоприношениями — всё это явления одной направленности — религиозного фанатизма. Отсюда следует, что именно фанатичная приверженность к той или иной религиозной догматике, доводящая субъектов веры до психологического «срыва» и являются заключительным переходным звеном к религиозному экстремизму и терроризму. Наряду с этим, важнейшую роль в радикализации религиозных движений и в том, что именно в терроре отдельные религиозные организации увидели наиболее перспективный метод достижения политических целей, сыграли следующие факторы:

– трудности, которые испытывают те или иные религиозные общности под влиянием модернизационных процессов в обществах, наступление инородных ценностей (этот фактор в большей степени проявляется в мусульманских общинах западных стран и среди населения арабских обществ);

– религиозная неграмотность верующих, которая делает их жертвой религиозных сект, утверждающих, что лишь их трактовка священных писаний и священных книг (библия, коран) является истинной и богоугодной;

– совершенствование коммуникационных технологий, СМИ, что способствует глобализации связей между различными частями религиозного мира;

– конфликты между Палестиной и Израилем, в Афганистане, Боснии, Чечне, Албании, Косово, Индонезии, на Филиппинах, которые отдельными субъектами геополитики, исследователями были истолкованы как противоборство исламской и христианской цивилизаций за право доминантного определения ценностей нового миропорядка;

– крушение советской империи, которое спровоцировало скрытые этнические и религиозные противоречия и довело их до масштабных конфликтов, вплоть до уровня мировых угроз современности;

– неумение отдельных правительств государств мира решать проблемы общества в соответствии с реалиями современности и доминирующими потребностями своих граждан, а также эффективно осуществлять внутреннюю политику по обеспечению национальной безопасности;

– активизация антитеррористической деятельности в странах Ближнего Востока и арабского региона, что переместило наиболее активные очаги религиозной экстремистской деятельности в другие точки мира.

На основании вышеизложенного, необходимо определить критерии распознавания религиозного экстремизма и терроризма, которые находятся в прямой зависимости от уровня свободы вероисповедания, соблюдаемой в тех или иных обществах. Естественные же границы свободы культа определяются следующими параметрами:

– отправление культа не должно в оскорбительном тоне задевать ничьих

– религиозных верований или неверия;

– оно не должно ставить препятствия для отправления других религиозных культов и нарушать законы, регламентирующие проведение публичных мероприятий;

– отправление религиозного культа не должно как по форме, так и по содержанию иметь в себе состав любого преступления, то есть подпадать под квалификационные ограничения уголовного законодательства.

Данные параметры, в свою очередь, должны включать характерные признаки категории свободы вероисповедания, которые основываются на следующих правах:

- исповедовать или не исповедовать любую религию;
- свободно выбирать и иметь религиозные убеждения;
- действовать в соответствии с религиозными убеждениями;
- проповедовать религиозные убеждения и распространять их любым, не запрещенным законом, путем;
- осуществлять религиозное, атеистическое воспитание и образование;
- совершать религиозные обряды и культы;
- менять вероисповедание;
- создавать новое вероисповедание;
- на благотворительные и другие, не запрещенные законом, виды общественной деятельности;
- на равенство перед законом независимо от вероисповедания и принадлежности к той или иной конфессиональной общине.

На основании отмеченных особенностей соблюдения прав и свобод вероисповедания любое посягательство на них является религиозным преступлением, т. е. экстремизмом или терроризмом, основным мотивом которого служат религиозные причины. Их можно сгруппировать следующим образом:

1. Проявление неуважения к религиозной свободе, выраженное в форме действия.
2. Такое действие должно быть выражено исключительно в форме посягательства на религиозную честь и достоинство человека.
3. Данное деяние должно иметь умышленный характер.
4. Основным признаком действия должна стать публичность, как фактор, позволяющий классифицировать экстремистскую природу того или иного явления.

В связи с вышеизложенным, характеристики собственно религиозного экстремизма полярно различаются с особенностями целевого политического экстремизма, что требует и соответствующего акцента при мотивационно-квалификационных определениях явления терроризма как криминально-деятельностного проявления тех или иных экстремистских идей.

На основании использования выделенных критериев можно сделать вывод о том, что в казахстанской практике межконфессиональных и, в це-

лом, общественных отношений явления собственно религиозного экстремизма нет. Более того, проявления религиозной нетерпимости в формах и социальных параметрах, приведенных выше, во многом исключаются благодаря сложившейся в поликонфессиональной действительности Казахстана соответствующей социальной основы, в структуру которой заложены такие нравственные культурные ценности как толерантность (казахского народа к другим этно-национальным общинам) и правовые гарантии соблюдения свобод личности независимо от вероисповедания в форме цивилизованного урегулирования межконфессиональных связей со стороны государства. Следствием такой государственной политики в сфере межэтнических и межконфессиональных связей является рост культуры отношений между представительствами в Казахстане различных мировых религий, религиозных и этно-национальных общин. Важным подтверждением тому могут служить количественные показатели. Так, в Казахстане функционируют более 40 религиозных конфессий, каждая из которых имеет соответствующие учреждения и материальную основу для развития учения. Об этом свидетельствуют и результаты социологического исследования, проведенного отечественными учёными в контексте выявления таких аспектов казахстанского феномена полинациональности как место и роль межэтнического общения в системе общественных отношений, в формировании национальной психологии⁷⁷.

Наряду с изложенным, религиозная обстановка в Казахстане имеет определенный дестабилизационный потенциал, который обусловлен как внутренними, так и внешними факторами. В этой связи, казахстанские учёные отмечают два направления риска. Одно из них связано с возможным обострением ситуации внутри мусульманских общин Казахстана. Другое — обусловлено геополитическим влиянием извне⁷⁸. Относительно второго фактора потенциального внешнего влияния особый акцент необходимо сделать на миссионерской деятельности иностранных религиозных общин в Казахстане. Так, в последнее десятилетие наблюдается рост нетрадиционных для Казахстана конфессий. Увеличение их числа обусловлено, прежде всего, повышением активности миссионерства. В условиях крупных иностранных валютных ассигнований деятельности таких учреждений перспективы их развития и влияния на религиозное и массо-

---

⁷⁷ Абсаттаров Р. Казахстанский феномен // Казахстанская правда. 2002. 14 марта.

⁷⁸ Косиченко А. Г. и другие. Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — С. 151.

вое сознание казахстанцев сложно прогнозировать в оптимистическом тоне. В этой связи, необходимы:

- систематическое мониторинговое изучение религиозной обстановки в стране;
- проведение специальных исследований религиозного сознания населения с привлечением теологов и духовных служителей — представителей традиционных мировых религий.

Вопросы для самоконтроля:

1. Когда сформировалось фундаменталистское течение в христианстве и какие положения определили основу его радикального учения в протестантизме?
2. В чем заключается неприемлемость религиозных идей фундаменталистов для официальной церкви и религиозного христианского мировоззрения?
3. Какую роль играют в современном политическом процессе протестантские фундаменталисты?
4. Мормонизм в США? Какие цели преследуются мормонами и их роль в формировании радикального мировоззрения в религиозном сознании христиан и иудеев?
5. Какие исторические события и явления обусловили современный процесс распространения религиозно-политического экстремизма и терроризма?
6. Какое состояние развития современного общества в большей степени благоприятствует формированию конфликтного потенциала групп, масс?
7. Какие радикальные идеи содержатся в религиозном фундаментализме буддистского толка?
8. Какие формы характерны для политических мотивов формирования экстремизма религиозного толка?
9. Какие факторы способствуют радикализации религиозного сознания масс в современных обществах мира, благоприятствуют экстремистской идеологии и совершенствованию тактики террористической деятельности?
10. Какими основными положениями определяются естественные границы свободы культа?
11. На каких правах основываются ведущие характерные признаки категории свободы вероисповедания?

12. Какими мотивационными причинами обусловлены основные признаки преступлений, которые можно квалифицировать как экстремизм и терроризм на религиозной основе?

13. Какая ситуация сложилась в казахстанской практике межконфессиональных отношений и какие факторы определяют дестабилизационный потенциал религиозной обстановки в Казахстане?

2.2. Этнический экстремизм

В современных попытках исследования религиозного экстремизма недооцениваются, на наш взгляд, комплексные мотивации глобального распространения явления. В большинстве случаев эксперты абсолютизируют экономические причины (экономическая отсталость в развитии, обнищание масс в связи с чем, усиление процессов маргинализации и люмпенизации, ...), их роль в обострении общественно-политической ситуации в тех или иных регионах мира, дестабилизации мировой политики. Не занижая степени актуальной значимости таких исследований в процессе предметно-ориентированного рассмотрения феномена, следует признать то, что объектно-мотивационная автономность познания рассматриваемого явления в данном случае существенно упрощает проблемный анализ, сужая его границы традиционными рамками материальных потребностей.

Социально-экономический фактор усиления экстремизма, несомненно, является одной из детерминирующих мотиваций явления. Однако, «мобилизационная сила» феномена состоит из ряда взаимообусловленных мотивов, в котором экономическим причинам сопутствуют политические (авторитарный режим, коррумпированность властей, клановость, ...), идеологические (порожденные вследствие религиозного ревизионизма неоформы фундаменталистских течений в исламе, христианстве, буддизме и т. д.). В этой связи, современный религиозный экстремизм и терроризм имеет тесную связь с этническим, основой которого являются идеи национализма (данная взаимосвязь имеет наибольшее, наряду с политическими мотивациями, распространение в современном мире, в связи с чем, и заслуживает особого акцента в нашем учебном пособии). В данном случае следует отметить, что мотивировать этнический терроризм могут и современные концепции национализма — национальное самоопределение, национальная самоидентификация, национальная идеология.... Группы, действующие на Северном Кавказе, в Чечне и преследующие цели национального самоопределения, обращаются к исламу не с целью

возрождения классических салафитских основ вероучения, а для усиления мобилизующей силы этно-национального движения. Аналогичный пример использования великой исламской религии можно наблюдать в Палестине (деятельность «Хамас» - яркий пример политизации ислама), в Ираке (группы национальной обороны, использующие религиозные лозунги священного джихада с целью достижения высшей степени мобилизации иракского населения, в котором религиозные формы сознания являются преобладающими, на освободительную борьбу против внешнего государственного террора со стороны США). Перечисленные примеры касаются «смешанной типологии», когда определённый тип содержания основной мотивации насилия дополняется инохарактерным видом формы реализации. Наличие этно-национальных мотивов у некоторых религиозных организаций экстремистского толка, в этой связи, не вызывают сомнения. Вместе с тем, имеются принципиальные отличия, которые заложены в основу движений.

Экстремисты с этно-национальными лозунгами нацелены главным образом на достижение целей национального самоопределения, формирования автономной государственности с помощью методов террористической деятельности. Попытка же государств использовать какие-либо контрмеры, как правило, сопряжено с трудностями идеологического и политического характера и выливается в длительный процесс, включающий также политические меры урегулирования проблемной ситуации. Традиционные меры, включающие обычно насильственные контрдействия официальных силовых государственных институтов, могут спровоцировать тенденции формирования в общественном сознании понятий «двойного стандарта», когда относительно «умеренное» население будет вынуждено делать выбор между мировоззренческими позициями субъектов терроризма и ролью отступников от идеи возрождения национальной идентичности и независимости. В стратегическом плане ответное насилие со стороны государства может повлечь резкую поляризацию общества, антагонизировать межэтнические отношения в социуме и привести к более сложным противоречиям, вплоть до полного разрушения общинных связей.

Каковы же специфические особенности собственно этнического экстремизма и терроризма, в которых мы можем наблюдать аналогию с экстремизмом и терроризмом религиозного толка?

Границы функциональных различий этнического и религиозного экстремизма в практике деятельности экстремистских организаций современности не чётко сформированы и сложно определяются. Более того, на примере некоторых террористических группировок Центральной Азии, Ближнего Востока можно даже наблюдать эволюционные признаки «пе-

революционные» религиозных экстремистов в движения, преследующие этнические цели. Так, экстремистская организация «Хезболлах» (в переводе «партия Аллаха») изначально сформировалась как религиозно-политическое движение, основной целью которого была исламизация ливанского режима. Этап же с начала 2000 год характеризуется в ее деятельности усилением шиитско-общинной идеологии, в основе которой обособленческие идеи преобладают над устремлениями религиозно-фундаменталистской ориентации.

Экстремизм, основанный на этнических причинах, представляет из себя спланированное насилие со стороны субнациональной этнической группы для достижения целей этно-национального саморазвития, создания собственных государственных институтов управления в пределах автономного образования, статусного определения группы в сообществе с другими национально-этническими общинами. В тактике борьбы этнические радикалы и экстремисты не предъявляют общенационально-этнических претензий, а делают политический акцент на положении наиболее уязвленных слоев населения. В таких организациях, как правило, существуют и этно-национальные ограничения членства («Тигры организации освобождения Тамилы»). Перманентный характер взаимосвязи между экстремизмом религиозного толка и этническими экстремистами усиливает тактические особенности каждого из движений.

В связи с трудностью определения внутренней функциональной сути этнического экстремизма и терроризма следует, на наш взгляд, выделять в первую очередь мотивационные признаки явления. Для более полного усвоения знаний о рассматриваемом объекте необходимо классифицировать по специфическим направлениям.

В современном мире наиболее распространенными являются три направления этнического экстремизма. Сторонники первой ориентации преследуют идеолого-реваншистские цели, стараясь различными путями и средствами доказать превосходство или актуальную значимость собственных идей по разрешению тех или иных национальных и этнических проблем. Другое направление выступает с радикальными намерениями, зачастую переходящими в русло воинствующего экстремизма, установления нового режима, игнорируя при этом традиционные способы мирного урегулирования вопроса. Организации, целенаправленно добивающиеся создания собственного государства, составляют третье направление этнического экстремизма. В свою очередь, мобилизующая сила каждого из обозначенных направлений зависит от:

– степени поддержки населением выдвигаемых идей, которые в содержательном плане отличаются стратегической новизной и привлека-

тельностью для той категории населения, чье положение и взято за основу программных требований;

- методов их реализации и достижения целей, которые, по сути, и являются определяющим индикатором экстремистских характеристик этнических группировок и организаций;

- финансовой базы, основным источником которой являются страны-спонсоры и вливания от криминальной деятельности боевого крыла организации и движения (наркобизнес, незаконная торговля оружием, насильственное заложничество). Последний источник финансовой основы экстремизма представляет из себя и специфическую форму политического насилия — политического терроризма, в связи с чем, заслуживает отдельного рассмотрения в последующей части настоящего учебного пособия.

Для всестороннего изучения природы этнического экстремизма и терроризма, характера их взаимосвязи с видами насильственных действий религиозного толка необходимо, по нашему мнению, проанализировать уровни его формирования, то есть, изучить технологию структурно-функционального оформления этно-национализма, как феноменального явления современности.

На начальной стадии формирования важнейшим и обязательным условием существования и дееспособности движения является его организационное оформление. И здесь мы наблюдаем парадоксальный факт — обязательное условие организационно-структурного оформления и становления этнического экстремизма входит в противоречие с его сущностной природой, отчуждающей в целом форму общности любой специфики, будь она в виде племенного объединения или секты. Поэтому важной первоначальной целью становится политизация большей части объекта — этносоциума, что возможно при манипулировании его сознанием, посредством акцентирования внимания на каком-либо одном элементе национальной идентификации. В связи с данным заключением, становится понятным устремления этнических националистов в постсоветских республиках по узакониванию языкового или военно-сословного (казачество в Казахстане) статусов. Преследуемая в этих случаях радикалами и экстремистами цель — логически последовательное построение автономной этнической или национальной общности (диаспорные автономии, в которых будут пропагандироваться соответствующие этно-национальные идеи самоопределения) с переходом в стадию движения к государственной автономии. В данном случае необходимо отметить факт разного понимания противоборствующими сторонами (этническими формированиями и государством) содержания выдвигаемых требований по этно-национальной самоидентификации. Так, курдская общность в Турции добивается нацио-

нального самоопределения в рамках требований создания территориальных условий (автономизации) для собственно этнической самоидентификации, тогда как турецкое государство проводит политический курс на укрепление национальной идентичности в рамках титульной нации. В этой связи, экстремизм курдской общины заключается в отрицании другой этнической автономии в рамках «собственных зон» массового проживания этноса. Радикализация отношений со стороны курдов преследует также перманентную цель получения этно-национальным движением статуса этнического восстания, когда характер экстремистских действий, в случае обретения этносом общих правовых оснований на территориальное самоопределение в рамках данного государства перейдет в русло национально-освободительного движения. Не имея какой-либо гарантированной надежды на окончательный успех движения, курдские сепаратисты, тем не менее, при любых обстоятельствах (поражениях, спорадических успехах) получают в актив движения ощутимые выгоды. То есть, если успех приводит их к распределению властных отношений в обществе, а в итоге к желанной автономизации, то неудача усиливает у членов общины ощущение национальной идентичности и ведет, в конечном счете, к формированию в условиях политико-идеологического пресса со стороны государства, основных компонентов национальной идентификации. В данном случае, в сложившихся условиях риторическим становится сам вопрос о полезности для курдского движения спорадических удач или скорее поражений, делающих их в глазах окружающего мира с позиции гуманного сострадания «мучениками», а внутренний психологический климат общины более укрепляющим и объединяющим в единый этнический организм. Пример курдского этнического движения наиболее типичен в целом для обозначения процесса этнического экстремизма современности. В этой связи, он и стал в нашем случае объектом более пристального внимания.

Как уже отмечалось выше, идеи этнических экстремистов разработаны с учётом наиболее уязвленного положения общин, в связи с чем, имеют поддержку среди определенной категории населения. Именно по этой причине действия этнических радикальных движений выглядят в глазах отдельных слоев общества актами вынужденной обороны или возмездия за отчуждённое состояние. Что касается мобилизационного фактора такой поддержки этнических экстремистов, то в данном случае срабатывает механизм «эффекта обратного действия». Чем больше государство концентрирует свои силовые функции на идеологических проблемах этнического экстремизма и терроризма, тем большую поддержку идеи этнической автономизации находят у соответствующей категории населения. Образец

действия обратного эффекта можно наблюдать на известных югославских событиях. До Боснийской трагедии жители страны идентифицировали себя с титульным этносом «югославы». В процессе развития межэтнического конфликта (Босния, Сербия, Герцеговина и Черногория) появился ряд неразрешимых проблем этно-национального характера, которые «устранялись» силовыми ведомствами образовавшихся этнических общин не без активного участия ведущих мировых держав (США — преимущественно), что усилило центробежные силы в этническом вопросе региона и, соответственно, проявилось в обыденном сознании людей импульсами сохранения этнической идентичности (настоящее заключение следует определять как концепцию безопасности в проблеме сохранения этнической идентичности, которая является важной мотивационной причиной этнической экстремистской деятельности), что и привело к обострению чувства принадлежности к собственной этнической группе.

Обозначенные характерные особенности этнического экстремизма и являются сближающими факторами его с экстремизмом религиозного толка. В этой связи, некоторые выводы и заключения в анализе этнических движений радикального характера могут быть с успехом использованы и в исследованиях экстремистских религиозных организаций. Так, в качестве типовой в обозначенных плоскостях научного поиска, по нашему мнению, можно использовать классификацию видов насилия в этнических движениях, рекомендуемую Тэдом Робертом Гуром, который выделяет пять категорий актов протеста с использованием насильственных действий на протяжении более пяти лет. Во-первых, это политический бандитизм, спорадический терроризм. Здесь же указаны неудачные попытки захвата власти группами людей или от имени таких антиправительственных групп. Во-вторых, это террористические акты группировок, успешные государственные перевороты террористических групп, совершаемые ими или от их имени. В третью категорию вошли партизанские действия ограниченного масштаба или аналогичные акты насилия, которые носят локализованный характер. Четвертая категория актов насилия содержит действия партизанских отрядов в составе более тысячи вооруженных бойцов, совершающих частые вооруженные операции на довольно обширной территории или групп, вовлеченных в революционную или международную войну, которая не имеет прямой связи с интересами групп. Наконец, пятая — это категория деяний со стороны этнических движений, представляю-

щая из себя продолжительную гражданскую войну с участием военных частей и подразделений, имеющих свои базы⁷⁹.

Приведенная классификация основной деятельности этно-национальных движений отражает преимущественно такие же особенности, но уже экстремизма религиозного толка в странах Центрально-Азиатского региона, некоторых европейских зонах распространения экстремизма и терроризма. Так, продолжительное военное, более чем пятилетнее, противостояние в Таджикистане, в котором у многих, привлечённых к военным действиям религиозных группировок, были, большей частью, не связанные с распределением властных полномочий в стране, интересы, является ярким тому примером. События в Киргизии, Узбекистане также могут быть включены в разряд указанных категорий экстремизма.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какие факторы доминируют в мотивациях этнического экстремизма и терроризма?
2. В чем заключаются цели и особенности проявлений экстремизма и терроризма этнического толка?
3. Какие направления этнического экстремизма наиболее характерны для современного мира?
4. Какие факторы определяют мобилизационный потенциал основных направлений современного этнического экстремизма?
5. Основные уровни (этапы) формирования этно-национализма, как феноменального явления современности?
6. Какие типичные категории актов этнического протеста с использованием насилия изложены в классификации, рекомендованной известным западным экспертом терроризма Тэдом Робертом Гуром?
7. В чем заключаются основные признаки сходства и различия современных проявлений религиозного и этнического экстремизма?

---

⁷⁹ *Gurr T. R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1993; Idem. Peoples Versus States, Minorities at Risk in the New Century. Washington, DC: United States Institute of People Press, 2000.*

2.3. Политический экстремизм

Процесс развития человеческой цивилизации всегда сопровождался идеями радикального переустройства той или иной системы общественных и социальных отношений. Базировались эти убеждения на негативном отношении к сложившейся социальной реальности, антагонизме доминирующих противоречий, на использовании методологии разрушения. Наглядным примером тому может служить эпоха Нового времени. Благодаря концепции «естественного права», а также социальным интерпретациям категории разума, в это время возникло родственное современному пониманию целей политического радикализма неординарное направление философской мысли, согласно которой утверждалось о целесообразности радикальной смены «неестественных» социальных условий, традиций новыми, рожденными прагматизмом мышления и рационализмом сознания (идеи социального равенства). На основании же утверждений о практической состоятельности человеческого разума, его природной, свободолобивой сути были сформулированы теории общественного бытия вне институтов государственного регулирования обществом (анархизм). Авторы такого рода идеологических доктрин и инициировали величайший практический эксперимент в истории французского общества, ставший, по сути, источником мирового революционного экстремизма, а впоследствии и революционного террора. Идейным же предшественником Великой Французской революции стал Монтескье Шарль Луи (1689-1755 гг.), который утверждал, что только страх, а не добродетель и совесть является движущим началом деспотического правления⁸⁰.

В связи с изложенным, политический экстремизм в своем развитии проходит несколько этапов. Начальная стадия — это формирование радикальной идеологии, которая заслуживает более подробного изучения в логической последовательности рассмотрения проблемы в следующей части настоящего учебного пособия.

В политических реалиях общественно-политической жизни современных цивилизаций политический экстремизм представляет из себя следующий после радикализма этап формирования политической агрессии. В основе исследуемого феномена могут быть различные факторы от социально-экономических (кризисы, нищета населения ...), политических (неспособность институтов и структур власти к решению насущных проблем общества, что впоследствии приводит к их деформации), национальных

---

⁸⁰ Монтескье Ш. Избранные произведения. — М., 1995. — С. 178-187.

(притеснение этнических групп, меньшинств), до собственно-психологических (политические амбиции лидеров ...).

Что же это за явление, суть которого с высот современных цивилизаций, разума и человеческого опыта социальной и общественной коррекции возникающих противоречий, сложно объективируется в нашем сознании.

В переводе с иностранного языка (французский и латынь) «экстремизм» означает крайний. В практическом, расширенном толковании — это приверженность к крайним мерам воздействия на объект.

Политический экстремизм признает только волевой, основанный на силовом давлении, метод решения проблем. Как правило, объектом его воздействия является установившийся порядок вещей — социальные, политические, общественные структуры.

Следует, на наш взгляд, различать политический экстремизм «по форме» и по «действиям». По «форме» политический экстремизм представляет собой идеологию, воздействующую на сознание людей с целью смены сложившихся ориентиров ценностей политической культуры. Основной акцент в пропагандистской деятельности политических экстремистов делается на чувства и эмоции граждан.

Ориентация на чувственность людей и ставит вне конкуренции использование религиозного фетиша, который, вписанный в общий каркас социально-экономических проблем, в свою очередь, формирует фанатизм мировоззрения — одно из важных составляющих элементов международного терроризма.

Идеология, основанная на крайних взглядах, исключает компромиссное сосуществование с иными идейными концепциями теоретического сознания, стремится установить приоритет собственного понимания хода политических процессов, их перспективы, собственного права на доминирование в поле политических интересов. Внутренняя атмосфера в среде сторонников того или иного экстремистского движения аналогична той, которая формируется в сфере армейских, военно-командных отношений — слепая вера в догмы экстремистской идеологии, повинение, готовность при необходимости собственного жертвования в угоду поставленных целей.

Пропаганда и распространение идеологических воззрений экстремистов имеет избирательный характер. Как правило, объектом их воздействия становятся те слои населения, в которых доминирует заниженный обывательский уровень сознания, преобладают потребительские инстинкты толпы. Соответственно, верования и предрассудки у данного типа массового сознания имеют крайнюю или типично приближенную к ней, фор-

му выражения. Более того, психологический настрой в экстремистских организациях в процессе нагнетания идеологизированных страстей обретает характер массовой истерии и психоза. Члены таких формирований помимо внешних факторов воздействия испытывают и внутренний «эмоциональный дискомфорт» от систематического самовозбуждения, взведенных в действие указанными выше внешними импульсами, психических регуляторов сознания.

Условно обозначаемый нами внешним, с целью структурно-функциональной дифференциации явления, идейный антагонизм политического экстремизма и внутренний, доведенный до клинического уровня психоз его субъектов взаимно воспроизводятся и порождают в виде конечного результата политическую ксенофобию.

Политический экстремизм «по действию» следует определять как абстрагированное от стержневой идеи, воображаемое действие. Поэтому в целом при рассмотрении экстремизма как целостного явления за основу следует, на наш взгляд, брать именно эту готовность к совершению преступного деяния, суть явления. Попытаемся проанализировать эту завершающую стадию политического экстремизма.

Являясь переходным звеном от собственно политического экстремизма к политическому терроризму он представляет из себя психологическую составляющую, исследуемого в целом, феномена. Наиболее четко сформулирована данная особенность политического экстремизма российским учёным С. Н. Булгаковым, который в основу своей трактовки указанной части категории вводит понятие героизма и рожденного им максимализма. Рассматриваемый исследователем максимализм является, по его мнению, неотъемлемой чертой героизма и «... сковывает мысли и вырабатывает фанатизм, глухой к голосу жизни»⁸¹. В приведенной формулировке автор представил нам метод осуществления политического экстремизма, который носит форму воображаемого поступка. Здесь мы имеем дело с работой сознания субъекта экстремизма. Психологическая основа данного метода обретает на промежуточном, переходном к террористическому деянию, этапе, форму законченного воображения реализации экстремистской идеи. То есть, «субъект деяния» является таковым в мыслительной практике, в собственном воображении завершения экстремистского акта. Так рождается особый тип политического экстремиста, для которого идеология становится лишь вывеской, оправданием антиобщественного поступка, а героика жертвенности во имя идеи — смыслом и образом повседневной жизни. В этой части воздействия политического

---

⁸¹ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. // Вехи. — М., 1999. — С. 43.

экстремизма наиболее уязвимы люди, не имеющие достаточного жизненного опыта, малообразованные, оценивающие окружающую действительность по максимальным критериям. С данной точки зрения, как утверждает С. Н. Булгаков, «экстремизм оказывается своего рода «духовной педократией»⁸².

Как правило, у такого рода экстремистов сформирован активистский тип политической культуры, но с негативным восприятием доминирующих условий жизненной среды. Их политическое поведение отличают эмоциональный настрой, приверженность к нивелированию, выработанных и принятых обществом, моральных устоев и ценностей, социальный нигилизм и политический цинизм. Именно на этом уровне в сознании экстремиста формируется теоретический выбор метода реализации своих идей, который впоследствии входит в фазу террористического акта. «Экстремизм тесно связан с терроризмом, — пишет на основании полученных результатов социологических исследований учёный В. Н. Амелин, — так как в нём отбрасываются морально-этические и правовые ограничения политического поведения»⁸³.

Зачастую категорию политического экстремизма используют как аналог политического радикализма. Вместе с тем, это разноплановые понятия в составе единого явления. Отличие политического экстремизма от предыдущей стадии формирования политического насилия в том, что радикальная идея не всегда предполагает экстремистский способ осуществления и может базироваться чисто на идеологических доктринах. Для политического же экстремизма первичен призыв к насилию и действию, порой без основательной идеологической платформы. В целом, одновекторные явления, имеющие структурное сходство, тем не менее, отличаются по признакам доминирования идейно-мотивационных и деятельностно-функциональных особенностей.

На основании изложенного в качестве критериев определения политического экстремизма, а также дифференциации его основных характеристик следует выделять:

- во-первых, целенаправленные высказывания, преследующие цель расширения числа сторонников излагаемых политических позиций, т. е. пропаганда, распространение политических идей на неопределенный круг людей;
- во-вторых, смысл такого рода политических призывов сводится к пропаганде не только превосходства одной общности, группы, государ-

---

⁸² Там же.

⁸³ Амелин В. Н. Социология политики. — М., 1992. — С. 77.

ства над другими, но к указанию на другую сторону как на источник зла и всех бед;

– в-третьих, пропаганда вражды и ненависти проявляется посредством реализации таких конституционных прав и свобод, как свобода печати, митингов, шествий (скрытая форма). Здесь появляется публичный, политический фон.

Исследования мотивационных характеристик политической агрессии было бы неполным без анализа ее таких фундаментальных идеологических основ, которые имеют корни и в религиозно-политических движениях.

История формирования и развития религиозного сознания изобилует фактами радикально-консервативного отношения к осуществлению тех или иных религиозных канонов. В этой связи, фундаментализм, как приверженность к изначальным «старотрадиционным» формам организации жизни имеет истоки в протестантской вере, когда в XIX — начале XX-го столетий, в эпоху модернизации южных американских штатов, распространилось течение либерально-протестантского рационализма, которое впоследствии успешно интегрировалось в американский политический процесс, в том числе в контексте событий на Ближнем Востоке (более подробно на данной проблеме мы остановились в предыдущей части учебного пособия).

Современный же фундаментализм в более радикальной форме выражения присущ неоваххабитскому направлению ортодоксального толкования ислама. Политическая мотивация экстремизма, в данном случае, требует обращения также к корням фундаментализации исламского учения, более подробный анализ которой дан в предыдущей части работы (религиозные мотивации фундаментализма). Основоположник течения Махмуд ибн Абдель Ваххаб в XVIII веке создал новую идеологическую концепцию, согласно которой устанавливались жесткие правила по отношению к тем, кто стремился к либерализации исламских вероучений. Субъектом противоборства для последователей ваххабитского учения стала либеральная ханифитская школа, организованная правителями Османской империи, в состав которой, в тот период, входил Аравийский полуостров. В противостоянии двух религиозных мировоззрений — либеральной и консервативной впоследствии и зародилось радикальное движение, главной целью которого стала защита ислама от модернизационных процессов современности. Политизированный характер данного движения определялся, как уже отмечалось выше, в 70-е годы XX столетия (альбанизм, хоменизм). Отличительными особенностями современного фундаментализма (неоваххабизма) является стремление к уничтожению святынь инакомыслия. По отношению к единоверцам, исповедующим традиционный ислам

с поклонением святым местам (Мекка, Медина, Туркестан, могилы сподвижников пророка Мухаммеда...), насильственный характер способов воздействия не изменяется. Однако, двойственный вектор религиозной и политической мотивации экстремизма и его корней, стал основой для исследования фундаментализма, как радикально-идеологического учения, в настоящей части и, как религиозно-политического движения, в предыдущем разделе работы.

В связи с изложенным, наряду с другими причинно-мотивационными факторами, религиозный фундаментализм, во многом ставший основой для современного политического экстремизма, также имеет несколько этапов формирования и развития, которые уже обусловлены доминантно-политическими особенностями. Первый — охватывает поздний период распространения ваххабитского учения как политизированного ислама с акцентом на джихадистские методы распространения «чистого ислама» и период развития американского радикального протестантского фундаментализма (XVIII век – до 20-х годов XX века). Это — время формирования и становления политической системы капиталистических отношений. Второй этап — 20-40-е годы минувшего столетия, когда экстремизм фундаменталистов большей частью ограничивался запретами использования достижений цивилизаций — автотранспорта, технологий, кино, западной музыки и т. д. Третий этап обусловлен усилением на международной арене роли США. Американская изоляционистская политика с середины 30-х годов XX века сменяется глобализационными процессами, инициированными новой администрацией Франклина Делано Рузвельта, в том числе и на мусульманский Восток. Именно в этот период, как ответ на политический гегемонизм Америки, экстремизм входит в функциональную стадию терроризма. Объектом противостояния фундаменталистов с цивилизованным миром становится США. По сути, религиозно-политический экстремизм и терроризм неоваххабитов — это особое отношение к западной цивилизации. Подтверждением служат слова имама Р. Хомейни в его книге, вышедшей на немецком языке в Мюнхене. Запад он характеризует как совокупность несправедливейших диктатур. По его мнению, мир является свидетелем дичайших порывов Запада, не достойных даже хищников⁸⁴.

Вторая половина XX столетия вписана в историю фундаменталистского движения как период утверждения негативного отношения к западной цивилизации в форме политико-культурной идентификации, что имеет

---

⁸⁴ Ayatollah Khomeini. Weisheiten, Warnungen, Waisungen — Munchen, 1979. — P. 21.

более устойчивую психологическую основу функционирования в целом феномена политического экстремизма и терроризма. По сути, неоваххабитский экстремизм и терроризм, основанный на фундаментальных ценностях прошлого, является лейтмотивом политических устремлений по преобразованию мира.

Неотъемлемой частью политического экстремизма является феномен жертвенности, иступленного и непоколебимого следования поставленным целям. Однако, на этой особенности исследуемого явления, во многом и обуславливающей его «жизнестойкость», в большинстве исследованиях, в целом, проблемы, делается только констатирующий акцент. Тогда как именно фанатизм является одним из тех компонентов политического экстремизма и терроризма, который доводит радикальные намерения соответствующей категории людей до слепого неприятия инакомыслия, вводя их в русло антагонизма и самопожертвования ради идеи. Как правило, фанатизм ставит людей вне поля общекультурного мировоззрения, импульсируя формирование элементов собственной, ограниченной рамками возобладавшей идеи, субкультуры восприятия действительности. Более того, экстремисты-фанатики находятся в отчужденном состоянии и от общественных социально-этических норм проживания в социуме, юридических правил сосуществования людей. Эти особенности фанатизма и представляет его социальную, общественную опасность.

Степень негативного воздействия явления на общественное сознание, те или иные стороны жизни людей, общества находится в прямой зависимости от его видов проявлений. Локальные типы фанатизма распространены в быту, сферах культуры, когда объект его воздействия не имеет публичного характера, то есть, функциональные свойства явления растворяются вне общественных зон и представляют из себя частично элементы интеллектуального самовыражения. В нашем же случае, особого внимания требует проблема научного осмысления явления жертвенности на пути к достижению политических целей. Для более целостного освоения объекта исследования, его ролевого предназначения в деятельности экстремистских, террористических организаций современности необходимо и данную категорию анализировать во взаимосвязях ее с другими элементами явления политического экстремизма и логической последовательности от идейного до собственно политического фанатизма.

Жертвенность во имя идеи наиболее наглядно прослеживается в деятельно-идеологической сфере революционного экстремизма. Фанатично предавшими себя идее социального переустройства французского общества были Робеспьер и Марат. Народнический идейный, самоотверженный аскетизм отличал и жизнь революционеров из «Народной воли» Пе-

ровской и Желябова, которые являются образцом революционного идейного фанатизма.

Венцом фанатичной преданности делу революции является жизнь Э. Че Геварры. Фанатик в убеждениях и взглядах он являлся в тоже время одним из ярких представителей международного террористического движения, главной целью которого, в тот период, являлось насильственное провоцирование кубинской модели революции в других странах. Идея «перманентной революции», всецело охватившая Геварру, являлась самоцелью его жизни, основным смыслом земного бытия. Главными ценностями его сознательного миропонимания, мироощущения были категории не материального, а духовного порядка. Фанатизм духа, составляющий основу идейной жертвенности и привел лидера кубинских революционеров к отчуждению от обыденных мирских забот. В этой связи, один из исследователей жизни и деятельности Че Геварры утверждает, что тот покинул Кубу не потому что считал борьбу с империалистами своей обязанностью, но потому что страстно этого сам желал⁸⁵. О внутренней готовности положить свою жизнь на алтарь революции, духовной самоотречённости от иного дела и неприятия на уровне мировоззренческих установок других путей разрешения проблем человеческой цивилизации свидетельствуют слова самого революционера-фанатика в его письме на имя Фиделя Кастро. Он пишет, что чувствует о частично выполненном долге, который связывал его с кубинской революцией на ее территории и официально отказываясь от постов в руководстве партии, министра, звания команданте, кубинского гражданства продолжит революционный путь с целью оказания помощи в других странах земного шара⁸⁶.

Положения, связанные с карьерно-политическими понятиями, статусным состоянием гражданства и другими ценностями административно-политического, материально-потребительского плана, отчуждены от сознания таких людей, а мировоззренческие принципы формируются на основе понятия долга. Идейная жертвенность и обезличенный долг — доминантные стимулы формирования жизненного уклада фанатиков-революционеров.

Идейный фанатизм, со всеми присущими ему специфическими чертами, наглядно продемонстрирован Н. Островским. Герой его повествования Павел Корчагин (собственный прототип писателя) — яркий представитель революционных фанатиков, который «не знал собственной жизни», но ассоциировал ее с судьбой революционного дела. Механика обы-

---

⁸⁵ *Лаврецкий И.* Эрнесто Че Геварра. — М., 1972. — С. 243.

⁸⁶ *Манасов М.* Жизнь, отданная революции: Послесловие. — М., 1974. — С. 258.

денной мирской жизни была ему чужеродной, а личная судьба переживалась в неразрывной связи с процессом общественного развития. Представляется также, что и в обстановке отсутствия побудительных мотивов для радикализации жизненного пространства и условий окружающей действительности внутренний мир таких людей на психологическом уровне имеет обостренный радикально-импульсирующий мотив и переживает бурю «намеренческо-идейных» эмоций.

Идейный фанатизм отличает активная жизненная позиция субъектов его носителей, которые, как правило, притягивают к себе героизмом самоотречения. Жертвенность во имя идеи — всегда в глазах масс имела «благородный окрас», в связи с чем усиливала инерционный потенциал массового сознания, который, в свою очередь, имел центростремительный, к субъекту идейного фанатизма, вектор развития.

Политическому экстремизму и терроризму сопутствует не только идейный, но и политический фанатизм. Между этими двумя понятиями сложно провести разделительную линию. Однако, каждое из них имеет свою специфику. Фанатизм, основанный на самоотверженных устремлениях по достижению политических целей, на строжайшей изоляции политических воззрений и связанное с этим игнорирование иных взглядов, является ярким примером исследуемого явления. Основным критерием определения политического фанатизма является функциональный процесс политической деятельности, который возводится в умах субъектов-носителей политического фанатизма в ранг самоцели в жизни. Идеология того или иного политического движения у политических фанатиков может формо-видоизменяться, тогда как политико-процессуальный его характер должен постоянно импульсироваться фанатичными устремлениями акторов действия. Порой для них не важен результат деятельности, первичен же сам факт политической активности. По сути, в данном случае мы имеем дело с деятельной стадией политического экстремизма. Только субъект в нем обуреваем верой в политику и политический акт. Политический фанатизм сопровождается нередко насилием в сфере принятия политических решений. В качестве примера можно привести, пожалуй, политический образ Б. Ельцина, деятельность которого изобилует событиями, удостоверяющими факт возведения им политической игры в самоцель, а также его приверженности к радикальным методам разрешения проблем (танковый обстрел здания Верховного Совета РСФСР). Аналогичный образец, но уже более современного политика, можно привести на фактах из практики политической деятельности грузинского лидера.

Политический фанатизм требует постоянного «совершенствования» субъекта его носителя в политических играх с применением тех или иных

форм насилия. Усилия по достижению конечной цели должны воспроизводиться у политических фанатиков в непрерывной цепи взаимосвязанных процессов. Буддируя «самоотверженными действиями» массы, такие политики получают удовлетворение и превращают политическую деятельность в самоцель жизни. Самоотреченность поступков затеняет истинный смысл фанатичных устремлений таких политиков, в связи с чем, они представляют из себя политическую единицу «кумулятивного действия» вследствие зашоренности самоцелевых мотиваций, имеющих облик идейных борцов политического фронта. Историческим тому примером может служить Б. Савинков, избравший политический террор — делом всей жизни.

На основании изложенного следует, на наш взгляд, отметить, что казахстанская действительность, относительно исследуемого явления, имеет собственные специфические закономерности. Число уголовных дел, возбужденных в связи с разжиганием социальной, расовой, родовой, национальной, религиозной розни колеблется в среднем (правовая статистика за период с 1998 по 2003 гг.) в пределах 3-4 преступлений⁸⁷. Количество же гражданских дел, возбужденных по вышеуказанным мотивам не выделено в отдельный показатель. Судя по фабулам дел, которые вкратце приведены в вышеуказанном источнике, к одному и тому же явлению были причислены правонарушения, совершенные на почве бытового национализма и бытовой религиозной нетерпимости, и правонарушения, которые следует непосредственно относить к проявлениям собственно экстремизма. Основные же акценты нового Закона о противодействии экстремизму в Казахстане, на наш взгляд, сделаны на аспекты максимальной оптимизации условий для уголовного преследования субъектов такого рода преступных деяний⁸⁸. Это, несомненно, повышает эффективность правового преследования субъектов соответствующих видов социальных преступлений. Вместе с тем, проблема определения в казахстанской практике противодействия политическому экстремизму его квалификационных признаков остается актуальной. Представляя из себя особый вид социальной опасности для казахстанского общества такого рода преступления как возбуждение расовой, родовой, национальной и религиозной вражды, тем не менее, не являются собственно политическим экстремизмом. Экстремизм, деформируя мировоззренческие устои людей, формируя в обществе фило-

---

⁸⁷ Сведения Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Исх. № 11ц /8-1185

⁸⁸ Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» // Казахстанская правда. 2005. 26 февраля.

софию нетерпимости и ксенофобии, призывая к насилию, является идейно-мотивационной (не право-квалификационной) основой выше перечисленных деяний. То есть, они представляют из себя следствие экстремизма. Такая отличительная грань между мотивационной базой и их последствиями в правоприменительной деятельности соответствующих органов страны не проведена. Итак, представляя из себя идейно-мотивационную основу определенных преступлений политический экстремизм требует специфического определения и в казахстанской практике организации противодействия не только на вербальном уровне. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость соответствующего акцента на следующих параметрах явления, которые в конкретных случаях такого рода проявлений требуют выявления:

- во-первых, мобилизационного потенциала высказываемых идей и взглядов, потенциально оцениваемых как экстремистские;
- во-вторых, степени угрозы этих взглядов на устоявшиеся мировоззренческие ценности общества в сфере социальных, этно-национальных и межконфессиональных связей;
- в-третьих, уровня организации, политизированности и публичности такого рода мероприятия.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем заключаются особенности и ценностные установки политического экстремизма «по форме» ?
2. Что представляет из себя политический экстремизм «по действию»? В чем заключаются психологические и идеологические составляющие явления?
3. Какие особенности можно выделить в качестве критериев определения политического экстремизма и дифференциации его основных признаков?
4. Какой этап в формировании религиозного фундаментализма можно характеризовать как переходную стадию к появлению новоценностного явления политического экстремизма?
5. В чем заключается идеологическая сущность идейного и политического фанатизма? Какую роль играет фанатизм как мировоззренческое явление в формировании и распространении политического экстремизма?
6. В чем заключаются особенности казахстанской практики выявления и противодействия проявлениям политического экстремизма?

2.4. Идеология терроризма и экстремизма

Как явление планетарного масштаба, международный терроризм занял весомое место своеобразного «субъекта» мировой политики, своего рода контрагента, нередко в собственную пользу корректирующего планы международного сообщества. Вместе с тем, в мировой политике нет такого реального субъекта политических, правовых отношений с набором соответствующих институтов формального признания — централизованным органом управления (штаб — квартира), силовыми структурами поддержания власти, обороны и т. д. Обобщенный же образ терроризма составляют несколько сотен террористических организаций, отличающихся по своим характеристикам — численности, организационно-управленческой дисциплине, национальному составу, влиянию и мощи, программным целям. В этой связи, ни сами террористические организации, ни такие страны их «спонсоры» как Судан, Ливия, Сирия и т. д. не объединяются в оппозиционные другому миру коалиции. Более того, разное видение современных проблем мироразвития и своей роли в нём, порой сталкивает их в антагонистическом противостоянии в сфере реализации собственных политических устремлений в геополитическом пространстве мира. Разноликость и политическая амбициозность субъектов международного терроризма и являются основным непреодолимым барьером в создании устойчивого альянса, способного на равных бросить вызов остальному мировому сообществу. В этой связи, трудно предположить объединение деятельности «Хезболлах» (Партии Бога), организации радикального шиитского толка и курдских сепаратистов из рабочей партии Курдистана, сформировавшихся на базе марксистско-ленинской повстанческой группы. Нет общих целей для успешной кооперации усилий и у таких монстров мирового терроризма, как Ирландская Республиканская армия и Аль-Каида. Японская псевдорелигиозная экстремистская организация «Аум Синрекё» также не нашла бы общих оснований для централизации сил с европейскими «профи» в терроре типа «Красных бригад» или «П-2», явившихся во второй половине двадцатого столетия инициаторами террористической истерии в Италии и других странах Запада. Тем не менее, при всей разновидности террористических организаций есть факторы, присущие в целом явлению. Их можно выделить по политическим, идеологическим особенностям, которые, в свою очередь, состоят из детерминированных понятий крайнего толка — политический радикализм, политический экстремизм, политический терроризм. В предложенной цепи взаимообусловленных явлений и видится, на наш взгляд, логическая система формирования и распространения феномена современности —

международного терроризма (Приложение В). Идеологической же основой данной системы является политический радикализм.

Рассматриваемая категория от латинского «radix» обозначает корень. В политике этим понятиям следует обозначать социально-политические идеи, направленные на кардинальное, решительное изменение существующих институтов власти, бесповоротный отказ от сложившихся политических традиций, их смену. Политический радикализм основывается на идеях и способах их реализации в общественно-политическую практику. В этой связи, в отличие от других элементов цепи (политический экстремизм, политический терроризм) он представляет из себя идеологическую категорию, акцентируя внимание не столько на методах, сколько на содержательной стороне политической и идеологической платформы терроризма.

Политический радикализм не характеризуется какой-либо типичной спецификой, присущей только правому, левому или анархистскому типам идей. Он является основой радикальной идеологии любой направленности. Рассматриваемой категории присущ эмоциональный, решительный перелом хода событий, радикальный способ решения политических проблем. Причем исследуемое явление может иметь характер постоянства в той или иной системе отношений. Как нельзя лучше передает суть современного политического радикализма деятельность российской партии «Демократический союз», которая спекулируя провозглашенными в начале 90-х годов XX века принципами свободы слова, обращалась через СМИ к российскому обществу со словами призыва о том, что народ отныне приобретает право на свержение власти любым путем, в том числе и с помощью вооружённого восстания⁸⁹. Был указан конкретный способ радикализации политической ситуации в стране в ответ на неуверенную политику «горбачевской перестройки». Вместе с тем, это был тот случай, когда государство в лице политической управленческой элиты своими руками создало надлежащие условия для радикализации субъектов политического процесса в стране, в числе которых была и немалая часть народных масс.

В ретроспективе российской действительности это типичный случай непримиримости противоречий на уровне идеологического противостояния. Более того, политический радикализм следует рассматривать как составную часть общественной и политической жизни данной страны, определяющий ее облик на внутривнутриполитической арене. Так, многие россий-

---

⁸⁹ Соколов С. Бульжник — орудие демократа? // Комсомольская правда. 1991. 30 июля.

ские учёные как бы в унисон, также утверждают о том, что радикализм является характерной политико-культурной традицией российской действительности, и, будучи обусловлен историческими, географическими, политическими, социальными, психологическими особенностями страны, и сегодня оказывает воздействие на специфику функционирования всех сфер общества, менталитет, чувства, настроения, привычки индивидов и социума, на модели поведения, формы политического участия и взаимодействия россиян. Проявляется же он на уровне социальных слоев, элиты и контрэлиты, властвующих и оппозиционных групп, «... обуславливая осевую линию политического поведения политических лидеров и простых граждан»⁹⁰.

В исторической ретроспективе следует выделить типы концептуально-теоретического оформления радикальных идей по переустройству общественно-политических систем. К ним относятся революционный способ, рожденный в процессе поиска базовых ценностей нового строя, и способ радикальных реформ, который предполагает коренной слом старых механизмов общественной регуляции — институтов, традиций, но в результате эволюционного накопления составляющих элементов нового общественного здания. Между тем, если в результате осуществления первого вида должно произойти утверждение определенных фундаментальных ценностей, норм, то второй способ ограничивается, как правило, социальным примитивизмом формообразующих действий, сопровождаемых культурным разрушением и деградацией политического сознания. Автор в данном случае не дает ценностной характеристики теоретических способов осуществления радикальных идей, а констатирует, абстрагируясь от общественной практики, их последствия, как новообразующих категорий сознания, связанных с экстремистским мышлением, ориентированном на иные ценности.

Как термин «радикализм» стал употребляться с ХУШ века. Дифференцированное введение исследуемого понятия в научный оборот следует отнести к эпохе «философских радикалов» — первая половина XIX века. Вместе с тем, как политическая идея, радикализм уходит корнями в глубокую древность. Так, скрытый радикализм был заложен в философских изречениях Платона. Правом свободной жизни в современном государстве он наделял только свободных греков. Такие мысли философа проходят красной нитью через все его произведения, тематика которых касается вопросов политики и государственного строительства. Своего рода кон-

---

⁹⁰ Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, А. Г. Лантева. — М., 2001. — С. 383.

центрированным выражением платоновской теории полицейской регламентации общества служат его высказывания в диалоге «Законы». Общество Платон уподобляет казарме, в котором за поведением людей ведется тотальный контроль под оком тирана. Правят сильные господа, обязанность слабых рабов — подчиняться⁹¹.

Идеологи радикализма в политике делали попытки узаконить безапелляционное право силы и придать ему гуманный неформальный статус метода борьбы с пороками общества. Один из них Демокрит (около 460 — около 370 гг. до н. э.) в своем сочинении «О правосудии в обществе» проводит идею о том, что всякое убийство человека, приносящего вред, должно быть безнаказанным. И тот, кто это делает, сохраняет при всяком государственном строе спокойствие духа, право, мужество и имущество скорее, чем тот, кто этого не делает.

Своеобразной одой методу насилия в решении политических вопросов звучат законы Ману (II век до н. э. — II в. н. э.). «Весь мир страшится всегда готового к войне, — написано в главе 1У, — поэтому все живые существа следует подчинять именно силой»⁹².

Идею возвращения к варварству, необходимости агрессии, войны для того, чтобы не потерять самой своей культуры и жизни, отстаивал Фридрих Ницше⁹³. Олицетворением политического радикализма является учение Иосифа Володского, основателя Иосифо-Волоколамского монастыря. По религиозно-политической теории данного идеолога казням следует подвергать не только еретиков, вероотступников, но и за недоносительство. Отмстителем за Христа он призывает быть и государство⁹⁴. Откровенная ориентация на политизацию религии.

Среди идеологов радикально-политического мировоззрения особо надо выделить М. А. Бакунина. Страсть к разрушению, уничтожению он уподоблял творчеству, а соответственно и вечно созидающему источнику жизни⁹⁵. Автор приведенного изречения — один из вдохновителей миро-

---

⁹¹ Платон. Соч. Т. 3. ч. 2./ под ред. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. — М., 1972. — С. 160-161.

⁹² Законы Ману. Памятник литературы народов Востока. — М., 1960. — С. 135-142.

⁹³ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов. // Соч. в 2-х т.; Т. 1. — М., 1990. — С. 433, 450.

⁹⁴ Памятники литературы Древней Руси: Конец ХУ — первая половина ХУ1 века., — М., Художественная литература 1984. — С. 325-349.

⁹⁵ Жюль Элизар (псевдоним М. А. Бакунина) М. А. Бакунин. Собр.соч. и писем. Т. 3. — М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-переселенцев, 1935. — С. 148.

вого анархизма. В 80-90-е годы XIX века это радикальное течение выродилось в акты индивидуального террора во Франции, Италии, отчасти в Соединённых Штатах Америки. В целом же, лево-гегельянское мировоззрение, присущее сторонникам такого рода идеологии, приняло впоследствии характер радикально-политического мировоззрения.

Оправдание насильственных карательных функций государства рефреном звучат и в произведениях Л. Гумпловича⁹⁶.

Наиболее ярко генезис политического радикализма можно проследить на политической жизни российского общества, в которой революционная идея имеет перманентный характер. Во второй половине XVIII — начале XIX века в российской империи особенности политического радикализма выражали идейные воззрения А. Радищева. Он был ярким противником принципа разделения властей и исключал в политических отношениях республики проявления инополярных интересов. Вместо единой государственности Радищев предлагал союз вольностей, то есть в его идеях был призыв к возрождению народно-вечевого управления. Другой идеолог политического радикализма декабрист П. И. Пестель в своих крайне радикальных взглядах интерпретировал уже теории социалистов. В уничтожении сословных званий он видел социально-статусное уравнение граждан. Способом достижения такой цели в его понимании являлся военный переворот. При этом эффект по Пестелю может быть достигнут в результате уничтожения всех членов императорской фамилии, введения диктатуры правления и Народного вече. Следует отметить, что данная идея была реализована в 1917 году, когда после расправы над царской семьей и кратковременного функционирования Временного правительства большевики установили власть Советов крестьянских, рабочих депутатов. Революционному политическому радикализму России от его одиночных идеологов (Радищев) до теорий народнических движений (Чернышевский) была присуща слепая вера в народное управление, когда гарантии выдвижения достойных из них достаточно было обеспечить посредством введения элементарных возрастных и имущественных цензов.

XIX век в истории российского политического радикализма характеризуется влиянием бланкизма и европейского социализма. Яркими представителями этого направления стали В. Белинский, Н. Огарев, А. Герцен. Критика парламентаризма Белинским стала поводом впоследствии к отчуждению самой идеи от проекта общественно-государственного управления. А путь к социализму он видел через насилие и кровь. Автор прокламации «Что нужно народу?» Н. Огарев единственным способом обре-

---

⁹⁶ Гумплович Л. Социология и политика. — М., 1898. — С. 96-102.

тения свободы считал восстание, которое требует организованной подготовки. Идеи Чернышевского основывались на таком обязательном условии и основе развития общества, как классовая политическая борьба.

Политические радикалы призывали к экстремизму, манипулируя идеей приобщения народных масс к их социальным притязаниям. В жизни российского общества политический радикализм и явился той чертой, за пределами которой страна вошла в состояние гражданского противостояния и революционного террора. В этой связи, философия жестокости наиболее ярко проявилась в тактике экстремистских организаций периода революционных преобразований. Основой такого политического радикализма в российском обществе явилось пренебрежение формой государственного управления и самой государственностью как организацией, достижением человеческой цивилизации, которую оно приобретает и систематически совершенствует в процессе жизни разных поколений. Что же касается природы отрицания идеи государственности, то она лежит в традиционности правового нигилизма (в данном случае российского общества, который проявился еще у славянофилов, признававших данное качество — преимуществом народа (К. Аксаков, Л. Толстой, Н. Михайловский, ...)). Правовой нигилизм рефреном «прозвучал» в деятельности большевистской партии, которая сделала акцент на положительные роли революционных традиций борьбы, вооружённого восстания, разрыва со всеми традиционными привычками буржуазной демократии.

Своеобразной характеристикой явления политического радикализма стала и критика его концептуальных основ. Как правило, оппоненты радикалов идентифицировали последних с бесами, а их идеи с бесовщиной. Наиболее ярко это проявилось в творчестве Достоевского («Бесы»). В начале прошлого столетия в России вышел сборник «Вехи» (1909 г.), в котором политический радикализм характеризуется как опасное явление, провоцирующее иррационализм в общественном устройстве, распад и хаос, а люди, воображающие себя творцами будущего, на деле являются рабами прошлого. Оставив за пределами актуальной политики проблемы формирования политической культуры широких слоев населения, политические радикалы основной задачей своей деятельности считали внешнее обустройство жизни общества. В этой связи, о том, что политический радикализм в конечном счете ведёт к деспотизму и охлократии утверждали лучшие представители интеллектуальной элиты (П. Струве, С. Булгаков).

Низкий уровень политической культуры российского общества и стал на тот период причиной того, что мировоззрение общества формировалось не под влиянием государственного либерализма таких представите-

лей русской интеллигенции как Чечерин, а под воздействием анархистских идей (со слащавым привкусом массовой свободы) Бакунина. Это обстоятельство и явилось фундаментом успеха революционных инициатив в последующем и, напротив, показало неготовность общества к эволюционной политической модернизации. Чем не наглядный урок для современных политических реформаторов, в том числе и Казахстана.

В начале XX века политический радикализм стал идеологической платформой программных устремлений для большинства партий социалистической, социал-демократической направленности. Известны политические устремления с радикальными идеями российских социал-демократов, впоследствии составивших костяк большевиков, народовольцев и т. д. Нашёл он свое яркое воплощение и в деятельности современных политических сил — Ирландская республиканская армия, «Арийские нации», представляющие из себя вооружённые отряды в Америке, а также имеющие своих сторонников в Австралии и отдельных странах Европы, исламские фундаменталисты типа «Аль-Каида», «Братья — мусульмане» и т. д. Основой избрания организациями такого рода радикальной методики достижения политических целей является, на наш взгляд, неприятие объективной социальной действительности, неверное толкование геополитических процессов современности, а, соответственно, ошибочное прогнозирование будущего современных западных и азиатских обществ разного типа, категоричность политической воли.

Функционально-деятельностная сущность политического радикализма имеет свои особенности. Во-первых, следует выделить индикативную функцию явления. Политический радикализм, в соответствии с названной функцией, является своеобразным вестником социально-политической конфронтации в обществе, обусловленной формированием неблагоприятной общественно-политической среды и постепенного перехода противоречий в русло антагонизации. Во-вторых, безусловно, политический радикализм выполняет роль насильственного фактора, волевыми устремлениями и соответствующими политическими методами принуждающего политические институты общества принимать те или иные решения. Из предыдущей функции вытекает третья, — которая заключается в его способности коренным образом влиять на процессы смены или частичного изменения общественно-политического курса доминирующих в обществе политических организаций и правительственных структур. В-четвертых, политический радикализм выполняет важную функцию стимулятора инновационных преобразований. Данная функция состоит в том, что радикальные идеи, по сути, провоцируют в соответствующих условиях позитивные противодействия в форме политических мер на государственном

уровне, которые могут привести к коренным политическим преобразованиям в обществе.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем заключается сущность политического радикализма и типичность его проявлений в идеологии экстремизма?
2. Какая теоретическая и концептуальная основа идеологии политического радикализма заложена в работах древних мыслителей и средневековых ученых?
3. В чем заключаются функциональные особенности явления политического радикализма и его «ценностное предназначение» для политической теории и практики общественного развития?
4. В чем заключается революционный способ переустройства общественно-политической системы? Основные приоритеты и ценности сподоба радикальных политических реформ?
5. В каких идеях проявился крайний политический радикализм славнофилов, религиозно-политических взглядов Иосифа Володского, анархизма М. А. Бакунина и других теоретиков, реформаторов российского общества?

2.5. Международный терроризм

Система формирования политической агрессии, обретая идеологическую мотивацию и мотивационно — намеренческий «актив» на стадиях радикализма и экстремизма, входит в фазу криминально — деятельностного процесса — терроризма, отличающегося особой формой, прежде всего, политического насилия. Характерными признаками этой формы насильственных деяний являются крайняя, зачастую, неизбирательная жестокость, целью которой является устрашение населения, на глазах которого совершаются убийства или наносится колоссальный материальный ущерб государству, политической оппозиции. Целевые установки политических террористов соответствуют формам и методам их деятельности. Причем политическая значимость акций, совершаемых террористическими организациями, всегда преследует своё соответствие масштабам конечных целей. Преступное действие определяется принципом «Чем страшнее последствия акций, тем значимее преследуемая цель». Одно из важнейших условий «состоятельности» терроризма в глазах его субъектов — обществен-

но-политический резонанс, т. е. публичность собственно-террористических акций должна подкрепляться их гласностью через коммуникационные средства. В этой связи, условия необходимые для «оправданности» террористических операций в глазах субъектов деяния (массофикация последствий преступного действия) не менялись по объектной значимости в исторической ретроспективе. Факты из истории терроризма в контексте других особенностей явления, но, в данном случае, подтверждающие и отмеченную объектную статичность, уже приводились в предыдущей части учебного пособия (списки (проскрипции) людей, подвергаемых казни за те или иные преступления, зачитываемые на центральной площади в древнем Риме с целью формирования в общественном сознании населения соответствующих ценностных установок, требующих категоричности в следовании политическим целям правящей элиты, а также неотвратимости страшного наказания за отступления от установленных норм; «эффект действия», преследуемый в результате осуществления актов политического терроризма сектой сикариев в Иудее (1 век), физически устранявших с политической арены представителей еврейской знати, сотрудничавших с римлянами, а также в средние века — представителями мусульманской секты ассошафинов, устранявших «гласными способами» префектов и калифов; в странах Центральной Азии — исмаилитов, наводивших ужас массовыми актами политического насилия над противниками из мусульманско-суннитской знати на территории современного Афганистана, Ирана, Ирака, Турции и т. д.).

В современности, цели достижения соответствующего общественного и политического резонанса преследовались в известных случаях публичных демонстраций по каналам массовой коммуникации казней за политические преступления в США. Аналогичный метод устрашения использовался и в исламских государствах. Один из примеров такой публичной казни был приведен в западной прессе. Событийный характер казни имел подробнейшую демонстрацию с озвучанием фактов грехопадения, за которые следует самое строгое наказание по шариату⁹⁷. То есть, и в данном случае соблюдалось принципиальное условие массовости акта, с целью максимального влияния на общественную психологию. Более того, западные и российские СМИ в начальный период оккупации американскими войсками Ирака в погоне за информационной сенсацией подробно демонстрировали казни заложников иракскими террористами, требующими вывода контингента войск некоторых государств, гражданами которых явля-

---

⁹⁷ Sandis Credit Islamic Law with Keeping Crime Rate Down. — International Herald Tribune. 1984. January 12.

лись насильственно похищенные люди, с территории страны. Эти случаи широко известны телезрителям на всем пространстве СНГ. При этом «эффект массовости террористического действия» был значительно сильнее, нежели это было бы при его локальном просмотре в определенном регионе мира. Именно публичность и массовость, вызывающие общественно-политический резонанс, придают политическую значимость, целенаправленность, а не меркантильную криминогенность основополагающим принципам терроризма. В этой связи, роль средств массовой коммуникации в формировании массового сознания заслуживает особого анализа в комплексе мер политического противодействия такого рода вызовам современности и обеспечения политической стабильности в обществе (этому посвящена соответствующая часть завершающего раздела учебного пособия).

Вместе с тем, эти, неизменные по значимости для субъектов терроризма, факторы, обуславливающие исход террористической кампании, еще в большей степени способствуют уже в современности увеличению масштабов функциональной сферы явления. Стремление придать максимальную трагическую значимость преследуемым политическим целям в контексте глобализационных явлений в мировой политике, приводит террористов к использованию в тактике своих действий оружия неизбирательного массового уничтожения людей (газ, бомбы с большим радиусом поражения, биотехнологии (штаммы страшных заболеваний)...). По логике развертывания событий, связанных с последствиями террористических актов, не трудно понять то, что моральную ответственность за гибель сотен людей они подспудно, в глазах общественности, стараются возложить на оппозиционные структуры, оставляющих вне поля внимания их требования или чьи интересы отражают крайне полярную точку зрения.

В современных условиях происходит эскалация террористической деятельности уже профессионально подготовленных экстремистских организаций. Возросла специализация боевиков по методам осуществления насильственных актов, их организованность, плановость оперативных разработок. Иначе объяснить события в США (воздушная атака торговых домов, Пентагона), Москве (захват заложников в Норд-Осте, террористические акты на станциях «Лубянка» и «Парк культуры» метро), Беслане (захват заложников), дагестанском Кизляре, Пакистане и т. д. нельзя. Создание антитеррористических систем защиты и противодействия на мировом и региональном уровнях (центры в США, Великобритании, Москве, Бишкеке, Шанхае...) свидетельствует о военной мобилизации сил мирового сообщества против феномена экстремизма и терроризма. Более того, современный терроризм и антитеррор многими рассматривается как осо-

бая новая форма мировой войны, причины усиления которой следует искать не только (может и не столько) в тенденциозности самого феномена.

Глобализацию явления детерминируют кризисные процессы в обществах, «благодаря» которым увеличивается поток инерционной массы социумов в «негативное русло» систематического производства радикального сознания. Государства, утерьявшие (преимущественно в обществах транзитного характера и развивающихся стран) в «кризисные пики» основные контрольно-регулятивные функции политики, соответственно, социально иммунирующие, исходя из своих природных основ, силовой потенциал и стали первоисточником временного управленческого хаоса, возродившего архаические формы «политического экстрима» в сознании соответствующей категории людей. Во многом, причиной углубления антагонизма отношений между субъектами противостояния на региональном уровне стало усиление инерционного потенциала массового сознания в странах, где нарушены традиционные принципы политической социализации населения, произошла резкая смена жизненных идеалов и ценностей, а также низок уровень политической культуры (характерные особенности обществ развивающихся стран). В таких регионах взаимобмен культурного опыта сопровождается психологической ломкой и политическим дискомфортом тех слоев и категорий населения, которые мировоззренчески, на обыденном уровне сознания, не готовы к современным темпам модернизации более цивилизованных обществ. Более того, настоящий процесс усиливается с культивированием ценностей не только «смежных обществ», но и чуждых по идеологическим, религиозным воззрениям стран «дальних континентов».

В этих условиях и обстоятельствах целые социумы людей, не имея достаточного политического опыта и уровня политической культуры для ведения цивилизованного культурного диалога на уровне практического воплощения собственных политических доктрин и идеологических установок (следствие недостаточного развития теоретического сознания) находят выход в силовом противостоянии, что и выразилось в их антиглобалистской и религиозно-фундаменталистской активизации.

Безусловно, данная причинно-мотивационная связь имеет и иной вектор развития. Провоцирование усиления феномена терроризма исходит и от гегемонистских устремлений гиперакторов мировой политики. Имея в дипломатическом арсенале достаточный политический актив и возможности для урегулирования проблем современности в плоскости мирных инициатив они, тем не менее, используют фактор силового давления. Многолетние и безнаказанные политические действия США и их союзников против Ирака, история ирано-американского противостояния, агрессия

США в составе НАТО на Балканах, Ближнем Востоке, угрозы в адрес Северной Кореи и других стран мира, размещение американских военных баз в среднеазиатском регионе — это далеко не полный перечень примеров политического и военного диктата со стороны мировых доминионов. Собственно, такая политика, в основу которой их основные акторы берут якобы борьбу против международного терроризма, может быть сама признана как один из видов явления международной политической агрессии. Логика ответной реакции при наличии изложенных выше условий и обстоятельств (в большой степени присущих странам, так называемого, «третьего мира») имеет соответствующую, в отдельных случаях, политико-ситуативную оправданность.

Завершающим циклом терроризма является террористический акт — международное преступное деяние, призванное сфокусировать внимание мировой общественности на целевых устремлениях его основного субъекта. В этой связи, именно мотивационная характеристика завершающего момента явления придает ему статус преступления, имеющего форму и содержание политического насилия. Совершая преступный акт субъекты терроризма активизируют общественное сознание, придавая импульс его обыденным, эмоционально-инерционным качествам. Независимо от суждений по поводу их деятельности террористы стремятся создать тем самым обстановку паники, страха, спровоцировать власти на те или иные дискредитирующие их поступки, по уровню и масштабам способные дать соответствующий политический эффект и придать в целом радикальным идеям террористов целесообразность. Как правило, террористический акт преследует три типа промежуточных целей. Первая направлена на устранение с политической арены акторов оппозиции или нивелирование в глазах общественности их позиций. Вторая преследует осуществление идей национального самоопределения. И, наконец, третья — заложничество с целью получения политических или материальных (для пополнения фонда террористической организации) выгод.

Террористический акт — это способ для некоторых организаций зарекомендовать себя в практике мировых связей, своего рода визитная карточка отдельных групп людей, «благодаря» которой, мир большой политики вынужден, по их мнению, считаться с ними. Используется он как метод политической борьбы на международной арене и внутри государства. Современность выдвигает в качестве глобальной проблемы — международный терроризм. Только за последние годы большие человеческие потери и огромный материальный ущерб, в связи с террористическими актами зафиксированы в Северной Ирландии, США, России, Кении, Танзании, Палестине, Египте, Турции, Югославии, Иране, Пакистане и т. д. В

этих условиях резко снижена значимость государственных границ и иных традиционных средств защиты от терроризма. Возрастает многообразие террористической деятельности, которая все больше увязывается с национальными, религиозными, этническими освободительными движениями.

В течение последних десятилетий эпицентр террористической активности смещался от Ирландии к Турции, Японии, Италии, ФРГ, Центрально-Азиатскому региону и Латинской Америки. На территории России распространение получил постсоветский терроризм. На сегодня, пожалуй, это наиболее «горячая точка» мира относительно характера проявления экстремистско-террористического явления и его объектно-целевой направленности.

Характерные признаки современного терроризма заключаются в широком распространении явления на всем мировом пространстве, отсутствием для этого явно выраженных государственных границ, наличием связей и взаимодействием террористических организаций, эффективным решении мобилизационных задач по привлечению в свои ряды молодежи, тенденциями профессионализации террористической деятельности. Тесные связи между организациями экстремистского и террористического толка складываются на основе общей идеолого-конфессиональной, военной, коммерческой и иного рода деятельности.

Отличительной особенностью современного терроризма является формирование мировых и региональных руководящих центров для решения вопросов планирования и осуществления операций, в связи с этим, и их финансового обеспечения. Терроризм стал серьезным фактором «иницирования» и формирования в ряде регионов мира очагов военной опасности и в целом милитаризации международных отношений. Тому свидетельством являются события в Индии, Шри Ланке, Турции, Приднестровье, Грузии, Чечне, Таджикистане, Армении, Азербайджане, Пакистане, России. Практически, терроризм является доминирующим фактором в процессе дестабилизации политической обстановки в ходе урегулирования абхазо-грузинского конфликта (деятельность террористических организаций «Лесные братья», «Белый орел» конкретно ориентирована на такие цели), палестино-израильского конфликта («Хезболлах», «Хамас» – организации, имеющие программные установки на подобного рода срыва процессов урегулирования отношений).

Сегодня терроризм использует в своих интересах достижения науки и техники. Террористические организации имеют широкий доступ к информационным технологиям. Современный феномен явления приобретает новые формы и возможности в связи с интеграционными процессами мирового сообщества, глобализацией экономических и финансовых связей

между субъектами геоэкономики, в связи с усилением миграционных потоков и ослаблением контрольно-регулятивной роли государства в их систематизации. Свидетельством таких признаков «интенсификации» возможностей явления на современном этапе развития человечества является пример из истории развития терроризма в США, когда один человек в течение 18-ти лет держал в страхе всю Америку (профессор математики Т. Казинский), рассылая по почте взрывчатые устройства, от которых пострадали невинные мирные люди. Основными объектами внимания террориста были, как правило, места массового скопления людей, владельцы компьютерных магазинов и т. д., целью — изменить векторы развития общественного прогресса, доказать несостоятельность в перспективе урбанизационных процессов. Угрожая террористическими актами, Казинский вынудил коммуникационные средства опубликовать собственный манифест, в котором излагались его видения на развитие мира. Это один из немногих фактов того, что террористическая угроза в современности может иметь минимальную материальную основу при значительно возросших масштабах и силе влияния.

Современный терроризм может стать поводом для формирования неототалитарных государств. Массовый характер, формирование огромного инерционного потенциала общественного сознания в результате систематического стимулирования дестабилизационных процессов провоцируют правящие круги к принятию жестких мер по урегулированию ситуации с переходом впоследствии к их институционализации.

Таким образом, терроризм, как ярко выраженная форма политического насилия сегодня оказался непосредственно связанным с проблемой выживания всего человечества.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем заключаются характерные особенности терроризма? Какими политическими целями и принципом криминального деяния обусловлены террористические акции в современности?
2. Какое значение придается в террористической деятельности фактору гласности и условию массовости, публичности проводимых актов террора? Почему указанные факторы определяют основные целевые мотивации субъектов терроризма?
3. Какие тенденции развития современной мировой цивилизации, политические и социальные факторы, определяющие приоритетные направления общественных процессов в социумах мира, способствуют

усилению терроризма и формированию потенциала радикального сознания?

4. Какие типы промежуточных целей характерны террористическому акту? В чем заключается сущность теракта как метода политической борьбы?

5. Какую роль выполняют в современной экстремистско-террористической деятельности информационные технологии и средства массовой коммуникации?

2.5.1. Насильственное исчезновение людей (новый вид политического террора)

В отличие от экстремизма и терроризма с политическими, религиозными, этническими мотивациями, в документах универсального характера, имеющих как локально-государственное так и международное значение, нет всеобъемлющих типовых определений понятия «насильственных исчезновений», которое включало бы практикуемый экстремистами разного толка захват заложников, обращение в рабство и другие виды насилия, определяющие все возможные случаи исчезновения людей. Сегодня это одна из самых распространенных форм политического терроризма и экстремизма в мире. Масштабы распространения явления включают и территорию Казахстана. По оценкам международных экспертов ежегодно от 700 тысяч до 5 миллионов человек превращается в «живой товар». Количество же таких жертв в нашей стране только за отдельно взятый период, с декабря 1998 по 16 ноября 2004 года, составило 180 человек. Дополнительно, из республики было вывезено за это же время 97 человек, в том числе, 25 — в Объединенные Арабские Эмираты, по 11 — в Турцию и Грецию, по 6 — в Израиль, Чехию и Португалию, по 5 — в Россию и Южную Корею, 10 — в Сирию, а также в Таджикистан, Чечню, Кипр, Оман, Швецию, Испанию⁹⁸. В эту же статистику входят и жертвы экстремистско-террористических организаций, использующих торговлю людьми с целью финансовой поддержки своей деятельности или оказания массированного давления на объект своей политической воли. Что же касается прибыльности этой формы теневого бизнеса для террористов, то по уровню доходов он стоит на третьем месте после незаконной торговли оружием и наркотиками. По разным оценкам, в частности, из вышеприведенно-

⁹⁸ *Ахметова Л., Гусева Л., Джамбулатова К.* Не соглашайся на рабство! Учеб.пособие. — Алматы, 2005. — С. 27, 31.

го источника, она достигает от 8 до 10 млрд. долларов США в год. В связи с этим, проблема по насильственным исчезновениям людей требует особого внимания в рамках изучаемой нами темы.

Институт политического заложничества современные террористические организации переняли из государственной практики деятельности скрытого террора. В истории известны аналоги из времен римского «*ius gentium*», когда заложники своим насильственным заключением обеспечивали соответствующие гарантии выполнения международных договоров, соглашений. В сфере казахской политической дипломатии — это наиболее известные факты политического заложничества из истории ханского правления Абулхаира и Аблая. Наибольшее распространение данный метод силового подавления соперников получил во времена второй мировой войны, когда устрашением в целях достижения военно-тактических целей служил расстрел на определенный счет военнопленных, заложников, ... (данный метод активно использовался немецкими оккупантами).

Между тем, следует отметить то, что для террористических организаций важен не сам факт насильственного похищения отдельных лиц. Особое значение в данной «технологии насилия» занимает психологический фактор, когда соучастниками деяния поневоле оказываются средства массовой информации, обеспечивающие перманентное воздействие происходящих кровавых событий на общественное сознание, парализуя волю и формируя чувство бессилия перед злом. Выступления в СМИ Бен Ладена, Басаева, Аль-Завахири, их «соратников» по террору подтверждает факт «признания» террористами «масс-медиа» в качестве особого манипулятивного средства формирования в определенном социуме панической атмосферы ужаса. В этой связи, оправданную логику содержит запрет в Китае, Франции на освещение актов такого рода проявлений политического терроризма. Вместе с тем, отношения между официальными структурами власти, «масс-медиа» и террористами сегодня обусловлены и другими, не менее важными, факторами. Во-первых, отсутствие достаточной информации является основанием для распространения ложных слухов и представлений, что само по себе нивелирует ожидаемый результат таких запретов. Во-вторых, динамичный процесс информатизации мирового сообщества расширяет функциональное поле СМИ и требует уже не столько жесткой цензуры, сколько диалогового сотрудничества в целях достижения конечного результата — обеспечение стабильности в обществе и разрядка потенциальных источников политической дестабилизации. Наряду с изложенным, следует признать то, что проблемы, связанные с современными проявлениями политического заложничества, а также особенностями их коммуникативного спектра действия недостаточно отражены как в

научной литературе зарубежья, так и в отечественной практике исследований конфликтогенных явлений.

В середине 80-х годов XX века Латиноамериканская Федерация Ассоциации родственников исчезнувших заключенных (ФЕДЕФАМ) рекомендовала на рассмотрение комиссии по правам человека ООН проект Конвенции, в которой под насильственным исчезновением лиц понимается любое действие или упущение, которое направлено на сокрытие места нахождения политического противника или инакомыслящего, о судьбе которого его семье, друзьям, родственникам неизвестно и которое совершено с намерениями подавить, не допустить или сдерживать оппозицию или инакомыслие лицами, находящимися у государственной власти, государственными служащими на любом уровне или организованной группой частных лиц, действующих при поддержке или с разрешения выше указанных лиц⁹⁹. Более широкое, но именно, в этой связи, упрощенное, в рамках только правовой квалификации, толкование рассматриваемого метода экстремистской и террористической деятельности дано Институтом прав человека коллегии адвокатов Парижа. Термином «насильственное или недобровольное исчезновение» разработчики называют действия или события, которые могут нанести ущерб достоинству или физической, духовной неприкосновенности любого лица¹⁰⁰. По нашему мнению, более предпочтительная первая дефиниция (ФЕДЕФАМ) учитывает мотивационные основы явления, его насильственную природу, к которой косвенно причастны и властные структуры, в связи с чем, он обретает функциональную значимость одной из разновидностей государственного террора.

Для многих современных религиозных, этно-националистических организаций такой вид насилия стал привычным родом их занятия по причине придания ему идеологами и руководителями радикальных движений статуса военной или деловой операции. Так, оппортунистическое (так еще называют данный вид экстремизма и терроризма) насилие широко практикуется чеченскими боевиками, радикалами ИДУ (Исламское движение Узбекистана), иракскими группами обороны, палестинскими группировками религиозного и этно-националистического толка и т. д. Используя примеры культивирования насильственного заложничества, мы не предполагаем только их квалификационно-криминальную направленность, что было бы неверно по отношению к субъектам насилия, цели которых неоднородны, имеют политические, религиозные, этнические векторы раз-

---

⁹⁹ E / C N. 4/1985/ 15, Приложение Ш. — С. 1.

¹⁰⁰ Le refus de l'oubli: Paris Colloguium, Janvier-Fevrier 1981, Berger-Levrault. — Paris, 1982. P. 314.

вития. Во-первых, это метод устрашения, применяемый некоторыми экстремистскими, террористическими организациями в целях осуществления политических, религиозных, этно-националистических устремлений. Во-вторых, — бизнес-источник пополнения фонда религиозных, террористических организаций, националистических движений.

По сути, насильственное исчезновение людей — это одна из особых форм экстремизма и терроризма политического, религиозного, этнического толка, преднамеренного террора. Субъекты такой экстремистской методики устрашения и запугивания используют факторы скрытости, в условиях которой расширяются потенциальные возможности реализации запланированных дестабилизационных или манипулятивных мероприятий и создания «психологического дискомфорта» — эмоционального переживания близких, сторонников заложника или исчезнувшего лица, а также сформированного в результате акта насилия психологического дисбаланса сил между оппозиционными сторонами в пользу субъекта-инициатора.

Тактическая эффективность оппортунистического насилия заключается в том, что сам факт исчезновения, ответственность за который квалифицируется нормами уголовного законодательства стран, не может быть наказан в результате применения общепринятой системы правовой защиты. В этой связи, создавая атмосферу «тайного замысла» экстремисты обеспечивают непредсказуемость дальнейших действий, чем вызывают неуверенность в собственных силах у политической оппозиции, которая, в конечном счете, ведёт к выполнению выдвинутых требований, либо к необдуманным решениям, которые также в интересах инициатора-субъекта. В этой связи, достаточно привести факты заложничества иностранных журналистов, рабочих, работников гуманитарных фондов из истории террористического и этно-национального движения на Ближнем Востоке, в Ираке с требованиями вывода контингента войск или миротворческих сил тех или иных западных государств за пределы оккупированных территорий, а так же примеров киднеппинга (детское заложничество), взятия в заложники известных людей, бизнесменов, солдат из состава группы российских войск на Северном Кавказе, с целью получения выкупа — в Чечне, школьников, мирных граждан для выполнения собственной политической воли — в Северной Осетии (Беслан), России (Норд-Ост) и т. д.

Наряду с изложенным, метод «насильственного исчезновения» людей целенаправленно используется и в политической практике некоторых государств. В этой связи, Генеральная ассамблея ООН еще в 1978 году признала практику исчезновений в качестве широко распространённой проблемы, в связи с сообщениями из различных регионов мира о насильственных исчезновениях, связанных с злоупотреблениями силовых орга-

нов¹⁰¹. В истории таких примеров немало (Чили — в период пиночетовского переворота и правления, когда только в течение нескольких месяцев после сентябрьских (1973 года) событий, произошло массовое исчезновение лиц, которые затем были казнены или погибли под пытками хунты; Камбоджа — время режима Пол Пота и Иенг Сари; Германия — в период гитлеровского режима, когда насильственные исчезновения практиковались в массовом масштабе и т. д.). Насильственные исчезновения широко используются и в современной американской «войне с терроризмом». Так, докладчик специальной комиссии Европарламента по расследованию сообщений о наличии секретных тюрем ЦРУ в Европе Клаудио Фава заявил о том, что спецслужбы США создали целую систему тайных похищений лиц, подозреваемых в терроризме. Он сообщил, что комиссией отслежено 1245 спецрейсов ЦРУ в небе над Европой, часть из которых могла быть использована для транспортировки заключенных. За 6 месяцев деятельности комиссии Европарламента было заслушано через адвокатов 20 жертв «секретных похищений» со стороны американских спецслужб. Более того, приводится признание Президента США о существовании секретных тюрем, в которых содержатся похищенные люди¹⁰². Несмотря на заявление Д. Буша о ценности для получения показаний о готовящихся терактах такой методики борьбы с международным терроризмом, данные действия должны квалифицироваться нормами международного права как соответствующая форма политического насилия.

В чем же особенности и привлекательность исследуемого явления для отдельных режимов?

Скрытость и таинственность событий, связанных с насильственными исчезновениями людей создают и атмосферу недоступности к причинам и основным субъектам деяния, что камуфлирует его истинные политические мотивы и даёт возможность осуществить основной замысел экстремистского действия путем подтасовки фактов и манипулирования общественным сознанием. Создавая, тем самым, в обыденном сознании людей проблемно-инерционное поле, государство-субъект такой формы политического насилия создает прецедент для оправдания тех или иных мероприятий чрезвычайного характера (аресты, введение положения ЧС, ...).

Насильственные исчезновения лиц, практикуемые некоторыми государствами, представляют собой особую категорию политического экстремизма. Это — высшая стадия режимной деспотии, которая подрывает ос-

---

¹⁰¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 33/173 от 20 декабря 1978 года.

¹⁰² В плену у ЦРУ // Республиканская юридическая газета «Человек и закон», 2007. 12 января.

новополагающие моральные принципы, отчуждает законность, социальные нормы общества. Она обладает архаичными характеристиками форм общественного управления, то есть отличается примитивизмом социальной регуляции, «крайним прагматизмом» стратегических целей, антропологической сущностью тактических установок. Способы, используемые гиперакторами (государствами) в практике насильственных исчезновений людей имеют характер закамуфлированных технологий. Создаются специальные подразделения, официально исполняющие функции национальной безопасности. Между тем, сотрудники таких структур осуществляют планы государственных ведомств по нейтрализации неугодных лиц, вплоть до их физического устранения. Нередко, исполнители таких «политических заказов» также засекречиваются и работают в полувоенных структурах, которые не имеют правового статуса, но обладают широкими дискреционными полномочиями, позволяющими быть им вне правовых рамок социума. Этот аспект государственного обеспечения актов насильственного исчезновения людей позволяет причислить исследуемую категорию экстремистских, террористических деяний к разряду самых изощрённых, совершенных политических преступлений человеческой цивилизации.

В государствах, которые сами выступают в роли основного актора исследуемого явления, как правило, и правительство и приоритетные направления жизнеобеспечения общества в большей степени милитаризованы, а силовые ведомства выполняют одну из основных функций государства по обеспечению общественно-политической регуляции в роли практически равноправного с ним внутреннего субъекта. Доктрина, положенная в основу такого политического альянса, преследует геополитические цели, базируется на общих (государства и силовых ведомств) стратегических планах отправления государственной власти, а также обеспечивает особое элитное положение субъектам национальной безопасности страны. Основной закон такого государства закрепляет положения, ассоциируемые только с коллективными понятиями типа «нация», общественная собственность, коллективная ответственность и т. д. Все общество отождествляемое с государством, также как и понятием нация, представляется в виде боевого соединения, границы — фронта, иностранные государства — вражеских противников. Идеология всеобщей мобилизации в государственных образованиях такой ориентации не признает статусных различий социальных слоев. Как показывает исторический опыт, в таких случаях происходит опредмечивание человеческой сути. Принято считать, что практика исчезновения людей в политике государств — субъектов такого рода насилия имеет дуалистическое значение. С одной стороны, по-

могая самому актору явления через политический террор сдерживать неповиновение, систематически отчуждать от общества неугодных лиц, она, в то же время, вынуждает тот же основной субъект действия сохранять все же определённые свободы в обществе ради создания видимости демократичности и законности его основ. Приходится все же отметить следующую особенность: чем сильнее узурпирована власть в обществе и в большей степени систематизированы в нём желаемые правящей элитой компоненты режима, тем в меньших масштабах практикуется этим государством политический террор рассматриваемого нами вида. Причина кроется в правовом поле такого государства, которое имеет сетевой принцип оперативного реагирования на выступления непокорных лиц, квалифицируя их как антиправовые акты, то есть тотальный принцип контроля и наказания имеет формально узаконенную форму осуществления.

В современной мировой политике явление насильственного исчезновения людей имеет широкое распространение и как вид политического террора и как метод экстремистской деятельности религиозных и этнических группировок, организаций. В этой связи, обоснование видовой особенности и способов проявления феномена, для более целостного научного познания, требует дополнения анализом положений, касающихся нарушений, в результате таких насильственных деяний, прав человека. Религиозные, политические, этно-националистические движения, государства, практикующие насильственное исчезновение людей, нарушают целый ряд прав человека. Во-первых, из-за нахождения похищенных людей в условиях изоляции, которые предполагают в большинстве случаев нечеловеческое, жестокое обращение, отсутствие медицинской, психологической помощи, возможна их смерть или получение ими серьезных увечий. Более того, заложники нередко подвергаются казни. Экстремистами в этом случае совершается прямое нарушение прав человека на жизнь. Во-вторых, попираются права человека на свободу и личную неприкосновенность, которые в нормальном обществе обеспечивают ему гарантии от произвольного ареста и пристрастного судопроизводства. В-третьих, как исходящее из обстоятельств первого пункта, изложенного выше, нарушаются права человека на гарантии от унижения достоинства, бесчеловеческого обращения и пыток. Рассмотренные принципы в области соблюдения прав человека являются, по сути, определяющими критериями в системе механизмов по выявлению нарушений, в том числе, насильственного характера, в политических, правовых отношениях международного общества и имеют непосредственное отражение в статьях 3, 5, 6, 9, 10, 11 Всеобщей Декларации прав человека, утверждённой и провозглашённой

Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций¹⁰³. В целом же, в процессе насильственных исчезновений людей субъектами данного вида преступного деяния игнорируется вся нормативно-правовая практика в области международных отношений, которая закрепляет права человека в сфере гражданских, политических, экономических, социальных и культурных связей, имеющих характер: естественных принадлежностей человека от природы; всеобъемлющих и универсальных относительно равных прав независимо от пола, происхождения, языка, имущественного и должностного положения, отношения к религии, политического режима, международного статуса страны, гражданином которого он является; наднациональности, то есть, признаваемыми на международном уровне; неотчуждаемых категорий, то есть невозможности их отнятия от человека до конца его жизни. Именно, в этой связи, насильственные исчезновения воспринимаются в международном сообществе как абсолютное нарушение человеческих прав.

В большинстве развитых стран мира деятельность по защите населения от потенциальной угрозы такого рода насилия имеет институционализированную основу. Так, разработаны законодательные акты по уголовному преследованию за похищение и торговлю людьми, реализуется государственная политика по обучению населения основам знаний о существовании подобного рода преступлений, привлечению СМИ, общественных организаций к такой работе, координации усилий государственных и правоохранительных структур по выявлению и пресечению фактов насильственных исчезновений, защите жертв похищений.

Эти аспекты непосредственно отражены и в казахстанской практике противодействия насильственным исчезновениям людей. В частности, они выражены в законодательстве республики, в частях, касающихся похищения человека, торговли несовершеннолетними, незаконного лишения свободы, насильственного вывоза и транзита (соответствующие статьи УК Республики Казахстан). Наряду с этим, система защитно-профилактических мер от рассматриваемого вида насилия в Казахстане требует совершенствования не только правового противодействия. Действенное субъективирование в процессе необходимо и со стороны институтов гражданского общества, в частности, неправительственных организаций и СМИ. Их участие может осуществляться в формах организации:

---

¹⁰³ Всеобщая Декларация прав человека. 10 декабря 1948 года. — Ассоциация содействия ООН- СССР. — С. 3, 4.

- международных и региональных мероприятий по формированию транснациональной системы взаимодействия и безопасности в рамках неофициальной «народной дипломатии»;
- информационных акций по актуальным темам исследуемой проблемы.

Вопросы для самоконтроля:

1. Масштабы распространения явления насильственного исчезновения людей в мире? Основные мотивы и цели такого рода преступлений?
2. Какими факторами обусловлены отношения между структурами власти, масс-медиа и террористами (в контексте восприятия фактов насильственного политического заложничества)?
3. Как сформулирована дефиниция (определение) явления насильственного исчезновения лиц в международных документах?
4. В чем заключается особенность и привлекательность явления насильственного исчезновения людей для политических режимом, практикующих его в качестве метода борьбы с оппозицией?
5. Какие принципы в области соблюдения прав человека являются определяющими критериями в системе механизмов по выявлению нарушений насильственного характера в политических и правовых отношениях международного сообщества? Какое отражение они нашли во Всеобщей Декларации прав человека?

2.6. Секуляристская основа экстремизма и терроризма

Современный процесс развития мирового терроризма обретает все более специфические очертания, дающие возможность более четкого определения и классификации истинных причин проявления агрессии в практике международных связей. Становится очевидным факт преимущественно политической природы явления экстремизма. В этой связи, известный эксперт в области разработки проблем взаимодействия Запада и Востока Хантингтон С. в своём исследовании роли ислама в современном терроризме делает акцент на следующих четырех аспектах:

- во-первых, он отмечает, что процесс возрождения исламского сознания исламских движений и усиление тенденций самоидентификации среди мусульманских народов, являющийся важнейшим социально-культурным и политическим достижением последних десятилетий и стал отве-

том на модернизацию и глобализацию современного мира. И, в большинстве случаев, этот ответ весьма конструктивен;

– во-вторых, существующие в мусульманском мире, особенно среди арабов, чувство обиды и негодования по отношению к Западу, его богатствам и культуре — это отчасти результат политики империализма, его господства в мусульманском мире на протяжении большей части XX века. Это - реакция мусульманского мира на коррупцию внутри их государств, неэффективную работу правительств;

– в-третьих, насилие в мусульманском мире провоцирует племенные, религиозные, этнические, политические и культурные различия;

– в-четвертых, исламское возрождение совпало и было ускорено высоким уровнем рождаемости в большинстве мусульманских общин¹⁰⁴.

Светский характер экстремистско-террористического явления отмечают и другие специалисты^{105:106}. С указанными источниками слушателям рекомендуется подробнее ознакомиться в контексте изучения первых четырех тем программы курса. Между тем, религиозный тон идеологических мотиваций современного терроризма не перестает вызывать эмоциональные взрывы негодования в сторону тех или иных религиозных течений.

Зачастую, обличительный масс-медийный натиск испытывает ислам. Эту особенность отмечают и казахстанские ученые. В частности, они обращают внимание на то, «... что в последнее время предпринимаются попытки связать в один контекст понятия терроризм и ислам и навязать мировому общественному мнению такое отождествление»¹⁰⁷. При этом искренностью и объективностью взаимных претензий не отличается ни одна из сторон. Религия, по сути, стала инструментом политической игры, и субъекты противоборства не устают подпитывать массовое сознание обывателя заверениями священнодействия либо разоблачения «культивирующих насилие» религиозных догм.

В истории развития терроризма классическим примером такого рода закамouflированного (но под профессиональные союзы) политического насилия является деятельность известной во второй половине XX века итальянской организации «П-2», во главе с Личо Джелми. Созданная в

---

¹⁰⁴ Хантингтон С. Век мусульманских войн. Newsweek. 2002. январь.

¹⁰⁵ Ихлов Е. Геноцид во имя паранджи // Независимая газета. 2001. 4 октября.

¹⁰⁶ Делягин С. Социально-экономические и политические факторы глобализации // Доклад на международной конференции «Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма» (Москва. 23-24.10.2001 г.).

¹⁰⁷ Косиченко А. Г. и другие. Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — С. 4.

XVIII веке как масонское ложе для защиты профессиональных интересов каменщиков, взаимопомощи и передаче секретов их мастерства только членам организации в последующем она обрела скрытую политическую мотивацию, сохранив лишь замкнутый характер и узкоэгоистические цели масонских лож. Собственно, именно эти принципы деятельности, а также провозглашенные ею ранее благородные целевые установки и явились притягательными для людей, преследующих публичные политические цели с привлечением для их достижения реакционных сил, но желающих делать это под лозунгами развития преемственности традиционных гуманных ценностей. Основная цель «П-2» совпадала с идеями итальянских экстремистов по созданию политической нестабильности на Апеннингах и доминированию в распределении властных полномочий в итальянском обществе. В этой связи, эксперты приводят факты связей между руководством «П-2» и анархистской организацией «Потэре операйо», из которой «... впоследствии родился «красный», то есть левозэкстремистский терроризм»¹⁰⁸. Террористический характер деятельности масонской ложи «П-2» неоднократно разоблачался инспекцией по борьбе с терроризмом Италии. Об истинных же целях организации свидетельствовала её политическая программа, в которой предлагались реформы с целью обретения контроля над СМИ, пересмотра Конституции, ликвидации парламентской неприкосновенности и отмены деятельности профсоюзов и трудовых контрактов¹⁰⁹.

Политическая истерия, всеобщая атмосфера страха, созданные экстремистскими и террористическими организациями типа «П-2» и отразились в реальной жизни Италии 1970-1980-х годов в форме массовых преступлений, создав тем самым политический имидж страны как самого мафиозного и коррумпированного общества в Европе того периода. Под гипнозом рассуждений «о прямых действиях и быстрых результатах» такого рода экстремистских организаций, развернувших свою деятельность под прикрытием гуманных заявлений и целей, оказались большинство политически незрелых молодых людей Италии, ищущих кратчайшие пути к трансформации общества. Они и составили благодатную социальную почву распространения экстремистско-террористического действия в стране.

История развития «масонства» в Италии как нельзя лучше демонстрирует тактическую особенность мобилизации политического экстремизма и терроризма, когда преследуемые цели мотивируются субъектами преступных деяний благородными побуждениями, способными вызвать у

---

¹⁰⁸ Зафесов Г. Тайные рычаги власти. — М., 1984. — С. 42.

¹⁰⁹ Там же. — С. 57-59.

людей чувства солидарности и соучастия. В связи с изложенным выше, профессиональная мотивация, также как и религиозная, явилась идеологической ширмой истинных устремлений политических радикалов.

Между тем, научный, объективный подход к разоблачению такого рода манипуляций массовым сознанием требует, на наш взгляд, рассмотрения религии не только в традиционном понимании ее как веры в бога, как явления в целом, а как идеологического течения, возникшего наряду с другими мировоззренческими концепциями сотворения мира, в результате многовековой практики социально-экономических, общественных отношений. Такой метод позволяет выявить два ориентира восприятия и понимания сторонниками теологических концепций фактора связи религии и цивилизации. Первое направление — принятое в современных международных отношениях признание взаимообусловленности религиозных и цивилизационных норм, а, соответственно, и их взаимная коррекция, согласование в процессе изменения элементов одной из форм сознания. Как результат признания такого принципа сосуществования идеологических течений — взаимоуважение, толерантность, мирный диалог между различными конфессиями и светскими институтами общества. Другое направление представляют в основном неофициальные религиозные структуры, трактующие священные писания и заповеди с позиций консерватизма и приверженности к ортодоксальному восприятию принципов религиозных учений. Основой такого подхода к пониманию проблемы служит фундаментализм — стремление к противостоянию модернизации, приверженность к старым ценностям и способам организации жизни. Во все периоды развития цивилизации это стремление имело политический смысл, то есть, фундаментализм следует воспринимать как концептуальные положения, в основе которых заложены политическая стратегия и тактика по возрождению неотрадиционалистских социально-политических систем. Э. Фромм, в этой связи, подразделяет религию на авторитарную светскую и гуманистическую. Он пишет, что первая выдвигает идеалы абстрактные и отдаленные от реальной жизни реальных людей. Вторая — сосредоточена на человеке, его способностях и дает возможность ему узнать правду о собственной ограниченности и своих возможностях. Цель гуманистической религии — самореализация человека и здесь преобладает настроение радости, тогда как в авторитарном довлеет чувство вины и печаль¹¹⁰. Разница между двумя видами религиозного мировоззрения содержится не в системе идей, а в отношении к человеку. Авторитарную религию делает идея, согласно которой эта высшая сила помимо власти над

---

¹¹⁰ Фромм Э. Иметь или быть? — М., 1990. — С. 236-267.

человеком имеет право требовать подчинения. Главная добродетель — послушание, страшный грех — неповиновение. Итак, мы видим суть авторитарной религии — во власти над духом человека, которая и является тем средством, благодаря которому экстремисты систематически пополняют свои ряды. В гуманистической же религии, ввиду отсутствия духа нетерпимости, склонность людей нарушать нормы жизни рассматривается с пониманием, а не презрением.

В предыдущих научных публикациях, в контексте исследования мотиваций современных угроз миру, мы уже рассматривали истинные причины политического экстремизма и терроризма¹¹¹. Вместе с тем, светский характер терроризма требует отдельного анализа.

Структурно-функциональный метод рассмотрения внутренних противоречий конфликтов современности, порождающих терроризм, позволяет выявить его преимущественно внерелигиозные, секуляристские корни. Основанием рассматриваемого феномена являются, прежде всего, социальные, экономические условия, которые в странах, так называемого, «третьего мира» (в основном с проживанием народов, исповедующих ислам) характеризуются безработицей, низким уровнем образования, крайней степенью нищеты людей, что, в свою очередь, в такой динамике развития данных обществ увеличивает в геометрической прогрессии число люмпенизированной массы, благоприятной среды для рекрутирования бойцов в террористические группы.

Не менее важной, на наш взгляд, особенностью регионов, импульсирующих политической экстремизм и мировой терроризм, является наличие в них сложных политических проблем, спровоцированных со стороны правящих режимов нарушениями демократических прав человека, их стремлением к насаждению в практику деятельности современных политических институтов обществ принципов теологического государственного управления, а также, несовместимых с цивилизованными нормами современности, культурно-племенных архаизмов прошлого.

Силовое внедрение в политическое сознание масс религиозных и политических модулей, в основе которых лежат ревизионистский комментарий геополитических проблем, а также отдельных разделов священных писаний, приводит к тому, что сотни молодых людей утверждаются в

---

¹¹¹ *Шалабаев Ж. А.* Религиозный экстремизм и терроризм в Центральной Азии // *Материалы международной конференции «Информационная эпоха: Общество, экономика, культура, право»* — Алматы, 2002; *Террор и терроризм: проблема понятий и истоки явления* // *Межвузовский сборник «Актуальные проблемы гуманитарных наук»*. — Караганда, 2003 и др.

мыслях собственной вероисповедальной исключительности в мире религиозных обоснований объективной окружающей действительности, о доминанте зла со стороны развитых западных стран в нарушениях некогда установленного Высшей волей баланса между восточной и западной цивилизациями. Существующий порядок вещей формирует у них враждебный настрой и приводит к насильственным мерам противоборства. Методы террористического акта вызваны к жизни именно такого рода диспропорциями в общественно-политической структуре ряда государств мира (Палестина, Афганистан, Ирак ...) и желанием определенной категории людей осуществить радикальный перелом.

Изложенные идеологические, политические проблемы имеют характер собственных противоречий, порождённых, в основном, деятельностью общественно-политических институтов внутри обществ, их несогласованностью с другими формами и типами государственной и общественной регуляции, призванных контролировать нормы экономического, общественно-политического спроса и потребностей людей.

Вместе с тем, очевиден факт того, что внутренний экономический дискомфорт и соответствующие провалы в социальной сфере многих центрально-азиатских обществ обусловлены и внешними причинами. Прежде чем сформулировать их характерные особенности, следует отметить то, что дифференцированное рассмотрение определяющих факторов объекта исследования по внутренним и внешним признакам условно и имеет значимость только в теоретическом анализе. Как правило, на практике они взаимно обусловлены.

Анализ внешних причин позволяет выявить превентивную доминанту исследуемых негативных явлений, которая представлена, в данном случае, в форме мировой экономической системы эксплуатации наёмного труда. Современную экономику сложно представить в изолированном виде. Законы капиталонакопления неразрывно связаны с инвестиционными принципами вложения средств, а, соответственно, представляют из себя геоэкономическую сферу движения, в которой импульсатором поступательного хода являются далеко не нравственные, гуманные, общественные категории. В этой связи, в числе внешних причин, во-первых, следует выделить корпоративные интересы международных гиперкомпаний. Их стремление к систематизации «технологии прибыли» приводит к чудовищной поляризации, как в целом, между обществами, так и между странами, внутри отдельных социумов. Такая картина наблюдается и в межрегиональном масштабе, что, в конечном счете, и приводит к дисбалансу на мировом уровне.

Следующая группа причин напрямую связана с политикой «двойных стандартов» развитых государств мира. Практика международной деятельности отдельных стран — доминионов мировой политики основана на собственной исключительности среди государств мирового сообщества, что, в свою очередь, привело к проявлениям их правового эгоизма в решении проблем сотрудничества. Как правило, субъекты такой политики наделяют статусом демократических режимов избранное число стран, провозглашая себя в их составе единственными поборниками демократических прав и свобод на всем мировом пространстве. Вместе с тем, как свидетельствует международная практика, в вопросах политической, экономической безопасности такие сверхдержавы однозначно используют силовые методы решения как внутри, так и вне своих границ. Правила «двойных стандартов» позволяют им, нередко в нарушение даже собственных принципов внутреннего права, вести избирательно выгодную для себя политическую игру. Подобная практика международной деятельности не является изобретением новейшего времени. Несколько схожую практику международной дипломатии мы находим в бытность расцвета британской империи. В истории международных отношений известна английская дипломатическая практика, названная «линией Керзона». Основоположником ее стал вице-король Индии лорд Керзон. Этот расчетливый политик способами политических комбинаций добивался господства Англии над миром. «Гегемонизм» идей и политический прагматизм Керзона нередко выходил за рамки объективной политики и обретал форму двойной игры.

Изложенные факторы, являющиеся, по сути, основанием для насильственного противостояния не имеют общих характерных признаков с агрессией, вызванной собственно религиозными мотивами. Секуляризм причин международного терроризма, в данном случае, очевиден. К сожалению, среди специалистов, изучающих проблемы политического, религиозного экстремизма и международного терроризма есть те, кто всю ответственность за такого рода мировые конфликты возлагает на то или иное религиозное течение. По их мнению, в основе всех трагических событий лежат религиозные догматы, а основанием обвиняемой религии служат понятия «фундаментализма» и «политической нравственности» в религии. Положения, согласно которым религиозные постулаты возводятся в ранг приоритетных факторов формирования агрессии и насилия успешно используются террористами в качестве прикрытия истинных мотивов терроризма. Подобный метод осуществления своих политических устремлений практиковался сторонниками антагонистических противоречий издавна. Достаточно привести факты из деятельности сект еврейских

сикариев (сика — кинжал) в 1-ом веке н.э. в Иудее, уничтожавших представителей еврейской знати, сотрудничавших с римлянами; мусульманских ассошафинов средних веков, устранявших с политической арены префектов и калифов; исмаилитов (Иран, Афганистан... в средние века), использовавших в политической борьбе доведенные до совершенства способы физического устранения неугодных лиц. Во все времена и во всех конфессиях мира возникали сектантские и радикально настроенные группировки, избиравшие метод устрашения для удовлетворения своих политических амбиций. Между тем, ни в одной из мировых религий нет таких принципов, которые сами по себе призывали бы к насилию и убийству. Еще в XVIII веке достаточно ясно сформулировал суть религиозного экстремизма К. А. Гельвеций. Говоря о религиозной нетерпимости в своем сочинении «О человеке», он назвал ее самым опасным явлением, действительным мотивом которого является любовь к власти. Религия же предлог¹¹². Данное убеждение достаточно подтвердить фактами из деятельности одной из самых распространенных в Центральной Азии экстремистских организаций «Хизб-ут-Тахрир», которая стала объектом нашего внимания и в связи с тем, что на территории Казахстана неоднократно выявлялись и ликвидировались разветвлённые сети её ячеек. Согласно утверждениям теоретиков «ХТИ» для возрождения халифата необходимо изменить образ жизни и мышления каждого мусульманина, сделав их истинно исламистскими. Однако, настоящие цели организации и их мотив становятся понятными если проанализировать программные установки, методы, тактику данной религиозно-политической партии. Например, первый этап своей деятельности они определяют как культурно-просветительная работа по формированию «правильного политического сознания» уммы и немусульман (участие последних в «ХТИ» упрощено до условий принятия ими лишь теоретических положений данной партии). Достижение конечных целей лидеры организации предполагают осуществить в три этапа: первый — связан с борьбой за формирование правильного исламского образа мышления (ас-сира ал-фикри), культурно-просветительной и религиозной пропагандой (да ва), второй — обусловлен революцией мышления, которая должна быть осуществлена посредством «политического и культурного внедрения в общество». Наконец, третий этап, раскрывающий истинную суть целей «ХТИ», связан с планами по захвату власти (возможно в начале в отдельно взятой стране), чтобы затем создать условия для повсеместного утверждения «истинно исламской» формы

---

¹¹² Гельвеций К. А. Сочинения в 2-х томах. Т. 1, раздел 1У, глава ХУШ. — М., 1973. — 647 с.

правления. Определяются и сроки реализации таких планов — 13-30 лет. Современными противниками объявлены США, Израиль, страны Европы и бывшие социалистические республики Средней Азии. Один из теоретиков «ХТИ» Набхани на начальном этапе деятельности организации пропагандировал мирный, естественный переход к халифату. Однако, современные теоретики внесли новые положения в программу партии о радикальном приходе к власти, то есть вооружённой борьбе. Эти положения были оглашены в виде доклада на конференции «Интернациональные связи студентов — мусульман», которая состоялась 22 декабря 198 года в штате Миссури (США). Новый амир «ХТИ» Абд ал-Кадим Заллум (палестинец) выдвинул инициативу активизировать работу организации в странах постсоветского пространства. При этом, в новых установках партии священные постулаты ислама уже открыто заменены светско-идеологическими, а приём в члены организации упрощён до условий эклектического знания азов веры. На вооружении у рекрутированных боевиков и последователей ветеранов движения «... упрощённый и законсервированный суррогат ислама, в котором ничего не остается от духовного богатства истинной веры»¹¹³.

В таких условиях речь не может вестись и о пресловутых ваххабитских истоках. В доказательство изложенного в вышеуказанном же источнике приводится текст из арабской газеты «Аш-Шарк аль-Аусат», которая пишет об арестованных в связи с известным терактом в Эр-Риаде против американской военной миссии, что преступники признались о своём участии в отвращении от веры некоторых крупных саудовских улемов, а идейное руководство своей деятельности нашли в книгах и брошюрах, изданных в Иордании, Алжире, Афганистане и Великобритании.

В свою очередь, обусловленность современных политических конфликтов социальными, экономическими условиями жизни подтверждается заключениями по поводу современной ситуации в мире американских учёных Пауля и Анны Эрлих. В своей книге «Население, ресурсы, окружающая среда: проблемы экологии человека» они утверждали еще во второй половине минувшего столетия о шести основных вызовах и угрозах стабильности и мира, которые находятся в основе антагонистических противоречий современности и актуализируют инициативы радикального вмешательства в ход событий. Во-первых, принимая во внимание современное состояние технологии и распространённые модели человеческого поведения они убеждены в чрезвычайной перенаселённости планеты. Во-вторых, огромное число населения и постоянный его рост являются глав-

---

¹¹³ Ауэзов М. Террористическое братство // Деловая неделя. 2000. 3 ноября.

ным препятствием на пути разрешения стоящих перед человечеством проблем. В-третьих, по их мнению, человечество исчерпало возможности в производстве продуктов питания традиционным способом, вследствие чего ежегодно в мире от недостатка продовольствия умирают около 10 – 20 миллионов человек. В-четвертых, попытки увеличения производства продуктов приводит неизбежно к истощению основного средства производства — Земли. И здесь же они убеждены в том, что основным импульсом негативного развития процесса служат экологические проблемы, порожденные техническими достижениями времени. В-пятых, они предполагают то, что рост населения может повлечь вероятность распространения эпидемий и других природных катаклизмов. И, наконец, в-шестых, они убеждены в бессилии технологий для их эффективного использования в решении указанных проблем. В соответствии с изложенными издержками цивилизации, учёные сделали заключение о том, что кардинальное решение проблем предполагает и радикальные, быстрые изменения в установках людей, формирование новоценностных ориентаций масс, в том числе радикального сознания. И это, в особенности, касается вопросов рождаемости, экономики, способов разрешения международных конфликтов. Как видим именно условия, созданные цивилизацией и явились причиной поляризации мира и актуализировали идеи радикального переустройства мира. Необходимо признать то, что политико-экономические условия современности, изложенные выше, во многом строятся не на принципах убеждения, гуманности, а на основе корпоративных интересов, принуждения и подавления.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какие мотивационные факторы, ставшие импульсом для возрождения и активизации религиозного сознания в восточных обществах, выделяет в своем исследовании ислама известный эксперт С. Хантингтон?
2. Какие эволюционные признаки политического экстремизма и терроризма были заложены в основу профессиональных союзов типа «П-2», масонства в Европе?
3. Какие мировоззренческие концепции доминируют в понимании сторонниками теологии связи религии и цивилизации?
4. В чем сущность и основные признаки авторитарной и гуманистической религий по Э. Фромму?
5. В чем состоит «политика двойных стандартов» относительно формулировок политической агрессии и противодействия экстремистского – террористического явлению со стороны некоторых государств мира?

6. Какие антагонизмы и особенности развития современного мира убеждают в преимущественно светских корнях международного экстремизма и терроризма?

2.7. Международные подходы к оценке социальных последствий международного терроризма и экстремизма

В международных политических, нормативно-правовых актах на уровне ООН или многосторонних договорённостей отмечается, что международная преступность (терроризм, экстремизм, орг. преступность,...) подрывает демократический процесс, размывает этические нормы и является причиной покорности, а её последствия пронизывают все аспекты жизни общества. Взятки, пожертвования, подкупы, различного рода насильственные действия (теракты, убийства...) в процессе политических кампаний, подготовки антиобщественных акций являются основными способами преступных организаций, которые стремятся достигнуть политического влияния, лоббировать собственные интересы в органах власти с целью изменения конституционного строя и смены форм государственного и политического устройства. В частности, на восьмом и девятом Конгрессах ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, в рекомендациях для руководства в дискуссиях по обсуждаемой проблеме, делается акцент на национальной и международной угрозе такого рода преступлению, имеющих транснациональный характер. Они представляют из себя фронтальную атаку на политические и законодательные органы, создают угрозу самой государственности, нарушают формальное функционирование социальных и экономических институтов, компрометируют их, что приводит к утрате доверия к демократическим процессам. Последствия таких преступлений приводят к тому, что в положение жертвы ставятся целые народы, эксплуатируется человеческая уязвимость. Террористические акты «... ставят под угрозу дружественные отношения между Государствами и народами и угрожают территориальной целостности и безопасности Государств. Акты, методы и практика терроризма представляют собой грубое пренебрежение целями и принципами Организации Объединённых Наций, что может угрожать международному миру и безопасности,... вести к подрыву прав человека, основных свобод и демократических основ общества. Преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политиче-

ских целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание»¹¹⁴.

В связи с вышеизложенным, а так же на основании используемых в настоящей работе документов международной политической значимости (Конвенции, соглашения, договоры, другие нормативные акты...), необходимо, на наш взгляд, более подробно проанализировать те сферы общества, в которых угрозы экстремизма и терроризма проявляются в наиболее опасных формах, способных разрушить фундаментальные основы национально-культурной идентичности, институциональной основы государственности.

Исследуемый феномен создаёт, во-первых, угрозу базовым устоям общества, которая заключается в стремлении террористов и экстремистов использовать криминальные источники финансирования своих политических акций. Одним из таких источников является наркобизнес. На основе совпадения финансовых интересов именно в этой части развития процесса криминализации мира, идет сращивание международного терроризма с транснациональной организованной преступностью, что значительно усиливает социальную опасность явления в современности. Как в странах производителях и конечной доставки наркотиков, так и на территориях, которые являются транзитными зонами переправки сырья (Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Российская Федерация,...) появились и систематически пополняются собственные группы потребителей. Это, в свою очередь, приводит к нивелированию личностных качеств, позитивно-ценностных интересов у определенной, довольно многочисленной части населения, особенно молодого возраста, потере у них жизненных ориентиров, формированию приоритетно-патерналистских особенностей психофункциональной сути личности.

В данном случае терроризм, экстремизм подрывает и основополагающие ценности как правового, так и политического характера (которые являются интеграционными элементами общества), создает свои «контрценности», базирующиеся на фактах преходящих негативных явлений современной цивилизации или недостатках функционального порядка в системе современных государственных институтов регулирования (соци-

---

¹¹⁴ Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма. Утверждена ГА ООН 9 декабря 1994 года // *Жаринов К. В.* Терроризм и террористы: исторический справочник / под общей редакцией *Тараса А. Е.* — М: Харвест, 1999. — С. 552, 553.

альная, экономическая, культурная сферы). Имидж некоторых террористов и экстремистов как силы, борющейся за благородные цели национального само-определения и противостоящей монстрам мирового гегемонизма, может импульсировать формирование в общественном сознании отдельных слоев (преимущественно бедных) общества «двойные стандарты», когда их собственное положение, выраженное частично в программных заявлениях террористических организаций начинает превалировать над оценкой разрушительных последствий террористических актов. Данное обстоятельство ставит «акцентную группу» перед выбором: о возможности улучшения жизни в случае успеха деятельности террористов, как выразителей их интересов и чаяний (результат декларативных обещаний акторов терроризма, существующий в общественном сознании в форме иллюзий), соответственно поддержки их курса на радикальные методы достижения цели или оставаться в роли предателей национальных интересов и собственной же (хоть и иллюзорной) перспективы. Это, своего рода духовно-психологическое заложничество в плену у собственных иллюзий, спровоцированное идеологией экстремизма, способно привести как к девиантному поведению объектов воздействия на практике, так и поддержке ими на уровне обыденного восприятия действительности, террористического курса. Данная категория людей и является потенциальной жертвой в политике и тактике рекрутирования новых бойцов террористических организаций. Причем, на такой исход развития событий не могут должным образом повлиять ни степень развития общества, ни его культурные основы.

Незаконный оборот наркотиков, как правило, сопровождается насилием, повышением криминогенной обстановки в обществе. Так, потребитель героина совершает в среднем 200 преступлений в год с целью получения средств для удовлетворения своего пристрастия. В этом и заключается основной «дестабилизационный эффект», представляющий угрозу фундаментальным основам любого общества.

Терроризм и экстремизм представляет угрозу для личности. Любое цивилизованное, демократическое общество должно обеспечивать условия безопасности своим гражданам для осуществления ими возможностей в соответствии с предоставляемыми правами на жизнь, распоряжение имуществом не опасаясь насильственных действий со стороны других людей. В этой связи, деятельность экстремистских и террористических организаций оказывает глубокое социальное воздействие. С целью нелегального финансирования собственной антиправовой деятельности террористы и экстремисты используют такую форму преступного деяния (из арсенала транснациональных преступных организаций) как торговля

людьми. В данном случае, люди рассматриваются ими как живой товар, за которым не признается никаких конституционных прав и свобод. Очевиден факт того, что сегодня в мире в результате прямой или косвенной террористической, экстремистской деятельности постоянно нарушаются права тысяч людей. В данном случае, угроза правам и свободам человека выражена в принуждении людей находиться в «рабском положении» заложника: — террористического акта, когда в результате политических комбинаций оппозиционных сил они становятся потенциальной жертвой террористов и экстремистов, стремящихся через радикализацию общественно-политической ситуации в обществе посредством создания атмосферы всеобщего страха, вынудить государственные и политические структуры идти на уступки или совершать необдуманные, компрометирующие их в глазах общественности, поступки; — наркобизнеса, когда сами наркоманы существуют в условиях экстремального выживания, а простые граждане в атмосфере страха из-за небезопасности улиц от девиантного поведения таких людей.

Терроризм и экстремизм представляет угрозу для политической стабильности, национальной безопасности и контрольно-регулятивным функциям институтов государственности. Неформализованные террористические структуры напоминают конфедеративную конструкцию цивилизованных формально институционализированных социумов. Они устроены с учетом постоянного совершенствования механизмов социальной конкуренции с официально-статусными формами общественного управления. Так, система управления организаций типа «Братья-мусульмане», «Хезболлах», «Аль-Каида» построена с учётом всестороннего охвата жизненно важных вопросов социально-политического регулирования обществом. Например, «Хезболлах» выделяет большие средства на социальные программы в шиитских деревнях, финансирует образование, медицину¹¹⁵. «Аль-Каида» в своё время финансировала социальные программы талибов в Афганистане и т. д. Тем самым, создавая конкурирующую параллельную экономику или экономику теневого рынка, террористы проявляют готовность использовать эту силу против формальных институтов государственности, что означает вызов государственной монополии в общественно-политическом регулировании социумом. Для примера достаточно привести факты такого рода угроз в Саудовской Аравии (современная ситуация), Иране (события 70-ых годов XX века), Колумбии, Италии и т. д. В этих странах террористические и экс-

---

¹¹⁵ Кожушко Е. Современный терроризм: анализ основных направлений / под общ. редакцией Тараса А. Е. — Мн.: Харвест, 2000. — 448 с.

тремистские организации открыто соперничают с государственными структурами, намереваясь (порой добиваясь желаемого) занять свою долю контрольных акций в делах государства. Порой такое противостояние выливается в формы гражданской войны или революции. Таким образом пришло к власти в Иране клерикальное духовенство шиитов во главе с аятоллой Хомейни в конце 70-х годов минувшего столетия.

Террористические и экстремистские организации подрывают основу гражданского общества, обостряют напряжённость во внутривнутриполитической жизни. Особую опасность их действия обретают в государствах с ослабленными контрольно-регулятивными функциями или в обществах транзитного характера, в которых борьба с внутренними дестабилизирующими факторами переходного этапа ведётся на уровне принятия декларативных половинчатых мер.

Терроризм и экстремизм представляет угрозу демократическим ценностям, общественным институтам государства. Имея солидную финансовую базу, террористические организации могут спонсировать проведение избирательных кампаний, благодаря чему при помощи коррумпированных политических деятелей проникают в законодательные органы представительной демократии. В современной избирательной кампании, когда конечный результат во многом зависит от материальных возможностей кандидатов, а «масс-медиа» играют доминантную роль в успехе запланированных агитационно-пропагандистских мероприятий, последнее слова остаётся за теми, кто располагает ресурсной базой. Тем самым экстремистские и террористические организации получают в руки мощные рычаги, используемые ими, как правило, в целях подрыва политической системы общества, изменения акцентов в формировании политической и правовой культуры, нивелировании в них демократических ценностей. Именно политический цинизм, порожаемый такой практикой деятельности экстремистских организаций, представляет из себя главную опасность для демократии, поскольку формирует у граждан чувство неверия в законы общества. Приобретая же услуги влиятельных СМИ, террористические организации стремятся получить часть контроля над массовым сознанием с целью манипулирования им в собственных интересах. К сожалению, порой косвенно, смакуя террористические операции, коммуникационные каналы оказывают основным субъектам преступного деяния огромную услугу, популяризируя явление до масштабов событийно-привлекательного качества, что снижает общественную и политическую значимость предпринимаемых государством мер антитеррора.

Терроризм и экстремизм представляют угрозу суверенитету государств. Глобализационные процессы современности дали в руки террори-

стов и экстремистов ощутимые возможности для преодоления границ национальных суверенитетов. Сегодня террористы своими действиями подвергают сомнению традиционные устои государственности. Принцип государственного суверенитета в обеспечении стабильности мировой политики имеет и сегодня свою актуальность. Вместе тем, традиционная доктрина собственного права во внутренней и внешней политике на современном этапе интеграции мировых связей не в полной мере соответствует реальной действительности в сфере отправления контрольных функции государства в пределах собственных территорий, то есть террористы стремятся зачастую поставить под сомнение основной признак функциональной дееспособности государства — территориальную целостность. В данном случае, если государство не в состоянии на своих территориях контролировать такие, обеспечивающие терроризм, международную преступность, сферы, как незаконная торговля оружием, людьми, наркобизнес, то формально сохраняя суверенную основу на вербальном уровне оно утрачивает те функциональные критерии, которые, по сути, и позволяют воспринимать государство как главного монополиста-организатора и распорядителя общественно-экономических отношений в обществе. В этом и заключается скрытая угроза транснационального терроризма и экстремизма государственной власти и национальному суверенитету. Как правило, атака на традиционные устои государственности выражена не в прямом открытом вызове (формы силового военного противостояния), а в партизанском способе воздействия на его неотъемлемые приоритеты.

Особую угрозу терроризм и экстремизм представляют для национальной экономики государств мира. В этой в связи, как опасный деструктивный фактор общественно-экономического развития, исследуемый феномен проявил себя в последние два десятилетия. Основой для усиления негативной роли явления послужил факт сращивания его с транснациональной организованной преступностью или заимствования у криминального сообщества методов и способов «криминального предпринимательства». Доходы от такой деятельности исчисляются миллиардными вливаниями в теневую экономику, часть из которых идёт в государственный оборот или в бюджет местной, региональной экономики. Это обстоятельство вносит существенный дисбаланс в развитие секторов национальной экономики, способствуя развитию инфляционных процессов или их обострению. Имея колоссальную доходную часть (среднегодовой бюджет только одной «Аль-Каиды» превышает 25 млрд. долларов США) экстремистско-террористические группировки стремятся принимать участие в распределении государственных ресурсов. Более того, теневая экономика

обуславливает ослабление налоговой основы государства, оказывая тем самым разрушающее воздействие на легальную экономическую сферу общества. В этой связи, современная политика Казахстана по легализации доходов населения и преследует цель деструктуризации теневого бизнеса, ослабления его негативного влияния на национальную экономику государства.

Мощь транснациональных террористических и экстремистских организации требует адекватных материальных затрат на борьбу с ними. В этой связи, огромные средства на осуществление антитеррористических мероприятий приводит к сокращению социальных программ и инвестиций в развитие наиболее приоритетных направлений экономики. Тем самым, возникает угроза социальной стабильности. На наш взгляд, это и есть одна из основных причин долгосрочной нестабильности в некоторых развивающихся странах, бюджет которых в два-три раза меньше годовых ассигнований террористических организаций, средний показатель которых приведён выше.

Международный терроризм и экстремизм оказывает разрушающее воздействие на геоэкономику регионов и, в целом, континентов мира, представляет угрозу финансовой сфере государств. Террористы совместно с членами организованных преступных группировок широко используют банковскую систему. Разный уровень развития стран, в которых и функции контроля за банковской сферой осуществляются неодинаково, в сочетании с современной оперативностью денежных переводов с помощью электронных средств с одного счёта на другой счёт клиентов, имена которых либо отсутствуют, либо изменены на подставные, создают в целом сложную и запутанную систему, что на руку субъектам преступных организаций террористического толка для осуществления своих замыслов. В этой связи, обрела мировую известность деятельность шестого по значимости в мире банка ВСС в Соединённом Королевстве Великобритании и Северная Ирландия, которая была пресечена только после 12-ти лет успешного существования и «отмывки» около 20-ти млрд. долларов США, добытых криминальными способами.

Транснациональные террористические и экстремистские организации в долгосрочной перспективе приспосабливаются к новым политическим и экономическим реалиям, создавая свои филиалы с соответствующими финансовыми структурами, имеющих, несомненно, ложное официальное досье. Угроза законности и нормальной деятельности международных экономических институтов, региональных и мировых финансовых структур, в связи с изложенным, очевидна.

Политический экстремизм и международный терроризм представляют угрозу для модернизационных процессов в переходный период создания демократических институтов общества и рыночной экономики. В обществах транзитного характера из-за несовершенности законодательной базы, слабой развитости органов исполнительной власти, недостаточной согласованности государственных структур, отсутствия действенных и эффективных механизмов применения регулятивно-силовых функций государства имеются все возможности для инвестирования как материальных, так и духовно-идеологических ресурсов террористических группировок во все сферы жизнедеятельности социумов. В таких условиях страны, пережившие тоталитарное прошлое, оказываются в противоречивой ситуации. Принимая всяческие меры по стабилизации политической обстановки и недопущению её экстремизации, государство, из-за отсутствия потенциальных возможностей для достижения желаемых результатов, «добивается» обратного эффекта, то есть демонстрации в глазах своих граждан собственной политической несостоятельности. Это, в свою очередь, может спровоцировать население, которое выразит действием желание иметь более сильное правительство, способное пообещать и гарантировать требуемый порядок. Именно данное противоречивое обстоятельство может стать тем условием, которое и «благоприятствует» отходу от курса на демократические преобразования в обществе. Правительство, «загнанное» такими обстоятельствами в сложное положение может пойти на ограничение личных свобод и прав своих граждан путём насильственного отчуждения основополагающих принципов демократии. Игнорирование такой угрозы демократизации общества (особенно преодолевающего транзитное состояние) означает следование политическому волюнтаризму в выборе ново-ценностных ориентиров, которые без провизорных технологий в политическом и государственном управлении остаются в качестве иллюзорных намерений.

Политический экстремизм и международный терроризм представляют из себя серьёзный вызов мерам, предпринимаемым мировым сообществом по современному структурированию глобальной геополитической системы и установлению в ней приоритетных гуманных кодексов поведения, формированию цивилизованной политической и правовой культуры общения, принципов взаимной ответственности. Современные политические режимы сконструированы на основе методологии взаимного сдерживания, с учётом основных принципов сбалансированности и эффективно-го взаимодействия. Наряду с современными издержками мировой политики изложенные особенности имеют свою постоянную актуальность. Экстремисты и террористы стремятся выступать в качестве «политических

посредников» мировой политики с целью разрушения новой схемы миропонимания.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какая угроза заключается в современных проявлениях экстремизма и терроризма? Какое отражение нашел фактор экстремистско-террористической угрозы в международных документах?

2. В чем заключается специфика экстремистско-террористической угрозы базовым устоям общества?

3. Какую угрозу представляет экстремизм и терроризм для развития личности?

4. В чем заключается дестабилизационный потенциал экстремизма и терроризма для политической стабильности, национальной безопасности и институтам национальной государственности?

5. Какую угрозу представляет экстремизм и терроризм для развития гражданского общества, демократических ценностей и суверенитета государства?

6. В чем состоит угроза терроризма и экстремизма для национальных экономик государств мира, геоэкономики и геополитики регионов?

3. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

3.1. Мотивы распространения религиозно-политической агрессии на евразийском континенте

В третье тысячелетие мировая цивилизация вступила с новым «проектом» организации международных связей. Старая система отношений после развала советской империи потеряла внутреннюю логику и лишилась смысла. С распадом Восточного блока претерпела крах и структурированная за более чем 50 лет становления и развития мировая система безопасности. С исчезновением «восточного противовеса» большинство межгосударственных договоров и соглашений, международных конвенций, составлявшие основу глобальной политики сдерживания в самых взрывоопасных регионах планеты, и, в целом, систем континентальной и мировой безопасности, обрели, в большей степени, декларативный характер.

В этой связи, определяя стратегию политического сотрудничества Казахстана и стран СНГ на международном уровне, Президент Казахстана не случайно, начиная с 1994 года, лоббирует идею евразийского союза и создания целостной системы региональной и континентальной безопасности. Как не парадоксально, но актуальность и необходимость такого хода развития политических событий на евразийском континенте, в частности, на его постсоветском пространстве, подтверждают слова бывшего советника по национальной безопасности Президента США Збигнева Бжезинского из его книги «Великая шахматная доска»¹¹⁶. Евразия является главным геополитическим призом для Америки и политическую фору США получают только в том случае, если не позволяя Востоку объединиться, не допустят появления на Юге единого крупного игрока. Тем самым З. Бжезинский через научно-исторический анализ международных отношений эпох Великих империй (Монголия, Рим) и современности открывает и предлагает внедрение в сферу «большой политики» США на Центральную Азию классической имперской формулы *divide et impera* (разделяй и властвуй). Анализ современных тенденции развития связей США — страны ЦАР показывает, что великодержавные меры Белого Дома, в рам-

---

¹¹⁶ Бжезинский З. «Великая шахматная доска». — М., 2002. — 274 с.

ках обозначенного З. Бжезинским вектора политики, обретают все более четкие контуры.

Несомненно, Евразия сегодня, с пореформенной центральной частью, включающей 25 государств, с более чем 400 миллионным населением, является «Великой шахматной доской», результат игры на которой наряду с фигурами — доминионами центрально-азиатского региона — Казахстаном, Узбекистаном, Китаем, Турцией, Ираном во многом определяют США, Россия и ведущие западные державы.

Международный интерес к политическим и экономическим процессам, которые происходят сегодня в странах ЦАР, имеет как свои исторически обусловленные причины, так и современные предпосылки, вызванные угрозами континентальной, мировой безопасности. Среди вызовов современной цивилизации, исходящих в большинстве случаев из этой части Евразии, следует выделить два фактора потенциальной дестабилизации — возможность глобального энергокризиса и религиозно-политический экстремизм. Этого, по нашему мнению, достаточно, чтобы понять объективную причинность процентральноазиатского ориентира внешнего курса «политики на Востоке» главных участников сегодняшней политической игры.

Некогда локальные вызовы региональной стабильности сегодня обрели геополитический характер. ЦАР в короткий исторический период превратился в эпицентр мировых политических проблем, откуда в любой момент стоит ожидать негативный импульс развития событий на весь остальной мир. Глобализации военно-политической ситуации в странах ЦАР в 90-х годах минувшего века способствовали ряд политических, экономических причин. Они заключаются в том, что мировое сообщество, представленное США, Германией, Англией, Францией, Индией и Китаем, не скрывало своей озабоченности и тревоги по поводу возникновения на евразийском пространстве новых независимых ядерных стран, в числе которых до 1995 года находился и Казахстан. В связи с этим, проблема ядерного разоружения бывших субъектов советской империи долгое время выдвигалась на первый план международных отношений конца 20-го столетия. Не меньший узел политических, экономических проблем образовался при решении вопросов принадлежности, а впоследствии использования ресурсов Каспия. В этот же период рефреном на всем пространстве региона прозвучали афганские события, явившиеся одной из причин развязывания гражданской войны в Таджикистане. Демаркационные Китай-Казахстан, Узбекистан-Казахстан проблемы 1998-2000 гг. также не лучшим образом отразились на процессе решения вопросов безопасности Центрально-азиатского региона. Своего рода, логическим итогом развития политиче-

ских событий начала и середины 90-х годов 20-го столетия явилась смена политического ориентира у ряда постсоветских республик. Известная аббревиатура ГУУАМ в середине 1999 года означала явный разлад в вопросах политической стратегии и выбора политических партнеров между постсоветскими республиками. Новой, проамериканской ориентации «союз пяти» — Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдовы, — объявил о своем выходе из Договора о коллективной безопасности (1992 г.), чем продемонстрировал не только свое нежелание политического сотрудничества с Россией, но и резкое неприятие ростков интеграционных процессов в отношениях между субъектами СНГ. Члены ГУУАМ руководствовались, к сожалению, только принципами экономической выгоды, которая оказалась столь же иллюзорной, как и предполагаемое ими гарантийное политическое и военное покровительство США. Время и последовавшие в 2001-2002 гг. события, связанные с ликвидацией террористов в Панкийском ущелье показали, что политические дивиденды от смены курса у субъектов нового «союза», в частности у Грузии, равняются нулю. Более того, если Азербайджан, Молдова и Узбекистан экстенсивными политическими мерами имели еще возможности «для нового обретения старых союзников» (безусловно, в случае совпадения политических интересов), то Грузия оказалась в положении загнанного аутсайдера региональной и евразийской политики. Панкийские события в соответствии с международной конвенцией (1933 г.) «Об определении агрессии» могли стать достаточным основанием для экспертов причислить Грузию к субъектам международного терроризма за деяние по предоставлению убежища преступникам¹¹⁷. Сложившаяся ситуация явилась «шоковой терапией» для грузинской администрации и определила ей Россию в роли «политического кредитора», в руки которого был дан шанс на основании соответствующих нормативных актов международного права и договоренностей на волевое решение возникшей, а вкупе и других проблем, чем она не преминула воспользоваться. Благо на то была веская причина — угроза международного терроризма с Юга.

Не имевшие столь мощной базы международно-правовых и военно-политических гарантий успеха остальная четверка «союза» ГУУАМ во избежание более непредсказуемых для себя политических последствий сошла необходимым оставаться в роли сторонних наблюдателей.

В «своей игре» «союз» ГУУАМ за 2000-2002 гг. внёс «новый разлад» в становление и развитие идеи евразийства, а также в те интеграционные

---

¹¹⁷ *Кашлев Ю.В.* Информационный взрыв: международный аспект. — М., 1988. — С. 6.

процессы, которые наметились на постсоветском пространстве после завершения коалиционных демаршей 90-х годов XX века субъектов СНГ (тройственный — Россия, Украина, Белоруссия; четырехсторонний — Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан — союзы и т. д.).

Сложившаяся в 1999 году политическая обстановка внесла негативные коррективы в процесс становления и развития региональных факторов стабильности. Более того, образовались дополнительные субрегиональные, не локализованные очаги потенциальной напряженности. В СНГ, по сути, оформились две группы государств: лояльных США и ориентирующихся на Россию. Угроза известного миру «югославского синдрома», когда права хозяина механически переходят в руки наметившихся «политических спонсоров», готовых к силовому решению конфликтных ситуаций, стала менее прозрачной и в центральной части Евразии. Ярким тому доказательством политические мотивации грузинско-российского военного конфликта. Данная ситуация усложнялась перманентной дестабилизацией государств Юга Евразии, вектор которой был направлен в сторону географического расположения тех же стран центрально-азиатского региона, обстановка в которых влияет на общественно-политический климат всего восточного региона (Казахстан, Китай, Узбекистан, Турция). Здесь, прежде всего, следует выделить проблемы, обусловленные:

- событиями в Киргизии;
- необходимостью урегулирования отношений между Таджикистаном и Узбекистаном по вопросам транзита электроэнергии из Туркменистана;
- актуальной необходимостью стабилизации партнерских связей среднеазиатских государств и Казахстана с Узбекистаном по поводу систематических угроз со стороны узбекских политиков в связи с их желанием выхода из объединенной энергетической системы;
- искусственным блокированием последних казахстанских инициатив по региональному сотрудничеству.

В этой связи, думается, вывод, сделанный еще в 1994 году специалистами Лондонского института стратегических исследований, о существовании законспирированной некой силы, занимающейся на основе целенаправленной политической и религиозно-политической идеологии дестабилизацией ряда стран и регионов, имеет под собой объективную основу.

Анализ сложившейся политической обстановки в регионе сегодня показывает, что она становится менее самоуправляемой суверенами ЦАР и более «удобоваримой» извне. Этим, несомненно, не могут не воспользоваться западные государства при осуществлении своих намерений в политике, направленную на Центральную Азию. В этой связи, стоит ожидать

большей настойчивости не только от американских политиков. Обновленное в 2002-2003 гг. политическое руководство Китая во главе с энергичным и опытным политиком Ху Цзинтао не в меньшей степени заинтересовано в активном использовании ситуации для осуществления своих геополитических целей. Активизацию китайского участия в центрально-азиатской политике мы наблюдаем, начиная с середины 90-х годов минувшего столетия (1996-1997 гг.). Намерения обладать собственной долей «политических акций» в ЦАР и по ходу упрочить свои северо-западные границы Китай продемонстрировал при заключении Московского (1997 г.), Алматинского (1998 г.) соглашений и Шанхайской (2001 г.) Конвенций. При этом «восточный гигант» демонстрирует классическую умеренную восточную дипломатию, дабы не антагонизировать процесс столкновения своих интересов в регионе с интересами не менее мощных политических конкурентов — США и России.

В связи с изложенным, современные отношения между странами евразийского континента сложно оценить как стабильные, сбалансированные связи между равноправными субъектами международного права. Равноправность в решении национальных, территориальных, этнополитических и иных проблем, включающая в себя оценочные определения (субъектно-внутреннее восприятие собственной роли и внешнего субъекта правоотношений) и определяющая суть отношений в международной политике, явилась камнем преткновения современной геополитики. Как следствие – усиление конфликтогенного потенциала на Кавказе, Ближнем Востоке, в странах Средней Азии, Восточной и Западной Европы, возрастание угрозы международного терроризма и политического экстремизма на региональном, континентальном уровнях. Одна из причин драматизма событий – неустойчивая общественно-политическая обстановка в ряде евразийских государств, во многом определяющая и особенности региональной политики, неумение или нежелание их политических лидеров сконцентрировать усилия на использовании консенсусного потенциала институтов власти и народной демократии для реализации стоящих перед обществом задач политического, национального обустройства, отсутствие в арсенале их действий эффективной методики проведения в жизнь выдержанной и согласованной с объективной реальностью, политики.

Тем не менее, в истории государств, не объединённых общими континентальными признаками, начало нового столетия ознаменовано типовым характером предпосылок развития на их территориях политических процессов и событий. Причины появления детерминантов планетарного значения, определяющих сегодня в целом облик геополитики и, во многом, международные отношения, скрыты как в базисных изменениях регионов,

так и в тех социальных, идеологических, религиозных факторах, которые побуждают людей, нередко и отдельные страны, пропагандировать крайний радикализм взглядов, принимать неординарные меры, вплоть до насилия. Среди такого рода пороков современной цивилизации, представляющих особую угрозу международной безопасности и стабильности на территории Центральной Азии, на наш взгляд, необходимо выделить шесть негативных явлений. Это политический и религиозный экстремизм, этнический и криминальный терроризм, наркобизнес, организованная преступность.

Масштабность проявления, степень общественной опасности и противоправный характер перечисленных деяний ставит их в ряд феноменов современности, требующих объединения усилий всех государств мира. Не случайно, только за период с 1990 по 2007 годы состоялось более десяти международных встреч на высоком уровне, итогом которых явились договоренности по интеграции коллективных сил в борьбе с такого рода преступлениями против человечества, имеющими ярко выраженный международный характер. Объединенные же усилия государств Средней Азии, Казахстана, России и Китая, предпринятые в рамках договоренностей Шанхайской Организации Сотрудничества в 2010 году, уже в новых реалиях современности подтвердили тотальный характер экстремистско-террористической угрозы и актуальность формирования международных коллективных сил противодействия.

В данном разделе учебного пособия автор не случайно выделяет регион Центральной Азии. И это продиктовано не только географическим расположением Казахстана. Методологическая специфика современных исследований экстремизма и международного терроризма должна быть обусловлена прежде всего региональными тенденциями их проявлений. Это вызвано тем, что процесс развития экстремистско-террористического явления в разных странах различается по типам и функциональной сущности. К примеру, если на Балканах, в Турции (курдская проблема) при наличии общих закономерностей мы отмечаем признаки этнического терроризма, то большинству стран Центрально-Азиатского региона (ЦАР) в большей степени присущ экстремизм и терроризм с религиозно-политической мотивацией. В этой связи, в странах ЦАР объектом более пристального внимания является религиозно-политическая мотивация. В этой связи, в научных разработках с целью поиска оптимальных путей решения региональных проблем современности, связанных с угрозами миру, этот аспект должен учитываться в качестве доминантного фактора. Несомненно, автор в данном случае не типизирует ситуации, связанные с событиями в СУАР, Пешаваре, Таджикистане и т. д., которые во многом

продиктованы этническими, этно-политическими требованиями. Акцент делается на характере приоритетных мотиваций.

Современный религиозный экстремизм и терроризм, как в Центральной Азии, так и в большинстве стран постсоветского пространства имеет отличительные черты, которые наряду с новыми, изошрёнными формами реализации экстремистских идей и террористических акций, заключены в характерных особенностях их распространения. Одна из главных тенденций современности — возрастание угрозы национально-государственному суверенитету стран ЦАР, а так же вызов стабильности международных отношений на всем евразийском континенте, который содержит в себе мощный потенциал мировой дестабилизации. Учитывая же то, какой ценой политических и экономических усилий приходится налаживать межгосударственные связи и вести равный диалог большинства суверенам СНГ и ЦАР на современном этапе развития международной дипломатии не сложно определить векторы развития событий в случае обострения внутрирегиональных отношений.

Следующая региональная особенность экстремизма и терроризма в Центральной Азии заключена в его материальной базе, которая пополняется, в большей степени, за счет наркобизнеса, достигшего в некоторых странах региона уровня официального источника общественной прибыли. При рассмотрении деятельности террористических организаций типа «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), переименованное в 2001 г. в «Хезб-е-Ислами Туркестан», «Акромиды» — религиозное исламское движение Узбекистана, Аль-Каида и т. д. неизменно встают вопросы, касающиеся использования террористами тактики и методов транснациональных преступных организаций, в частности, из сферы наркобизнеса (именно этот вид организованной преступности чаще всего привлекает внимание субъектов терроризма в ЦАР). По сути, данный процесс обрел четкие контуры сращивания террористических организаций с субъектами международной организованной преступности. Не случайно этот факт, так же был отмечен и в выступлении на региональной конференции «Расследование и ведение дел, связанных с международной организованной преступностью» Лэрри Нэппера (посол США в Казахстане в 2002 г.), который акцентировал внимание участников на аналогии современного содержания понятий «международная организованная преступность» и «международный терроризм». (Алматы, январь 2002 г.). В этой связи, следует отметить, что процесс интеграции субъектов преступлений международного характера основывается на их выборе единых источников финансирования своей деятельности. Ярким подтверждением тому служит деятельность террористической организации религиозного толка

ИДУ, предводителем которого был один из авторитетных людей в среде узбекских и таджикских моджахедов Джума Намангани. Преследуя политические цели (изменение государственного строя и создание исламского государства на территории Узбекистана) данная организация активно занимается торговлей наркотиками. Именно наркобизнес подпитывает преступную деятельность религиозных экстремистов. Как отмечает один из исследователей данной проблемы М. Кудайбергенов «Несомненно, что именно наркобизнес является одним из самых прибыльных видов деятельности, и именно деньги от продажи наркотиков используются ваххабитами для реализации своих преступных целей, в частности, для закупки столь необходимой военной техники, подкупа властей, для подготовки боевиков и оплаты наёмников. В целом, в этой вечной цепи «наркобизнес — терроризм — агрессия» именно наркобизнес является энергией для движения, ...»¹¹⁸. За последние годы всё большее число террористических и экстремистских группировок различных ориентаций (ультра-правые, ультра-левые, националистические, сепаратистские и т. д.) прибегают для финансирования своей деятельности к участию в наркобизнесе. Так, «Хезболлах» в Ливане является одной из контролирующих организаций за плантациями индийской конопли и опийного мака, сосредоточенного в ливанской долине Бекаа¹¹⁹.

Отмечая факт взаимопроникновения неоднородных видов преступлений, имеющих международный характер, мы, тем не менее, не предполагаем всесторонней, полной аналогии между понятиями «международный терроризм» и «международная организованная преступность». Очевиден факт того, что цели этих организаций совершенно не совпадают. Субъекты транснациональной организованной преступности прибегают к террору лишь с целью создания более благоприятных условий для осуществления деятельности преступных предприятий, направляя при этом свои действия против конкретной политики в области обеспечения законности, а не против основ государственности (при этом определенная часть власть имущих, возможно, ими уже коррумпирована). Террористические же группы преследуют политические цели, которые зачастую направлены на изменение сложившегося положения на государственном или международном уровне. В этой связи, средства, добытые ими в результате наркоторговли, используются в целях выполнения политических задач. Однако,

---

¹¹⁸ Кудайбергенов М. Джихад по-узбекски, или о терроризме в Центральной Азии. // Казахстанская полиция. — 2000. — № 9. — С. 16-17.

¹¹⁹ Кожушко Е. Современный терроризм: анализ основных направлений / под общей редакцией Тараса А. Е. — Мн.: Харвест, 2000. — С. 270.

определившаяся во второй половине XX и в начале XXI столетий тенденция к слиянию преступных и террористических организаций при всей неоднородности их целей — очевидный факт современности.

Важной особенностью распространения в ЦАР идей религиозно-политического радикализма являются и попытки экстремистских организаций придать своей противоправной деятельности характер национально-освободительного движения или борьбы за чистоту веры. Эмиссары экстремистских и террористических организаций, ориентируясь на сакрализованный менталитет населения Центрально-азиатских стран, который в большей степени сформирован на религиозных устоях ислама (исключение составляет население Казахстана, где религия не доминирует в формировании политического сознания и политической культуры людей в той мере, которая имеется у ближайших соседей с юга — Узбекистан, Иран, Афганистан, Таджикистан ...) используют лозунги построения исламского государства или фактор свободы вероисповедания. Так, идеи создания Уйгурского государства «Восточный Туркестан» в Центральной Азии, нарушив при этом территориальную целостность ряда государств Средней Азии и Казахстана, преследуют уйгурские экстремистские и террористические организации «Фронт освобождения Восточного Туркестана», «Искра Родины», «Тигры Лобнора».

Существующая же на средства криминальных группировок религиозно-политическая экстремистская организация «Хизб-ут-Тахрир аль ислами» («Партия исламского освобождения») широко использует в своей противоправной международной деятельности идею защиты ислама, призывая народы к борьбе против политики США, воюющей, по их мнению, не против терроризма, а против ислама. В данном случае, ими используется современная ситуация, когда во многих регионах мира смена политических режимов явилась мощным импульсом возрождения религиозного сознания людей. Членами этой, запрещенной в мире, организации являются и жители Казахстана, о чем свидетельствует криминальная статистика, имеющая в республике тенденцию роста с начала 2000-х годов. Так, если в 2001 году в южном регионе страны было задержано 3 человека за распространение листовок и литературы, содержание которых направлено на разжигание религиозной вражды, свержение конституционного строя¹²⁰, то в 2006 году в более чем десяти населенных пунктах республики ликвидированы уже целые ячейки разветвленной сети религиозно-политической организации Хизб-ут-Тахрир, в состав которых входили десятки казахстанцев со всех регионов страны.

---

¹²⁰ Экстремисты не пройдут. // «На страже» 2001. 14 ноября.

На современном этапе развития стран СНГ, ЦАР и всего мирового общества религиозный экстремизм и терроризм являются ничем иным, как массированным идеологическим прессингом на структуру обществ, (многие из которых находятся еще в переходной фазе формирования), который затрагивает практически все элементы социумов на индивидуальном, коллективном и институциональном уровнях. Религиозные радикалы используют такую форму беззакония, при которой цинично попираются права граждан и конституционные гарантии. При этом они стремятся уменьшить риск квалификации таких деяний, как преступлений международного характера и в максимально возможной степени избежать наказания.

Важной особенностью проявлений современного экстремизма и терроризма в Центрально-азиатском регионе является их хорошо организованный и структурированный характер. Организации, использующие в арсенале своих преступных деяний экстремистские методы, имеют сегодня единые руководящие органы, систему управления, планирующие и боевые подразделения.

У современных террористических организаций ЦАР отлаженная организационная структура: наличие связи и взаимодействия с международными террористическими центрами, руководящие и оперативные звенья, подразделения разведки и контрразведки, материально-технического обеспечения, боевых групп прикрытия, жесткая конспирация и тщательный отбор кадров, наличие агентуры в правоохранительных и государственных органах, хорошее техническое оснащение, нередко превосходящее оснащение специальных подразделений правительственных войск, наличие разветвленной сети конспиративных укрытий, учебных баз и полигонов. Для обеспечения политического и общественного резонанса своих кампаний экстремистские и террористические организации имеют информационно-пропагандистские структуры (типографии, видео и аудио оснащения, центры распространения листовок, миссионерской деятельности и т. д.). Для целевого использования в наиболее кризисных регионах мира такие организации ведут тщательный отбор и подготовку активных функционеров и боевиков. Подчиненность в экстремистско-террористических организациях не имеет жесткой иерархизации сверху — донизу по принципу управленческого централизма и группировки действуют в отлаженном «творческом механизме». Последний аспект, на наш взгляд, и является основной причиной их высокой мобильности.

Отмеченные аспекты организационного, мобилизационного характера и способствуют широкомасштабным проявлениям феномена в современной жизни. Тенденции развития явления обладают особенностями, которые различаются по характеристикам распространения и имеют свои

определяющие критерии и отличительную специфику, выделенные экспертами в несколько направлений активизации и распространения феномена, в том числе в регионе Центральной Азии¹²¹. Это интенсивное изменение явления в направлении повышения его общественной опасности:

1. По темпам роста и прироста. За последние тридцать лет в мире было совершено более 10 тысяч террористических актов только широко известных и нашедших отражение в средствах массовой информации. К этому стоит добавить расширение географии явления на территории СНГ — от известных северо-кавказских, прибалтийских, молдавских событий до фактов распространения экстремизма и терроризма в средне-азиатских республиках (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан) и в Казахстане, Азербайджане, Грузии, Дагестане, Армении и т. д.

2. По уровню организованности, когда терроризм и экстремизм в XX веке развивался от событий точечного терроризма (террористы-одиночки) до создания террористических групп, крупных экстремистских организаций, политических террористических формирований левого, ультраправого, националистического и религиозного толка вплоть до транснациональных террористических объединений типа «Алькаида» («Основа»).

3. По материально-техническому и финансовому обеспечению. Оснащение террористов совершенствуется от способов применения холодного оружия и технических средств ограниченного поражения (пистолеты, автоматы и т. д.) до колоссальных взрывов и средств массового уничтожения (химических, биологических, ядерных) при помощи мировых центров финансирования террористических акций.

4. По национальным и транснациональным масштабам террористической деятельности. В этом плане терроризм «движется» от единичного места преступления — места совершения теракта, до охвата целых городов, стран, регионов организованной и систематичной террористической деятельности.

5. По степени тяжести наступивших последствий и числу человеческих жертв. В данном случае тенденция имеет устрашающие перспективы. Темпы прироста человеческих жертв в среднем на порядок опережают темпы прироста самих террористических актов.

---

¹²¹ *Лунев В. В.* Тенденции терроризма и уголовно-правовая борьба с ним. Тезисы доклада на секции социального, криминологического и правового обеспечения противодействия терроризму Общественного консультативного совета по проблемам борьбы с международным терроризмом при Президиуме РАН. // Государство и право. — 2002. — № 6. — С. 35-39.

6. По характеру и объёму целей. От убийств отдельных лиц до свержения легитимных властей, разрушения государств и фактического уничтожения целых народов.

7. По расширению социальной базы террористов. Террористические объединения систематически пополняются политическими, религиозными организациями, вплоть до поддержки их программных устремлений целыми народами или значительными его социальными слоями, введёнными в заблуждение в результате разного рода политических манипуляций.

Эти факторы и являются теми причинами, которые придают изучаемому явлению в ЦАР современный феноменальный характер, систематически продуцируя в нём конфликтогенность и социально-политическую инертность, неуправляемость.

Наряду с тенденциями, имеющими специфические критерии по внешне-свойственным признакам, в 90-е годы минувшего столетия терроризм в регионе Центральной Азии изменил и видовую сущность, которая характеризуется по ново-доминантным акцентам функционального содержания и региональным признакам наибольшего распространения. Так, в последнем десятилетии XX века, в связи с крушением практической основы марксистско-ленинской идеологии, существенно сократилось количество леворадикальных организаций (а так же численность сохранившихся), практикующих в своей деятельности насильственные способы политической борьбы (террористические акты, насильственные похищения людей, заложничество и т. д.). Среди такого рода террористических организации можно привести «Красные бригады», численность которой в годы «благоприятствования» составляла до 5-ти тысяч боевиков, а сумма выкупа за 430 похищенных в период с 1977 по 1982 гг. людей составляла около 200млн. американских долларов. В конце же XX века численность этой организации сократилась до 50-ти человек, а террористические акты «Красных бригад» стали в большей степени иметь «декларативный» характер без человеческих жертв. Уменьшилась опасность и со стороны ультра-правых и националистических террористов. Например, Ирландская республиканская армия заявила об отказе от вооруженной борьбы и переходе на методы политической дипломатии.

На фоне относительного «затишья» идеологических форм изучаемого объекта проявился экстремизм и терроризм религиозно-политического толка, мобилизационной основой которого на континентальных уровнях явились, в большой степени, организации из восточных и юго-восточных регионов мира, преследующие политические цели.

Изложенное выше обстоятельство повлияло в целом на статистику терроризма в сторону определённой стабилизации количества террори-

стических актов в мире, но со значительным увеличением количества жертв. Об этом свидетельствуют и факты, приведенные американскими специалистами по борьбе с терроризмом из исследовательской службы Конгресса США, о том, что число международных террористических актов с 665-и в 1987 году уменьшилось до 300-400 ежегодных случаев в следующие годы¹²².

Изменилось и отношение к терроризму. Если ранее данное явление воспринималось в большей степени как вид антиправового деяния в общей совокупности уголовно-наказуемых преступлений, то в середине 90-х годов минувшего столетия в качестве основной угрозы террористической деятельности стало рассматриваться использование террористами оружия массового поражения (химическое, бактериологическое). Такое изменение акцента угрозы спровоцировали ряд террористических актов, среди которых международный общественно-политический резонанс имели газовая атака террористов из «Аум Синрекё» в токийском метро (с использованием зарина кустарного производства), когда погибли сотни людей и заражение пищи сальмонеллой в ресторане Орегона (США) членами религиозной секты «Раджниш», в результате чего пострадало 715 человек. Своей античеловеческой жестокостью потрясли мир и события 1995 года, когда террористы из Чечни разместили контейнер с радиоактивным Цезием-137 в Измайловском парке Москвы.

«Новой тенденцией 90-х» является и появление нетрадиционной формы терроризма, о чем свидетельствует факт, когда в 1995 году некий Сэлви убил двух регистраторов клиники, занимавшейся совершением абортов.

В этой связи, перспективу развития феномена международного экстремизма и терроризма в ближайшие десять лет на евразийском континенте можно определить по этим её современным тенденциям, анализ которых позволяет обозначить следующие особенности:

– реже всего, трансформируется основной субъект терроризма и соответственно сам механизм преступного действия. Это произойдет в результате профессионализации преступлений международного характера, в частности, превращения терроризма в ремесло (тенденции и некоторые уже проявившиеся сегодня признаки этого анализировались в соответствующем разделе диссертационного исследования);

---

¹²² Доклад исследовательской службы Конгресса США «Терроризм: история и вопросы, стоящие перед Конгрессом» // «Борьба с терроризмом». Электронный журнал информационного агентства США и Европы, 1999-2000 г.г.

– отдельные регионы, непосредственно граничащие с Казахстаном, превратятся из пассивных в территории активной деятельности зарубежных террористических организаций и групп. Это возможно при попустительстве, либо при содействии на определенных политических условиях властей отдельных государств;

– не исключается и возможность превращения ближайших соседей по континенту (Россия, Узбекистан, Киргизия...) из объектов в территориальные звенья единой цепи международного терроризма и экстремизма;

– не менее уместны предположения экспертов о том, что в ближайшее десятилетие террористы смогут обрести каналы доступа к оружию массового уничтожения или шантажа на стратегически важные объекты;

– экстремисты стран ЦАР будут и далее совершенствовать пути и методы проникновения в СНГ, в особенности, в Россию, через транзитные зоны в том числе, через Казахстан;

– несомненно, будут продолжаться попытки создания зон отчуждения, а затем этнического противостояния между группами населения (данная методика политтехнологии апробирована в Югославии);

– несомненно, экстремистские организации попытаются увеличить поток наркотрафика через Центрально-азиатский регион в западные государства, отдельные из которых готовы временно не акцентировать на этом внимание в обмен на выполнение своей политической воли.

В условиях обозначенных тенденций распространения в странах ЦАР экстремистско-террористических движений, а также с учетом перспективных ориентиров его феноменизации, на наш взгляд, необходимы следующие региональные стратегические меры противодействия. Во-первых, требуется создание единого правового пространства, как на территории ЦАР, так и на территории СНГ. В этих целях необходимы объединённые усилия стран по разработке и принятию на высшем уровне конвенций, соглашений, предусматривающих единую меру ответственности каждой из договаривающихся сторон за поддержку наёмничества, сокрытие группировок, пропагандирующих своими действиями религиозную вражду и экстремизм. Первые шаги в этом направлении сделаны государствами Шанхайской Организации Сотрудничества. Во-вторых, безусловно, более четкой конкретизации на международном уровне требует политика государств ЦАР и СНГ по экстрадиции преступников, совершивших преступления террористического характера. Политическое урегулирование данной сферы международных отношений и является важнейшим фактором расширения правового поля антитеррора в регионе и на всем евразийском континенте. В третьих, эффективность борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом во многом зависит и от того, насколько слаженно эта

работа будет организована в межгосударственных комиссиях, организациях по разработке исследуемой проблематики.

Определённый политический и правовой опыт в организации международной деятельности по борьбе с экстремизмом и терроризмом накоплен в государствах Европейского содружества во второй половине XX века, о чём свидетельствуют соответствующие международные документы, имеющие характер универсальных договорённостей в сфере противодействия мировым вызовам и угрозам современности с утверждением равной правоответственности всех субъектов — подписантов. Этот опыт заслуживает аналога с учетом региональной специфики и в политике стран ЦАР. Более подробное освещение данная проблема получила в части исследования, посвященной международной политической и правовой практике антитеррора.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какие политические события конца минувшего столетия обусловили процесс дезинтеграции постсоветских государств и какое влияние это оказало на формирование конфликтогенного потенциала в отношениях между странами евразийского континента?

2. В чем заключаются региональные особенности экстремистско-террористического явления? Чем отличается специфика формирования и распространения экстремизма и терроризма в регионе Центральной Азии?

3. Какие тенденции распространения экстремистско-террористического явления характерны для центрально-азиатского региона?

4. В чем заключаются новостные ориентации международного терроризма?

5. Какие признаки распространения современного терроризма в Центральной Азии свидетельствуют о возрастании степени его угрозы — от вида антиправового деяния в общей совокупности уголовно-наказуемых преступлений до глобальной угрозы массового уничтожения?

6. В чем заключаются футурологические (прогнозируемые направления) особенности распространения экстремизма и терроризма в регионе Центральной и Средней Азии, в том числе и в Казахстане?

7. Какие стратегические направления противодействия экстремистско-террористическим угрозам в центрально-азиатском регионе можно выделить в качестве приоритетных мер обеспечения региональной безопасности?

3.2. Транснациональные субъекты мировой политики

Традиционные устои политической системы стран мира претерпели во второй половине минувшего столетия коренные изменения, которые спровоцировали появление на мировой арене новых транснациональных субъектов отношений. Их деятельность, охватывающая территории регионов и целых континентов, существенно влияет на структуру политической системы, как отдельных государств, так и всего мирового сообщества. Это, в свою очередь, дало мощный импульс процессу перехода международных отношений, которые базировались на принципах признания национального суверенитета субъектов взаимоотношений, в русло мировой политики, в основу которой легла уже геополитика, с присущими ей глобализационными методами решения экономических, политических и иных проблем современности. Национальный суверенитет, как категория, представляющая из себя основной государственно-центрический компонент мировых связей, стал обретать «остаточную» функциональную значимость, то есть терять свое ведущее ролевое предназначение. По сути, на современном этапе развития мировой цивилизации понятие суверенитета претерпевает в определенной степени нивелирование основных политических ценностей в мирополитических категориях восприятия.

Наряду с процессами глобализации развития культуры мирового общества (культура понимается как общемировая практика и, в целом, опыт человеческого развития) совершенствуется и процесс определения способов сохранения идентификационных особенностей развития, который имеет различные формы выражения и проявления в общественно-политической практике (от вербализованных в нормативной правовой практике государств форм до «несанкционированных» официальными институтами государственного управления форм сопротивления глобализации). В этой связи, как утверждает известный западный социолог М. Кастеллс, данный процесс имеет три формы сконструированных идентичностей. Первая — «узаконенная» идентичность, устанавливаемая при помощи доминирующих в обществе учреждений; вторая — «сопротивляющаяся» идентичность, выступающая против таких учреждений; третья — «проектируемая» идентичность, стремящаяся к созданию новых общественных структур¹²³. Первый вид идентификационных проявлений, мо-

---

¹²³ Европейская конвенция о пресечении терроризма, Страсбург, 27 января 1977 г.; Итоговый документ Венской встречи государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Вена, 15 января 1989 г.; Лиссабонская декларация по модели общей и всеобъемлющей безопасности для

жет находить своё выражение и в формирующихся структурах гражданского общества (данную особенность в практике становления институтов гражданского общества в Казахстане мы проанализировали в соответствующей части учебного пособия). Вторая форма выражена в деятельности различных сообщностей и идеологических течений, объединённых идеями национализма, религиозного фанатизма и другими концепциями (экстремистско-террористические движения, о которых идёт речь в настоящей работе, и являются одной из таких форм идентификационного выражения). Третья форма образована в результате устремлённости субъектов обретения или совершенствования идентичности к новой жизни путём модернизации или отказа от старых принципов и устоев (это могут быть движения против патриархализации семейных устоев женских общностей и т. д.). В современном обществе (Кастеллс предлагает называть его сетевым по таким признакам как глобальная экономика, космополитизм и информационализация) всем этим формам противостоит космополитическая элита, владеющая информационным капиталом и живущая интересами его глобализации. Антиглобалисты и стремятся противостоять таким транснациональным устремлениям, используя возможности средств массовой информации. Уровень же, достигнутого от таких мер, стабильности в обществе зависит от того, какие идеалы преследуются в процессе достижения идентичности. Тот же М. Кастеллс приходит к аналогичному выводу путём анализа современного исламского фундаментализма и американского христианского фундаментализма (о них, в частности, мы вели речь в соответствующем разделе настоящей работы), а так же различных экологических движений или религиозно-сектантских течений.

Вместе с тем, и новая система отношений, инициированная западными государствами (возможно и самой логикой развития мирового сообщества) не совсем успешно вписывается в рамки классических политических систем, испытывая на себе неприятие как антиглобалистов, так и традиционалистов или сторонников других политико-культурных инноваций (например, теократически локального или регионального характера). Этот процесс параллельного сосуществования (вернее системного противоборства) будет затягиваться по мере определения основными акторами мировой политики новой парадигмы ценностей в сфере политических отношений. В этой связи, новые приоритеты мирополитического развития должны формулироваться с учетом многообразия как типов государственно-ценностных ориентиров, так и различий в культуре народов, становление

Европы XXI века, Лиссабон, 1996 г. и другие.// Международные акты о правах человека, сб.документов. — М., 2000.

и развитие которых проходило в условиях разных мировоззренческих устоев Востока и Запада. Иные ценностные мотивации мировой политики должны базироваться не на вербальных уровнях дипломатии, а на общем знаменателе, признанном всеми суверенами сообщества мира.

В поисках такого стержневого понятия исследователями выдвигаются различные идеи, особое место среди которых занимают выводы об основополагающем значении в мирополитическом процессе ценностей западной демократии¹²⁴. В этой связи представляется справедливым утверждение российского ученого А. П. Цыганкова о роли политической культуры общества в неприятии инохарактерных ценностей другой культуры¹²⁵. Не меньший акцент, в связи с изложенным, делается и на западных моделях поведения, связанных с обыденной жизнью людей¹²⁶. Вместе с тем, именно ценности западной демократии, западные поведенческие типы стали непреодолимым барьером во многих арабских мусульманских обществах. Так, вторая половина 70-х годов минувшего столетия характеризуется для Ирана времен шахского режима широким внедрением как западных образцов демократии, так и «вестернизацией» поведенческой характеристики иранцев, что и повлекло, в конечном счете, революционный переворот и радикальную исламскую реформу политической системы (исламизация шиитского направления режима) и культурной сферы общества (жесткая сакрализация образовательной системы, обыденного уклада жизни). Следует выделить факт того, что иранская реакция на процесс распространения западничества на Востоке во многом и предопределила современную феноменизацию религиозного экстремизма в мировом масштабе, явилась его источником и постоянным идеологическим вдохновителем. В этой связи, следует признать то, что экспериментальные попытки политических технологов (лидеры западных, прозападно ориентированных стран, специалисты-политологи, идеологи-профессионалы, ...) заложить в основу современной мировой политики западные модели общественно-политической регуляции, возможно имея реально достижимые цели в перспективном развитии, в современной ситуации не выдержали испытаний, особенно в странах арабского мира и Центрально-азиатского региона. Результаты проведенных исследований учеными мира, среди которых заслужи-

---

¹²⁴ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 134-148.

¹²⁵ Цыганков А. П. Несостоявшийся диалог с Фукуямой. О западных идеях, многокультурном мире и ответственности интеллектуалов // Вопросы философии. — 2002. — № 8. — С. 3-23.

¹²⁶ Friedman Th. L. The Lexus and the Olive Tree: Understanding Globalization. — N. Y.: Farrar Straus Giroux, 1999.

вают особого внимания выводы экспериментальной исследовательской группы, возглавляемой С. Хантингтоном и П. Бергером, убеждают в обоснованности изложенных выше заключений¹²⁷.

Несомненно, одной из доминирующих причин антиевропеизации общественного сознания в отдельных восточных обществах (преимущественно арабско-исламских) является поступательное развитие секуляризованной вестерн - культуры, ассоциируемой в исламизированных социумах с культом дьявольщины. Этот фактор, пожалуй, и определяет на сегодня, в целом, диалог между арабско-исламским Востоком и Западом, ослабляя доверительный лейт-мотив культурного обмена в процессе формирования позитивной народной дипломатии. О значимости же его можно судить по сенсационным результатам общеевропейского опроса популярности общественных институтов, проведенного журналом «Ридерз дайджест», в котором участвовало 17 тысяч респондентов из 18 стран. Сенсацией явилось резкое уменьшение авторитета церкви в западных обществах. Например, в Британии, Испании, Германии, Бельгии и Чехии более половины опрошенных ответили, что «мало доверяют церкви». Больше всего таких респондентов в Чехии (71 %). В среднем же по Европе уровень доверия к религиозным культовым учреждениям составил 44 %. Оказалось, что большинство европейского населения (71 %) доверяют полиции и прессе¹²⁸.

Сложнейшая проблема, в этой связи, модернизационных процессов в развивающихся обществах или в социумах с традиционно-религиозным укладом жизни, состоит в том, чтобы, во-первых, внести в культуру этих стран те элементы культуры развитых наций, которые способствовали бы восприятию общественным сознанием подлинно обновленческих идей, стали бы естественным фактором изменения мировоззренческих позиций обыденного сознания. При этом, крайне важно не создавать условий для нивелирования культурно-политического опыта, который, несомненно, обретен той или иной нацией в ходе многовековой практики развития. Современная же общественно-политическая практика заимствования и привнесения развитой, но инородной культуры порождает, в большей степени, импульсы разрушения национальной самобытности и вызывает бурную негативную реакцию «объекта окультуривания». Следует обратить внимание и на то, что сама привносимая культура терпит ощутимый

---

¹²⁷ Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World / P. Berger, S. Huntington (eds.) — N. Y.: Oxford University Press, 2002.

¹²⁸ Бовм Г. Церкви не доверяют там, где доверяют полиции // Известия. 2001. 3 марта.

урон, если учесть тот факт, что в массовом сознании населения, подвергшегося инокультурной атаке, формируется инерцирующая антипатия, в целом, к тем ценностям, которые явились основой структурирования в данном случае «доминантной» культуры. Во-вторых, в развивающейся культуре необходимо найти те элементы, которые явились бы движущими, динамичными категориями желаемой модернизации, а в последствии и связующим звеном между основным субъектом и объектом обновления. В-третьих, для невмешательства в процесс модернизации «реформаторов от культуры» и политиканов необходима подготовка квалифицированных кадров, сумеющих с позиции сочетания национального менталитета, национальной культуры создать переходную модель вхождения нации в глобальную культуру мировой цивилизации.

В связи с изложенными выводами, идеология модернизации в традиционно-консервативных или сакрализованных обществах должна содержать комплексную доктрину цивилизованного обновления, в которой прогрессивные западные идеи постиндустриального общества гармонично сочетались бы с величайшим восточным опытом нравственного совершенствования индивидуума, обыденного и общественного сознания. В этой связи, уместно привести выводы одного из западных исследователей о том, что модернизация и не может полностью «перемолоть» традиционность, которая во многом предопределяет ход и черты самой модернизации, а приверженность общества собственным традициям действует как стабилизирующий фактор, придает модернизации устойчивость и последовательность, поэтому нужно даже сознательно использовать традиции, включая религию, в процессе модернизации¹²⁹. И, это условие сохранения идентичности народов и подтверждения аутентичности их развития, должно стать основным лейтмотивом модернизационной мобилизации в развивающихся обществах Востока.

В структуре новой парадигмы общественно-политического развития «модернизационные вкрапления» всегда играют роль дополняющих, развивающих компонентов, тогда как основанием любой концепции реформирования общества всегда служит «местная» специфика. Нежелание учитывать этот фактор или неосознанное вмешательство в сферу национально-культурной идентификации того или иного народа влечет за собой формирование противоречий более высокого уровня и накала — европейское рационалистическое сознание, включающее дух индивидуализма, раскрепощённости и внутренней раскованности, соприкасаясь с коллек-

---

¹²⁹ См. Past –Traditional Societies. — P. 3, 2, 14-15 ff., 25; Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. — N.Y., 1973.

тивистским, большей частью сакрализованно-стереотипным сознанием в странах азиатского (преимущественно исламизированные арабские общества) региона активизирует конфликтогенный (по отношению к модерну) природный потенциал разнородных связей. Ярким примером тому — Камбоджа, скорее олицетворение этой страны её бывший президент Кхиеу Самфан, который доказывал, что интеграция развивающихся стран в систему мирового рынка и сотрудничество с Западом ведут к разрушению традиционных видов производства. В этой связи, по его убеждению, следует вести сознательное автономное развитие¹³⁰. Как известно, автор изложенной концепции впоследствии стал главным идеологом полпотовского режима. Данный пример не является доказательством того, что отчуждение западного модерна ведет к такого рода деспотичным режимам или служит причиной слаборазвитости некоторых стран Востока. Речь идет об отсутствии комплексного видения рассматриваемой проблемы, порождающем отчуждение модерна на уровне уже формирования соответствующего мировоззрения нации, что, в свою очередь, усиливает ее национально-культурный консерватизм для преодоления которого в перспективе потребуются дополнительные усилия.

Что касается влияния одних на отсталость других, то исследователи данного феномена справедливо указывали на «слаборазвитие», как особое развитие, результат исторической эволюции мирового капитализма, характера отношений между его центром и периферией^{131:132:133:134:135}. В связи с этим, они убеждают об отсутствии взаимной функциональной обусловленности между поступательным развитием и отсталостью. Указанные источники для магистрантов, владеющих английским языком, станут основой для понимания современных противоречий, представляющих во многом мотивационную основу экстремистско-террористических угроз.

Одной из причин неприятия «западных стандартов» жизни в качестве новоценностных ориентиров международных связей, наряду со специфици-

---

¹³⁰ *Samphan K.* Cambodia s Economy and Industrial Development Ttranslated from the French Ithaca (N.Y.), 1979. — P. 68.

¹³¹ *Amin S.* L'accumulation a l' echelle mondiale. — P.27-29, 197-229, 254-255, 297-335.

¹³² *Amin S.* Le d'veloppement in'egal: Essai sur les formations sociales du capitalisme peripherique — P., 1973. — P. 174, 176-183, 257-301.

¹³³ *Frank A.G.* On Capitalist Underdevelopment. — Bombay e.a., 1975. — P. 1, 43-44.

¹³⁴ *Pinto Santa Cruz A.* Chile, un caso de desarrollo trustrado. 2-a ed.Santiago de Chile, 1962 (1-a ed. -1958).

¹³⁵ *Sunkel O, Paz P.* El subdesarrollo latinoamericano y la teoria del desarrollo. — P. 6-7, 32-40.

кой отторжения альтернативной политической культуры, являются функциональные особенности основных акторов новой мирополитической парадигмы — транснациональных субъектов, которые, по сути, и стали основополагающим фундаментом современных антагонистических противоречий. По утверждению О. Богомолова, по состоянию на 1997 год в мире насчитывалось 53 тысячи транснациональных корпораций с 450-ю иностранными филиалами. На их долю приходилось до одной трети мирового экспорта (около 2-х трлн. долларов США)¹³⁶. Очевиден факт того, что современные процессы глобализации значительно изменили данную статистику в сторону увеличения.

Транснациональные субъекты могут преследовать:

– собственно-экономические цели, в связи с чем, через производственную сферу мирового сообщества реализуют идеи глобализации, намерения определять масштабы действия не узкими национально-государственными границами, а всеобъемлющими макропонятиями, в основу которых заложены компоненты деизоляционизма и тотальных интеграционных процессов;

– специфика деятельности других видов транснациональных субъектов базируется на неприятии глобализационных тенденций и имеет классическое, традиционалистское содержание. Большей частью это страны, конфедеративные блоки, политика которых строится на основе концепции безопасности культурно-политического самоопределения (причем временное союзничество может определяться только на основе идеологического, духовного «родства» по видению проблем современности или вербальным заключением договоров), антиглобалистские движения, экстремистские и террористические организации политического, религиозного и этнического толка. В современной мировой политике и происходит столкновение интересов транснациональных субъектов обозначенных ориентаций, обретающее порой характер воинствующего антагонизма. Последствия такого противостояния, с учётом углубления глобализационных тенденций на одних континентах и усиления, в связи с этим, государственно-центрического консерватизма на других, сложно прогнозировать. Методы же такого «соперничества», по сути, разных идеологий, которые совершенствуются с учётом степени и уровня противодействия, имеют устрашающий характер в современности и угрожают масштабными потрясениями в ближайшей перспективе.

Практика деятельности транснациональных субъектов, по сути, призвана искоренить формально-институционализованные механизмы об-

---

¹³⁶ Независимая газета. 2000. 27 января.

щественно-политического регулирования и являются на современном этапе развития человеческой цивилизации одним из доминантных факторов деструктуризации традиционных международных отношений. Если такой вывод логичен для транснациональных субъектов, имеющих макроэкономические цели и связанную с этим геополитическую доктрину развития, то парадоксальная ситуативность создается с террористическими и экстремистскими организациями, преследующими, напротив, цели сохранения национально-культурной идентичности от западных культурных устоев, строго дистанцирующих себя от прозападной цивилизации. В этой связи, для объективного познания изучаемой проблемы необходимо различать этно-националистические террористические движения, приоритеты которых связаны с задачами автономизации, использующих для достижения цели метод террора и экстремистские, террористические организации, преследующие цели глобальной религиозно-политической революции, возрождения былых империй в континентальных и региональных границах. Если первая категория большей частью относительно локализована в намерениях, то вторая — с истоковых форм организационного определения преследует гегемонистско-реваншистские цели. Здесь, однако, относительно гегемонизма вторых, следует отметить то, что идеология таких субъектов транснационального масштаба действия осуществляется с условием сохранения ими классического национально-культурного традиционализма устоев и последующего его широкого распространения. По сути, в рамках транснациональных характеристик здесь мы наблюдаем аналог «западной духовной экспансии Востока», но уже в форме деятельностно-практических намерений сохранения и развития восточной модели, в отдельных случаях, с переходом в стадию целенаправленного преследования целей формирования теократических типов государств. Практически единая мотивация устремления имеет различные методологии реализации, в связи с чем, умеренные способы (не результаты) внедрения одних менее ощутимы на фоне радикальных, экстремистских методов других. В целом же, транснациональные субъекты обоих типов являются для государств мира с их центристскими позициями и ценностями серьезным вызовом, который во многом определяет основные тенденции их современных отношений.

Вместе с тем, проведенный в рамках данного тематического исследования анализ этих связей, свидетельствует о неоднородно негативной тенденции их развития. Так, к урегулированию отдельных внутриполитических проблем в государствах мира нередко приглашаются международные неправительственные организации. Например, рабочая группа ООН по насильственным и недобровольным исчезновениям эффективно зани-

малась в свое время чилийской и кипрской проблемами чрезвычайного характера (70-е годы XX века), когда интересы государств в снижении напряженности в обществе и в регионе совпадали с интересами регионального транснационального субъекта по стабилизации политической обстановки. Аналогичный пример взаимосотрудничества можно привести по деятельности Организации Африканского Единства (ОАЕ), которая проявила свои потенциальные возможности при урегулировании внутренних проблем в Экваториальной Гвинее, Уганде и Центрально-Африканской республике. В истории такого сотрудничества формализованных государственных и неформализованных транснациональных структур известны факты из практики деятельности Латино — американской Федерации Ассоциации родственников исчезнувших заключенных (ФЕДЕФАМ). Некоторые специалисты справедливо, на наш взгляд, признают превосходство во многих случаях роли такого рода транснациональных субъектов (неправительственные организации) в отличие от официальных посредников. Как правило, неограниченные ведомственными инструкциями и нормами неформализованные структуры в большей степени ориентированы на работу с массами¹³⁷.

В связи с изложенным, новая парадигма политико-культурных ценностей на современном этапе развития человеческой цивилизации требует учета основного фактора современной культурной модификации мировой политики, когда наряду с западной общее признание получают и ценности мусульманской, индо-буддийской, конфуцианско-буддийской (китайской) и других цивилизаций. В условиях современных глобализационных процессов в ней и видится перспективная основа сбалансированного развития мира.

Процесс глобализации международных отношений в современном мире имеет также и специфику «дуалистичной детерминанты», которая обуславливает для одних и тех же субъектов мировой политики как положительные, так и отрицательные перспективы. Во-первых, если культурное инвестирование «вестерна» в восточные общества негативным рефреном отдается в межцивилизационных «Запад-Восток» связях, то, во – вторых, экономическое — вызывает объективную тревогу у самих «инвесторов». Так, на рубеже второго тысячелетия в экономике ведущих западных держав наметилась тенденция передислокации промышленных объектов в страны со сравнительно дешевой рабочей силой (это преимущественно

---

¹³⁷ Natsios A. S. An NGO Perspective // *Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques* / I. W. Zartman, J. L. Rasmussen (eds). Washington: United States Institute of Peace, 1997. P. 337-361.

современные развивающиеся транзитные общества). Наиболее наглядно этот факт можно продемонстрировать на примере Германии, которая по тенденциям переориентации экономической географии занимает, пожалуй, ведущее место. По данным немецкой промышленной и торговой палаты (ДИНК), только за один 2007 год более 150-ти тысяч германских рабочих мест станут китайскими, украинскими, молдавскими, вьетнамскими и т. д.¹³⁸ В перспективе же покинет страну и часть высоких технологий. К примеру, компьютерный концерн IBM переводит в Восточную Европу вычислительные центры. В целом, по данным, взятым из вышеуказанного источника, до 17 % всех нынешних сокращений в Германии являются следствием перемен в экономической географии. Уже каждое третье германское предприятие инвестирует свои финансовые и производственные мощности в исследовательские разработки за границей. Для развивающихся же субъектов мировой цивилизации такая глобализация, напротив, позволяет экспортировать условия (благодаря передислокации на их территории промышленных объектов), благодаря чему увеличится количество рабочих мест, что, в свою очередь, замедлит катастрофический разрыв между странами развивающегося мира и доминионами мирового сообщества. Несомненно, для репрессивных регионов это один из объективных факторов снятия социальной напряжённости, требующий особого внимания при разработке системных мер по решению глобальных проблем современности, связанных с экстремистско-террористическим угрозами.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какие причины обусловили формирование новых глобальных связей мировой политики? В чем заключается их основной конфликтно-генный потенциал?
2. В чем состоит основное противоречие современного процесса развития мирового сообщества? Какие формы сконструированных идентичностей выделяет в своих исследованиях известный западный социолог М. Кастеллс? В чем заключается функциональность этих форм?
3. Какие факторы определяют проблемную специфику модернизации развивающихся обществ?
4. Какая идея заложена в Доктрине цивилизованного обновления?
5. Виды транснациональных субъектов отношений? Их роль и влияние на современные процессы развития мирового сообщества?

---

¹³⁸ *Золовкин С.* О проблемах глобализации на Западе // Караван. 2007. 13 апреля.

6. В чем состоит специфика «дуалистичной детерминанты», определяющей перспективы развития современных субъектов мировой политики?

3.3. Международные меры противодействия экстремизму и терроризму

На геополитическом фоне Евразии современный Казахстан представляет из себя наиболее стабильное сообщество более 130-ти национальностей. В религиозном плане, как свидетельствуют результаты социологических исследований, большинство жителей страны умеренно активные. Так, 11,9 % респондентов считают себя верующими, 41,4 % — идентифицирующих себя как верующих, 13,3 % — уважают религиозные чувства других, но не веруют, 7,6 % — признают себя неверующими. Из числа верующих 53,9 % — приверженцы ислама, 19,3 % — православия, 1,65 % — протестантизма, 1,2 % — католицизма, 1,7 % — нетрадиционных верований¹³⁹. Тем не менее, каждая из более чем сорока, функционирующих в Казахстане, конфессий имеют свои культовые учреждения (около 3,5 тысяч религиозных объединений имеют в своем распоряжении 2182 культовых сооружения). Международные эксперты признают наше государство, как наиболее благоприятное и стабильное в Центрально-азиатском регионе поле деятельности для мирового бизнеса. Свидетельством тому наличие в стране сотен иностранных компаний, совместных предприятий, без опасений вкладывающих свои инвестиции в казахстанскую экономику.

Вместе с тем, несмотря на прогресс в экономическом развитии, общество не становится более защищенным от угроз современности. Вопреки своей стратегической привлекательности Казахстан не менее подвержен влиянию экстремистских и террористических организаций, усматривающих в полиэтнической и многоконфессиональной основе нашего общества благоприятную почву для культивирования идей политического, религиозного, национального и социального противостояния. Цель — экстремизация общественно-политической обстановки, расширение границ распространения идеологии религиозно-политического фундаментализма и сепаратизма. В региональном аспекте наиболее подвержены такому влиянию южные, юго-западные, юго-восточные территории, граничащие с иностранными зонами политической нестабильности. В этой связи, ана-

---

¹³⁹ Казахстанская правда. 2006. 12 сентября.

лиз казахстанской практики в данной сфере жизнеобеспечения общества позволяет сделать вывод о том, что организация и формирование соответствующей политики антитеррора для Казахстана является насущной проблемой внутренней и внешней политики.

Минувший с 90-х годов XX столетия этап в политической жизни страны можно отнести к наиболее плодотворным в истории становления и развития практики антитеррора и обретения опыта международного сотрудничества в создании нормативно-правовой основы противодействия экстремизму и радикализму. Так, в Казахстане были приняты законы, направленные на обеспечение национальной безопасности, а также соблюдение демократических прав и свобод граждан. Это законы Республики Казахстан от 15.01.92. «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», от 31.05.96. «Об общественных объединениях», от 13.07.99. «О борьбе с терроризмом». Ощутимый резонанс достигнут после принятия закона РК от 26.02.2005. «О противодействии экстремизму», когда в марте того же года деятельность семи известных в мире организаций радикального толка была признана террористической и запрещена на территории страны. В их числе «Асбат аль Ансар» (исламская организация, созданная в 1985 г., со штаб-квартиры в Ливане), «Братья мусульмане» (транснациональная религиозная политическая организация суннитского толка в Египте), «Талибан» (религиозно-политическое движение в Афганистане. Создана в 1994 г.), «Боз гурд» (турецкая военизированная организация, крайне националистического толка. Создана в 70-х годах XX в.), «Жамаат моджахедов Центральной Азии» (исламистская организация, в которую входили казахстанцы из ЮКО, Карагандинской, Восточно-Казахстанской и Жамбылской областей), «Лошкар и Тайба» (военизированная группа в Пакистане. Создана с целью поддержки сил «афганского сопротивления»), «Общество социальных реформ» (благотворительная организация под прикрытием социальных реформ, реализующая программу группировки «Братья-мусульмане»). Ранее эти организации, находясь вне правовой зоны противодействия, имели широкие возможности для ведения миссионерской работы на территории Казахстана по пропаганде экстремистских политических и религиозных идей.

Как позитивные меры по недопущению радикализации общественно-политической обстановки в стране следует отметить и присоединение Казахстана к 12-ти конвенциям ООН по борьбе с терроризмом, создание национального антитеррористического центра, на основе решения Совета безопасности ООН системы противодействия отмыванию денег и финансирования террористических организаций.

Этому направлению деятельности международного сообщества на современном этапе развития была посвящена работа VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Га-вана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 г.), результаты которого нашли отражение в процессе выработки казахстанской стратегии декриминализации страны и, в целом, среднеазиатского региона. Итоговый документ, подготовленный секретариатом ООН, отражал стремление участников Конгресса, наряду с определением методологии борьбы с преступлениями международного характера, выяснить общие подходы в работе по декриминализации мира.

Актуальным вопросам дальнейшего развития ОБСЕ в свете проявления новых вызовов безопасности, связанных с проблемами терроризма, экстремизма, наркоторговли была посвящена и восьмая сессия Совета министров иностранных дел стран-участниц ОБСЕ, в которой приняли участие представители 55 государств мира (ноябрь 2000 г.), в том числе и Казахстана.

В июне 2001 года главы шести государств евразийского континента (Шанхайская организация сотрудничества — ШОС: Казахстан, Россия, Китай, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан) подписали международную конвенцию по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. (Шанхайская конвенция от 15 июня 2001 года). Итоги деятельности стран — подписантов в рамках ШОС, по результативности и по масштабам охвата территорий, позволяют включить настоящие меры в ряд наиболее успешно реализованных международных проектов по обеспечению региональной безопасности в Центральной Азии за последние несколько десятилетий.

Вопросы координации сил на межгосударственном уровне обсуждались и на региональной конференции по проблемам международной организованной преступности, проведение которого было инициировано экс-Чрезвычайным и Полномочным послом США в Казахстане Лэрри Нэппером и координатором по правоохранительным программам посольства США в Казахстане Мэлисом Страупом (январь, 2002 г.).

Особая значимость проблемам фундаментализма и религиозного сепаратизма была придана на евразийских медиа — форумах, традиционными участниками которых являются представители более чем 60-ти стран мира.

Проблемы создания антитеррористической коалиции и интеграции международных сил в борьбе с экстремизмом были вынесены на повестку обсуждения неформальной встречи Президентов 11 стран СНГ в Алматы (март, 2002 г.).

Рассматриваемая проблема явилась одной из причин создания организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ЦАС), членами которой, в феврале 2002 г., стали Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан.

Особым достижением минувшего десятилетия в осуществлении казахстанских инициатив по системообразованию региональной, континентальной безопасности на евразийском пространстве является создание СВМДА (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии), которое объединяет 18 государств — членов организации и 9 стран, выполняющих функции наблюдателей. Этот шаг одновременно явился и актом признания актуальности современных экстремистско-террористических угроз в геополитической зоне расположения Казахстана, и дипломатическим призывом к консолидации усилий регионального сообщества в борьбе против глобального распространения изучаемого феномена. Первый саммит данного аналога европейской организации по безопасности и сотрудничеству (ОБСЕ) в 2002 году состоялся в Алматы. В азиатской практике антитеррора это был, по сути, акт формирования центрально-азиатской антитеррористической коалиции и, в целом, становления евразийской системы защиты от угрозы терроризма. В то же время СВМДА сразу обрела и значимость действенной, оперативной меры по стабилизации международных отношений. Об этом свидетельствовало то, что казахстанская (2002 года) встреча между лидерами Пакистана и Индии способствовала заметному снижению напряжённости в отношениях этих стран, представлявших до этого серьёзную потенциальную угрозу миру и стабильности в восточном регионе мира.

Мобильные свойства СВМДА скрыты в его структурно-функциональной подвижности. Имея в качестве оперативных формирований Специальную рабочую группу и Комитет старших должностных лиц Совещания, данный региональный орган способен распространять своё влияние перманентно-мобилизационным способом разработки проблем сотрудничества, то есть способом непосредственного политического участия в урегулировании международных региональных проблем в зонах их формирования или потенциальной угрозы дестабилизации. Так, местом последней (мартовской 2007 года) дислокации и активной деятельности СВМДА по согласованному решению государств — членов данной региональной структуры, стал Бангкок — столица Королевства Таиланд. Предметом же обсуждения и принятия решений явился новый проект «Кооперативный подход к осуществлению мер доверия СВМДА», в котором страны-участницы конкретизировали свои приоритетные интересы и определили механизмы взаимодействия в области экономических, экологических и гума-

нитарных отношений, сфере обеспечения региональной и, в целом, евразийской безопасности от новых вызовов и угроз современности. Наряду с этим, был намечен дополнительный дипломатический проект, предусматривающий формы сотрудничества между СВМДА и другими региональными и международными структурами. Привлечение же к работе Совещания стран-наблюдателей и международных организаций — наблюдателей обеспечило расширение геополитического влияния СВМДА и придало дополнительный импульс его новым векторам совершенствования.

В перспективе СВМДА имеет огромный потенциал для обретения статуса международного института, в котором Казахстану принадлежала бы роль одного из политических координаторов в целом регионального политического процесса в Центральной Азии.

Однако, принятые меры не обеспечивают гарантий сохранения политической стабильности в стране. Более того, расширение и усиление феномена религиозно-политического экстремизма в странах Центрально-азиатского региона проявилось в виде распространения идей известной в мире религиозно-политической партии Хизб-ут-Тахрир и на территории Казахстана. Динамика же финансовой статистики явления последних лет требует осуществления крупномасштабных мер в части его экономической локализации и изоляции. Так, если в начале 2000-го года среднегодовой бюджет террористических организаций составлял от 5-ти до 20-ти млрд. долларов США, то данные за 2007 год свидетельствуют о значительном росте. Например, среднегодовой бюджет Аль-Каиды, как уже отмечалось выше, составляет около 27-30 млрд. долларов США. По мнению экспертов, львиная доля этих средств тратится на мобилизационные мероприятия террористических организаций, дислоцируемых преимущественно в восточных регионах евразийского континента.

В этой связи, для эффективной борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма необходим системный подход к антитеррористической деятельности на государственном уровне. На сегодня же готовность большинства стран региона отражена в их умениях силового подавления субъектов экстремизма и терроризма после совершения акта, тогда как нужны оперативные и тактические мероприятия, имеющие профилактический характер. Эта особенность современной антитеррористической практики отмечается и некоторыми казахстанскими специалистами, которые утверждают, что «... сколь бы важны не были действия антитеррористической коалиции сегодня (силовые, дипломатические, финансовые, разведывательные и т. д.) следует признать, что они направлены на устранение

следствий, а не причин, и поэтому эффективность этих действий временна»¹⁴⁰.

В связи с изложенным, для обеспечения антитеррористической стратегии в этом направлении, на наш взгляд, необходимы:

- упреждающий характер действий;
- соответствие задачам обеспечения национальной защиты от угроз современности полномочий субъектов противодействия и ресурсного обеспечения;
- вариативность антитеррора в зависимости от характера целевых установок (предупреждение, пресечение, смягчение последствий);
- обеспечение координации в деятельности субъектов антитеррора на региональном уровне.

На сегодня, в республике Казахстан, компетенции ветвей власти в сфере антитеррористической деятельности обозначены в соответствующем законодательстве страны, (ряд законов из перечисленных выше). Вместе с тем, на наш взгляд, необходимы дополнительные меры по более четкому определению или обозначению:

- пределов ограничений прав и свобод граждан в условиях чрезвычайной обстановки (региональной, внутри страны);
- режима и компетенции деятельности «масс-медиа» и их представителей (мониторинг выступлений, передач на факт выявления экстремистской пропаганды или неверной трактовки теологических учений);
- принципов ведения переговоров и применения психологического давления на террористов через соучастников, родственников, друзей и других близких людей. Это, в свою очередь, диктует необходимость создания специальных психологических служб по обеспечению антитеррористических операций в структурах всех субъектов, призванных обеспечивать национальную безопасность.

Важнейшим фактором эффективного антитеррора является необходимость предоставления широких полномочий министерству иностранных дел по депортации из страны иностранных граждан, прямо или косвенно причастных к деятельности экстремистских и террористических организаций. Не менее важно создание условий и предоставление нормативно-правовых возможностей правоохранительным органам для контроля пребывания граждан иностранных государств в пределах республики, безусловно, при соблюдении их конституционных прав и свобод.

---

¹⁴⁰ Косиченко А. Г. и другие. Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — С. 10.

В связи с изложенным, актуальными вопросами целостной региональной политики антитеррора также представляются:

– проблема классификации региональной специфики формирования и распространения исследуемого феномена. Современные экстремистско-террористические проявления имеют характерные черты, указывающие на взаимообусловленность признаков их действительности с практикой деятельности официальных структур, что, не в малой степени, обуславливает эффективность организационных, количественных характеристик экстремистских и террористических организаций. Именно, такого рода особенности формирования и развития негативного явления и диктуют необходимость его разграничения по характеру, объёму, масштабам, численности и т. д. Без должной классификационной работы невозможно, на наш взгляд, системное образование защиты от экстремистско-террористических угроз современности;

– разработка понятийной характеристики феномена терроризма. В современной научной литературе существует, как уже отмечалось выше, более ста его определений. Обоснования феномена только с точки зрения его криминальных признаков влечет упрощение политического характера явления до уровня квалификации его как уголовно-наказуемого деяния в рамках ограниченного национального законодательства, и, напротив, отталкивание только от политической мотивации мешает адекватно осуществлять нормотворческую деятельность по преследованию субъектов экстремистско-террористического деяния. В связи с такой дискусионностью вопроса по поводу приоритетности в терроризме политического или криминального состава преступления, необходимо инициирование разработки концептуальных подходов к формированию понятийных характеристик явления как социально-правового и социально-политического явления. При разработке понятийных характеристик феномена, обособлении его смежных явлений, не имеющих такой квалификационной мотивации, следует определить и сформулировать такие его разновидности, как:

- терроризм, инициируемый одним государством против другого;
- терроризм, совершаемый под прикрытием религиозных лозунгов;
- международный терроризм;
- терроризм внутригосударственного распространения.

При этом, необходимо учитывать тот аспект, что эффект принимаемых мер относительно теоретико-концептуальных разработок явления обусловлен рациональным их обоснованием положениями международных нормативных и правовых актов.

Борьба с экстремизмом и терроризмом требует комплексного подхода и соответствующей методологии. В этой связи, антитеррористическая деятельность должна, на наш взгляд, включать:

- создание, как в СНГ, так и на региональном уровне единого правового поля, в границах которого предусматривалась бы конкретная ответственность как за совершение акта терроризма, преступления экстремистского толка, так и за косвенное участие в них либо за спонсорское обеспечение;

- в связи с широким распространением религиозно-политического экстремизма на территории ЦАР инициирование соответствующих договорённостей по осуществлению розыска и неукоснительной экстрадиции преступников за совершение преступлений религиозно-политического характера в региональном масштабе;

- проведение совместных операций соответствующих служб государств СНГ и Центрально-азиатского региона против экстремистских и террористических организаций;

- создание единого информационного банка данных на базе антитеррористических центров в Бишкеке (Киргизия), Москве (Россия) и Шанхае (КНР);

- продолжение и совершенствование сотрудничества в рамках ШОС, Положения о силах быстрого реагирования в странах Центрально-азиатского региона, антитеррористических центров в Москве и Бишкеке, Бюро по координации борьбы с оргпреступностью на территории СНГ;

- целевая подготовка кадров по линии борьбы с религиозно-политическим экстремизмом на базе ведомственных вузов;

- создание экспертных центров по проведению теологических экспертиз на базе ведомственных вузов и обучение в них сотрудников соответствующих подразделений азам экспертного религиоведения.

На основании вышеизложенного, необходимо отметить, что в целом и национальное законодательство, и политико-правовое регулирование процесса антитеррористической борьбы на международном уровне должны соответствовать новому формату и объемам экстремистско-террористических угроз и вызовов, с которыми столкнулось мировое сообщество уже в новом тысячелетии. В этой связи, в целях осуществления обозначенных выше мер защиты представляется необходимой унификация национальных законодательств в сфере антитеррористической деятельности государств на региональных уровнях (промежуточный этап к континентальному и мировому уровням). Это вызвано тем, что относительно данной проблемы в мировом сообществе укрепились «двойные стандарты». Наряду с пониманием всеми странами колоссальной угрозы терро-

ризма и экстремизма, транснациональных масштабов их распространения, необходимости активизации совместных усилий в борьбе с этим общим злом, каждое государство оценивает политическую мотивацию и политические цели угрозы с учетом приоритетности собственных интересов, которые у разных стран могут не только различаться, но и быть полярно противоположными. Поэтому, для одних стран терроризм — угроза национальным интересам, для других — сопутствующее их интересам или «нейтральное» явление. В качестве примера достаточно указать на противостояние, которое сформировалось в результате полярной оценки терроризма между Грузией и Россией (начиная со времен Шеварднадзе и постсоветской российской элиты до современной «дипломатической картины» с Саакашвили и Путиным). Не менее показателен, в этой связи, и «политический спор» кавказских соседей Армении и Азербайджана. Нейтральность позиций некоторых стран относительно экстремистско-террористических проявлений обусловлена опасением их правительств тем, что активизация антитеррористической деятельности или выражение такого рода взглядов, может навлечь на эти государства дополнительные террористические акты возмездия или нанести урон экономическим отношениям со странами, чьи интересы сходятся с целями тех или иных террористических организаций. Эти сдерживающие факторы определяют «политическое кредо» отдельных суверенов мирового сообщества и сегодня. Унификация же определения экстремистско-террористического действия в рамках модельных национальных законодательств позволит наряду со сближением квалификационных, мотивационных характеристик исследуемого явления осуществить максимальную его правовую изоляцию с перманентно возрастающим развитием. Такой подход, на наш взгляд, позволит устранить двойственность оценок в процессе организации антитеррористического сопротивления на региональном и континентальном уровнях.

Эффективным дополнением к имеющимся международным соглашениям на уровне региона явилась бы и разработка таких политических документов, которые устанавливают общие принципы и правила антитеррористической борьбы, а также взаимного сотрудничества государств в процессе её организации. Базовыми принципами создания такого документа (Устава, Положения, Кодекса...) явились бы общие подходы к формированию в регионе конфедеративных союзов государств, с акцентом на международные обязательства субъектов международного права в рассматриваемой сфере глобальной политики.

Наряду с тем, что международные договоренности в антитеррористической борьбе (Конвенции, Соглашения, ...) позволяют формировать

негативное восприятие широкого спектра экстремистско-террористических проявлений, в сфере определения причин и условий, способствующих усилению и глобализации явления, такой результативности нет. В этой связи, логика формирования экстремистско-террористического действия, подсказывающая первичность указанных причин, обуславливает приоритетность их разработок на современном этапе организации антитеррористической борьбы. Они связаны:

- с разоблачением экстремистско-террористической идеологии на уровне обыденно-практического и теоретического сознания;
- воспитанием политической толерантности граждан в условиях внутренних и внешних угроз;
- неприятием проявления этнической, национальной или религиозной вражды на уровне мировоззренческих восприятий;
- решительным осуждением агрессии и иных форм вмешательства во внутренние дела государства, нередко осуществляемые под предлогом борьбы с терроризмом.

В русле обеспечения «новой политики» по переориентации региональных международных отношений в Центральном-азиатском регионе на приоритеты обеспечения безопасности от глобальных экстремистско-террористических угроз обозначилась и превентивная «дуалистичная» роль Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС). Она заключается, во-первых, в том, что данный орган становится мощным противовесом в сбалансировании американского влияния в Центральной Азии. Во-вторых, — обретает значимость своеобразного «дипломатического моста» для налаживания связей со странами АСЕАН. Заключенные на уровне ШОС договорённости (Конвенции, Декларации, посвященные организационно-мобилизационным проблемам антитеррористической борьбы в Евразии, многосторонние соглашения по материально-техническому, информационному обеспечению этой деятельности, ...) стали концептуальной основой позитивизации международных связей в Азии и усиления взаимной ответственности субъектов — подписантов за создание зон отчуждения экстремистско-террористической деятельности на территориях их стран.

Для современной многовекторной политики сотрудничества Казахстана как со странами СНГ, так и дальнего зарубежья дополнительным фактором дипломатической активизации в регионе в изучаемом направлении внешней политики является ОДКБ (Объединенный Договор Коллективной Безопасности). На сегодня военные формирования субъектов — членов ОДКБ дислоцированы на западных рубежах СНГ, Кавказе (российско-армянские соединения), планируется их размещение в Центральном-азиатском регионе. Цель такой военной тактики — сдерживание наступа-

тельного порыва экстремистско-террористических формирований, обеспечение стабильности в региональном масштабе. В целом же, для стран СНГ — членов ОДКБ, находящихся ниже уровня развития стран — доминионов региона, не менее перспективна система преференции, то есть льготного сотрудничества в сфере совершенствования военных вооружений, обучения специалистов антитеррористических подразделений и т. д.

Особую значимость в целях повышения эффективности диалоговых форм сотрудничества в процессе формирования евразийской системы безопасности обретают и встречи в формате «Тройка Европейского союза — страны Центральной Азии». В апреле 2007 года такой межрегиональный диалог «Европа — Азия» впервые состоялся в Астане и выделил приоритетные направления сотрудничества, в том числе, и в сфере совместного противодействия современным экстремистско-террористическим угрозам, а также системообразования региональной безопасности. Новые принципы и акценты такого уровня межкультурного сотрудничества могут стать в перспективе основой для сближения в целом западной и восточной типов цивилизаций.

Эффективная антитеррористическая деятельность обусловлена и участием в ней гражданских институтов сотрудничества и дипломатии. В этой связи, на наш взгляд, особая роль на международном уровне предназначена Всемирному Антикриминальному и Антитеррористическому Форуму (российская инициатива 1999 года). Деятельность Форума сегодня охватывает около 40 стран мира, и она уже имеет официальную регистрацию в качестве международной организации. Цель Форума — привлечение глав государств и правительств, представителей органов законодательной и исполнительной власти, СМИ, науки, участников политических, общественных объединений и движений к формированию единого фронта противодействия глобальным угрозам стабильности и миру. В задачи Форума входят подготовка и рекомендация, по образцу Давосского экономического совещания, главам государств, правительств, представителям делового и финансового мира следующих мер:

- модельных гармонизированных законов по новым видам угроз;
- единых технологий и методов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Перспективность данного проекта в том, что он исключает противоречия между субъектами международного права в формате решения проблем обеспечения безопасности от новой транснациональной угрозы, так как общая их заинтересованность в противодействии такого рода феномену дестабилизации мира очевидна.

Казахстанский вклад в антитеррористическое движение под флагом Гражданского Форума зависит от уровня становления собственных институтов гражданского общества, их соответствия мировым стандартам организации органов общественного самоуправления в условиях глобализации сфер жизнедеятельности (этот аспект обретает особую познавательную актуальность в рамках настоящей работы, в связи с чем и составил отдельную часть пособия).

Организация антитеррористической борьбы испытывает на современном этапе развития мирового сообщества и трудности, связанные с преодолением противоречивой ситуации, когда необходимость обеспечения эффективной борьбы и безопасности общества должна осуществляться в сочетании с мерами по соблюдению конституционных прав и свобод граждан. В этой связи, в комплексе мер по формированию антитеррористической политики как в Казахстане, так и в регионе ЦАР заслуживает опыт Совета Европы, деятельность которого в рассматриваемой сфере основывается на трех принципах:

- усиление правовой деятельности, направленной против терроризма;
- сохранение основных ценностей;
- деятельность, направленная на искоренение причин, способствующих усилению и распространению терроризма.

В качестве региональной организации Совет Европы стремится обеспечить выполнение резолюций Совета безопасности ООН, представляя собой форум для рассмотрения и принятия региональных норм и передовой практики в борьбе с терроризмом. Усилия, направленные данным органом на укрепление правовой деятельности против терроризма, основываются на принципе, согласно которому с терроризмом необходимо бороться, соблюдая права человека, основной принцип верховенства права. Этот свод принципов является первым международным текстом в исследуемой области и провозглашает семнадцать специальных основных приоритетов, устанавливающих ограничения, которых должны придерживаться государства в антитеррористической деятельности. В рамках деятельности Совета Европы создана междисциплинарная группа по международной деятельности в борьбе с терроризмом (ГМТ), которая преследует шесть приоритетных направлений, одобренных в 2002 году Комитетом министров объединённой Европы. Они заключаются:

- в исследовании понятий «апология терроризма» или «призывы к терроризму»;
- в деятельности, направленной на борьбу с источниками финансирования терроризма;

- в решении вопросов, связанных с документами, удостоверяющими личность в контексте борьбы с терроризмом;
- в защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с органами — субъектами антитеррора.

В странах азиатско-тихоокеанского региона проживает сегодня более 60 % населения мира, а экономика региона составляет 28 % глобального ВВП. Здесь также самый высокий в мире конфликтный потенциал современности, имеющий тенденцию к перманентному усилению в транснациональном масштабе до глобальных экстремистско-террористических угроз. В этой связи, в контексте системообразования региональной (Центральная Азия) безопасности в условиях современных экстремистско-террористических угроз обозначилась в 2007 году и особая роль Экономической и Социальной Комиссии для Азии и Тихого океана ООН (ЭСКАТО), 63-я сессия которой состоялась 21 мая 2007 года в Алматы. Впервые за 60 лет деятельности совещательный форум данной организации был проведен в Центральной Азии, что свидетельствует о придании мировым сообществам важной роли восточным странам, в частности, Казахстану, в основной деятельности ЭСКАТО, направленной на предоставление открытых и равных возможностей для сотрудничества государств — членов по искоренению социального и экономического неравенства. Казахстану в восточном секторе деятельности Комиссии отводится одна из основных функций субъекта — координатора.

Новые перспективы межрегионального сотрудничества и создания благоприятных условий для дальнейшего построения «Евразийского пояса» безопасности по схеме РФА — СВМДА — ОБСЕ открывает инициатива Казахстана по вхождению в состав регионального форума АСЕАН по безопасности.

На основании изложенного, в качестве альтернативы доминирующему сегодня в мировой практике военно-силовому методу борьбы, можно предложить использование в региональной политике концепции, в основе которой помимо правовых санкций предусматривались бы и комплекс профилактических мер в отношении потенциальных участников негативных антиобщественных проявлений. Такая стратегия способствовала бы «оскудению» социальной базы явления, явилась бы предохранительным механизмом в процессе отчуждения населения от популистских идей террористов, ввиду возможной адекватной реакции государства на такого рода проявления. В целом, обозначенная антитеррористическая стратегия должна иметь:

– системный характер, учитывающий политические, идеологические, социальные, пропагандистские, воспитательные, правовые аспекты противодействия;

– доминантно-профилактический характер, то есть основной акцент целесообразно делать не на последствия актов экстремистско-террористического насилия, а на выявление и устранение его первопричин (социальных, экономических, политических, о которых идет речь в соответствующей части настоящего учебного пособия).

Вопросы для самоконтроля:

1. Какой уровень религиозного сознания сформирован в казахстанском обществе? По каким показателям можно определить «степень религиозности» населения Казахстана и в каких мерах государства определяется отношение к религии в стране?

2. Международная практика противодействия экстремизму и терроризму? Роль Казахстана в заключении и реализации международных договоренностей в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом ?

3. Какая роль отводится СВМДА в процессе создания современной региональной системы безопасности?

4. Какие меры по обеспечению стратегической защиты от экстремистско-террористических угроз современности необходимо предпринять в контексте системообразования региональной безопасности?

5. Какие направления антитеррористической деятельности в Казахстане можно определить в качестве наиболее действенных и перспективных?

6. Какие актуальные проблемы регионального антитеррора можно выделить в контексте концептуальных разработок понятийных характеристик явления?

7. Какие меры антитеррористической борьбы можно выделить в качестве приоритетных на территории СНГ?

8. Чем обусловлен фактор приоритетности современных теоретико-концептуальных разработок изучаемого явления?

9. Какую роль в процессе стабилизации отношений между субъектами мировой политики в Центральной Азии играет Шанхайская организация сотрудничества?

10. В чем заключаются основные принципы антитеррористической деятельности Совета Европы?

11. Роль международных организаций в борьбе с угрозами политической агрессии и преступлениями экстремистско-террористического ха-

рактера? Факторы повышения действенности антитеррористической стратегии?

3.3.1. Методологическая основа противодействия экстремизму и терроризму

Процесс глобализации экстремизма и терроризма с рубежа третьего тысячелетия обретает новые черты и содержание. Террористы и экстремистские группировки, основываясь на объективных различиях и противоречиях теологических концепций, все чаще используют для фетишизации истинных целей своих устремлений религиозные факторы. Какова сущность этих разногласий, принципы и методологические факторы их преодоления?

По Максу Веберу элементы протестантской этики определили дух капитализма на Западе. Речь шла о таких религиозно-этических нормах, как самоконтроль над естественно-потребительскими побуждениями личности, группы, бережливость, самодисциплина, рационализм, трепетное отношение к индивидуальной духовной сфере. Эти особенности нашли свое прямое отражение в быту, в обычаях, традиционном укладе жизни большинства западных обществ.

Между тем и большинство восточных государств формировались на религиозных этических нормах ислама, буддизма. Так, ислам и его ценности во многом определили социо-культурное, политическое развитие арабских стран, обществ Центрально-азиатского региона, которым присущи в большей степени коллективизм и соучастие, житейская мудрость; буддизм и язычество – островных государств тихоокеанского бассейна, Китая, Лаоса, тибетских общин, ..., в социумах которых преобладают религиозно- ритуальные формы и т. д.

Вся современная мировая культура с её светскими, цивилизационными обоснованиями и устремлениями уходит корнями в религиозные ценности общественного сознания и бытия. Традиции и обычаи народов мира, основанные первоначально на сакральном мировоззрении, и вобрала в себя все те элементы своеобразия и неповторимости, которые были изначально заложены в соответствующих направлениях религиозных течений. Светские же формы организации общественно-политических структур, секуляризационные процессы при обновлении традиций народов не могут лишить сущности их первородства. Иновариантность, таким образом сформированных, мировоззренческих позиций Востока и Запада и предупре-

делили соответствующий, несхожий тип политической культуры народов. Изложенный выше результат эволюционного процесса развития сознания и бытия и является той объективной базой разнотипности культур и цивилизаций, которые в процессе развития как мирового целостного явления нередко проходят соответствующие фазы противостояния. Разная религиозная платформа, повлекшая зарождение и развитие культур с неодинаковыми ценностными ориентирами и, как следствие, формирование духа «чужеродности инакомыслия». Увлечение же поиском элементов такой «идеологической чужеродности» и порождает явления радикализма, экстремизма и терроризма. В чем же суть этих различий?

Религиозные концепции имеют специфические характеристики, которые заключены, во-первых, в части трактовки истоков и форм распространения того или иного учения; во-вторых, в религиозных символиках, ритуалах поклонения; в-третьих, в традиционных религиозных обрядах, сочетаемых с национальными обычаями, традициями; в-четвертых, в понимании роли культуры и цивилизации в развитии того или иного учения, что определяет характеристики религиозного мировоззрения (приверженность к фундаментализму или к цивилизованным формам взаимодействия со светскими институтами общества), а также в прагматизме взглядов на проблемы взаимодействия со светским обществом. Эти особенности и требуют, в свою очередь, выбора и следования определенной методологии в организации деятельности по предупреждению религиозного и политического радикализма, международного терроризма.

В этой связи, основной принцип методологического обеспечения деятельности по профилактике насилия на религиозной и политической основе требует:

– во-первых, систематической коррекции относительно объективной современной действительности тех ценностных понятий, которые составляют основу исторического мировоззрения. Отношения между странами мира не всегда строятся на принципах взаимовыгодного сотрудничества, с учётом баланса сил. Исторический ретроспективный анализ свидетельствует порой о крайних проявлениях несправедливости одних к другим. В контексте изложенного, строить современную политику только на желании восстановить историческую справедливость, значит обречь народы на опасность антагонизма противоречий. Негативные события прошлого не должны стать основой для формирования аналогично стереотипного мировоззрения. И, как отметил в своем выступлении на II съезде лидеров мировых и традиционных религий Президент Казахстана Н. А. Назарбаев,

опасность таких исторических стереотипов в том, что они призывают не к добру, но к злу¹⁴¹;

– во-вторых, соблюдения принципа толерантности и взаимоуважения духовных ценностей на светском и межконфессиональном уровнях. Ярким примером такого отношения к духовным святыням других религий может служить дипломатическая деятельность Папы Римского Иоанна Павла II, в основе которой было стремление к межконфессиональному диалогу и поиск общих этических норм, знаменующих все мировые религии;

– в-третьих, такого важнейшего условия профилактических мер антитеррора, как соблюдение принципа историзма, основанного на понимании целостности фундаментальных истоков всех вероисповеданий. Они, в свою очередь, содержатся в главных духовных ценностях религиозного сознания — Вере, библейской мудрости и греховности насилия, в том числе, над сакральными ценностями иноверцев.

Для соблюдения изложенных положений принципиальное значение имеет формирование современного плюралистического типа теологической культуры, то есть религиозная образованность представителей различных конфессий позволила бы направить процесс межконфессионального взаимодействия в русло мирного диалога по теоретико-концептуальным проблемам различных идеологических направлений.

В комплексе методологических проблем в системе обеспечения антиэкстремистской деятельности особое место призваны занять теоретико-концептуальные исследования кризисных процессов и связанных с ними социальных, политических, межнациональных и других конфликтов. Это уже поле деятельности специалистов, учёных, которые в рамках конфликтологии и её особого направления — террологии, должны постоянно совершенствовать экспертно-аналитическую работу по выявлению базовых основ экстремизма и терроризма, выработать механизмы противодействия им. В этой связи, в методологический раздел следует включить общие задачи по рассмотрению политического радикализма, экстремизма и терроризма на религиозной основе, разработке понятийного аппарата, с помощью которого решение исследовательских проблем станет более эффективным и действенным.

Ранее практиковалось рассмотрение экстремистской деятельности и терроризма в системе общих задач по борьбе с преступностью, что, на наш взгляд, камуфлировало особую социальную опасность феномена. Разработка же теоретико-методологического направления противодействия

---

¹⁴¹ Казахстанская правда. 2006. 13 сентября.

политическому насилию позволит сформировать те критерии, которые помогут вычлени́ть экстремизм и терроризм из общего контекста социально-опасных явлений и придать им статус особо опасных политических и социально-правовых преступлений.

Несомненно, определение акцентов методологии противодействия терроризму также позволит проводить концептуальный анализ основных форм и механизмов осуществления всех технологических составляющих политического терроризма в зависимости от условий их совершения и места, а также избежать распространённого в практике деятельности правоохранительных органов, «масс-медиа», научных исследованиях такого широкого толкования понятий, когда политическим экстремизмом и терроризмом квалифицируются преступления, совершаемые в результате разборок в криминальных сферах, хулиганские выходки, в которых по воле случая и обстоятельств, приняли участие представители разных национальностей, захват воздушных судов, с требованиями выкупа или иных выгод, не имеющих общих оснований с политическими мотивациями, ...

Одна из важнейших методологических проблем — это точная формулировка дефиниции рассматриваемого явления. И здесь следует, на наш взгляд, учитывать психологические факторы экстремистских и террористических действий, которые раскрывают их сущностные мотивации и цели — не уничтожение объектов воздействия, а стремление заставить их методом устрашения выполнить свою волю.

Большинство учёных в системе концептуальных методологических задач противодействия политическому насилию справедливо, на наш взгляд, выделяют проблему выявления зависимости экстремизма и терроризма от типа политического режима и процессов глобализации во всех сферах жизнедеятельности современных мировых сообществ. В этой связи, здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что если тоталитаризм рождает скрытые формы политического радикализма и экстремизма, то демократия и глобализация могут усиливать или же устранять уже имеющиеся негативные или позитивные тенденции в зависимости от принципов политического руководства и особенностей политической ориентации массового сознания.

Следующая группа проблем методологического характера спровоцирована политикой «двойных стандартов». Для наглядности объяснения принципа двойственности взглядов на однотипные явления достаточно привести высказывание известного лидера партии эсеров Б. Савинкова по поводу политических убийств в США, характеризующихся им как деспотизм против которого он и ведёт политическую борьбу в России и в вопросе признания политического террора, как метода политической борьбы, но

уже в России¹⁴². Данный пример передает сущность «политического лицемерия», который заключается в том, что терроризм, применяемый во имя осуществления собственных идей, признается политическим методом борьбы, терроризм же в руках политических оппонентов превращается в страшную антигуманную силу. В данном случае разрушающий потенциал террористического деяния и степень его психологического воздействия (квалификационные признаки) осознаются и используются «оппонентами» без изменения его функциональной сути, мотивационные же признаки (политические и идеологические цели) имеют разнополярное оценочное толкование. Известные сентябрьские события (2001 г.) в США были оценены американской политической элитой как террористический акт, который необходимо измерять по высшей шкале антигуманизма (трагизм события дает на это все основания), вместе с тем вторжение в Ирак, по их убеждению, является гуманным шагом во имя предотвращения распространения на континенте деспотических режимов и ядерного оружия. Двойственность политической позиции свидетельствует о наличии в действиях субъекта корыстных мотиваций, заложенных, как правило, в основу большой политической игры. Такая позиция «двойных стандартов» в международной политике приводит к конфронтации отношений между суверенами мирового сообщества. В этой связи, американский политолог П. Бьюкенен справедливо утверждает на примере США, что они своей гегемонистской политикой уже успели нажить немало врагов, поспешив взять на себя бесчисленные обязательства буквально в каждом регионе мира¹⁴³. В американском политическом сознании сформировано и целенаправленно усиливается идеологическими установками мотивация (следует признать — инициируемая администрацией практически во все периоды послевоенной истории США, начиная с Трумэна) к отождествлению собственного «Я» со всем остальным миром в целостном его восприятии. Что же касается в отдельности других стран, то они в их глазах не имеют перспективы, в связи с чем, должны жить по образу и образцу «Великого Сэма». Американское мессианство стало выражением их политического кредо в современности. Известные миру политические убеждения господина Киссинджера об американской нации, величие которой не должно ограничиваться только Америкой, яркое тому подтверждение.

В связи с изложенными выше положениями, особого методологической коррекции требуют два направления обеспечения мер противодействия международному терроризму и экстремизму.

---

¹⁴² Савинков Б. Избранное. — М., 1990. — С. 9, 77.

¹⁴³ Независимая газета. 1999. 24 ноября.

Первое направление включает разработку функциональной характеристики каждого проявления феномена (отчасти выше мы уже отмечали необходимость разработки понятийного аппарата) по:

- характеру и объёму целей;
- мотивационным признакам и методам воздействия на избранный объект;
- степени социальной и общественной угрозы в результате совершения террористического действия.

Второе направление должно содержать классификацию терроризма по разновидностям, каждая из которых требует, в свою очередь, отдельного рассмотрения.

По нашему мнению, с позиции политической мотивации следует отдельно рассматривать следующие его виды:

- государственный терроризм (действия США против Ирака, Гренады; действия Ирака против Кувейта, Израиля против Ливана). Здесь складывается ситуация, когда политические характеристики могут не совпадать с юридическими нормами. Однако, политика государства является от этого не менее преступной, хотя не подпадает под формулировку конкретного состава преступления;
- международный терроризм (известные события в Беслане, Москве (Норд-Ост), Буденовске, США (Всемирный торговый дом);
- собственный государственный (30-е годы советской действительности в Казахстане, России...);
- терроризм на религиозной почве (порушение действием установленных или обрядов культовых учреждений, освящённых предметов, бесчинства и воспрепятствование религиозному богослужению, нападение на служителей культа по мотивам, в основе которых религиозные факторы, межконфессиональные конфликты ...);
- идеологический терроризм (революционный, а также применяемый под прикрытием лозунгов национально-освободительных движений). Последний вид создает дополнительные сложности в связи со смешением понятий экстремизма с целями освободительной борьбы. В этой связи, необходимо четкое определение границ террористического действия, что актуально с точки зрения урегулирования вопросов предоставления политического убежища, экстрадиции лиц, совершивших преступный акт и т. д.

Вышеизложенная классификация рассматриваемого явления разработана на основе положений политических и нормативных документов, принятых на международном уровне по результатам экспертных разработок специальных групп (преамбулы и статьи международных конвенций, деклараций, соглашений...). В этой связи, следует вывод: особенности

террористических деяний, как социально-политических явлений требуют дифференциации по видам и типам применительно к мотивам, условиям, обстоятельствам их совершения, что позволит выявить непосредственную причастность к этому виду особо опасного преступления международного характера действий, подпадающих под квалификационные признаки таким методом выработанных определений, независимо от их идеологической оснастки.

Одной из актуальных задач методологии антитеррора является необходимость разработки способов отслеживания современных тенденций изменения общественного сознания в результате психологического воздействия последствий террористических актов. Это, на наш взгляд, оказало бы действенную помощь в процессе нейтрализации «идеологического пресса» со стороны террористических и экстремистских групп на массовое сознание через каналы информационной пропаганды, средства массовой коммуникации, ...

В связи с отмеченными методологическими особенностями определения функциональных границ рассматриваемого явления, исследовательский поиск характерных черт политической агрессии необходимо, по нашему мнению, вести в русле таких его основных ориентаций, как изменение политического режима, свержение конституционного строя, навязывание извне определенных политических, религиозных, этнических и других стандартов жизни, дестабилизация международных отношений, провоцирование общественных беспорядков, этнических и религиозных конфликтов, войн.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какую историческую роль играет религия в социально-экономическом, политическом развитии мирового сообщества?
2. В чем заключаются специфические особенности теологических концепций ведущих религий мира?
3. Какими факторами обусловлено требование методологического обеспечения деятельности по профилактике насилия на религиозной и политической основе?
4. Какие методологические проблемы и задачи наиболее актуальны в современном процессе изучения экстремистско-террористического явления?
5. Сущность политического лицемерия в «политике двойных стандартов»? Какое отражение она нашла в истории политической борьбы и в деятельности современных государств, организаций мира?

6. Какие направления антитеррористической деятельности требуют особого методологического обоснования?

7. Какие виды терроризма следует различать с точки зрения политической мотивации? Особенности их проявления в жизни современного мирового сообщества?

3.4. Казахстан — субъект формирования региональной системы безопасности

В стремлении обеспечить реализацию своих стратегических планов в ЦАР, а для регионалов это, прежде всего, собственная безопасность, США, Россия, Узбекистан, Китай, Турция и другие, в большинстве своем постсоветские государства, чьи действия иницируются, либо провоцируются странами из числа мировой элиты, хотят заручиться соответствующими гарантиями Астаны. Данный политический факт не является нововведением в практике региональной и мировой политики. Казахстан в связи с геополитическим расположением исторически является объектом стратегических интересов европейских стран в их взглядах на Центральную Азию. В частности, Петр I рассматривал южного соседа в качестве «ключей и врат» от Востока. Большую ставку на Великую степь (Дешт-и-Кыпчак) делали Россия, Англия, другие западные державы и в годы экономической экспансии Востока в конце XIX - начале XX вв. Центристский казахский вектор политики у Запада в Центральной Азии имеет лишь диаграмму усиления и ослабления тактического характера, обусловленного правилами и методами классической международной дипломатии и степенью актуальности тех или иных геополитических проблем. На современном этапе отношении между государствами фактор казахстанской «дипломатической доминантности» в ЦАР усилился вследствие ряда известных событий, связанных с каспийской нефтью и расширением границ международного терроризма и экстремизма до территорий Средней Азии. В этой связи, собирательный «геополитический образ» Казахстана определил в своей речи в ходе визита в страну в октябре 2002 года Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. Казахстан, с его политическим потенциалом и современным позитивным багажом «концессусной дипломатии» на Востоке, является, по мнению ныне экс-руководителя международной организации, посредником между ООН и странами ЦАР в решении вопросов обеспечения стабильности и военной безопасности в регионе. Практическим воплощением сказанного служат результаты последнего саммита по ядерной безопасности, который состоялся в апреле

2010 года в США. На данном мировом форуме Казахстан задал тон по нескольким направлениям. Во-первых, по статусу. Казахстан — страна, одна из первых отказавшаяся от атомного арсенала, в связи с чем признанная по центрально-азиатскому региону в качестве активного субъекта антиядерного движения. Во-вторых, по зоне ответственности. Как председательствующая страна в ОБСЕ Казахстан имел в поле своей ответственности по обсуждаемой проблеме четырех из пяти членов «ядерного клуба» мира — Россию, Францию, США и Великобританию. В-третьих, по новым инициативам, касающимся обеспечения ядерной безопасности. Они изложены статье Н. А. Назарбаева «Глобальный мир и ядерная безопасность». Основной акцент этих инициатив сделан на укрепление режима Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Сегодня, по сути, Казахстану определена роль, наряду со странами мировой элиты, влияющими на состояние в целом планетарной безопасности, одного из ведущих субъектов международной дипломатии не только в Средней и Центральной Азии.

Вместе с тем, в условиях глобализации современных региональных, континентальных проблем для Казахстана сегодня более важна не столько задача собственной «персонализации» в политической жизни Евразии или ЦАР, сколько умение извлекать из создавшейся ситуации политические и иные дивиденды безопасности от факторов дестабилизации как извне, так и внутри государства. Именно эта, думается, цель преследовалась высшей администрацией страны в процессе организации внешнеполитической деятельности за последние годы. В этой связи, следует отметить комплекс реализованных государством мероприятий в рамках Программы по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма стран Содружества Независимых Государств, которая утверждена решением Совета глав государств СНГ в 2000 году и была рассчитана на трехлетний период. Основу настоящего документа составили международные договоры в сфере борьбы с международным терроризмом, заключенные в рамках ООН, её специализированных учреждений, МАГАТЭ и Совета Европы^{144;145}.

---

¹⁴⁴ Международная Конвенция о борьбе с захватом заложников (1979 г.); Конвенция о физической защите ядерного материала (1980 г.); Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения (1991 г.); Международная Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.); Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.); Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959 г.) с дополнительным протоколом (1978 г.); Европейская Конвенция о международной действительности судебных решений по уголовным делам

Среди таких мероприятий, осуществленных казахстанским политическим руководством, необходимо отметить меры организационно-правового характера:

– по присоединению Казахстана к двенадцати международным Конвенциям (Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (1963 г.); Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 г.); Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 г.); Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 г.); Международной Конвенции о борьбе с захватом заложников (1979 г.); Конвенции о физической защите ядерного материала (1980 г.); Протоколу 1988 года о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющему Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 г.); Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (1988 г.); Протоколу о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.); Конвенции о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения (1991 г.); Международной Конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.); Международной Конвенции о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.), а также семи Договорам, заключенным в рамках Совета Европы (Европейская Конвенция о выдаче (1957 г.) с дополнительными протоколами (1975 и 1978 гг.); Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959 г.) с дополнительным протоколом (1978 г.); Европейская Конвенция о международной действительности судебных решений по уголовным делам (1970 г.); Европейская Конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам (1972 г.); Европейская Конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного

(1970 г.); Европейская Конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами (1978 г.); Европейская Конвенция о компенсации жертвам насильственных преступлений (1983 г.).

¹⁴⁵ Протокол 1988 года о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 г.); Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (1988 г.).

оружия частными лицами (1978 г.); Европейская Конвенция о компенсации жертвам насильственных преступлений (1983 г.);

– по осуществлению внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу Соглашений о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией от 6 марта 1998 года; в борьбе с преступностью от 25 ноября 1998 года; Договора о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 года; по ускорению подготовки и принятия Соглашения о сотрудничестве в сфере борьбы с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; по рассмотрению вопросов гармонизации нормативно-правовой базы в сферах противодействия организациям и лицам, деятельность которых имеет целью осуществление терактов на территориях других государств, противодействия наёмничеству и т. д.

Особое значение, в связи с перспективными планами по усилению противодействия исследуемому феномену в Центрально-азиатском регионе, имеют мероприятия и организационно-практического характера, проведенные Казахстаном в рамках вышеуказанной Программы. Среди них — участие казахстанских антитеррористических сил в совместных командно-штабных и оперативно-тактических учениях, а также работа по созданию антитеррористического центра государств-участников Содружества Независимых Государств.

Безусловно, необходимо отметить и важность мер по информационно-аналитическому и научно методическому обеспечению антитеррористической деятельности. Так, проведен комплекс мероприятий по созданию базы данных о международных террористических, экстремистских организациях, государственных и неправительственных структурах, оказывающих им поддержку.

Вместе с тем, в рамках запланированных мероприятий, утверждённых в Программе государств-участников Содружества Независимых Государств по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма, на наш взгляд, не в полной мере осуществлён комплекс мер по активизации участия общественности и средств массовой информации в предотвращении пропаганды терроризма и иных проявлений экстремизма, по широкому освещению мер противодействия экстремистской деятельности, обеспечению скоординированного противодействия изготовлению и распространению материалов, пропагандирующих культ насилия и жестокости в средствах массовой информации, на рынке кино и видео-продукции и информационной сети Интернет. Особую актуаль-

ность представляют и проблемы антитеррора, требующие совместных научных исследований на междисциплинарной основе.

По достигнутым на международном уровне результатам «политическим годом» начала третьего тысячелетия можно назвать 2002 год. Проведение в июне 2002 года в Казахстане СВМДА, заключение соглашения с КНР о взаимном сотрудничестве (декабрь 2002 года), ряд другого уровня удачных «политических решений» имеющихся проблем, позволили Казахстану заручиться соответствующими гарантиями доверия и безопасности в Центрально-азиатском регионе. Особо значимым с точки зрения обеспечения национальной для Казахстана и, в целом, региональной безопасности явился декабрьский (2002 года) саммит Центрально-азиатского сотрудничества, на котором было принято обращение о выделении средств для поддержки экономики Афганистана и поддержана инициатива Президента Узбекистана о приглашении Афганистана в ЦОС в качестве наблюдателя. Цель принимаемых субъектами региональной политики мер — снижение «дестабилизационного потенциала» в эпицентре формирования напряжённости, обеспечение политических гарантий спокойствия в регионе.

Современные процессы интеграции в разных регионах евразийского пространства, как считают многие эксперты, предоставляют и субъектам ЦАР реальную возможность развития отношений на новом уровне международных связей, основу которых составит взаимовыгодное экономическое сотрудничество¹⁴⁶. И, это, очевидное обстоятельство. Геополитическое расположение стран региона является благоприятным для создания единой зоны экономического сотрудничества с конечной целью формирования самодостаточного рынка для всех государств центрально-азиатского региона. Такой ход развития международных отношений на юге Евразии является, по нашему мнению, наиболее логичным в поступательном развитии каждой из стран региона к универсальному мировому рынку экономических связей. Определённый опыт реализации инициатив в этом направлении у постсоветских стран накоплен в 90-х годах минувшего столетия. Так, 24. 09. 1993 г. между субъектами СНГ был заключён Договор о создании экономического союза; 21. 10. 1994 г. — принят Перспективный план интеграционного развития СНГ, по которому предусматривалось как минимум восстановление прежних хозяйственных связей, а в организационном плане — формирование таможенного и платёжного союзов с участием всех 12 государств содружества. К сожалению, 90-е годы

---

¹⁴⁶ Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. — М., ГУВШЭ, 2000. — С. 400-460.

так и остались в истории СНГ периодом «добрых намерений и нереализованных надежд». Вместе с тем, неосуществленные проекты являются для новых суверенов Евразии политическим уроком бесперспективной международной дипломатической деятельности и, в то же время, добротной идейной базой разработки политической стратегии новой эпохи. В этой связи, особо актуализируется доктрина, выдвинутая в свое время экс — Президентом Кыргызстана А. Акаевым «Дипломатия Шелкового пути», которая стала темой обсуждения и на одной из сессии всемирного экономического Форума, проходившего в 2000 году в Давосе¹⁴⁷. Основная цель доктрины — возрождение евразийской цивилизации на основе решения проблем восстановления транспортных коммуникаций, экономических и культурных связей по историческому маршруту Великого Шелкового пути, стала логическим продолжением идей евразийства, изложенная Н. Назарбаевым в 1994 году с трибуны Московского государственного университета имени М. Ломоносова и реализованная в формате ЕврАзЭС, Таможенного союза, в реальных контурах создания Единого экономического пространства.

Наряду с изложенным, одной из актуальнейших проблем казахстанской политики нового времени является формирование системы национальной безопасности с учётом современных вызовов и террористических угроз. Данный процесс на современном этапе развития Казахстана испытывает серьёзные трудности. По сути, он проходит в условиях, когда не определены два существенных, на наш взгляд, направления, способных явиться базовой конструкцией системообразования национальной безопасности. В частности, это касается формулировки философско-мировоззренческого принципа, на котором и должен основываться фундамент концепции государственной безопасности страны, а так же формирования национально-государственной идентичности, отражающей субъектную дееспособность полиэтничного казахстанского общества в процессе выработки собственной доктринальной стратегии национальной безопасности. В политической жизни Казахстана актуализировалась потребность в воспитании новоценностного мировоззрения, в основе которого должна находиться стратегия безопасности, как совокупность современных факторов, обеспечивающих благоприятные условия:

- для сбалансированного развития всех регионов страны;
- сохранения социо-культурных традиций в сфере социальных и общественных отношений;

---

¹⁴⁷ Независимая газета. 2000. 27 января.

– усиления способности институтов общества к адекватной оперативной мобилизации сил в преодолении любых видов угроз и вызовов современного мира.

В связи с изложенным, возникает ряд проблем, требующих решения или же оформления в приоритетные направления деятельности для создания конкретных ориентиров постепенной их реализации.

Во-первых, должна быть разработана государственная идеология (национальная стратегия безопасности является её составной частью), обладающая в условиях сосуществования более чем 130-ти национальностей и 40 религиозных конфессий статусом интегративного института, то есть механизма, способного создавать благоприятные условия и социальную среду для постоянного «воспроизводства» особенности и специфичности каждого субъекта казахстанского полиэтнического общества, а, соответственно, и условия, возможности для сочетания внутренних предпосылок развития субкультур с внешними тенденциями и факторами влияния. Это, в свою очередь, и явится тем критерием общественно-политической стабильности в государстве, который определит высокую степень его безопасности.

Во-вторых, особого акцента в процессе формирования современной системы национальной безопасности Казахстана от террористических угроз и вызовов требуют, на наш взгляд, вопросы конкретизации «объектной привязанности» к такой системе защиты её субъектных компонентов в отдельности, то есть необходимо практическое определение объекта защиты для каждого субъекта обеспечения национальной безопасности. Существующие же нормативные положения, регламентирующие деятельность органов власти, изложенные в законодательной базе республики, постановлениях правительства нередко свидетельствуют о смешении или наложении функций, подмене задач по сферам полномочий органов обеспечения национальной безопасности.

Не менее важным аспектом решения проблемы системообразования национальной безопасности на концептуальном уровне является формирование устойчивой основы взаимодействия субъектов, призванных обеспечивать защиту национальных и государственных интересов казахстанского общества (к сожалению, в современной практике зачастую эта основа в большей степени провоцирует ведомственное соперничество и профессиональный эгоизм).

Определяя контуры антитеррористической стратегии на перспективу, Президент страны Н. А. Назарбаев отмечает, что одним из проявлений тенденций актуализации проблемы обеспечения глобальной и региональной безопасности на современном этапе развития казахстанского обще-

ства является зарождение новых структур, призванных противостоять современным угрозам существованию человеческого сообщества. При этом глава государства акцентирует внимание и на слабой контролируемости миграционных потоков, как факторе, способствующем повышению вероятности террористических актов¹⁴⁸. В этой связи, возникает третий приоритет в системообразующем процессе национальной безопасности. Исходя из современных тенденций распространения глобальных угроз в Центрально-азиатском регионе и возникновения опасности принципиально нового для Казахстана типа (религиозно-политический экстремизм, представляющий особую угрозу для тех регионов страны, которые являются приграничными территориями с зонами мировой дестабилизации), целесообразно создать в крупных регионах юга, запада и востока структурные филиалы Совета Безопасности с чётким определением функциональных полномочий, которые включали бы вопросы координации усилий региональных субъектов национальной безопасности, в том числе местных органов управления и миграционного контроля. Основной задачей таких филиалов должна стать локализация источника угрозы в приграничных территориях и недопущение ее распространения на всей территории Казахстана, а также контроль за миграционными процессами в сопредельных зонах, аналитическая работа по выявлению причин возникновения террористических угроз, «местных тенденций», способствующих их усилению на казахстанской территории. Итогом такой деятельности должны стать аналитические доклады в высших органах государственной власти, Совете Безопасности, с последующей выработкой эффективных мер на общенациональном уровне.

По сути, региональные структуры Совета Безопасности могут иметь статус самостоятельных центров, наделённых правами целевой координации действий всех региональных структур по систематизации защитных функций государства на наиболее опасных направлениях проникновения современных угроз экстремизма и терроризма.

Мировая практика обеспечения национальной безопасности свидетельствует о том, что жесткая централизация управления деятельностью субъектов, призванных ее обеспечивать, приводит к функциональной «защоренности» и, в конечном счете, к традиционно-организационным формам формальной бюрократической подотчётности, когда критерием эффекта принимаемых мер служит статистика. В этой связи, обозначенный комплекс мер будет способствовать как децентрализации системы управ-

---

¹⁴⁸ Назарбаев Н. А. Критическое десятилетие. — Алматы, 2003. — С. 331.

ления антитеррористической деятельностью, так и процессу интегрирования усилий в зонах наиболее вероятной дестабилизации.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем заключается историческая и геополитическая обусловленность роли Казахстана во внешнеполитических интересах ведущих мировых держав?

2. Современная роль Казахстана в системообразовании региональной безопасности и формировании евразийской стратегии противодействия современным угрозам мирному сообществу? В чем суть идеи евразийства?

3. Какие мероприятия по осуществлению внутригосударственных процедур, а так же организационно-правового, организационно-практического характера выполнены Казахстаном в рамках реализации специальной Программы СНГ по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма?

4. В чем заключается основная идея доктрины «Дипломатии Великого Шелкового пути»?

5. Приоритеты внутренней и внешней политики Казахстана в сфере обеспечения национальной и региональной безопасности от экстремистско-террористических угроз?

4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

4.1. Политическая культура в условиях внутренних и внешних угроз

При переходе от «старой» системы отношений к новым формам государственного и общественно-политического управления общество характеризуется проявлениями массовости во всем. Особое отражение это находит в сферах духовности — культуре, искусстве, формировании элементов сознания. В такие периоды развития, не имея устойчивых культурных систем, социальной структуры, общество инерционно по содержанию и восприимчиво к внушению (массовости присущи простые и крайние чувства, эмоции). Наиболее характерны эти признаки кризисных явлений периодам трансформации тоталитарных режимов в демократические, становления правового, гражданского общества в ранее «закрытых» социумах. Дестабилизационный потенциал «массовости» в обществах на пореформенной стадии развития имеет особую мощь и непредсказуемость. Безусловно, данный вывод требует подробного обоснования в контексте анализа доминирующих в современном казахстанском обществе политико-культурных ценностей, определяющих его внутренний защитный потенциал на уровне неформальных социо-иммунных регуляторов.

Следует отметить, что основная часть общества является (или становится) участником политического процесса не в индивидуальном порядке, а в составе однородных организованных общностей, групп (партийные, профсоюзы, другие общественные организации, классы, национально-этнические общности, ...). Образование подобных объединений может происходить стихийно, по лозунговым призывам, либо в результате профессионально организованных провокационных выпадов политической оппозиции. Они, как правило, имеют временный характер (манifestации, митинги, демонстрации, ...). Однако, фактор стихийности определяет признаки хаотичности таких выступлений, обуславливая, тем самым, общественную опасность массового поведения в политическом процессе. Находясь в состоянии «бессознательно-личностного» восприятия окружающей действительности, индивидуальное сознание людей в таких случаях обретает качества «массового сознания», которое имеет такие специфические особенности, как:

- аморфность (внутренняя структурно-функциональная неорганизованность личностных качеств субъекта);
- непредсказуемость (ситуативность процесса развития событий, когда характер действий массы всецело определяется местом сборища, поводом (а не программной целью) образования, а также сформировавшимся на заданное время типом общения участников, ...);
- неоднородность состава (как правило, от представителей разного спектра групповых интересов до простых обывателей, по воле случая оказавшихся участниками мероприятия);
- взаимная анонимность (участники массовых процессов, как правило, не имеют друг о друге каких-либо существенных представлений и не заинтересованы в обмене такой межличностной информацией);
- статистичность (масса представляет собой количественную, не обладающую внутренней связью, субстанцию, действия которой обусловлены вероятностью их осуществления и, в этой связи, отсутствием их предвзятых характеристик).

Изложенные характерные свойства массовости (или массового поведения) и предопределяют стиль, формы политического поведения людей, оказавшихся по разным причинам в составе таких неорганизованных общностей. Оно, в свою очередь, выражается в нивелировании признаков рационализма в политических действиях субъектов, преобладании чувственных восприятий над разумными поступками, ведущих, в конечном счете, к полной утрате личной ответственности за совершаемые действия. В истории казахстанского общества известны такого рода массовые события (стихийные выступления в Темиртау — начало 60-х годов минувшего столетия; регионе западного Казахстана — Новый Узень (вторая половина 90-х годов XX века); на нефтяном предприятии Тенгиз-Шевройл (2006 г.); в Алматинской области (2006, 2007 г.г.).

Вместе с тем, ранее интерес к данной проблеме, пожалуй, не был столь актуальным. Причиной тому — идеологические и культурно-политические стереотипы, определявшие в начале границы тоталитарного социума в пределах официальных политических установок правящего режима, а впоследствии и вовсе утратившие духовную ценность в проявлениях массовой культуры. На современном этапе развития общества (последние 15-20 лет) мы наблюдаем процессы изменения образовательных технологий, разрушения традиционных устоев социума, обезличивания истинных идеалов, медийную «разнузданность» (как фактор распространения массовой культуры и привития в социумные компоненты чувств безответственности и отчуждения на уровне нравственности, основных этических норм общественного развития), рождающие и усиливающие тенденции «толпо-

образования» общественного сознания. В этой связи, современный процесс развития казахстанского общества не исключает потенциальных внутренних и внешних угроз, способных вызвать стихийные силы массовости. Так, по заключению экспертов, в перечень реальных угроз стабильности и согласию в Казахстане наряду с наркобизнесом, спадом производства, внешними посягательствами на территорию республики, экологическим загрязнением территории страны вошла и вероятность социального взрыва в связи со снижением уровня жизни отдельных категорий населения¹⁴⁹. В этой связи, при определении критериев оценки потенциально возможного массового поведения в казахстанском обществе целесообразно сделать акцент на том, что возможны два основных типа его проявления в современности. Это выражение массовости как:

– общности, формируемой на основе дистанционной коммуникации через «масс-медиа» (это, как правило, интеллектуальное членство людей в объединениях, характеризующихся массовыми проявлениями, увлеченных определенным занятием — чтение одной газеты, просмотр определенной передачи, ...). Связующим элементом в таких случаях единения субъектов, имеющих неоднородное социальное представительство, являются общие, одного содержания информация и форма коммуникации;

– общности, возникающей на базе стихийного взаимодействия в толпе при митинговых собраниях людей. Они, как правило, не имеют каких-либо устойчивых факторов стабилизации, что парализует личностную способность участника к адекватной реакции на логическую аргументацию стихийных действий. Данная форма «массовости» имеет крайне опасные для общественной и политической безопасности Казахстана характеристики.

В связи с изложенным, специфические тенденции формирования новочестных ориентиров массового сознания, типа политической культуры в трансформационных обществах в контексте разработки политико-культурных аспектов системообразования национальной безопасности Казахстана требуют особого анализа в условиях переходных стадий развития общества.

Как показывает мировой опыт, трансформация тоталитарных режимов в демократии развивается в нескольких основных формах: Первая — характеризуется иницированием реформ сверху, когда его движущие силы обусловлены волей правителя. Вторая — выражена процессами деструктуризации тоталитарных типов правления. Наконец, третья форма обес-

---

¹⁴⁹ Оценка сегодняшнего положения в РК — различие и сходство мнений экспертов Алматы и Астаны // Панорама. 2000. 15 декабря.

печивает эволюционную реформу¹⁵⁰. В первом случае, трансформационный процесс можно называть еще интеллектуальной реконструкцией политической системы. При этом содержание программы демократических перемен является продуктом «просвещённости» интеллекта правителя. Второй путь иначе определяют как «абдикацию» (неспособность властных структур обеспечить дальнейший процесс общественно-политического развития в связи с оскудением возможностей тоталитарных способов повышения собственного благосостояния). В основе же третьей реформы лежит практическое осуществление теории согласования между властью имущими и политической оппозицией. Положения данной модификационной характеристики демократических преобразований обладают типовой спецификой. В этой связи, они использованы автором в контексте исследования проблем формирования регулятивных и интегративно-ценностных качеств политической культуры постсоветского казахстанского общества для выявления особенностей трансформации тоталитаризма в демократию в Казахстане.

Трансформационные реформы в постсоветских обществах, некогда представлявших единую империю тоталитаризма, характеризуются перманентностью представленных выше форм. Изначально необходимость коренных преобразований была осознана самой административно-командной элитой. В этой связи, ею и была инициирована программа перестройки и структурирования новой системы отношений. Однако, эти меры носили половинчатый характер (частичная модификация, которая заключалась в декларативной деидеологизации, но с сохранением «унитарных» методов управления базисными процессами в сферах экономики и культуры). В данном случае, политику всеобщей гласности, начатую М. С. Горбачевым, можно считать попыткой «организовать интеллектуалов» на осуществление начинаний по реанимации экономической сферы общества, включить новую культуру отношений в политике в официальный инструментарий (но для решения все тех же тоталитарных задач). Это проявилось в известном несоответствии между риторикой «перестройщиков» и их делами. По сути, преследовались цели не политической демократизации, а экономической модернизации. На первый взгляд, если оценивать с точки зрения сравнения с предыдущим этапом — горбачевская перестройка повысила экономическую эффективность, свободнее стала культурная жизнь, в политический процесс были внесены элементы демо-

---

¹⁵⁰ *Вятр Е.* Трансформация тоталитарных и авторитарных режимов в современной демократии. // Лекции по политологии. — Таллинн: Сакала, 1991. — С. 73-86.

кратической практики. Наряду с этим, с позиции посттоталитарного видения «новояз — реформа» (новояз — термин, из романа Дж. Оруэлла «1984-й», использованный автором произведения для обозначения официального языка пропаганды) не изменила своего изначального толкования. Лозунговые принципы гласности, демократизации и перестройки, результаты их осуществления определялись официальной властью. И это носило субъективный характер.

С точки зрения альтернативной политической культуры «перестроенная» позиция была не эффективна. Основным ее достижением являлось использование в официальных целях призывов к гласности, демократии и перестройке, которые и составляли весь скудный арсенал альтернативных компонентов новой политико-культурной ориентации, суть которой заключалась в декларативном преодолении застойности брежневской эпохи, но не изменение ее основы. Партийное государство все еще удерживая свои позиции во всех сферах жизнеобеспечения общества продолжало существовать в соответствующих формах культурной, политической и общественной жизни населения. Советскую практику трансформации тоталитаризма отличало от аналогичных процессов в странах восточной Европы (Польша, Венгрия, ...) то, что общество восприняло ее как логический естественно - исторический процесс. Это было своего рода демонстрацией перманентности этактированного сознания людей и соответствующего типа политической культуры населения (результат эффекта действия «новояза»). Казалось бы, демократические процессы и гласность первого этапа трансформационного процесса, когда были открыты «шлюзы народной демократии», приведут к анархии и внутренней угрозе целостности общества. Однако, акцент казахстанских инициаторов политики перестройки на отдельные выгоды социальной мобилизации, усиления культурной активности политики сделали потенциальные издержки такой «массовости» менее ощутимыми (во всяком случае они не нашли своё выражение в каком-либо ощутимом гражданском противостоянии). Традиционные старые меры, ограничивавшие общественную и политическую активность, были оперативно заменены на социальные, в результате чего консервативная часть общества — потенциальный субъект противодействия демократизации, стала, напротив, активным поборником стабилизации. Таким образом, используя демократические лозунги и альтернативный «новояз» политики старой школы обеспечили себе поддержку населения на начальной стадии перестройки. Однако, впоследствии эта поддержка и стала ordinарным компонентом политической системы и социальной базой новых политико-культурных ценностей, отличающихся независимой альтернативностью.

Трансформационный процесс советской империи образовал во второй половине 80-х годов XX века некую новую специфическую модель посттоталитаризма — тоталитаризму, основанному на терроре, пришел тоталитаризм, в основе которого уже были политический цинизм правящих элит (легитимизация демократических лозунгов через неверие), инертность. Это, в свою очередь, привело к усилению культурной активности. Однако, в новой системе сохранялось специфическое отношение между угрожающей мощью тоталитарной силы и разумом, когда пропаганда развивалась с особой инерцией. Данная, промежуточная модель в процессе реорганизации советского общества и сформировала культуру игнорирования, в целом, системы, с доминированием соответствующих политических ценностей в общественном сознании. Тем не менее, своеобразный способ реанимирования тоталитарной системы в перестроечный период вызвал на политическую арену новые силы — посттоталитарное мышление, субъекты формирования основы для интенсификации борьбы людей за гражданские права и свободы.

Вместе с тем, неудачи, в целом, первой модели трансформации тоталитарной системы привели к динамичному дозреванию уже имевшихся на тот период факторов раскола между союзными республиками, что и спровоцировало объективный процесс их суверенизации. В этой связи, конец 80-х начало 90-х годов минувшего столетия характеризуется признаками третьей формы трансформации тоталитаризма, но уже в пределах новых государственных образований. Согласованная политика реформ между силами, стоящими у власти и оппозицией (в основном правового толка) определила содержание новой переходной модели, в том числе казахстанского общества, в «демократию». Перманентность трансформационных форм общественно-политических преобразований в большинстве постсоветских республиках является отражением несоответствия политической культуры правящей элиты, сформированной десятилетиями традициями политического изоляционизма, с целями и содержанием реформ. Следует, вместе с тем, отметить, что в Казахстане данная особенность демократизации имела не такие ярко выраженные черты как, например, в России. Это связано с тем, что сохранялись центробежные импульсы первого этапа реформ, когда преобразования в политической жизни казахстанского социума инициировались с «московского центра».

Изложенные характерные особенности трансформации тоталитарной системы в Казахстане можно отнести к первому этапу в целом преобразовательного процесса, который повлиял на психо-функциональную характеристику политической культуры масс, то есть наметил тенденции новообразования ценностных критериев иного восприятия событий и их воз-

можных последствий в политическом процессе. Изменения в политико-культурной атмосфере казахстанского общества привели, в свою очередь, к широкому альтернативным действиям и к развитию посттоталитаризма.

Последнее десятилетие XX века характеризуется уже казахстанскими особенностями процесса демократизации. Импульсы предыдущего этапа, вербализация новой основы политического процесса (Декларация, Конституционный закон, закрепляющие новоценностную роль Казахстана как суверена мирового сообщества) привели к объективному результату начатого процесса — принятию в 1993 году Основного Закона, провозгласившего главным приоритетом общественно-политического развития не государство, а человека и его права. Он и стал отправной точкой второго этапа демократических преобразований в казахстанском обществе, придавшего импульс тенденциям новообразования политико-культурных ценностей.

В целом, более чем двухлетний процесс разработки, обсуждения и принятия нового Закона сыграл важнейшую позитивную роль в становлении новоценностных политических ориентаций в казахстанском обществе не только на уровне политической элиты. В обсуждении законопроекта приняла участие фактически пятая часть всех казахстанцев, выразившая мнения большинства взрослого населения¹⁵¹. «Конституционный процесс» объединил интересы различных политических сил казахстанского общества, выполнив на тот момент роль стабилизатора политической ситуации.

Появлению специфических особенностей в процессе формирования политической культуры масс казахстанского общества, «обособлению» политических ценностей в массовом сознании в новой стадии переходного периода способствовали и определение на уровне официальных органов власти (государственный уровень формирования культурно-политической основы социума) новых государственных приоритетов, этнополитические процессы в стране, имеющие национальные, региональные особенности.

Тем не менее, второй период в процессе демократизации общественно-политической жизни страны, в большей степени, является проблемно-ориентированным этапом и временем решения задач переходной стадии, связанных с вопросом идейной консолидации общественных сил, достижением консенсуса в определении законодательных основ общества, общенациональных приоритетов, конкретно достижимых целей и стратегии,

---

¹⁵¹ Абдильдин С. Парламент Казахстана: от Союза к государственности. — Алматы: Казахстан, 1993. — С. 138.

тактики развития общества. В целом, была создана первоначальная база для дальнейших реформ и построения основ демократического правового общества.

Принятие в 1995 году новой Конституции Республики Казахстан явилось своеобразным истоком предметно-ориентированного этапа в модернизационном процессе казахстанского общества. Преодоление принципов тоталитарного режима на вербальном уровне имело огромное значение. Но, вместе с тем, это не означало полного успеха демократии в Казахстане. Модернизаторские инициативы имели на пути практической реализации немало сложных препятствий, которые можно сгруппировать в три проблемные группы.

Первая была связана с кризисными явлениями в сфере экономики и являлась главным фактором провоцирования народных возмущений. В этой связи, индикаторы экономической жизни республики требовали оперативного улучшения в кратчайшие сроки.

Вторая - включала в себя процессы радикализации оппозиционно настроенных групп, формирований. В Казахстане это имело относительно слабо выраженный характер, чем, скажем, в России, Таджикистане и других постсоветских республиках. Но, тем не менее, в казахстанском обществе была достаточно мощная основа для общественных разногласий. Например, по данным на 1995 год в Министерстве юстиции Казахстана было зарегистрировано 540 общественных организаций и формирований, из которых 60 — религиозные объединения различного толка (конфессии, секты). С одной стороны, мы наблюдали демократизм в выражении политических мнений, что закладывало основу плюралистической политической культуры. Однако, на тот период, в условиях отсутствия опыта дипломатии во внутренней политике, низкой культуры политического поведения, было возможно развитие тенденций жесткого противостояния сформированных политическими обстоятельствами оппозиционных сил, вплоть до антагонизма политических отношений.

Третья группа проблем, с которой сталкивались демократы, образовалась не перед всеми государствами, имеющими тоталитарное прошлое. Она была связана с полиэтничностью общества, вставшего на путь демократического обновления. Выйдя из состава советской империи и обретя независимость, Казахстан с более чем ста тридцатью национальностями и народностями уже самостоятельно представлял из себя многонациональный союз и оказался перед проблемами межнациональных отношений, многие из которых были унаследованы от прежней империи. Это вопросы предоставления национальных автономий, территориального передела (известная «дискуссия» по пяти северным областям страны), предоставле-

ния льготных условий старо-традиционным формированиям (казачье движение) и т. д.

В этой связи, в третьем этапе процесса демократизации Казахстана, на наш взгляд, политической элитой казахстанского общества были приняты обоснованные меры по легитимизации в Конституции Республики Казахстан формы унитарного устройства страны и исходящих из данного обстоятельства соответствующих принципов общественного регулирования. Аспект целостности территории Казахстана в комплексе мер обеспечения государственной безопасности выделен в качестве главного приоритета и в Послании Президента страны народу «Казахстан — 2030».

Обозначенные проблемные плоскости и сегодня представляют наибольшую опасность для процесса углубления демократических реформ в стране. Они непосредственно связаны с тенденциями культурно-политической социализации масс. И основной метод оптимизации путей достижения демократических целей — реалистические компромиссы в сфере политических отношений.

Понятие политической культуры в основе своей есть понятие ценностное, потому как основывается на оценке и нормативности. Безотносительно к субъекту формирования ценностных характеристик политические явления, процессы не могут существовать в «категориях ценностей». Подтверждение этому мы находим и в «Этике» Спинозы, где автор доказывает, что человек судит об окружающем мире не на основе разума, а отталкиваясь от собственных представлений, симпатий и антипатий, которые формируются в зависимости от его природы, среды обитания. Источником выработки ценностных ориентаций в политическом сознании казахстанцев служат их политические интересы. Любое цивилизованное общество представляет из себя совокупность интересов различного уровня общностей. Они выражают особенности жизненных устремлений социальных групп, слоев, этнических общностей, профессиональных объединений и т. д. В Казахстане одна группа таких интересов содержит перспективные тенденции функционирования общностей — интересы социальных слоев. Вторая группа — отражает особенности отношений между ними. Сфера формирования интересов в казахстанском обществе, в этой связи, представляет из себя объективные отношения между субъектами деятельности, в котором политический интерес и отражает диалектическое единство всеобщего и особенного. Политический интерес является и проявлением властных связей — опосредование взаимоотношения общего и частного интересов, реализуемого при помощи институтов государства. В связи с изложенным, именно политический интерес казахстанцев является основой их вхождения в сферу политических отношений, то есть, их

социализации в сфере политики. Смысл данного процесса видится во взаимодействии двух тенденций, которые заключаются, во-первых, в определении социальной группой собственных интересов на уровне интересов социальной целостности, во-вторых, в определении государства в качестве приоритетного института для решения социальных проблем.

Представления субъекта о политических отношениях, политической системе и ее институтах формируются и через призму его морально-нравственных позиций, в целом, уровня сложившегося мировоззрения. Потому, ценностные отношения в категории политической культуры следует рассматривать как явление многогранное, учитывая разностороннее воздействие на процесс формирования ценностных ориентиров человека.

Неотъемлемым элементом политической культуры являются политические установки. Это отношение субъекта к политическим явлениям, процессам. В стабилизационных процессах общества политические установки определяют основные тенденции развития политического мировоззрения населения, которое имеет стратные, образовательно-культурные, поколенческие характеристики. В этой связи, плюрализм политических мнений и суждений вскрывает огромное число разнополярных взглядов, среди которых выражение объективной действительности противостоит субъективистским тенденциям. Совокупность сформированных взглядов, мнений и является сегодня основой формирования обыденного политического сознания в казахстанском обществе.

Для обозрения общей политической картины социума необходимо акцентировать внимание на двух, наиболее ярко выраженных направлениях политических ориентаций (социалистическое и либеральное), на которые, в частности, обратил внимание в одной из своих работ Президент Республики¹⁵². К указанным идеологическим воззрениям, доминирующим в казахстанском обществе следует добавить идеологию традиционализма, как один из самостоятельных мощных источников формирования политического мировоззрения на современном этапе модификационных преобразований.

Несмотря на научно-теоретический «аскетизм» выводов отдельных исследователей советского периода казахстанской истории, сформированный за семьдесят лет жизненный уклад (социально-экономический, политический, культурный) нельзя воспринимать с позиции его отчуждения от целостного культурного и цивилизационного опыта развития Казахстана. Определенный положительный потенциал, ставший фундаментом совре-

---

¹⁵² Назарбаев Н. А. Идеиная консолидация общества — как условие прогресса Казахстана. — Алматы, 1993. — С. 6.

менных эволюционных преобразований, был заложен обществом при прежнем строе. Этот опыт является неотъемлемым компонентом общественного сознания населения. В этой связи, неудачные попытки переходного периода (в основном в его начальной стадии — 1991-95 гг. XX века) по реорганизации и повышению эффективности национальной экономики, политической системы подкрепляли позиции сторонников социалистической ориентации общественного обустройства страны. Это, в свою очередь, повлияло на формирование соответствующего уровня обыденного политического сознания, как важнейшего элемента в структуре политической культуры общества.

В политическом сознании казахстанцев популярны и имеют устойчивые формы развития либеральные идеи. Для массового сознания привлекателен их утверждающий принцип общечеловеческих ценностей. Однако, не всеми в равной мере осознана утопичность этого направления. Определённая часть казахстанского социума на уровне обыденного сознания воспринимает либеральные идеи с позиции гипотетической нормативной модели желательных преобразований и, соотнося их с конкретными политическими мерами, без учета реальных условий, усматривает в скорейшей реализации либеральных идей — непереносимое условие прогресса казахстанского общества. Однако, опыт отдельных стран ближнего зарубежья (Кыргызстан, Украина, Молдова) демонстрирует нам социальную несостоятельность такого варианта трансформации тоталитаризма в демократию. Западный либерализм в «сиюминутном» привитии на посттоталитарную почву оказался пустой абстракцией. Это нашло отражение и в политической жизни казахстанского общества конца 1980-х начала 1990-х годов.

Либеральная идеология Запада имеет проверенный веками опыт либерализации общественно-политической жизни. Причем, в большинстве, этот процесс шел эволюционным путем, постепенно структурируя основу либерального устройства — соответствующие психологию, политическую культуру, политические институты, формы собственности. Современная эпоха постиндустриализации на Западе начиналась, прежде всего, как революция в сознании людей¹⁵³. Политико-идеологическим симптомом (признаком) такое радикальной переориентации сознания явилось образование идейного течения «новых левых», которые и актуализировали проблему изменения ценностей западной цивилизации. Новая парадигма ценностей стала основой общественных преобразований, в центре которых

---

¹⁵³ *Revel I. Ni Marx ni, Jesus: De ki seconde revolution o la seconde revolution mondiale.* — P., 1970. — P. 9, 19, 38, 263-264.

были отношения «экономического человека». К 80-м годам XX столетия пришло понимание того, что парадигмой прогресса человеческой цивилизации является не столько увеличение прибыли и совершенствование экономического могущества, а гуманизация производства в сторону удовлетворения потребностей, не являющихся только экономическими, в сторону «аутентичной демократии», то есть преодоления отчуждения¹⁵⁴. Сложившаяся до того модель «экономического человека» стала объектом критики не только консерваторов. К осознанию необходимости изменения ценностной основы общественного развития пришли и «большие авторитеты» в западной политике. Так, Сикко Мансхолт утверждал о том, что общество, основанное на росте материального благосостояния должно быть сменено обществом, которое будет преследовать цели роста культуры. Целью общества должно стать раскрытие каждым человеком своих способностей, что «...предполагает, между прочим, иную систему производства»¹⁵⁵.

Таким образом, становление современного западного постиндустриального общества преодолело длительные стадии от идеи «экономического человека» до идей гуманизации производства и труда, от инициативных теоретико-концептуальных разработок интеллектуальной элиты до государственной политики постиндустриализации. В обществе постиндустриального типа основным актором преобразовательного процесса является новый социальный тип личности, которому соответствуют система управления общественно-экономической жизнью. Она, в свою очередь, стимулирует новую мотивацию к труду (возможность самореализации, перспективы профессионального и социального роста и т. д.). Социальная регуляция деятельности граждан в государстве обретает приоритетное значение. Все это обусловлено базовыми, фундаментальными преобразованиями. Говорить о такой основе ускоренной модернизации в Казахстане не имеется достаточных оснований. Тем не менее, идеи ускоренного перманентного использования западного опыта имеют своих сторонников в казахстанском обществе и формируют соответствующие направления практического (обыденного) сознания (ценностные ориентации) определенной части казахстанцев и на современном этапе модернизационного процесса.

В условиях, когда гражданское общество в Казахстане не окончательно институционализировалось в качестве подлинной основы демократии,

---

¹⁵⁴ *Iuben C.* Le suicide des democracies. — P., 1972. — P. 215.

¹⁵⁵ *Manshalt S.* Le chomit du banheul // *Le nouvei observateur*. — P., 1972. 13-18 juin. № 396, — P. 83.

такие устремления радикалов вполне могут преобразоваться в антидемократические тенденции. Прикрываясь лозунгами и фразами о правах и свободах человека субъекты «ускоренной вестернизации» могут использовать принципы демократии для выяснения разногласии со сторонниками иных политических ориентаций в среде политической элиты общества. Этот процесс может быть усилен негативными явлениями в духовной сфере казахстанского общества, сохраняющимися тенденциями социально-экономической нестабильности, отсутствием консолидирующего потенциала «среднего класса» (в связи с его несформированностью в обществе). В случае же возникновения такой ситуации нельзя исключать опасности установления диктата во власти.

В определённой степени, особенностью нашей современной политической жизни продолжает оставаться идея традиционализма. По ряду известных политических, социально-экономических причин, возникших в конце 1980-х годов, традиционалистские тенденции в той или иной степени проявились во всех постсоветских республиках средне-азиатского, кавказского регионов и центральной части Российской Федерации. Суть её, в возрождении исторических культурно-политических традиций, что, в целом, отражает гуманистический потенциал данного направления. Вместе с тем, современный традиционализм имеет и архаическое проявление, которое в Казахстане выражается в попытках субъектов-носителей таких устремлений возродить отжившие формы общественно-политического устройства, а также осуществить в отдельных регионах страны под видом реформ идеи трайбализма.

Политическое сознание казахстанцев формируется и под воздействием группы, так именуемых, умеренных «радикалов». Эта группа прогрессивных инициатив, аккумулирующая в себе осмысленный вариант перспектив общественно-политического развития. Исходят они из объективных потребностей современной цивилизации, возможностей государства и его современных политических институтов, уровня общенациональной культуры.

Спектр современных политических воззрений многообразен, имеет множество других политических оттенков, ориентаций, среди которых отмеченные направления являются наиболее мощными стимуляторами соответствующих политических ориентаций, формирующихся в казахстанском обществе сегодня.

На основании изложенного, а также используя западные классические схемы, объясняющие отношения к политической культуре в целом¹⁵⁶, можно сделать выводы о том, что в Казахстане продолжает доминировать следующая система политических ориентаций, выраженная:

– в ориентациях на способы решения выдвинутых объективной действительностью, проблем. В ней заключены следующие подходы: эмпирический, основанный на прагматическом видении реальных проблем, не приемлющий догмы; рациональный, который содержит в себе больше априорий, то есть абстрагирующий от определенных элементов существующей базы политических реформ. Тенденциям развития политической системы Республики Казахстан, политической элите больше характерен первый подход - прагматическое видение существующих проблем, потому как понимание принципов демократии здесь дополняется стремлением сделать ее тем, чем она может быть с учетом местной специфики^{157:158},

– в ориентациях на политическую систему. Выше, характеризуя принцип сочетания активистских и подданических ориентаций, мы уже косвенно объяснили данный аспект проблемы. Менталитету казахстанского народа больше присуща концепция лояльности. Вместе с тем, это не предполагает отрицание фактора смешения почтительно-нейтральных ориентаций с качествами участия, так как любая политическая система развивается в противоречивом единстве тенденций, имеющих разнополярные характеристики. Другой вопрос — наличие политической детерминанты в общей системе развивающихся отношений;

– в ориентациях на сотрудничество и индивидуальность. Основная тенденция, характеризующая это направление — готовность к компромиссу и в то же время стремление сохранить собственное политическое кредо.

В целом, политические реалии современного казахстанского общества демонстрируют ориентацию на компромиссные варианты решения возникающих проблем. Ярким тому свидетельством является идея евразийства, выдвинутая Казахстаном, как важное условие разрешения не только соб-

---

¹⁵⁶ *Dahl R. (ed) Political Oppositions in Western Democracies. — New Haven: Yale Univ. Press, 1966. — P. 353.*

¹⁵⁷ Казахстан — 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев // Казахстанская правда. 1997. 11 октября.

¹⁵⁸ *Назарбаев Н. А.* Новый этап демократизации Казахстана — ускоренное развитие свободного демократического общества. Выступление на совместном заседании палат Парламента Республики Казахстан // Казахстанская правда. 2007. 17 мая.

ственных, но и имеющих более широкие геополитические границы, проблем, а также внедрение новых ценностей внутреннего политического управления, выраженных в последних инициативах по переходу с президентского на президентско-парламентскую форму правления в республике.

Указанные политические ориентаций, как это ясно из их функциональных определений, относятся к типам деятельностных направлений, через поведенческий фактор субъектов политических отношений влияющих на политическую жизнь страны.

Типы политических ориентаций через деятельностный фактор субъектов их носителей, должны соответствовать условиям «культурно-политической самоидентификации», ценностями которой являются традиции, обычаи, как титульной нации, так и всей полиэтнической общности. Этот процесс должен отражать в общем и целом интересы всего общества. В этой связи, политико-культурная интеграция в рамках многонационального казахстанского сообщества — неперемное условие формирования гражданской культуры, как фактора предупреждения политической дестабилизации в обществе.

Политические ориентации казахстанцев, в свою очередь, выражены в типах их политического участия, уровень которых является своеобразным критерием оценки действенности каждого, из выше перечисленных идеологических факторов формирования общественного и политического сознания казахстанцев.

Политико-культурные ценности населения, формируемые на переходном этапе становления транзитного общества, взаимообусловлены в процессе системообразования национальной безопасности с ролью граждан в деятельности его подсистемных структур. Данная функциональная особенность и определяется как политическое участие, основные направления которого оговорены в нормативно-правовых документах, имеющих международное и государственное значение (Пакт о политических и гражданских правах человека, принятый в 1968 году; Конституция Республики Казахстан от 1995 года). Исходя из приведенных нормативных источников политическое участие казахстанцев в управлении может осуществляться напрямую через референдумы, запросы и обращения в государственные структуры, выборные должности в управленческих органах и государственных учреждениях, а также опосредованно, через избирательную систему. Свое проявление нашли и различные иные формы общественно-политической активности — участие в митингах, выражение собственного мнения в коммуникационных средствах.

Вместе с тем, политическое участие или степень политической активности в любом обществе определяют не только позитивные количественные характеристики акторов политического процесса. Проявления нигилизма, отчуждения или противодействия политическим инициативам также являются факторами, способствующими выявлению природы и характера явления. В этой связи, одним из характерных признаков политического процесса является абсентеизм, когда имеющие право голоса избиратели не принимают участие в голосовании. Например, в Соединенных Штатах Америки уровень участия населения в выборах главы государства не превышает 63 % от общего числа избирателей, а губернаторов — 50 %. В Казахстане избирательная активность населения также значительно ниже, нежели во времена тридцатилетней давности. С одной стороны, абсентеизм является свидетельством закрепления конституционных прав казахстанцев, реализуемых ими в условиях свободы волеизъявления, созданных государством. С другой — абсентеизм показывает отношение человека к новой власти и проводимой ею политике.

Абсентеизм в транзитных обществах имеет свои особенности и выражается в активной или в пассивной позиции людей. Активное отчуждение от политического процесса может иметь крайние формы, когда «антиучастники» образуют общности противодействующих людей, вносят в политическую систему элементы беспорядка, создавая тем самым условия для внутренних угроз политической стабильности, ослабления власти. Такого рода действия толпы могут саккумулировать и энергию для последующих антиправительственных выступлений (Кыргызстан — 2005-2006; 2010 годы; Россия, Грузия — 90-е годы XX века). Массовость митинговых выступлений дисфункциональна политической системе, парализует ее структурные связи и, в конечной стадии, может стать причиной смены правительства (тот же киргизский вариант развития событий).

Наряду с группами противодействия в транзитных обществах образуются общности с нейтральной позицией восприятия событий политического процесса. Однако, это не отчужденные от политики люди, а пассивные наблюдатели, отличающиеся от обывателей развитой потребностью в политической информации. Их социальный статус, как правило, не ниже круга интеллигенции. Обладая серьезными количественными характеристиками, интеллектуальным потенциалом, такие группы представляют силы аккумулятивного воздействия на формирование идейного потенциала политического поведения людей, качественные особенности которого находятся в прямой зависимости от масштабов охвата коммуникационного поля и информационной оснастки основного субъекта действия. То есть они, как потенциальные участники политического процесса, посред-

ством обработки полученной информации и передачи ее массовому потребителю опосредованно определяют степень общественного напряжения и политической стабильности.

В связи с изложенным, в казахстанском обществе можно наблюдать следующие типы политического участия, взаимно обуславливающие процесс формирования политико-культурных аспектов стабильности и консолидации социума. Во-первых, это мобилизационное участие, которое заключается в регуляции поведения людей сверху. Этот тип имеет перманентную специфику из времен советской эпохи, когда административные структуры определяли в каком округе и за кого необходимо отдавать свои голоса (как правило, по разрядке партийного комитета было дозированное представительство — по сфере труда, профессии, полу, возрасту, ...). Элементы такого типа участия (по сути квазиучастия) унаследовала и современная политическая жизнь. Основная часть участников данного типа становится объектом политического манипулирования. Культурные ценности политической социализации этой категории участников формируются с преобладанием патриархально-подданических черт. Для целей обеспечения безопасности от внутренних угроз стабильности фактор манипуляции имеет дуалистичную характеристику. В условиях тоталитарности он является способом реализации контрольных функций государства за политическим процессом в обществе. В условиях же демократических преобразований — дополнительный источник рождения политических слухов, формирования в общественном сознании неверия в истинность всего процесса реорганизации общества, что, в свою очередь, является предпосылкой для формирования «камуфлированных» форм и типов внутренних угроз стабильности.

Вторая форма политического участия связана с избирательными возможностями самих граждан и реализуется в условиях политической конкуренции. По функциональному определению она имеет характеристики автономности политического участия и мобилизационный фактор действует уже в обратном направлении — политическая элита, партийные лидеры стремятся заручиться доверием и поддержкой избирателей, выбор которых оказывает воздействие в целом на формирование правительственных структур.

Автономное участие со всеми демократическими атрибутами соблюдения избирательных прав граждан функционально к политической системе, что предполагает преимущественно однородное по содержанию, но неодинаково интенсивное — по массовости, участие. Так, ограничение собственной роли в политическом процессе только голосованием выражает низкий уровень политического участия. Субъект процесса, проявляю-

щий активность в деятельности политических партий, является выразителем высокого уровня участия. Политическая конкуренция за депутатский мандат выводит субъект за пределы участия и делает его частью элиты общества. Данная форма политического участия соответствует парадигме конфликтов, когда множественность противоречий выполняет стабилизирующую роль в обществе и генерирует «открытую» творческую инициативу. Протестная энергия в данном случае преобразуется в позитивный потенциал для динамичного поступательного движения и обеспечивает в обществе необходимый «баланс интересов». При автономизации политического участия в структурах общества формируется и систематически воспроизводится собственный защитный иммунитет от факторов внутренней угрозы стабильности без «подключения» механизмов государственной (силовой) регуляции.

Наряду с изложенным, в демократических обществах (или в обществах с демократическим вектором реформ) оба вида политического участия функционируют в той или иной форме проявления. Так, несовершенство выборной системы по партийным спискам, когда население осведомлено только о деятельности их лидеров, позволяет проходить выборное сито в представительные органы политического управления и тем, кого избиратель не знает. Это случай мобилизации населения на выборы за предложенные кандидатуры по списку кандидатов, продвигаемых, как правило, властью. Есть примеры и обратного порядка. Выборы в социалистическом прошлом имели для большинства избирателей традиционный характер, и единогласное признание лидерства каких-либо выдвиженцев людьми осуществлялось добровольно по привычке голосовать. Это пример автономного участия в условиях тоталитарного режима. Вместе с тем, следует отметить, что в данном случае автономность является все же элементом системы обеспечения тотального участия, достигнутого в результате использования особых мер политической пропаганды или волевого характера.

В связи с изложенным, в казахстанском обществе роль населения в политическом процессе можно классифицировать по следующим типам: участники, наблюдатели, аполитичные и нигилисты. По количественной характеристике это подвижные массы. Однако, в контексте исследуемой нами проблемы обеспечения общественной и национальной безопасности от угроз современности особое место занимает категория политических нигилистов. Они, как правило, находятся за пределами событий в политическом процессе, но при определенных обстоятельствах (стечении обстоятельств) представляют из себя разрушающую силу, способную организовать внутренний хаос и беспорядок в обществе, дестабилизировать политический процесс.

Также как и факт неучастия стремление мобилизовать массовую социализацию в политическом процессе не может являться ценным приобретением политической культуры казахстанского общества. Тотальная политическая активность — это псевдоучастие, вызванное целенаправленной идеологической пропагандой либо государственным принуждением (специфической формой внутреннего террора). В определенных условиях мобилизационное единодушие функционально к политической системе общества, когда представляет из себя способ поддержания в общественном сознании многочисленных мифов о народном единстве, согласии и консолидации социальных слоев общества. Это мы наблюдали в политической жизни советского общества. Однако, стремление государства к такому порядку не может осуществляться в открытом обществе, без изолирования его от основных механизмов социально-политической, экономической регуляции, в условиях, когда людьми активно используются свободы слова и печати. В этой связи, в демократических обществах фактор политического участия должен быть обусловлен экономическими, возрастными, психологическими особенностями общественной структуры, что определяет в качестве основного критерия демократичности системы не массовость, но автономность, основанную на возможностях политического выбора. Это, в свою очередь, предполагает добровольность, равенство в участии при условии его постепенного расширения, так как равноправие в рассматриваемом случае обусловлено ростом политической культуры и умением людей совершенствоваться в политическом процессе. Здесь поучителен более чем двухсотлетний опыт американского избирательного права, позволивший осознать необходимость связи функциональности политического участия с достигнутым уровнем политической культуры, уменьшением социальных противоположностей в обществе (процесс достижения равноправия в выборах в американском обществе шёл эволюционно от предоставления избирательных прав женщинам в 1920 году, до включения в этот процесс чернокожих граждан в 1960 году. Возрастные и другие же цензовые ограничения существовали в США до конца 1970-х годов).

В связи с изложенным, основным стимулом усиления количественных характеристик участников политического процесса в казахстанском обществе (предполагается не массификация, но расширение границ политической социализации на основе усиления автономных признаков политического участия) является повышение уровня политической культуры общества, формирование в нем таких мировоззренческих ценностей как ответственность в реализации собственного избирательного права, стремление к совершенствованию умений и навыков политического участия, зна-

ние своего ролевого предназначения в системе современных политических отношений. Вместе с тем, и это не является исчерпывающей аргументацией причин слабой политической активности казахстанцев в политическом процессе.

В казахстанской политической науке ещё нет обоснований национальной модели мотивов политического участия. Определенный опыт накоплен западной политологией, который может послужить методологической основой для отечественных разработок. В частности, американские учёные при анализе факторов политического участия учитывают половозрастные, расовые, конфессиональные, социально-ценностные, политические характеристики, а также статус, служебное положение, меру гражданской ответственности, биографические данные населения. Например, исходя из результатов таких аналитических исследований, американцы знают, что наиболее политически активны представители высшего и среднего классов, белого населения, католики и иудеи, мужчины, горожане, проживающие в благополучных районах, члены тех семей, в которых чаще обсуждаются политические вопросы. Западная наука также оценила направленность политического участия и выбор политических предпочтений. Например, состоятельные и преуспевающие люди склонны к консерватизму и умеренности в политике, молодежь, как правило, жаждет изменений и склонна к эмоциональному восприятию политических событий. Все указанные факторы учитываются национальными ведомствами при разработке тактических и стратегических программ обеспечения стабильности в американском обществе и безопасности государства.

Рассмотрение вопросов политического участия населения обусловлено его значением в условиях современных транзитных обществ, когда оно определяет уровень обеспечения функционирования политического управления при допустимых нормах отчуждения граждан от власти. Это особенно важно, когда относительность различий между участвующими и наблюдателями, нигилистами и политическими обывателями сильно проявляется в переходных решающих стадиях политических реформ, которые сопровождаются, как правило, кризисом политического участия. В Казахстане он проявился в разрушении традиционных норм советской системы. Участие до второй половины 90-х годов минувшего столетия, выражая полярные позиции, предстало в форме коммуникационных каналов политической конфронтации, непримиримость которых усиливали факторы формирования массового осознания безысходности и чувств политической апатии (инфляционные процессы и резкое оскудение рынка труда, безработица). Увеличилось количество людей, отчуждающих политику. В общественном сознании проявился экстремистский фон восприятия

событий политической действительности. Эти тенденции (в меньшей степени проявления) сохранились в казахстанском обществе и являются катализатором кризиса участия уже на современном этапе модернизационных процессов. При развитии признаков массовости данное явление способно угрожать легитимности представительных органов.

В политическом абсентеизме может скрытно функционировать процесс накопления протестной энергии масс, бойкота участия в политике через проявления его отчуждения, стремления скомпрометировать избирательную кампанию и, в целом, конституционную власть. Преодоление данного негативного явления в казахстанском обществе возможно при условии решения основных социальных проблем модернизации, освоения новых нормативов политического участия, присущих гражданскому обществу, совершенствования политической конкуренции, формирования альтернативных политико-культурных ценностей.

На основании вышеизложенного, политическое участие в своих множественных проявлениях представляет из себя важный самостоятельный фактор, обуславливающий процесс формирования политических аспектов внутренней стабильности государства. Уровни и степень политического участия взаимообусловлены с типом политической культуры. В этой связи, в казахстанском обществе данная особенность предопределила формирование неоднородной основы политико-культурных ценностей (её характерные признаки очевидны на всем постсоветском пространстве).

Новая структура политико-культурной реальности в Казахстане складывается в противоречивом единстве двух типов. Это — тоталитарно-авторитарная модель политической культуры, ценности которой заключаются в приоритете коллективистских качеств гражданина над его индивидуальностью, тотальном контроле государства за формированием политических ценностей, политического сознания, в доминантно-идеологизированном ходе процесса политико-культурного развития. Такая специфика имела перманентные особенности, в связи с чем, продолжает влиять на определение современных приоритетов развития социума. Не случайно, в программных документах казахстанских реформ по проблемам идейной консолидации общества, политической модернизации этот фактор выделяется как существенный негатив современности. Другой тип — либерально-демократическая политическая культура, которая ориентируется на правовое регулирование общественным развитием, соблюдение принципов гражданского согласия, формирует ценности, связанные с правами и свободами человека, утверждает плюрализм во всех сферах жизнедеятельности общества. Ценностями такой модели политико-культурного развития являются свобода печати, слова, расширение конституционных

прав граждан. Политическое сознание, ценностные ориентации формируются разнообразными каналами политического воздействия, пропаганды. Соответственно и деятельностный аспект либерально-демократической модели политической культуры характеризуется многообразием, включает в себя разнотипные направления политической социализации.

Итак, делая упор на современных особенностях формирования политической культуры в казахстанском обществе, мы выделили две группы ценностей, представляющих два полюса новой альтернативности (хотя спектр их проявления гораздо шире). Первая — старотрадиционная культура изоляционизма, сформированная идеологией партийной государственности в границах советской политической системы, не изжита и продолжает выполнять свою социорегулятивную функцию (при этом не играет доминирующей роли).

Вторая группа ценностей — результат воздействия модификационных преобразований. В казахстанском обществе либерально-демократические ценности преодолевают процесс становления, который выражен в его современных тенденциях (доминирует в общественно-политическом развитии Казахстана и обладает качествами усиления, постепенного перехода в основной фактор политико-культурного преобразования социума). Вместе с тем, на государственном уровне формирования ценностных ориентаций (он сохраняется при любой структуре политической системы) эта тенденция может изменяться в зависимости от оформления и реализации типа идеологических принципов в сторону закрепления консервативных основ предыдущего типа, в связи с чем, в условиях транзитности политических реформ не имеет статичной основы. На основании изложенного, представляются справедливыми утверждения западных исследователей о том, что либерально-демократическим принципам построения общественно-политических отношений соответствует особый тип политической культуры, в которой политическая активность, участие и рациональность присутствуют, но уравниваются пассивностью и приверженностью к патриархальным ценностям — гражданская культура¹⁵⁹.

Поскольку качества гражданственности, толерантности и поддержки демократических идеалов в большей степени присущи людям, обладающим высоким социальным положением и образовательным уровнем, постольку политическая апатия среди низших слоев населения является полезным залогом и гарантией либеральной демократии. На основании такого заключения, исследователи пришли к выводу — сочетание активист-

---

¹⁵⁹ *Almond G., Verba S. The Civil Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. — Princeton Univ-Press, 1963. — P. 32.*

ских и подданных (пассивность и приверженность патриархальным устоям) взглядов и ценностей является важнейшим условием реализации принципов либеральной демократии.

В современном казахстанском социуме плюралистический тип культуры проходит начальные стадии формирования. Её основные ценности — общение, убеждение, культура консенсуса, стремление к обретению опыта умения находить точки соприкосновения при решении политических проблем обретают формы статичных установок в отношениях между группами, социальными слоями общества, политическими и общественными формированиями. Эти элементы демократизма имеют в Казахстане традиционную основу, которая была заложена у истоков становления казахской государственности (XV-XVII века). Анализ этих особенностей общественно-политической системы казахского общества привел и этнографа Ч. Валиханова к выводу о наличии у казахского народа мощного демократического начала в форме непосредственной демократии, когда важные государственные решения, принимаемые всеми согражданами сообщества (назначение правителей казахского ханства — ханов, ага-султанов, старшин осуществлялось в процессе обсуждения их кандидатур на избирательных выборах) во многом определяли политическую стабильность в нём¹⁶⁰. В свою очередь, демократизм титульной нации явился основой и стимулом для формирования демократических ориентиров у всех представителей полиэтнической общности. На этом акцентирует внимание при определении культурной перспективы общества и Н. А. Назарбаев¹⁶¹. В этой связи, необходимо выделить следующий фактор современного периода развития демократических ценностей. С усложнением социальной структуры общества (важнейший признак углубления демократизации общества) в различных его слоях складывается соответственно неодинаковое отношение к правительству (в зависимости от уровня политической социализации, воспитания, материального благосостояния, социального положения...), растут активистские ориентации отдельных социальных общностей, политическая компетентность. Данное обстоятельство имеет и внутреннее противоречие. Позитивный характер активистских настроений содержит в себе потенциал «протестного взрыва», причины которого скрыты в потребительских ориентациях людей. Тем не менее, этот фактор не в состоянии нивелировать роль подданных ориентации казахстанцев, которая доминирует у большинства населения

---

¹⁶⁰ Валиханов Ч. Соч. в 5-ти т. — Т. 4. — Алма-Ата: Каз.Сов.Энцикл., 1985. — С. 198.

¹⁶¹ Назарбаев Н. А. В потоке истории. — Алматы: Атамұра, 1999. — С. 140.

страны. Основанием тому служит сочетание принципов историко-традиционного уклада жизни казахстанцев с государственным уровнем политико-культурных установок.

Политико-культурное становление казахстанского общества отражено в его дифференцированном характере (субкультуры) развития, основой которого являются историко-религиозные традиции (сформированная на них субкультура харизматична. В ней яркое отражение находят и поколенческие проблемы); региональные особенности; религиозно-политический фактор; этнополитические регуляторы (субкультура, определяемая данной особенностью, наиболее четко обозначена в странах с неоднородным национальным составом, в частности в нашей республике); молодёжная субкультура.

Наряду с перечисленными факторами необходимо выделить и политическую субкультуру с ориентациями на западные либерально-демократические ценности. Её проблематика скрыта в начальном периоде становления суверенного, независимого государства периода (90-92-е годы XX века), когда законодательная основа Республики Казахстан (Конституция), демократические принципы общественно-политического регулирования в нашей стране формировались преимущественно исходя из опыта либерализации процесса общественно-политического развития ведущих стран Запада (например, Франции).

Становление новой структуры политико-культурных ценностей, изменение её типологической сущности происходит в зависимости от базисных преобразований. Не случайно, в своей психологической теории об иерархии человеческих потребностей и закономерности их удовлетворения некоторые западные исследователи следующим образом обосновывают этот аспект: только тогда человек направляет свою энергию на осуществление потребностей в «самоактуализации» таких качеств как любовь, уважение со стороны других, привязанность и получение интеллектуального и эстетического удовлетворения, когда удовлетворены его базисные материальные потребности в поддержании жизни и обеспечении безопасности¹⁶².

Формирование новой парадигмы ценностей в сознании казахстанцев происходит на уровне, который определяется смещением акцента на материальные потребности, все возрастающей озабоченностью перспективой личного жизнеобеспечения и своей безопасностью. Последний аспект усиливается не только потребительскими ориентациями, но и внутренними и внешними угрозами безопасности и стабильности общества. Иссле-

---

¹⁶² Maslow A. Motivation and Personality. — NY.: Harper, 1954. — 411 p.

дования в одном из крупнейших мегаполисов страны является тому ярким доказательством. Так, 65 % опрошенных не чувствуют себя в безопасности, 25 — считают себя практически незащищенными, 30 — относительно защищенными. Рост панических настроений за последние 10-17 лет значительно обогнал рост преступности¹⁶³. В этой связи, произошли изменения и в политическом поведении людей, характере и способах поддержки ими программ и действий политических партий, общественно-политических движений, политических лидеров.

Например, у казахстанцев при выражении политических симпатий и антипатий, в значительной мере ослаблено классовое восприятие, усилилось же значение проблем, касающихся личного, семейного обустройства. Наряду с этим заметно проявляется их озабоченность проблемами национального возрождения (это касается представителей всех наций и народностей страны). В этой связи, важнейшим условием формирования и развития основных элементов гражданской культуры в нашей стране является поступательное развитие экономических реформ, решение социальных вопросов.

Тем не менее, низкий уровень «заинтересованности» граждан в более высоком качестве жизни (в котором доминирующая роль принадлежит все же духовно-нравственным критериям, так как «потребительское» удовлетворение не может, в целом, определять категорию качества жизни) не всецело предопределил деформационный процесс «самоактуализации» в казахстанском обществе. Противоречия данной проблемы необходимо рассматривать и сквозь призму стратификационных изменений в обществе, с учетом фактора смещения в решении проблем национального, экологического характера.

Негативы политической социализации в советский и постсоветский периоды, разрушение экономических связей, возрастание проблем материального обеспечения, духовно-нравственные деформации и рожденный вследствие чего морально-политический дискомфорт у людей, безусловно, не способствовали появлению у большинства населения потребностей более высокого порядка: в самореализации, самоуважении и участии, лучшем качестве жизни, более совершенных социальных связях. Вместе с тем, как мы уже отметили, если рассматривать этот процесс в социальном срезе общества он имеет отличительные, допустимо в реалиях сегодняшнего дня, полярные характеристики. В этой связи, необходимо выделить поколенческие проблемы, роль которых в определении современных тенденций общественного развития достаточно ярко выражена и обоснуем

---

¹⁶³ Жайсанова Ш. Страшно, аж жуть // На страже. 2003. 9 января.

наше заключение, исходя из них, следующим образом — тогда как молодое поколение общества вырабатывает в себе наряду с материальными и постматериальными ценностями, потребности, старшее поколение, социализация и становление мировоззрения которого прошла в период стабильного удовлетворения материальных нужд, сохранили свои материально ориентированные предпочтения более высокого уровня жизни и безопасности. В этой связи, появление новых ценностей в динамике увеличения материально ориентированных потребностей продолжают превалировать в обществе, ослабляя ориентацию на «самоактуализацию», формирование потребностей более высокого уровня, в частности в политической жизни.

Появление же ценностей иного порядка (удовлетворение постматериальных потребностей) вероятно среди вновь сформированных реалиями современной жизни, зажиточных слоев общества, у которых больше возможностей к просвещенности и политическая социализация идет в иной плоскости общественно-политических отношений. Процессу формирования таких новокачественных ориентаций у имущих слоев населения характерны такие особенности, как избирательность (постматериальные потребности охватывают только интеллектуально развитую, образованную часть формирующегося нового слоя предпринимателей); многообразие, рассчитанное на различный уровень подготовленности людей, преуспевающих в бизнесе, к восприятию культурно-нравственных, политических ценностей и норм. (Новая социальная прослойка имеет внутренние разноуровневые особенности, которые характеризуются по дореформенному социальному статусу, степени просвещенности её представителей); обусловленность современными нормами политико-культурной практики, установками официальных органов власти; восприимчивость «потребителей» ценностей к новой парадигме постматериальных потребностей.

Все изменения в ценностных ориентациях современного общества являются результатом проявления новых условий для самореализации гражданина в Республике Казахстан. Постоянно обновляющаяся политическая линия находит свое выражение в принятии решений, сочетающих нарождающуюся постматериальную перспективу «имущих» слоев с материальной ориентацией основной массы казахстанцев (во всяком случае такая тенденция просматривается в политической стратегии государства на вербальном уровне).

Процесс смены ценностей в казахстанском обществе происходит на двух уровнях. Первый уровень — государственный. Официальные органы власти, определяя приоритеты социально-политического, экономического развития страны, формируют в сознании людей соответствующие установки. В данном случае это аспекты становления и развития теоретиче-

ского сознания (идеология). В Казахстане этот уровень формирования ценностных ориентаций продолжает оставаться в несистематизированной форме. Второй уровень — личностный, на котором смена ценностей идет в русле обыденного восприятия людьми новых политических ориентиров развития. При этом данный процесс не играет функциональной роли в их поведении. Мы осуществили анализ исследуемой проблемы на основе существующей западной теории постматериализма¹⁶⁴. Она позволила нам высветить своеобразность текущего политического процесса в стране, показать причинно-следственную связь исследуемого политического явления, определить тенденции формирования нового сознания и политического поведения, имеющие оправданную, современными условиями жизни, логику.

В политическом процессе казахстанского общества ещё не преодолён фактор отчуждения от политики, то есть процесс её отрицания в общественном сознании (политическая апатия). Это находит свои проявления в тех коллизиях, проблемах, с которыми общество сталкивается в процессе политико-культурной самоидентификации. У современного политического сознания большей части казахстанцев раздвоенный политический облик. Наряду с новым в нем мощными корнями проросли предубежденность, сомнения в том, что принимаемые влиятельными политическими силами (официальные органы власти, политические партии) меры найдут перспективное воплощение. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований, проведенных на постсоветском пространстве^{165;166;167}. Среди них особое внимание, по нашему мнению, заслуживают данные казахстанских исследователей (за небольшой коррекцией во времени), согласно которым 41,4 % респондентов, принявших участие в социологическом опросе, потеряли надежду на «действенность» власти, т. е. они убеждены, что незнание власти как конкретно решать проблемы является препятствием на пути осуществления реформ, 39,8 % — выразили мнение о том, что правительство недостаточно оперативно осуществляет реформирование в нашей республике.

---

¹⁶⁴ *Inglehart R.* The Silent Revolution: Canding Values and Political Stules Amond Western Publics. — Princeton: Princeton Univ. Press, 1975. — 287 p.

¹⁶⁵ *Орлов Д.* Запад есть Запад, Восток есть Восток // Аргументы и факты. — 2006. — № 52. — С. 5.

¹⁶⁶ Оценка сегодняшнего положения в РК — различие и сходство мнений экспертов Алматы и Астаны // Панорама. 2000. 15 декабря.

¹⁶⁷ *Мустафин Т. Т., Саитова Н. А.* Проблемы формирования демократической политической культуры // Эволюция государственности Казахстана. Материалы Международной конференции. — Алматы, 1996. — С.382.

Проблема «раздвоенности» политического сознания казахстанцев, о которой шла речь выше, связана с той обстановкой, которая определяла развитие политического воспитания и политической практики. Авторитарность методов управления, тотальная политическая цензура давали соответствующий импульс тенденциям в политическом сознании людей, которые и обусловили формирование элементов изоляционистской культуры. Порождённая деформированной политической практикой политическая система и политическая культура затрудняли обратную связь с действительной политической жизнью, со всеми её объективными законами противоречия. Этот процесс создал соответствующие условия для формирования негативного конформизма в обществе, придал политической культуре масс идеологическую окраску, когда теоретическое сознание (официальная идеология) формировалось политическими институтами общества в отрыве от реальной жизни, обыденного сознания людей. Соответственно и культурно-политическая основа общества складывалась не на объективных законах общественного развития, а исходя из установок официальных институтов власти. Созданные на этой основе отношения имели такие дисфункции, на устранение которых требуется и время, и создание комплексной программы, органично сочетающей в себе тип политической культуры с реалиями политической жизни общества, факторами совершенствования механизма эффективного действия всех элементов культурно-политических представлений и ценностей, политических установок, политического поведения и деятельности. Имея перманентное преломление в современном процессе модернизации общества, рассматриваемый фактор политической неопределённости сознания провоцирует противоречия с новоценностными установками верхов (не имеющих систематизированную основу) и проявляет себя в качестве деструктивного элемента общественного сознания.

Исходя из вышеизложенных выводов о современной ситуации в казахстанском обществе, мы можем сделать следующее заключение:

— во-первых, в политической жизни общества продолжает сохраняться почтительное отношение к институтам власти и президенту. Это выражено в соблюдении гражданами (основной частью общества) законов и соответствующей правовой культурой;

— во-вторых, социальной жизни характерно то, что в сознании большинства людей политическое умение правящей элиты «управлять» увязывается, как и прежде, с их высоким общественным положением. При этом данная особенность общественного сознания постепенно нивелируется у отдельной части современного населения до степени политической апатии.

По современным тенденциям усиления законодательной инициативы, реформам последних лет можно выделить фактор существенной активизации властных структур. Это третья особенность текущего момента.

Таким образом, наметившаяся в конце 90-х годов XX века тенденция к сочетанию активистских ориентаций «верхов» с подданическими предпочтениями основной массы населения, продолжает сохраняться и делает возможной политическую стабильность, представляя власть имущим необходимый простор для политических маневров, что немаловажно в современной геополитике Казахстана, когда мировые угрозы стабильности требуют осуществления оперативных мер по защите государственного суверенитета.

Полиэтнические общества, как правило, характеризуются функционированием преимущественно двух способов взаимодействия этнических субкультур, которые и детерминируют, в целом, политический процесс, определяя его культурно-политические ориентации. Один из них выражается в виде наиболее жестких этнополитических методов навязывания (если её представители имеют сильные позиции) ценностей своей культуры другим, а так же в защитных способах сохранения (если эта культура маломощна) политико-культурного своеобразия и противостояния другой культуре. Это тип монологического взаимодействия. Второй способ взаимодействия культур имеет основу «концессусного» разрешения культурно-политических проблем в рамках диалектического единства национального и интернационального. «При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются»¹⁶⁸.

В казахстанском обществе доминируют тенденции диалогического способа формирования межкультурных связей. Гарантом сохранения такой культурной перспективы является Конституция страны (1995 г.), закрепившая равные права представителей полиэтнической общности во всех сферах жизнедеятельности, идеологическое и политическое многообразие, а также комплекс политических мер, который нашел свое отражение в современных дополнениях к ней¹⁶⁹.

Определяющим же стимулом такого равноправного взаимообмена явилась стратегия культурного развития общества, изложенная Главой государства¹⁷⁰.

---

¹⁶⁸ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. — М.: Искусство, 1986. — С. 335.

¹⁶⁹ Статья 5 Конституции Республики Казахстан (1995 г.).

¹⁷⁰ Назарбаев Н. А. В потоке истории. — Алматы: Атамур, 1999. — 296 с.

Наряду с этим, на позитивный процесс взаимосочетания превалирующих в социуме ориентации оказывают свое влияние дестабилизирующие факторы, которые скрыты в базисных явлениях общества. Сохраняющаяся неэффективная деятельность в условиях кризиса институтов социальной защиты усугубляет сложившуюся общественно-политическую обстановку и ведёт в сторону ослабления подданических предпочтений и усиления фактора прагматизации в решении проблем жизнеобеспечения. Данная тенденция обладает так же противоречивым характером. Сложилась ситуация, когда степень поддержки правительства остается в сознании граждан, в то же время отсутствует ярко выраженное стремление населения к радикальным действиям. Последний аспект проблемы является результатом уравнивания состояния «эмоционального недовольства» людей традиционным сакральным отношением большинства населения к институтам власти.

На основании изложенного, можно сделать выводы о том, что в казахстанском обществе сформировались политико-культурные ценности управляемой демократии, когда элементы демократизма вводятся в политическую жизнь общества преимущественно извне (в данном случае управленческой элитой по каналам сложившихся отношений между государством и обществом). Согласование и примирение возникающих противоречий, конфликтов осуществляется государством. В этом есть свои позитивные аспекты для сохранения политической стабильности и этно-национальной консолидации общества, когда государство на переходной стадии формирования альтернативных ценностей сохраняет в сфере своего функционального поля механизм чрезвычайных санкций для решения задач, требующих оперативной государственной регуляции. Вместе с тем, одностороннее развитие процесса демократизации (на основе допущения множественности конфликтов, но в рамках только государственных возможностей по их разрешению (или подавлению) имеет потенциальное направление развития в гегемонию элит, что, в свою очередь, усиливает конфликтогенную инерцию соперничающих политических групп в отношении непримиримости.

Основные ценности демократии западного образца отличались также допущением приоритетности отношений соперничества и конкуренции, но в рамках внутренней обусловленности путей и способов решения конфликтов. Такая особенность присуща типу суверенной демократии, имеющего в развитых странах мира вековые традиции и опыт практического воплощения. В соответствии с концепцией суверенной демократии при решении конфликтных проблем действуют процессы согласования, но не управления, а демократия идентифицируется с самоуправлением от-

ношений. В условиях современного казахстанского социума — это реальная цель. При этом основным условием её достижения является формирование ценностей альтернативной политической культуры гражданского общества.

Акцентируя внимание на важности формирования альтернативных культурно-политических ценностей для достижения целевых результатов казахстанских реформ в учебном пособии преследовалась и цель показать бесперспективность позиции тех современных реформаторов, которые, игнорируя культурные аспекты казахстанского модерна продолжают утверждать об экономическом прагматизме как основном факторе прогресса и гражданского общества. Доминантный же потенциал постиндустриального общества основывается на альтернативных ценностях культуры, науки и информации, о чем свидетельствует и опыт западных цивилизаций^{171;172}. Аргументация данного вывода была изложена в предыдущей части настоящей работы. В целом же, постиндустриальное общество, со всем активом его гуманистических достижений — это и есть гражданское общество, основанное на базе развития индивидуальной собственности.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какие признаки характерны дестабилизационному потенциалу «массовости»?
2. Основные типы проявлений «массовости» в Казахстане?
3. Какие политические ориентации доминируют в казахстанском обществе?
4. Какие типы политического участия обуславливают состояние общественно-политической стабильности в Казахстане?
5. Какие способы взаимодействия этнических культур детерминируют политический процесс в Казахстане?
6. Основные ценности гражданского типа политической культуры, закрепленные в нормативно-правовых актах международного и национально-государственного значения?

---

¹⁷¹ Servan – Shreiber I.-I. Le d eti mondiale. — P., 1980. — P. 406.

¹⁷² Bell D. The Social Framework of the information Society // The Microelectronics Revolution: The Complete Guide to the New Technology and its Impract on Society. Ed.by T. Forester. Oxford, 1980. — P. 531.

7. Ценности управляемой демократии и особенности суверенной демократии? Их функциональное значение в формировании гражданского общества и становлении правового государства в Казахстане?

4.1.1. Политический конфликт

Политические отношения представляют из себя продукт деятельности государства, которое в них (или посредством их) реализует собственные функциональные потребности в управлении социумом и отправлении властных полномочий. В этой связи, тип новоценностных ориентаций в политических отношениях современного казахстанского общества обусловлен политикой государства в выборе путей политической модернизации и способов решения в процессе такой деятельности сопутствующих проблем. Данная, новоценностная типология связей в сфере политики, содержит, в свою очередь, интеграционный и дестабилизирующий потенциалы определения основных направлений и характерных черт политической социализации. Интеграционный фактор стимулирует создание надлежащих условий, способствующих объединению людей в социальные общности, кооперированию экономических возможностей и т. д. Дестабилизирующий — напротив, провоцирует конкуренцию, противоборство за обладание материальными или иного рода выгодами и т. д. При этом, характер его необязательно содержит негативный фон. В связи с изложенным, потенциал конфликта в системе формирования политико-культурных ценностей казахстанского общества требует подробного изучения в контексте существующих в политической практике современных обществ и имеющих преимущественно транзитные характеристики, его разновидностей.

В истории человеческой цивилизации конфликт проявился в двух доминирующих видах:

- как форма классового противоборства с целью низвержения идеалов капиталистического образа жизни (К. Маркс);
- как примиренческая форма сглаживания противоречий между политическими, социальными, этническими общностями и группами (вернее устранения антагонизма противоречий между оппозиционными, но взаимосвязанными сторонами) (Г. Зиммель).

Эволюция отмеченных моделей явления обусловила, уже в современной общественно-политической практике, соответствующие базовые модели его проявления. Это:

– плюралистическая модель конфликтов, которая основывается на выявлении таких характерных особенностей явления как повсеместность, неизбежность, ведущие не к дальнейшему углублению конфронтации, но к определению способов разрешения противоречий в процессе модернизации общества. В этой связи, конфликт, в своем многообразии проявлений, не представляет внутренней угрозы стабильности и согласию, а рассматривается как результат и проявление фактора усложнения социальной структуры общества. Соответственно, процесс дальнейшего структурного усложнения общества повышает вероятность расширения базы его конфликтогенности. В развитых обществах, в этой связи, разрабатывается и формируется институциональная основа конфликта, способствующая его легализации как формы выражения существующих разногласий с целью обеспечения подконтрольности явления и его рациональной регуляции. В данном случае, сведение к минимуму деструктивного потенциала конфликта не потребует особого напряжения сил. Достаточно направить его в русло «специализации», то есть, исходя из специфики и проблематики конфликта, что локализует его в рамках «отраслевой» значимости. Силовой же характер подавления конфликта усиливает фактор накопления негативной энергии внутри конфликтной ситуации, доводя ее до состояния, представляющего угрозу внутренней общественной и политической стабильности.

В связи с изложенным, отношение к конфликтам, как к неизбежным и множественным проявлениям политических отношений, позволяет использовать их потенциальную силу в целях устранения проблем, породивших данные противоречия.

В обществах «закрытого» типа (советская политическая действительность минувшего столетия) исключается сам факт легализации таких явлений. Они подавляются и внешне формируется облик стабильного государства. Однако, «загнанные внутрь» социума конфликты «копились» и, по принципу перехода количественных показателей в качественные, развивались до форм социальных взрывов, массовых политических выступлений (бунтов, мятежей, забастовок, ...).

Политический и социальный плюрализм в демократических обществах, содействующий функционированию многообразия политических сил с конкуренцией между собой за представительство в органах государственной власти, предполагает, напротив, столкновение интересов, создавая тем самым условия для образования отводных социальных «шлюзов» снятия напряженности. Это, в свою очередь, помогает взаимной адаптации противостоящих субъектов, стимулирует появление позитивного фона разрешения конфликта.

Как ни противоречивым покажется на первый взгляд, но конфликт выполняет и функцию коммуникативно-связующего звена, когда оппозиционные интересы в ходе конфликтной ситуации становятся объектами изучения обеих сторон, что усиливает внутригрупповую и формирует межпозиционную связь. Это — один из факторов рационального решения проблемной ситуативности.

Итак, в рассматриваемом случае плюралистический тип конфликта через такие характерные черты проявления как множественность, неизбежность может выполнять в процессе формирования новоценностных политических отношений функции стабилизирующего фактора, более того — социального, политического механизма, способного придать динамику социальным изменениям. Отсутствие аккумулятивного эффекта такого рода противоречий исключает возможность их антагонизации и перехода в русло гражданского противостояния. Потенциальные же возможности политических конфликтов, разрешаемых по либеральной модели, зависят от регулятивной деятельности в данной сфере государства, доминирующих в обществе политико-культурных ценностей, а также не в малой степени от типов политических личностей — субъектов политических отношений.

В обществах демократической ориентации развития конфликт в большей степени конструктивен, а его разрушительные свойства нивелируются под воздействием «социальности» политического поведения, когда ярко проявляются политическое умение (способность совершать необходимые политические действия в нужное время), политическая непринужденность в принятии решений (способность чувствовать себя адекватно в любых политических взаимодействиях) и функциональная мощь политической самооценки (политическая убежденность в правильности выбора критериев оценки собственных политических действий); авторитарная модель конфликта выражает политические противоречия между элитой общества и массами. Она характерна в большей мере обществам с недемократическими режимами правления, в которых уменьшение возможности проявления конфликта в своем многообразии способствует проявлению одного (в силу накопления единичных тенденций, не имевших выхода, в единое мощное проявление), ведущего общество к расколу. В данном случае, действует принцип назревания революционной ситуации по известной большевистской теории, когда низы не могут жить по-старому, верхи — управлять по-новому.

Кризисные явления, ведущие к конфликтным ситуациям, согласно рассматриваемых моделей, возникают в результате влияния внешних и внутренних факторов. Так, первые — представляют собой результат решения

межгосударственных, международных проблем, которые порождают сопутствующие им экономические, политические, но уже внутригосударственные проблемы, связанные с крушением глобальных политических проектов. Вторые — связаны с изменением внутреннего политического ландшафта общества (стратные изменения, связанные с появлением новых сил, как среди элитного слоя, так и в социальных низовых структурных звеньях общества), формированием новых идеологических течений. Эффективность способов устранения политических кризисов зависит от уровня политической культуры лидеров, интеллектуальной элиты общества. Кризис в политической сфере общества, порождающий конфликтность политических отношений, может привести и к частичной утере государством своих основных регулятивных функций, контроля над управлением из-за обострения противостояния между старой и новой элитами, растущим недовольством населения. Такая картина политического состояния в определенной степени характерна постсоветскому периоду развития республик СНГ, в том числе Казахстана, конца 1980 — начала 1990-х годов.

Итак, конфликт в политических отношениях может выполнять в зависимости от действительности контрольно-регулятивных функций государства, типа политического режима, позитивную или деструктивную роль. Политические реалии Казахстана демонстрируют смешанную типологию конфликтов, с преобладанием плюралистической модели. На наш взгляд, рациональная регуляция государством конфликтных ситуаций постепенно систематизирует в казахстанском обществе процесс контролируемости формирования и развития конфликтов. Этот фактор оказывает, в свою очередь, позитивное воздействие на современный процесс обеспечения гарантий защиты казахстанского общества от внутренних угроз политической стабильности и межнациональному согласию. В связи с изложенным, следует отметить и то, что в массовом сознании казахстанцев еще живы традиции антагонизации классовых противоречий вплоть до победного исхода. И они, в определенной степени, определяют тенденции формирования в общественном сознании населения позитивный или негативный аспект новых политических ценностей. Наряду с этим, современность вносит свои коррективы — формируется толерантное отношение власти к обществу, религиозная веротерпимость (в казахстанском обществе функционируют более сорока религиозных конфессий), институционализируются формы разрешения противоречий, конценсусная основа деятельности политических движений и организаций, что проявляется в совершенствовании казахстанского парламентаризма, избирательной си-

стемы, образовании органов представительства национально-этнических интересов (Ассамблея народов Казахстана) и т. д.

Отмеченные факторы и влияют на процесс оформления соответствующих политических отношений в обществе, а соответственно определяют потенциал внутренних угроз или степень защищённости общества от разного рода социальных и политических факторов дестабилизации.

На основании вышеизложенного, видится целесообразным сделать следующий вывод о двуединости приоритетных характеристик конфликта как одного из вероятных результатов политических отношений. Решение одних политических проблем, связанных с обеспечением гарантий национальной безопасности казахстанского общества, обусловлено реализацией в общественно-политической практике теорий интеграции, других — с помощью рационального использования теории конфликтов. В данном случае, интеграционный вектор политики основывается на решении проблем, связанных с созданием условий для развития сбалансированных отношений, конфликтная же теория базируется на решении проблемы обеспечения динамичного развития через политическую конкуренцию интересов. В этой связи, анализ возможных политических противоречий и определение потенциальных возможностей казахстанской государственности в разрешении проблем, связанных с вызовами и угрозами современности будет неполным без выявления функциональной сути самих политических отношений, тенденций развития их новоценностной основы.

В условиях развития современного казахстанского общества обозначились признаки, обуславливающие такие приоритетные направления формирующегося типа политических связей, как:

- политические отношения, сформированные в процессе современных тенденций изменения сознания и выраженные в действиях, взаимоотношениях между социальными группами, партиями, государством и общественными объединениями для корелляции которых недостаточны словесные увещевания, а требуются соответствующие действия со стороны государства;

- политические отношения с тенденциями активизации и расширения функционального поля влияния на общество, на внешние и внутренние характеристики жизни населения, способные при установлении соответствующих приоритетов кардинальным образом воздействовать на экономическую, политическую жизнь Казахстана, оказывать действительное воздействие на изменения культурного, научного фона общества, системы функционирования его культовых (религиозно-конфессиональных) учреждений.

Институционализация же современных политических отношений в стране происходит в сфере деятельности политической организации общества, отражающей структурированный характер таких отношений, их форму становления и развития на основе конкретных норм и правил, установленных законами государства. Субъекты казахстанской системы политической организации общества обладают, в свою очередь, специфическими качествами формирования и осуществления воли основных субъектов политического процесса, с претворением в политическую жизнь социума авторитетных решений органов исполнительной власти, разрешения политических, экономических противоречий, возникающих в процессе модернизации основных сфер жизнедеятельности общества. Не менее важной особенностью характера деятельности субъектов политической организации в стране (преимущественно политических партий) является их согласованное функционирование с аппаратом государственной власти.

В связи с изложенным, важным политическим аспектом в комплексе проблем системообразования национальной безопасности является определение типа отношений человека к политике или его места и роли как субъекта в политическом процессе. Как правило, тип приобщенности человека к политике обусловлен наличием факторов, способствующих выработке политического или иного рода интересов. В соответствии с этим, необходимо выделить несколько моделей «вхождения» человека в сферу политических связей или, напротив, его отчужденности от политики.

Первая модель выражена в активном политическом поведении человека, приобщающегося к политическому процессу в связи со стремлением решить с помощью методов и средств, используемых в политических технологиях, а также посредством воздействия на систему политической власти, существенные вопросы личного или коллективного жизнеобеспечения.

Вторая — выражает неразделимое единство человека и политического процесса. По сути это вид политического существования в политическом пространстве, отличающийся специфической политической «профессионализацией» не только сферы добывания материальных средств для существования, но и всей сути собственного бытия в окружающей действительности. Как правило, в таких случаях формируется строго авторитарный тип политической личности.

Третья модель отношения к политике выражена отчужденным состоянием человека и акцентом всех его усилий на осуществление частных, не связанных с политикой, интересов. Нормативные ценности общества в таких случаях остаются вне поля внимания и участия субъекта. Такая политическая апатия трактуется еще и как политическая аномия, когда в со-

знании субъекта утрачиваются устойчивые политические установки и ориентации.

Каждую стадию формирования политической культуры общества характеризует определенный уровень политической социализации личности. Он является одной из приоритетных функциональных особенностей социализации на промежуточных этапах его проявления и воздействия на политический процесс общества.

Тип и формы отношений между человеком и государством обусловлены господствующими культурными ориентирами и нормами, усвоенными человеком и субъектами государства в качестве социального, политического опыта, переданного предыдущими поколениями. Политическая социализация масс в своем перманентном значении обеспечивает и преемственность политического процесса, способствуя достижению взаимосогласия в отношениях между субъектами политического процесса, которое в свою очередь, и является гарантом стабильности.

Сложный процесс усвоения личностью содержания политической культуры на современном этапе развития казахстанского общества не позволяет максимально объективно и всесторонне осветить все аспекты политической социализации. Среди существующих интерпретаций данного явления наиболее приемлемо в контексте анализа проблем системообразования национальной безопасности и обеспечения стабильного развития казахстанского общества его функциональное определение, которое заключается в достижении личностью умений ориентироваться в политических процессах и осуществлять в них представительские функции по участию в управлении делами общества. В этой связи, в политической социализации взаимодействуют два фактора, имеющих действенное влияние на внутреннюю политику государства.

Во-первых, в процессе политической социализации в сознании личности закрепляются в качестве ценностно-нормативных установок требования политической системы, качество фиксации которых опосредовано уровнем политической культуры. Во-вторых, также через сформированный политико-культурный тип она показывает избирательное освоение субъектом социализации политических норм, выраженное в политическом поведении и степени его влияния на власть. Именно эта особенность рассматриваемого явления ограничивает возможности политической системы в осуществлении действенного контроля за ходом политической социализации в процессе обусловленности его внутренними убеждениями человека. Этот аспект, в свою очередь, актуализирует вопросы политико-культурного «оснащения» политического процесса через формирование

национальной идеологической концепции общественно-политического развития.

Наряду с изложенным, очень важно, чтобы на первичной стадии политической социализации (обычно наступает в «школьном периоде» развития личности) в сознание субъекта не внедрялись заидеологизированные понятия, как правило, требующие осознанной определенной коррекции на реальную действительность в более зрелом возрасте на основе обретенного личностью социального и общественного опыта восприятия политической жизни. В этой связи, для получения позитивных результатов политической социализации крайне необходимо обеспечить последовательность в индивидуальном освоении субъектом социо-культурных, политико-культурных норм посредством сочетания информационного потока политического толка с житейским опытом в сфере обыденно-практической включенности в политический процесс. Это и явится основой для восприятия личностью впоследствии императивных суждений и оценок (политические требования, предписания, ...), а в более дальней перспективе и аксиологических понятий (принципы, идеалы, ...).

В процессе развития второй стадии политической социализации у личности формируется индивидуальная субкультура восприятия политического процесса (политическая культура личности), которая и определит его поведенческий аспект в сфере политической организации общества.

Итак, на основании определения основных аспектов вхождения в политику человека можно сделать заключение о приоритетных типах, формах или направлениях политической социализации, определяющих степень или уровень политико-культурного обеспечения стабильности и межнационального согласия в современном казахстанском обществе. Это:

- конфликтный тип социализации в политическом процессе, сформированный в ходе политической борьбы;
- диалогичный тип (иначе его называют плюралистическим), характеризующийся признанием равных прав, а также способностью «не догматизировать» собственные убеждения и позиции;
- эгоистичный тип, который абсолютизирует собственное «Я» в системе политических отношений и отличается невосприимчивостью к инакомыслию.

В связи с изложенным, в данной части учебного пособия необходимо сделать следующие выводы. Функциональные особенности политической культуры, ее специфика в контексте решения проблем системообразования национальной и общественной безопасности в Казахстане имеют действенную специфику на уровнях отношения к власти, формирования приоритетных ценностей общества:

- как фактор, обуславливающий способы разрешения политических конфликтов и противоречий;
- как доминантная интеграционная подсистема политической жизни общества;
- как важный аспект политической социализации личности, политического поведения.

Они требуют целенаправленного изучения в процессе определения основных направлений защитной стратегии государства от внутренних и внешних угроз и вызовов современности.

Субъекты формирования политической культуры, определяющие во многом тип явления занимают важное место в политической системе общества и представляют собой доминантные подсистемные компоненты, выполняющие роль ее регулятивных механизмов. Наряду с официальными институтами власти ими являются институты гражданского общества: средства массовой информации, политические партии и общественные организации, учреждения, занимающиеся проблемами формирования идеологической основы общества, а также профессиональные объединения, армия и неформальные движения.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какую роль играет конфликт в современном политическом процессе, политической социализации граждан? Доминирующие виды конфликтов в мировой практике общественно-политических отношений?
2. Какие особенности характерны проявлениям плюралистической и авторитарной моделей конфликтов?
3. Теория конфликтов и теория интеграции: формулировки и прикладное значение?
4. Какие типы конфликтов характерны для современного казахстанского общества?
5. Какую форму обретает конфликт в обществах с демократическим и тоталитарным типом правления? Ее роль в процессах общественно-политического развития социумов с различными формами управления?

4.2. Гражданское общество

Современные проблемы совершенствования системы национальной и общественной безопасности Республики Казахстан от глобальных экстре-

мистско-террористических угроз диктуются новым форматом политических и религиозно-политических конфликтов. В их основе уже не открытое военное противостояние, а преимущественно идеологическая конфронтация, выраженная в политической деятельности и акциях некоторых формальных и неформальных субъектов мировой политики, охватывающая значительно большее количество людей, общностей, социумов (эффект влияния на общественное сознание). Соответственно он представляет из себя опасность высшего порядка, которая заключается в формировании антагонизированных противоречий на уровне мировоззренческих установок, характер которых имеет более устойчивые формы в политическом сознании и обладает конфликтогенной инерцией деструктуризации политических отношений как в локально-государственном, так и в региональном, континентальном масштабах. Акцентируя внимание на данном негативном аспекте современности Н. А. Назарбаев отметил, что только отказ от насилия на уровне медийных средств, религиозной доктрины и политических действий есть реальная база выживания в современном мире¹⁷³. Достижение такого результата социального и политического партнёрства обусловлено тенденциями становления институтов гражданского общества в Казахстане и характером их взаимоотношения с государством в выработке у населения, как субъекта политики, соответствующих политических и культурных ценностей, установок (см. Приложение Д). В этой связи, и проблемы обеспечения национальной безопасности, консолидации общества на принципах мирного сосуществования представителей различных наций и этносов во многом предопределены факторами и степенью взаимодействия личности, групп и общностей с социально-экономической, политической сферой общества. Видный западный учёный, основоположник неотрейдизма Э. Фромм обосновал эту закономерность как взаимосвязь между индивидуальной психической сферой человека и социоэкономической структурой общества. Он назвал это явление социальным характером¹⁷⁴. (Отчасти, в контексте транзитных характеристик казахстанского общества, оно рассмотрено в предыдущей части учебного пособия). И, как уже было оговорено, каждая из составляющих категорий данного понятия имеет динамику поступательных изменений и влечёт за собой видоизменение в целом социального феномена. Нестатичный по форме и содержанию социальный характер и является первопричиной стабилизационных процессов в обществе или конфронта-

---

¹⁷³ Назарбаев Н. А. Речь на П съезде лидеров мировых и традиционных религий // Казахстанская правда. 2006. 13 сентября.

¹⁷⁴ Фромм Э. Иметь или быть? — М., 1990. — С. 175.

ций структурирующих его субъектов. Несбалансированность элементов социального характера, ставшая причиной кризисных явлений в обществе, мы наблюдаем на примерах Украины, Кыргызстана, Грузии. Формирование социального характера в условиях ассиметричного развития его внутренней структуры импульсировало в этих социумах обострение противоречий между социальными, политическими установками и изменяющимися интересами, уровнями материальных потребностей личности, групп, общностей.

Казахстан отличается в региональном пространстве более позитивной коррекцией социального характера. Позитивной, с точки зрения достигнутой правительством более устойчивой сбалансированности между категориями удовлетворения минимальных потребностей индивида с предложениями социально-экономической и политической сфер жизнедеятельности общества. Так, результаты общенациональных демократических реформ начала 1990-х годов в сферах социального, экономического, политического развития Казахстана стимулировали образование институтов общественного и политико-культурного согласия, призванных также обеспечивать защиту прав и свобод различных социальных групп населения. В этой связи, в контексте трансформационных процессов наиболее ярко проявилась институционализация в качестве самостоятельных субъектов политического процесса медийных средств. СМИ активно преобразовались в творческий субъект информационной политики государства. Их деятельность стала осуществляться преимущественно на основе социального и государственного заказов, но не в рамках официальных регуляторов гласности. О потенциальных возможностях института медийного контроля гласности, демократии свидетельствуют их количественные показатели – в Казахстане на сегодня зарегистрировано свыше 7280 СМИ различных форм собственности (их роль в консолидации общества и обеспечении его защиты от внутренних и внешних угроз рассматривается в следующей части учебного пособия).

Своего рода импульсом формирования демократических ценностей в сфере общественно — политических отношений явилось принятие в 1991 году Закона «Об общественных объединениях Казахской ССР». Настоящий нормативный документ, по сути, явился фундаментальной основой для общественных инициатив по образованию политических объединений, движений исторического, национально-этнического толка, активного выражения интересов и политических ориентаций различных социальных слоев казахстанского общества. Среди новообразований, деятельность которых стала выражать доминирующие в казахстанском социуме ценности, особое место заняли политические партии (СДПК (социал-

демократическая), Народный конгресс Казахстана, Социалистическая и республиканская), гражданские и национальные движения (Азат, Лад), историко-просветительское общество «Адилет», казахстанский филиал общественно-просветительского общества «Мемориал». Процесс дальнейшего формирования структуры гражданского общества, совершенствования политической социализации через партийное представительство интересов различных категорий населения получил дополнительный импульс в связи с принятием новых законов о политических партиях и общественных объединениях Республики Казахстан уже в условиях суверенной государственности. Обновление правовой основы деятельности общественно-политических объединений в стране было связано, прежде всего, с оформлением новоценностных политических предпочтений у казахстанцев, обусловленных поступательным доминированием рыночных отношений во всех сферах жизнедеятельности, предопределивших конкуренцию интересов и в политической сфере. Практическим же выражением новой парадигмы ценностей, основанной на многообразии идейных воззрений общностей, групп, стало образование новых политических партий, среди которых важное место в модернизационных процессах общества заняли аграрная партия, республиканская партия «Отан», демократическая партия женщин Казахстана «Руханият», национальная партия «Алаш». За пять лет социальных, политических реформ спектр интересов и мировоззренческих позиций, доминирующих в казахстанском обществе, усилил и расширил свое представительство в общественно-политических объединениях от собственно идеологических и социальных ориентаций до выражения через такого рода общности людей культурных, духовных, поло-возрастных, социальных приоритетов и устремлений.

Особое значение в процессе формирования механизмов стабилизации политического процесса в Казахстане в период модернизационных реформ имели дополнения в систему избирательного права казахстанцев. Так, изменения, внесённые в 1998 году Парламентом страны в Конституцию, обеспечили выборы по партийным спискам, что стимулировало процесс дальнейшего формирования партийной системы, как фактора демократизации власти в стране и гаранта обеспечения условий для формирования альтернативных политических ценностей и установок. Тенденции консолидации казахстанского общества обрели реальные контуры поступательного развития и динамику усиления в процессе объединения в 1990-1992 гг. субъектов неправительственного сектора в Коалицию социальной защиты, которая сконцентрировала усилия общества на коллективном преодолении насущных проблем современности способом обсуждения и выработки концептуальных путей их решения на основе концен-

сусса. Своеобразный «Конфедеративный союз» более 25-ти организаций, партий и движений Казахстана явился мобильным и своевременным антиподом негативных явлений постсоветского периода, выраженных в реакционных движениях казачества, националистических выпадах псевдопатриотов Казахстана и «радетелей» языковой политики.

Процесс разрешения сложных противоречий начального периода демократических преобразований в казахстанском обществе непосредственно связан и со становлением казахстанского парламентаризма. В условиях потенциальной угрозы дестабилизации внутривнутриполитической жизни страны парламент явился активным субъектом обеспечения гражданского согласия, идейным катализатором альтернативных ценностей гражданского общества. С истоков своего формирования данный орган законодательной ветви власти в государстве стимулировал создание условий для утверждения в политическом сознании казахстанцев ценностей, соответствующих новой парадигме формирования политической системы общества. В этой связи, важное, с исторической точки зрения, значение в деятельности парламента Казахстана занимает процесс обсуждения вопроса создания института президентства. Выборы на первой Сессии Верховного Совета 12 созыва (24 апреля 1990 года) Первого Президента страны явились промежуточной стадией данной политической кампании, объективным итогом которой стало принятие Закона «О выборах Президента Казахской ССР». Настоящий правовой акт стал нормативной основой общенациональных выборов Главы государства, которые состоялись в декабре 1991 года. Политическое участие населения страны в избрании первого Президента независимого государства привнес в сознание масс альтернативные элементы демократической политической культуры, связанные с понятиями национального суверенитета, казахстанского патриотизма, гражданской принадлежности, новоценностными проявлениями политического участия и политического поведения.

Влияние процесса становления института профессионального парламентаризма на культурно-политическую социализацию казахстанского общества усилилось в ходе обсуждения и принятия Закона «О государственной независимости Республики Казахстан». Данный политический акт явился действенной мерой в процессе формальной вербализации стремления большинства казахстанцев к демократии и независимости. Логическим закреплением законодательных инициатив переходного периода стало принятие 20 декабря 1991 года Закона «О гражданстве Республики Казахстан». По своей роли в общественно-политической жизни страны это был документ не меньшего политического звучания, чем предыдущие. В нём были отражены интересы всего многонационального

народа республики. Так, в соответствии с положениями Закона, казахстанское гражданство признавалось за всеми лицами, проживавшими на территории республики на момент принятия документа. Аналогии этого прецедента на постсоветском пространстве не было. Было провозглашено равенство прав всех граждан, независимо от этнической, национальной принадлежности, вероисповедания.

Являясь одним из основных политических субъектов новоценностной законотворческой инициативы транзитного общества, парламент итогами своей деятельности в исторической ретроспективе выражает все основные этапы развития и совершенствования модификационных механизмов казахстанского социума с конца 1980-х годов. Процесс обсуждения и принятия на общенациональном уровне вышеприведенных нормативных актов, как фактор политической социализации граждан Казахстана, обрел важное значение в ходе эволюционного формирования нового типа политического мышления и поведения людей.

Преодолению патерналистских традиций в общественном сознании казахстанцев и формированию в нем элементов мышления рыночной конкуренции содействовал процесс обсуждения законотворческих инициатив в вопросе о землепользовании (Земельный кодекс и проблемы собственности).

Объективные условия формирования суверенной государственности внесли определенные изменения в деятельность парламента последующего периода. Инициативы не только законодательной, но и исполнительной ветвей власти стали в большей степени зависеть от действий и решений главы государства — Президента. В этой связи, в политической жизни общества повысился уровень влияния института президентства. Являясь лидером политических реформ в стране, Президент во многом предопределяет своими действиями направления политической социализации казахстанцев. Обращения главы государства к народу (с периода самоопределения Казахстана Президент страны выступил с одиннадцатью обращениями) с изложениями идеологической концепции государства, экономических и политических приоритетов общественного развития на конкретный исторический период имеют в народе большой отклик — элита воспринимает их как долгосрочную программу действий, для масс они в большей степени являются регуляторами общественно-политических отношений, генерирующими процесс достижения гражданского согласия.

Важное значение в становлении гражданских институтов в Казахстане имеет фактор институционализации социального партнёрства, начало которой было положено в конце 1994 года (принято Постановление о создании республиканской трехсторонней комиссии по социальному партнёр-

ству в сфере социально-экономических и трудовых отношений). Институт социального партнерства позволил выделить в отдельную сферу общественных интересов решение проблемы внутренних отношений, имеющих базисную специфику, которые и определяют в целом социальный характер общества (на значимости данного феномена в предотвращении внутренних угроз стабильности мы акцентировали внимание выше). Логическим завершением процесса официального оформления института социального партнерства стало принятие в 2000 году соответствующего закона, обеспечившего согласование интересов и целей между властными структурами, собственниками производственной сферы и наёмными работниками. Это была важная государственная мера, определившая правовой регламент трехстороннего соблюдения прав и обязанностей субъектов сферы труда. Безусловно, она явилась и действенным фактором процесса структурализации системы внутривластного согласия и баланса общественных интересов.

Неоценимая роль в мобилизации внутренних резервов общества на обеспечение стабильного развития и предотвращение конфронтации по интересам и политическим установкам в казахстанском обществе принадлежит неправительственным организациям (НПО). Процесс государственной поддержки инициатив по активизации деятельности НПО в реализации интересов социума обрёл характер концептуальной политики, начиная с конца 1990-х годов, когда в крупнейших центрах областей республики были образованы «Инфо-центры НПО» с функциями информационной и организационно-методической поддержки неправительственного сектора общественного регулирования.

Следующий этап активизации деятельности НПО берет начало с 2000-х годов. Действенным признаком новой стадии их мобилизации явилось образование Конфедерации неправительственных организаций, которая сконцентрировала свои возможности на решении проблем общества через каналы взаимодействия и сотрудничества с органами государственной власти. При этом программные устремления новой структуры НПО отчуждали конфликтные аспекты такого партнёрства, выдвигая в качестве приоритета самоцелевую установку на формирование высокой культуры политических и гражданских отношений.

Анализ государственной политики в сфере активизации неправительственного сектора позволяет отметить то, что в процессе становления институтов гражданского общества в Казахстане, проблемы, связанные с НПО, занимают, пожалуй, наиболее важное место. Об этом свидетельствуют и результаты исследования хода политической модернизации в целом. В частности, ключевым итогом такой государственной политики

явилось принятие в 2002 году Концепции государственной поддержки НПО, а в последующие годы — соответствующих Программ по ее реализации на общенациональном и региональном уровнях. Политическим событием, которое определило решающую стадию формирования доминантных направлений и связующих механизмов взаимодействия НПО с государственной властной структурой, явился Первый (2003 года) Гражданский форум. Политическое признание неправительственных организаций в системе общественного, политического управления страной нашло свое выражение в принятии Закона «О государственном заказе», который определил новые, более широкие границы («доступность» власти для общества) взаимосвязей неправительственного сектора управления с официальными госструктурами власти.

В качестве важнейшего элемента гражданского общества НПО в Казахстане определяют приоритеты альтернативных политико-культурных ценностей в общественном и политическом сознании населения, являются на сегодня, наряду с государством, доминирующей формой политической социализации масс, приобщения их к решению глобальных вопросов политики. Действенная роль неправительственного сектора управления в стабильном развитии политического процесса, консолидации казахстанского общества подтверждается функционированием в Казахстане более 5800 неправительственных организаций.

В процессе становления институтов гражданского общества в Казахстане особая роль отводится и временным формированиям, которые образуются в целях усиления поэтапных мер реформирования общественно-политических структур. Среди таких новообразований важное место занимают Национальная комиссия по вопросам демократизации и формирования гражданского общества при Президенте страны и Государственная комиссия по разработке и конкретизации программы демократических реформ в республике Казахстан. Данные формирования действуют с 2003 года. В условиях «малой» политической активности населения они явились связующими механизмами между госорганами власти и формируемыми институтами гражданского общества в Казахстане. Этот фактор, в свою очередь, во многом определил доминирующие позиции государственного уровня формирования ценностей населения в процессе их политико-культурной социализации и явился действенным импульсом основных современных тенденций реформирования политической системы и демократических преобразований в обществе. Политическое мнение в большинстве случаев формируется на личностном уровне в процессе социализации людей в сфере политики, политическую же культуру населения посредством формирования теоретического сознания во многом

предопределяют опосредованные через сферу экономики или же непосредственные политические акции официальных органов власти. В данном случае, эти функции, наряду с государством (или при его поддержке), выполняют НПО и политические структуры, координирующие их связи с органами власти.

В связи с изложенным, формирование в казахстанском обществе, на переходных стадиях его развития, институтов гражданского согласия создало условия для общенационального диалога между властью и институтами гражданского общества по наиболее актуальным проблемам общественно-политического процесса в стране, системообразования национальной безопасности от внутренних и внешних угроз суверенитету и стабильности государства, позволило стимулировать образование целостной консолидирующей основы поступательных демократических реформ.

Вместе с тем, в казахстанском обществе обозначились и проблемные плоскости модернизационных процессов, негативно сказывающиеся на дальнейшем совершенствовании институционализации субъектов гражданского общества. Вызовы и экстремистско-террористические угрозы современности, которые придают ускорение тенденциям вовлечения Казахстана в мировой процесс глобализации, актуализируют необходимость их преодоления.

Негативные аспекты, прежде всего, выражены в ограниченных возможностях контрольных функций и участия представительных органов (прежде всего Парламента) в формировании правительства страны, а также незавершенности партийного строительства в Казахстане. Наряду с появлением в политической жизни казахстанского общества большого количества политических объединений (партий, движений,...) они не отвечают современным социальным потребностям населения. Сравнительная аналогия из практики деятельности российских политических партий (середины 1990-х годов) выглядит более привлекательно. Так, в Государственной Думе Российской Федерации о себе уверенно заявили созданные в 1994-1995 годах политические партии «Демократический выбор России», общественное движение «Яблоко», Либерально-демократическая партия России, различные союзы по профессиональным, политическим интересам. Для последующей работы российского Парламента был тем самым дан импульс на фракционную политическую деятельность. Из 8 избирательных объединений, преодолевших в первые избирательные кампании 5 % барьер на выборах по общефедеральному избирательному округу 5 являлись политическими партиями, а из 5 объединений, зарегистрировавших свои списки кандидатов, но не преодолевших выборный барьер, ни одно не представляло собой политическую организацию. «При

этом и другие избирательные объединения, прошедшие в Государственную Думу, в той или иной степени опирались на помощь политических партий»¹⁷⁵. Отмечая, между тем, что и ближайшие соседи еще находятся в стадии совершенствования партийного строительства, все же приходится констатировать факт долговременного становления такой практики в казахстанской общественно-политической жизни.

Многообразии партийного представительства (официально в стране действуют более двадцати политических партий) в Казахстане еще не преодолело этап преобразования в многопартийную систему, с присущей ей политической конкуренцией интересов и целей, принципами и классическими формами участия в общественном и государственном управлении страной. Данный факт подтверждается и заключениями отечественных экспертов¹⁷⁶.

Процесс формирования партийной системы в Казахстане отличается элитарным характером. Такая особенность сформирована в результате несоответствия характера, темпов трансформации в постсоветский период ценностных предпочтений казахстанцев с изменениями социальной структуры общества. Социальная база не явилась той основой представительства политических интересов, которая присуща объективному процессу партогенеза. В этой связи, современные казахстанские политические партии большей частью легко управляемые извне организации, не имеющие в обществе постоянного электората. Таким образом, сформированные на современном этапе развития казахстанского социума политические партии рассчитаны лишь на ближайшую перспективу и не могут являться постоянной основой формирования плюралистической политической культуры. В большей степени это определяется отсутствием правовой основы партийного участия в избирательной системе (только выборы по партийным спискам не могут обеспечивать соответствующих гарантий соблюдения избирательных прав граждан, когда они в полной мере могут использовать свои автономные возможности выбора). В частности, требует усовершенствования выборная технология привлечения политических партий и к формированию процессуально-исполнительных, контролирующих органов избирательных кампаний.

Не менее важным аспектом системообразования многопартийности в Казахстане является усиление такой роли политических партий в деятель-

---

¹⁷⁵ Автономов А. Основные проблемы формирования партийной системы в России. // Формирование политической системы России. — М., 1996. — С. 37.

¹⁷⁶ Оценка сегодняшнего положения в РК — различие и сходство мнений экспертов Алматы и Астаны // Панорама. 2000. 15 декабря.

ности законодательного органа, которая предусматривала бы участие политической партии, выигравшей парламентские выборы, в формировании Кабинета министров на системной правовой основе.

В социальной политике государства не выражена действенная роль профсоюзных организаций, которая в большей степени отличается эпизодическим характером. В этой связи, позитивный общемировой опыт участия профессиональных союзов в формировании гражданского общества и гармонизации общественно-политических связей требует соответствующего привития и на казахстанскую почву демократических преобразований.

В целях совершенствования диалоговой формы взаимодействия, социального партнёрства требуют системной апробации и внедрения в практику наиболее перспективные методы обеспечения межсекторального сотрудничества гражданских институтов (взаимное сотрудничество НПО в процессе выработки рекомендаций для органов власти по формированию действенных регулятивных механизмов общественно-политического управления).

Новые политические условия выдвигают и проблемы совершенствования правового регулирования СМИ. Действенная законодательная база медийного «производства» должна включать экономические стимулы усиления конкурентоспособности субъектов казахстанских «масс-медиа», обеспечения эффективности механизмов гласного регулирования государственных ассигнований в информационную политику. Не менее важная проблема заключается в организации идеологической функции государственных структур по контролю за публикациями отдельных СМИ, пропагандирующих насилие. Большей частью видится целесообразным введение соответствующих ограничений для медийных выступлений, освещающих экстремистско-террористические события (чрезмерное «смакование» отдельных террористических актов в некоторых изданиях, передачах приводит нередко к психологическому эффекту обратного действия — пропаганде явления и культуры террористического насилия).

Основные причины слабой конкурентоспособности НПО скрыты, на наш взгляд, в сохраняющемся доминировании государственных и финансовых структур в сферах общественно-политической и экономической жизни казахстанского социума. Так, вследствие несовершенства правовой базы в сфере доминирования чиновничьего аппарата остается частный бизнес. В качестве негатива, способном вызвать рост девиантного поведения, маргинализации населения и социальной напряжённости эксперты Казахстана еще в начале 2000-х годов приводили факт того, что законодательная база, регулирующая земельный вопрос в республике, отражает

преимущественно интересы финансово-промышленных групп, а не сельского населения¹⁷⁷. Такая скрытая внутренняя угроза характеризует и нынешнее состояние в области регулирования государством земельных проблем в казахстанском обществе.

Преодоление отмеченных деструктивных факторов общественно-политической системы возможно при условии соответствующего методологического обеспечения процесса модернизации казахстанского социума в гражданское общество. Концептуальные аспекты такого подхода к решению проблемы изложены в нормативном документе, определяющем стратегические приоритеты развития институтов гражданского общества в Казахстане на 2006-2011 годы, утверждённом Указом Президента Республики Казахстан¹⁷⁸. В этой связи, меры по созданию условий для формирования высокой политической, правовой и гражданской культуры казахстанского населения, по нашему мнению, имеют наиболее важное значение для достижения основных целей — создание фундаментальных основ для разработки целевых программ, направленных на консолидацию этнонациональных представительств, создание условий для соблюдения гражданских прав населения. В соответствии с концептуальными установками они заключаются, во-первых, в формировании политической, правовой культуры казахстанцев через деятельность таких институтов гражданского общества, как политические партии, профессиональные союзы, независимые средства массовой коммуникации и другие НПО. Во-вторых — в обеспечении полноценного участия населения Казахстана в решении общенациональных задач через функционально развитую сеть самоуправления. В-третьих — в усилении роли неправительственных организаций в обеспечении прав и свобод человека в казахстанском обществе. В-четвертых — в дальнейшей либерализации правовой системы в Казахстане. В-пятых, — в необходимости эффективного внедрения социально ориентированных проектов для обеспечения прав социально уязвимых слоев населения. В-шестых, — в актуальной потребности организации правового всеобуча населения через развитую сеть просветительских кампаний. Наконец, седьмой важный аспект формирования высокой политической и гражданской культуры заключается в необходимости активного внедре-

---

¹⁷⁷ *Samphan K. Cambodia s Economy and Industrial Development* Ttranslated from the French Ithaca (N.Y.), 1979.

¹⁷⁸ Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006-2011 годы, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 25. 06. 2006 г. № 154. // Казахстанская правда. 2006. 29 июля.

ния механизмов внесудебного решения конфликтов через переговорные процессы, институты посредничества.

Динамичному становлению и развитию институтов гражданского общества в транзитных социумах препятствуют, как правило, несколько факторов. Во-первых, отсутствие инициативного, высокообразованного слоя общества, способного адекватно воспринимать цели политической элиты и систематически, целенаправленно реализовывать их в жизнь. Во-вторых, несоответствие целям модернизационной стратегии государственной кадровой политики, которая должна обеспечивать баланс между ведущими факторами реформ — стабильностью и обновлением на современном профессиональном уровне. В-третьих, отсутствие мониторинга ценностных предпочтений исполнителей государственной политики реформ. В той или иной степени проявления изложенных признаков торможения демократических преобразований характерны и казахстанскому обществу. Последний же аспект относительно субъектов исполнительной власти представляется наиболее актуальным и, в этой связи, требует более подробного анализа.

Известная формула идеальной бюрократии Макса Вебера (компетентность + лояльность + стабильность + политическая неангажированность) в преломлении на казахстанскую действительность позволяет судить о низком уровне развития управленческих структур государства. Перманентность старых традиционных форм в данной сфере, с определённой долей «осовременивания» имеет характер перерождения в новую форму бюрократии, но с былыми претензиями на классовость, с прежними корпоративными и социальными интересами (признаки «нового класса» по М. Джилласу)¹⁷⁹. В этой связи, уместно привести экспертную оценку ведущих отечественных специалистов, которые, исходя из практики, отмечают декларативный характер многих правовых норм, направленных на укрепление дисциплины и ответственности госслужащих. В этой связи, они убеждены в особой актуальности вопроса нормативного закрепления персональной юридической ответственности госслужащих посредством принятия Кодекса дисциплинарной ответственности должностных лиц органов государственной власти в Казахстане¹⁸⁰.

В связи с этим, недостаточный уровень «специализации» в условиях политической конкуренции основной части современного поколения госаппарата, несоответствие его профессиональной подготовленности (поли-

---

¹⁷⁹ Джиллас М. «Лицо тоталитаризма». — М., 1997. — 477 с.

¹⁸⁰ Жолдыбаев А. А. Некоторые аспекты обеспечения прав и свобод человека в Казахстане // Право и политика. 2006. декабрь. — С. 40.

тическая квалификация) требованиям и темпам глобализационных процессов в сферах политико-экономического развития страны не позволяет с позитивной точки зрения оценивать нынешнюю их роль в формировании и социокультурной базы общества. Этот аспект подтверждают и результаты отдельных исследований ученых СНГ^{181;182;183}. В частности, в них отмечается преимущественно декоративный характер представительных органов, исчерпание ресурсов мобилизации масс, номинальное разделение властей, кризис кадровых ресурсов, доминирующую роль в формировании казахской государственности бизнесменов, органов безопасности и криминальных элементов. Делая поправку на определённую долю условности таких исследований, необходимо отметить, что, тем не менее, указанные факторы актуализируют необходимость определения с научных позиций проблем современной политики модернизации казахстанского социума в рассматриваемой сфере. В связи с изложенным, основной фактор, требующий преодоления в переходной стадии реформ, видится в скрытом противоборстве бюрократических сил — основных акторов на политической сцене казахстанского общества по формированию элементов альтернативного теоретического сознания и соответствующего типа политического поведения. К примеру, позиция реформаторов, преследующих цели заимствования опыта западной модели культуры, продолжают сталкиваться с оппозиционными взглядами ортодоксов — коммунистов, традиционалисты в виду сложившихся обстоятельств больше склоняются к идеям политического модерна, которые имеют поддержку в кругах правящей политической элиты. Либеральные демократы с начала 1990-х годов отстаивают идеи замены казахстанской бюрократии рыночными механизмами регулирования общественно-политической жизни, радикалы — за преодоление бюрократической иерархии путем введения прямой демократии участия и самоуправления. В таких условиях веберовская модель идеальной бюрократии, приведенная выше, позволяет еще нагляднее выявить как негативы в кадровой политике, так и потенциальные возможности современных управленцев.

В начальном этапе казахстанских реформ во всех структурах общества происходила бессистемное увеличение управленческих аппаратов. В середине 1990-х годов они подверглись сокращениям в связи с тем, что разросшийся бюрократический аппарат стал представлять из себя механизм

---

¹⁸¹ Бектурганова Б. Добровольческий сектор. — Мысль. — 1996. — № 9.

¹⁸² Маслов Д. Парламент, который мы выбираем. // Континент. 1999. — С. 9.

¹⁸³ Оценка сегодняшнего положения в РК — различие и сходство мнений экспертов Алматы и Астаны // Панорама. 2000. 15 декабря.

торможения процесса обновления. В этой связи, и статус политических чиновников снизился до уровня простых субъектов политических коммуникаций. Этот процесс типичен для большинства посттоталитарных обществ. Основная причина явления — появление более престижных сфер для самореализации (бизнес — структуры, узкопрофильные политические специализации по связям между государствами и внутри государства и т. д.). Одновременно шел процесс «оригинализации, автономизации» культуры политического поведения управленческой элиты, имеющий региональный оттенок. Усилились признаки трайбализма при формировании государственно-политических структур, стали укрепляться тенденции активного сращивания государственно-политического аппарата с миром частного бизнеса (имеются в виду коррупционные явления). В условиях идеологического вакуума все это способствовало сохранению и признаков патриархальной политической культуры.

В связи с изложенным, вполне объективен вывод о том, что сформированный в новых институтах государства аппарат продолжает выполнять роль манипулятивного агента государственно-политических реформ. Их роль ограничивается исполнительскими функциями. Современному госаппарату, в этой связи, необходимо утвердить в общественном сознании прежде всего свой творческий статус-кво и привести уровень компетентности в соответствие с функциями непосредственного политического преобразователя.

Создание демократических институтов суверенного государства, а также образование субъектов гражданского общества не может гарантировать доминирующее формирование альтернативных ценностей политической культуры. Одна из причин тому, ещё не преодолённый высокий уровень политизации правящей элиты, в связи с чем, сегодня, как и в конце 1990-х годов в Казахстане нельзя провести различие между чиновниками, принимающими решения и исполнителями. Среди высшего управленческого актива страны по-прежнему сильны приверженность к идеям тех или иных политических партий, движений, но при доминирующем влиянии одной из них. Отсюда нет и системного воздействия на общенациональном уровне на процессы формирования идейной общности идеалов и ценностей, высокой культуры политического поведения. В данном случае, вывод о необходимости легитимного введения института деполитизированных должностей, определяющих идеологическую стратегию государства, в чиновничьей иерархии республики и сегодня сохраняет свою актуальность. В связи с изложенными проблемами, последние меры по реформе в системе государственной службы, осуществляемые в рамках ос-

новых приоритетов стратегического развития страны с 2005 года, имеют обнадеживающую перспективу.

В контексте анализа изучаемой проблемы примечателен опыт становления конституционализма в афинском обществе, который в практике формирования институтов гражданского общества на более современном уровне человеческой цивилизации, представляется, своего рода, эталоном политического прагматизма. Афинское общество ещё в V веке до н.э. утвердило человека в качестве его индивидуальной особенности как субъекта правовых отношений, то есть личностное намерение было признано основным и фундаментальным компонентом меры ответственности. Волевое устремление человека было избрано исходной позицией для определения основ жизни. Особенно важно то, что афиняне сформулировали максимы, ставшие впоследствии фундаментом в эволюции западной политической культуры в период кризисных явлений общественного развития (революции, духовная «вакуумизация» времён нравственного разврата XVIII-XIX вв., начала XX в). Они развивались от принципов критичности в процессе рационализации форм и направлений политики, до идей возможности противостояния власти (Фома Аквинский, Дж. Локк, Ж. Руссо) и, наконец, плюрализма в сфере политических отношений. В этой связи, развитие государства Европы шло к формированию гражданского общества через освоение диалектики целостного и внутренней разобщенности. Между тем, основная проблема, которая заключалась в универсализации путей формирования гражданского общества, определении метода осуществления власти (определение субъекта властвования) решалась поэтапно.

Структурализация общественно-политического опыта по рационализации отношений между человеком и властью происходила в контексте рождения концептуальных доктрин типа Хартии вольностей (1215 г.), Декларации прав человека и гражданина (1789 г.), до современных положений, утверждающих права человека во Всеобщей Декларации прав человека (1948 г.) и т. д., в которых выражены основные идеи гражданственности в общественно-политическом управлении. В них и сформулированы основные принципы народного суверенитета (приоритет собственной воли личности), общественного договора (ограничение государственной власти функционально-правовым пространством Конституции), решения основных противоречий в экономике, морали, политике, культуре силами общества (активизация деятельности НПО, усиление их доминирующей роли в регулировании отношений между обществом и государством), за исключением особых зон, оговоренных в Основном Законе общества, определения задач государственного строительства не госорганами, а ин-

ститутами гражданского общества. Исходя из данного опыта можно заключить, что основная задача становления конституционализма (гражданского общества) в Казахстане (исходя из специфики его современного политического развития) состоит в том, чтобы систематически отчуждать всевластие одного субъекта власти. Соответственно и модель гражданского общества, построенного по принципу невмешательства государства в пространство свободы человека, включает вопросы регулирования социума посредством социального партнёрства, когда его субъекты строят свои отношения в качестве свободных независимых партнеров. При этом, самостоятельность и свобода означают наряду с экономической и духовную самостоятельность, что предполагает отчуждённость государства от групповой идеологии (вместе с тем, это не предполагает отсутствие общенациональной идеологии в гражданском обществе, которая должна включать признание общности идеалов и ценностей). К политике же негосударственных институтов гражданин должен относиться, как к возможности систематически реализовывать свои конституционные права. Управление в гражданском обществе основывается на горизонтальных связях. Между тем, все это не предполагает упразднения политических структур и разгосударствления отношения, но обуславливает разграничение политики государства от гражданской политики неправительственного сектора управления. Отношение к государственной политике должно строиться на законопослушании и принципах взаимного функционирования государства и институтов гражданского общества в правовой зоне конституционных норм.

Изложенные приоритеты гражданского общества основываются на ценностях гражданской культуры отношения и участия в политических связях общества, которые, в свою очередь, позволяют классифицировать доминантные права граждан в таком социуме по нескольким направлениям. Первое - включает права человека на жизнь и личную неприкосновенность, которые обеспечивают защиту достоинства, здоровья личности от воздействия на неё силой или угрозой насилия. Второе — содержит гражданские права на свободу волеизъявления, деятельности. Это — группа понятий функционально конкретизирующих вероисповедальную, мировоззренческую свободу, право на выбор форм политического участия, общения. При этом свобода религиозной веры должна заключаться как в разрешении исповедальной разновидности, так и в исключении государственного покровительства какой-либо одной религии (этот аспект более подробно изложен в той части исследования, которая посвящена религиозному экстремизму). Третье направление включает права человека на частную собственность. Это, пожалуй, базовая основа функциональности

гражданского общества, утверждающая жизненное начало социума, основанного на демократических принципах. Четвертое — выражает равноправие граждан перед законом государства и провозглашает принцип его верховенства независимо от их статусной принадлежности. В данном случае действуют принципы судебного разрешения конфликтов общества и признания правовых норм общественного регулирования.

Казахстан в мировом сообществе признан уникальным образцом межэтнической и межконфессиональной толерантности, специфика которого отражает разнообразие национального, конфессионального, культурного, регионального, этнического представительства. Данный фактор «множественности» в реалиях целостной казахстанской действительности и должен стать доминантным объектом внимания при определении основных тенденций формирования новых приоритетов гражданских, государственных инициатив в перспективе. Изменения в структуре и ориентациях одного из направлений формирования альтернативной культуры отношений непременно влечёт смену ценностных предпочтений (в той или иной мере) других. Взаимосвязанный, взаимообусловленный процесс сочетания порой разнохарактерных явлений детерминирует тенденции политической социализации населения, культуру восприятия людьми политических событий и оказывает действенное влияние на общую стратегию политико-экономического становления независимого суверенного государства. В этой связи, проблемы модернизации казахстанского общества на основе современных приоритетов развития мировой цивилизации связаны с противоречиями в каждой из его подсистем, которые проявляются в различных формах — стремление к сохранению традиционных основ в формировании общественно-политической структуры страны сталкивается с желанием быть современным, концепция ускоренного динамичного продвижения к намеченным целям с озабоченностью в сохранении межнационального согласия, интернациональных приоритетов. В коллизиях этих противоречий рождаются новоценностные ориентиры, регуляторы которых находятся на обоих уровнях формирования культурно-политического мировоззрения — государственном и личном. Взаимообращенность их, тенденции, возникающие при этом, являются важным объектом научного внимания.

Как уже отмечалось выше, Концепция становления институтов гражданского общества в Казахстане, принятая в 2006 году, обуславливает процесс демократизации с доминантной особенностью формирования альтернативных политико-культурных ценностей и установок. В этой связи, необходимо отметить то, что, в свою очередь, современные тенденции становления нового типа политической культуры населения во многом

определяются фактором создания свободного «рынка» общественно-политических связей. В структуре новой политической реальности Казахстана есть для этого достаточно условий, которые выражены в стремлениях людей активизировать свое участие в процессе принятия решений, наличии конституционного права на свободу волеизъявления граждан, а также в факте функционирования политических партий, движений с различными программными целями.

Анализ участия институтов государства и гражданского общества Казахстана в процессе формирования альтернативной культурно-политической основы казахстанского общества и оценка роли в этом бюрократии были бы неполными без рассмотрения системы ценностных восприятий человека в сфере политических отношений. (В начале данной части работы мы уже отметили в качестве негативного фактора отсутствие мониторинга ценностных приоритетов основных субъектов модернизационного процесса в Казахстане. В этой связи, выделили общие приоритеты формирования политических ценностей, составляющие в целом основу политических реформ).

В основе деятельности человека по преобразованию и совершенствованию социально-политических отношений лежит его ценностное отношение к данному виду деятельности. Оно складывается из его жизненных установок, сформированных общественной практикой, общих ценностных ориентаций. Диалектическая целостность указанных категорий формируется объективно, содержит в себе эмоциональную оценку ко всему окружающему, в частности, политическим событиям, явлениям. Через деятельностный фактор (эти категории являются элементом не только сознания, но и поведения) они перерастают в убеждения, формируя соответствующую политико-культурную базу личности (субкультура личности).

Ценностные ориентации развивают в человеке способность к преобразованию себя и окружающей действительности. Формируясь в сознании, как отражение общественной практики, они имеют способность развиваться так же как и многогранная деятельность человека. В целом, это взаимообусловленный процесс, играющий решающую роль в формировании политической культуры, которая, в свою очередь, занимается их изучением в политической науке.

Определяя ценности, как категории, объективно соотносенные с интересами субъекта, его пониманием конкретной ситуации и ролевую значимость в ней данного субъекта, в содержание понятия «ценности» следует ввести оценку субъектом окружающей действительности (объектов, явлений, процессов) и их объективное значение в определенных условиях (некоторые явления имеют свойства, которые не зависят от оценивающего

влияния субъекта и находятся в состоянии неизменного объекта по отношению к первому. Тем не менее, эти свойства отражают результат деятельности человека и обладают качествами ценности). В этой связи, структура политических ценностей характеризуется отражением в политическом сознании объективных свойств явлений, процессов, субъективной ориентации человека на эти явления, потребностей, которые в процессе политического участия можно удовлетворить. В контексте рассматриваемой проблемы становления институтов гражданского общества в Казахстане эти аспекты и определяют политическое поведение населения, которое может в обозначенных спектрах преломления отличаться позитивным или дестабилизирующим характером.

В связи с изложенным, функциональная значимость ценностных ориентаций очевидна. Она заключается в регулировании поведения личности, группы как осознанного действия в определенных социально-политических условиях. По своей необходимости и полезности ценности могут иметь разную степень актуальности. Например, для сознания большей части казахстанского народа наиболее важным является не столько обретение, сохранение личной свободы, сколько волнуют проблемы социального, экономического порядка, национального возрождения, связанные с внутренними и внешними угрозами стабильности, о чем прямо или косвенно свидетельствуют и результаты специальных социологических исследований^{184;185}.

Несомненно, актуализация существующих национальных, политических проблем в сознании людей может иметь несколько отличительный характер, если рассматривать ее в срезе субкультур, которые обладают региональными, историко-традиционными, религиозными, поколенческими особенностями.

Ценностные ориентации взаимодействуют и со всеми другими компонентами, существенно определяя их, и выступают в качестве опосредствующего звена между объективными для личности социально-политической средой и его индивидуальным сознанием.

Формируясь под воздействием различных факторов, ценностные ориентации включают в себя субъективный аспект восприятия, то есть, вступая в систему ценностных ориентаций, человеческое поведение принимает характер избирательности. В этой связи, статус ценностных ориента-

---

¹⁸⁴ *Нурмуратов С. Е.* и другие. Система политических ценностей населения Казахстана: этнический, региональный, стратный анализ (научно-аналитический доклад). — Алматы, Изд-е Института философии МН-АН РК, 1997. — С. 5-6.

¹⁸⁵ Панорама. 2000. 25 декабря.

ций в структуре деятельности личности определяется тем, что через них «оформляется» общественная значимость человека, его социальная позиция в системе общественных связей. В политическом сознании людей ценностные ориентиры взаимопределяют общественные, групповые, личностные ориентации, которые в комплексе выстраивают их поведенческий кодекс. Устойчивость общественно-политической позиции человека зависит от степени сформированности в его сознании предпочтительных ценностей. Особенности нынешнего этапа развития казахстанского социума характерны деструктуризация политического сознания и мировоззрения. Это связано со сменой приоритетов и появлением новой ценностной системы общества переходного периода. Что же касается культурного самоопределения личности, то здесь ценностные ориентации являются основой, то есть они определяют способности и психологические возможности человека к политико-культурному, социальному самоопределению.

Влияние ценностных ориентаций на общественно-политическую действительность происходит не в одностороннем порядке. Взаимобусловленный процесс осуществляется на двух уровнях — государственном, когда официальные органы через свои политические институты определяют концепцию устойчивого социально-политического развития (идеологическая база такой концепции — ценностные установки общества) и личностном (формирование ценностных предпочтений происходит в сознании индивида и зависит от жизненных установок, которые определяются укладом его бытия).

В реалиях жизни эти два уровня формирования ценностных ориентаций людей находятся в состоянии противоречия, характер разрешения которого влияет на уровень стабилизации социально-политического развития общества. Процесс смены ценностей в сознании людей является типичным явлением, и он характерен не только для общества, меняющего свою базовую структуру. Отличие возможно лишь в типологической сущности новых предпочтений, интересов и в способе смены одних другими. В этой связи, следует выделить два типа смены ценностных ориентаций:

— Естественно — исторический путь смены ценностей (эволюционный).

Характеризуется в основном формированием новых постматериальных потребностей, основанных на факторах повышения качества жизни и отражает условия жизни и развития в социальном обществе. В этой связи, целевые ориентации социального общества и конкретная цель жизни человека совпадают и состоят в реализации своих способностей и дарований, творческих возможностей.

– Прерывистый процесс, основанный на постоянно меняющихся социально-политических ориентирах, который характерен в большей степени для современного казахстанского общества, имеющего доминантную «антистатистику» перманентных реформ и признаки массовости.

В данной части рассмотрения проблемы мы сделали анализ содержания и проследили социальный контекст формирования ценностных ориентаций людей, определили их роль в условиях формирования нового типа политической культуры масс через призму участия в этом процессе институтов гражданского общества. В связи с изложенным, следует вместе с тем отметить, что формирование и развитие демократических институтов государства и институтов гражданского общества не гарантирует безопасности Казахстана от какого-либо вида политического насилия. На наш взгляд, справедливы в этой связи выводы некоторых российских специалистов о том, что, несмотря на значительное сокращение основ для насильственных средств и овладения его в условиях демократии, последняя не имеет иммунитета против политического насилия и в политической жизни демократических государств оно не является исключением. При активизации же антидемократических деструктивных сил в решении внутренних и внешних вопросов возможно насилие даже с применением вооруженных сил¹⁸⁶. Террор, представляя из себя лишь средства политического действия, все же зависит от представляемых государством свободы и границ ее отправления населением. С ослаблением же контрольно-регулятивных функций государства усиливаются элементы его деструктуризации. В этой связи, особое значение обретает регулятивный потенциал государства и субъектов гражданского общества в формировании приоритетных типов политико-культурных ориентаций социальных слоев населения, а также в определении форм политической социализации казахстанцев при допустимых нормах отчуждения их от власти. Последнее видится наиболее актуальным в условиях кризиса политического участия, характерного для транзитных обществ.

Формирование в Казахстане институтов гражданского общества, рыночной экономики, системы национальной защиты от угроз экстремистско-террористического характера будет происходить тем успешнее, чем активнее будут совершенствоваться в них современные коммуникационные связи, которые оформляются по мере развития медиа-средств. В этой связи, вполне оправдан интерес научной общественности страны к проблемам деятельности современных СМИ в условиях модернизации обще-

---

¹⁸⁶ Политическая психология / Под общ. ред. А. А. Деркача, В. И. Жукова, А. Г. Лантева. — М., 2001. — С. 36.

ственно-политической жизни и внутренних, внешних угроз её стабильному развитию.

Вопросы для самоконтроля:

1. Теория Э. Фромма о «социальном характере» общества и ее значение при определении приоритетов стабильного развития и консолидации современного общества?
2. Какие эволюционные особенности развития характерны процессу рационализации отношений между человеком и властью?
3. В чем заключаются особенности начальных этапов становления институтов гражданского согласия в Казахстане?
4. Какие особенности характерны современной казахстанской практике формирования институтов общественного согласия и политической стабильности? Перспективные направления деятельности государства в сфере обеспечения взаимного сотрудничества гражданских институтов и этно-национальных представительств казахстанского общества?
5. Какие факторы способствуют динамичному развитию институтов гражданского общества в развивающихся странах?
6. Какие особенности характерны современному госаппарату Казахстана?
7. Какие права граждан доминируют в гражданском обществе? Основные принципы и задачи формирования конституционализма в Казахстане? Роль институтов гражданского общества в совершенствовании механизмов саморегуляции системы защиты национальных и государственных интересов в Казахстане?

4.3. Информационализм

Глобальные процессы современности, выразившиеся в усилении тенденций транснационализации международных связей обусловили начало новой эпохи мировой политики, когда общие проблемы человеческой цивилизации стали детерминировать основные направления локальной межгосударственной и региональной политики, определяя общецивилизационную специфику их формирования. Наряду с этим, особенностью современного постиндустриального мира стала и массовая информационная глобализация этих связей, которая, по сути, имела характер информационного взрыва. Корни этого явления берут начало с истоков «холодной войны» (после знаменитой фултонской речи У. Черчилля), когда один из его американских «соратников» по идее Джон Даллес провозгласил главным

принципом своего видения глобальной внешней политики приоритет свободного потока информации. Впоследствии, во времена усиления деизоляционистской политики США (в американской внешней политике был и период изоляционизма до времён правления политических реформаторов (Ф. Д. Рузвельт), инициировавших глобализм в политическом процессе), настоящая концепция была избрана в качестве ведущей политической доктрины американского «культурного гегемонизма» в западных странах и развивающихся обществах «третьего мира».

По утверждению исследователя Ю. Б. Кашлева факт глобализации информационного влияния на общественное сознание подтверждается и расширением вещательного пространства телевидения. Например, если в 1950-х годах телевидение осуществляли лишь 5 стран, то к началу 1990-х годов практически все страны и территории мира вели собственное телевидение¹⁸⁷. В результате внедрения прогрессивных технологий свободный информационный поток обрел динамику распространения в мировом масштабе. В частности, космическая технологизация до безграничности расширила возможности информационной политики отдельных заинтересованных в интернировании своих культурных ценностей государств мира. Так, международный консорциум «Интелсат» в конце минувшего столетия объединил сетевой коммуникацией более 100 государств, Европейское космическое агентство — 17 стран Западной Европы, консорциум «Инмарсат» — 38 стран, а правительство США через систему «Уорлнет» ведет сетевую телекоммуникацию в более чем 50-ти странах мира. Информационные спутники Японии, Канады, Бразилии, Индии, группы арабских стран («Арабсат») расширили границы информационного влияния своих стран в региональных, континентальных масштабах. Современное поколение компьютерной и электронной техники (лазеры, оптические волокна, коаксиальный кабель и микроволны) позволяют многократно увеличивать объемы и оперативность передачи информации. Такой информационный прорыв, в свою очередь, спровоцировал противоречия между процессами транснационализации техносферы и суверенитетом государств, духовными и культурными запросами различных слоев населения, общностей, целых народов.

В этой связи, представляется, что тенденции формирования новой мирополитической глобальной структуры в сочетании с процессом расширения коммуникационных возможностей средств массовой информации и обусловили актуальность в целом информационной составляющей экс-

---

¹⁸⁷ Кашлев Ю. В. Информационный взрыв: международный аспект. — М., 1988. — С. 8.

тремистско-террористических угроз в континентальном масштабе. Основанием такого убеждения служит то, что, во-первых, произошла феноменализация явления терроризма и оно охватило огромное количество стран, территории которых стали зонами непосредственной угрозы экстремистско-террористического влияния; во-вторых, глобализация исследуемого типа угрозы сформировалась в условиях деидеологизации системного противостояния двух мировых держав (США и СССР), распада одной из них и глобализации международных отношений на принципах мировой политической конкуренции. В связи с этим, изначально она не имела идеологических преград принципиально мирового значения; в третьих, прорыв в области технического совершенствования СМИ (преобладание электронных медиа-средств) определил процесс формирования из локальных информационных систем глобальных гиперструктур, обусловивших образование единого мирового информационного пространства; в-четвертых, новые макрополитические, макроэкономические и макроинформационные коммуникации легли в основу новоценностных отношений во всех сферах жизнеобеспечения земной цивилизации. Более того, они стали импульсировать формирование нового типа общественного сознания, которое, по сути, предстало в форме мирового массового сознания. Основным же субъектом процесса формирования такого явления могут быть только средства массовой коммуникации, способные влиять на сознание людей на системной и постоянной основе.

Не случайно на современном этапе развития мирового сообщества информационный фактор глобализации современного экстремизма и терроризма выделяется в качестве особой разрушительной силы некоторыми ведущими политиками государства. «Если новый терроризм направит свою энергию на информационную войну, то его разрушительная сила будет намного большей, чем когда-либо в прошлом, большей даже, чем при использовании бактериологического и химического оружия»¹⁸⁸. Данный аспект медийной детерминированности экстремистско-террористического явления выделяют в своих работах и некоторые исследователи отечественной науки. Так, К. Сыроежкин отмечает, что современный терроризм нельзя представить без СМИ. «Терроризм и СМИ сегодня — понятия неразделимые. И в этом повинны не террористы, а сами СМИ. В последние годы даже на пространстве СНГ телевизионные репортажи напоминают сводки с фронтов боевых действий. И не потому, что телезритель хотел бы оценить степень угрозы своей безопасности. СМИ про-

---

¹⁸⁸ *Муканов С.* Некоторые аспекты классификации террористической деятельности // «Право и государство». — 2000. — № 3. — С. 59.

сто используют известный постулат З. Фрейда о том, что демонстрация гибели других создает у зрителей иллюзию собственного бессмертия. Поэтому даже безобидная передача «Прогноз погоды», как правило, начинается с освещения природных катастроф. В этих условиях терроризм — суперзрелище, поскольку, в отличие от локальных «криминальных разборок», усилиями тех же СМИ ему придан статус «международного явления», следовательно, от него не застрахован никто»¹⁸⁹.

На основе социологических и социально-психологических исследований доказано то, что деятельность СМИ по освещению явлений и событий, отклоняющихся от общепринятых в обществе нормативных кодексов с присущей для оперативной хроники сенсационностью, порождают у потребителей такой медийной продукции беспокойство и страх^{190;191}. У людей же, чья жизнь систематически связана с телевизионными программами (особенно трагико-приключенческого характера) постепенно формируются соответствующие психо-аффективные установки относительно окружающей действительности. Например, молодые люди, прошедшие курс граждановедения в обстановке, насыщенной «телевизионным насилием» (боевики, фильмы-ужасы и т. д.) склонны к убеждениям о главенстве в жизни высшего «права сильного». При этом, насильственный фактор ими воспринимается не в качестве дисфункции общественной системы, а как её интегральная составная часть, имеющая объективную причинность при формировании межличностных, групповых отношений. Систематизация на информационном пространстве общества подачи такого рода медийной продукции, в частности, об экстремистско-террористических угрозах, провоцирует формирование в общественном сознании идейной основы о необходимости жёсткого и тотального контроля за обеспечением общественного и правового порядка. Образ волевого правителя становится идеалом стереотипизируемого сознания людей. При этом, такого рода информационное воздействие вызывает у разных категорий населения неодинаковую реакцию. Одни воспринимают её как призыв к действенным поступкам (радикализация жизненного настроения, стремление к экстремистским поступкам в целях самосохранения и обеспечения индивидуальной или общностной, групповой безопасности), для других в

---

¹⁸⁹ Сыроежкин К. Обыкновенный терроризм // Международный терроризм: Учебное пособие по английскому языку. Э. Дильдяева. — Астана, 2003. — С. 67-68.

¹⁹⁰ Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. — М., 1982. — С. 164.

¹⁹¹ Ольшанский Д. В. Страх. — В кн.: Ольшанский Д. В. Психология современной российской политики. — М., 2001. — С. 464.

качестве компенсаторского механизма служит уход в частную жизнь или присоединение к религиозным сектам, общинам и т. д. Такой результат информационного воздействия стал возможным ввиду неподготовленности, как правило, большинства потребителей продукции медиасредств к их качественной обработке и осознанному восприятию. Это доказано и экспериментальным способом. Лишь 13-14 % потребителей печатной и телевизионной общественно-политической информации способны адекватно воспринимать предлагаемые им данные, то есть более или менее четко выявлять в прочитанном или увиденном политический заказ¹⁹².

Таким образом, СМИ намеренно или непроизвольно, в погоне за сенсацией, провоцируют тенденции социально-мировоззренческой маргинализации отдельных категорий населения. В этой связи, характер и масштабы воздействия СМИ на эмоционально-волевой и иррациональный уровни общественного сознания можно проследить на примере изменений в религиозном сознании населения стран постсоветского пространства. Это проявилось в постоянном росте консервативных церквей, всплеске различных форм фундаменталистских течений, появлении нетрадиционных религиозных общин, сект, «электронных церквей», религиозных радио и телепрограмм. Реализованные коммуникационно-мобилизующие возможности медиасредств в данном случае очевидны, так как иного способа и средств глобального распространения явления такой степени оперативности в светском варианте общественно-политической практики не существует.

Объясняя закономерности современных интеграционных процессов, видный американский социолог Мануэл Кастеллс утверждает о том, что революция в сфере информационной техники и реструктуризирующийся капитализм создают новый тип общества — сетевое общество, характерными приметами которого являются глобализация решающих, активно действующих экономических сил; сетевая форма их организации, гибкость и нестабильность производства, реальная виртуальность медиа как систем информации и коммуникации, отличающихся всепроницаемостью, диверсификацией и воздействием на материальные и моральные основы жизни. Изучение же этих тенденций позволяет понять, почему именно в конце XX века, наряду с усилением глобализации, широкое распространение получили и мощные выражения коллективной идентичности, бросающие вызов космополитизму и глобализму. В этой связи, и наша жизнь

---

¹⁹² *Адамьянц Т.* Проблема диалога в общении с экраном: миллион картинок экрана — одна «картина мира» телезрителя (семиосоциопсихологический анализ) — Мир психологии. — 2000. — № 2.

находится под влиянием конфликтующих тенденций глобализма и идентичности¹⁹³.

Выводы западного исследователя о специфике общественного новообразования (сетевое общество) и роли в этом процессе коммуникационного потенциала медиа-средств, основанные на богатом опыте социологического и политологического исследований в различных странах, подтверждают значимость информационного фактора в обеспечении стабильного развития современных модернизационных процессов мира. Данный аспект особенностей эпохи информационализма оговаривается и в нормативных документах, имеющих международное значение. Так, в Декларации «О мерах по ликвидации международного терроризма», принятой ООН 9 декабря 1994 года, медиасредства признаны в качестве важного инструмента антитеррористической деятельности мирового сообщества. В частности, в специальном разделе, посвященном СМИ, сформулированы положения о том, что государствам следует рассмотреть вопрос о разработке руководящих принципов для средств массовой информации или поощрять добровольное принятие таких принципов в целях недопущения создания сенсаций и оправдания экстремистско-террористического насилия, распространения стратегической информации о потенциальных целях в тот период, когда продолжаются террористические акты, поскольку это может поставить под угрозу жизнь невинного гражданского населения или помешать принятию эффективных мер по предотвращению таких актов¹⁹⁴.

Российские специалисты в области концептуализации актуальных проблем обеспечения информационной безопасности А. Крутских и А. Фёдоров утверждают в этой связи, что не случайно бюджеты некоторых ведущих стран расходы на информационную безопасность предусматривают в одном пакете с ассигнованиями на защиту от применения оружия массового уничтожения. По их убеждению, реальные угрозы на информационные структуры в террористических и криминальных целях могут иметь катастрофический характер. И, именно, в осознании этого — основной итог принятия на 54-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1-го декабря 1999 года резолюции 54/49 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности», в которой мировое сообщество признало информационную безопасность

---

¹⁹³ Castells M. The Information Age: Economy, Society and Cyulture. Vol. 2. The Power of Identity. — P. 1, 2.

¹⁹⁴ Декларация ООН № 39400005, от 9 декабря 1994 г. «О мерах по ликвидации международного терроризма».

как глобальную проблему, как необходимое условие существования человеческого общества¹⁹⁵.

В связи с изложенным, проблема обеспечения информационной безопасности обрела сегодня актуальный характер и предстала в качестве одного из приоритетных направлений в процессе системообразования как национальной, так и международной безопасности.

В развитие обозначенных аспектов современной информатизации разработаны и концептуальные положения о становлении институтов гражданского общества в Казахстане, в части, касающихся СМИ. В соответствии с Концепцией медиасредств отводится ведущее место как структурным компонентам, призванным обеспечивать защиту общественных и политических интересов, укрепление демократических принципов гласности и гражданских свобод¹⁹⁶.

Факты интегральной включённости виртуального пространства в современный политический процесс превосходят самые уверенные прогнозы специалистов о медиатизации политической сферы. Об этом свидетельствуют выступления казахстанского и российского президентов в режиме on-line, масштабные проекты сетевой пропаганды «Страна. ru» (Россия), принятая в высших эшелонах российской власти программа компьютеризации всех структур власти «Электронная Россия». Казахстанским аналогом такой информационно-политической виртуальности является реализация проекта электронном парламенте, а также формирование сетевой среды коммуникации политических партий, лоббистских групп, политтехнологов и т. д.

В связи с изложенным, роль и место средств массовой информации в процессах трансформации современного политического процесса, связанные с этим проблемы их участия в политических конфликтах общества, обеспечения информационной безопасности требуют особого теоретико-концептуального анализа.

В соответствующей части данного раздела мы обосновали стратегическую важность осуществления концептуальных положений становления гражданского общества в Казахстане, изложенных в соответствующих нормативных документах государственного значения. При этом, рассмотрели три составляющих основы его институционализации: государство,

---

¹⁹⁵ Крутских А., Федоров А. «О международной информационной безопасности» // *Международная жизнь*. — 2000. — № 2. — С. 37-48.

¹⁹⁶ Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006-2011 годы, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 25.06.2006 г. № 154. // *Казахстанская правда*. 2006. 29 июля.

рыночные отношения и доминантные субъекты гражданского общества. В этом, своего рода треугольнике, средства массовой информации занимают срединное место. Только в условиях СССР они были «... близки к государству, теперь же приблизились к рынку»¹⁹⁷. В данном случае, обусловленность деятельности современных «масс-медиа» рыночными отношениями предполагает не только объективную коммерциализацию самой их функциональной сути, вызванной необходимостью выживания в мире экономической конкуренции, но и преимущественную заинтересованность и СМИ в повышении своей конкурентоспособности в сфере удовлетворения культурных потребностей общества в продукции СМИ. Собственно, это в большей степени объективное требование к ним времени и обстоятельств, нежели субъективное «имиджевое» стремление акторов медийного пространства. В этой связи, политолог из Израиля Т. Вольсфельд, анализируя роль СМИ в современном мире, процесс их взаимоотношения между властью и другими влиятельными субъектами общественно-политического процесса вывел «политическую конкурирующую модель», которая включает структурологическое и культурологическое измерения динамичной борьбы.

Структурологическое — определяет силы, контролирующие и оказывающие определенное идеологическое влияние на медиа-средства или имеющие доступ к СМИ.

Культурологическое измерение обусловлено степенью отражения в СМИ определенных общественно-политических устоев, точек зрения и т. д. Многочисленные участники активного процесса борьбы соревнуются в изложении собственных позиций и навязывании своих интерпретаций событий в средствах массовой информации. Последние же принимают или, напротив, отвергают их, порой становясь проводниками тех или иных точек зрения¹⁹⁸. Приведенная формулировка конкретизирует понимание современного места СМИ в политическом процессе и обосновывает фактор медийной мобильности в зависимости от места, обстоятельств и характера задействованных во взаимоотношениях акторов социального и политического действия. В частности, высвечен идентификационный фон деятельности СМИ, имеющий характер наступательности и относительной объективности в условиях жизнеспособности демократических принципов политического регулирования обществом.

---

¹⁹⁷ Норденстрем К. Роль средств массовой информации в обществе: Уроки России // Вестник МГУ. Серия № 10. «Журналистика». — 2001. — № 3. — С. 24.

¹⁹⁸ Wolfsfeld Gadi. Media and Political Conflict: News from the Middle East. — Cambridge, 1991. — P. 166.

В современных событиях (освещаемых в СМИ), связанных с экстремистско-террористическими угрозами и обеспечением стабильности в мировом сообществе культурологическое противостояние определяется понятиями гуманности и порядка, а также антигуманности и хаоса. Официальный мир в медиа — средствах выражает первую позицию. Категории же «бесчеловечности» сформулировали через СМИ стереотипное восприятие деятельности экстремистско-террористической оппозиции. Такая концептуальная выстроенность общих тенденций деятельности ведущих СМИ мира в обозначенной плоскости в целом изучаемой проблемы и позволила сформировать в мировом общественном сознании образ врага (Ирак, Судан, Иран и т. д.) современному миру, а также поборника справедливого возмездия (США, Великобритания...), тогда как за фасадом событийности остается факт государственного терроризма, основным инициатором которого стала американская коалиция со своими претензиями на собственную исключительность политического бытия в современной цивилизации и культуре. Тем самым и американское общественное сознание было сформировано не на факторах рационального воздействия, а в результате нагнетания иррациональных настроений (эмоциональной агрессии) по поводу грядущей «иракской атомной катастрофы». Автор в данном случае не дает оценки правильности того или иного политического курса, а на примере американо-иракского конфликта показывает идеологическую (информационно-культурологическую составляющую) роль средств массовой информации в формировании общественного сознания в желаемом русле восприятия событий, политической социализации в новом формате государственной внешней политики.

Медийное воздействие на формирование, функционирование и эволюцию общественного сознания имеет характеристики регулятивного механизма, но не в рамках нормативных регламентаций на основе статичного режимного процесса, а в зависимости от обстоятельств и сил, определяющих политический курс. О такой мобилизационной силе СМИ наиболее иллюстративно свидетельствует событие, которое произошло в ночное время осенью 1938 года в городе Гроверс-Милл (штат Нью-Джерси, США), когда американский театральный специалист О.Уэллс с актерами театра «Меркьюри» без всякого предварительного объявления, способом прямого вклинивания в программу обычных передач, осуществили радиопостановку романа Герберта Уэллса «Война миров». Аудитория радиослушателей (а это без малого миллионы жителей Нью-Йорка и ближайших городов), поверив в достоверность происходящего, в паническом ужасе стала покидать свои жилища и бросаться в бегство подальше от тех мест, которые указывались в событиях радиопостановки. Психологиче-

ский эффект был потрясающим. Потребовались месяцы для того, чтобы ликвидировать нанесенный в результате паники ущерб и вернуть людей в свои дома. Не менее значительный коммуникативный эффект был достигнут в Боливии в 1958 году, когда местные радиожурналисты пустили инсценировку этого же романа в эфир с переводом, но уже после предварительного предупреждения населения. После первых минут радиопостановки перед зданием радиокomпании собралась радикально настроенная толпа людей, которая требовала остановки трансляции, а, не добившись своей цели, разгромила здание, откуда велся радиоэфир. Изложенные примеры убедительно показывают колоссальную роль СМИ в массификации сознания людей, формировании в нем не только аффективных эмоций, сопровождаемых естественной реакцией на происходящие события, но и импульсивно-экспрессивной агрессии, которая, как правило, приводит к непредсказуемым результатам, имеющим нередко разрушительный характер.

Это обстоятельство приобретает особую актуальность и значение на фоне проникновения СМИ в современную политическую сферу, превращения «масс-медиа» в один из важнейших инструментов формирования политического процесса. В условиях же манипулятивной активности политических партий СМИ играют роль организатора и мощного стимулятора тех политических сил, которые доминируют в распределении властных полномочий в обществе. В качестве примера можно привести теледебаты претендентов на пост президента США. При умелой и профессиональной подаче специалистами такие телепередачи определяют характер политического поведения и особенно результаты голосования американцев в ходе избирательных кампаний. Дж. Кеннеди и Р. Никсон, Р. Рейган и Дж. Картер, Дж. Буш и Дюкакисон — перечень имен политических деятелей, в президентской судьбе которых СМИ явились основным инструментом их победы или поражения. Политологи, в этой связи, выделяя информационно-коммуникативный фактор результативности политической борьбы, приводят количественную статистику участников медийного пространства в выборной кампании. Только аудитория первых теледебатов 2000 года составила (их, как правило, организуется несколько) 60 миллионов зрителей. Трансляцию осуществляли 8 телерадиокomпаний, каждая из которых имела от 150 до 220 филиалов¹⁹⁹.

---

¹⁹⁹ Раскин А. В. Некоторые особенности освещения телевидением США выборов президента в 2000 году. // Вестник МГУ. Серия № 10. Журналистика. № 5. 2001. — С. 31.

Один из западных исследователей СМИ Лассуэл Г. выделял 4 основные функции «масс-медиа», которые заключались в наблюдении за миром (сбор и распространение информации), редактировании (отбор и комментирование информации), формировании общественного мнения и распространении культуры. Последние две функции, пожалуй, показывают наиболее влиятельную ролевую значимость объекта нашего изучения. В этой связи, перечисленный медийный актив следует дополнить их современными функциями политической социализации общества, что, в свою очередь, актуализирует роль медийных средств и в политическом просвещении масс. В связи с обозначенными функциями и современными приоритетами СМИ, свобода слова (гласность) является основным принципом гражданского общества, а СМИ — одной из доминирующих институциональных его основ. Среди специалистов — экспертов «масс-медиа» утвердилось мнение и о контролирующих функциях коммуникационных средств в сфере культуры, когда они, фильтруя отдельные элементы культурных явлений, придают им приоритетное значение, обесценивая другие и, тем самым, поляризуя все поле культуры²⁰⁰. В этой связи, казахстанский ученый А. Сарсенбаев приводит в своей работе наиболее распространенные концепции в современной исследовательской литературе. Среди них концепции «СМИ — зеркало общества», в которой СМИ отводится пассивная роль «регистратора» происходящих в обществе процессов; «СМИ — орудие политической деятельности» — марксистская; «СМИ — четвертая власть», согласно которой информации отводится роль самостоятельного политического субъекта; «СМИ — сторожевой пес демократии», имеющая распространение в США; «СМИ — бизнес», определяющая информационным средствам функции коммерческого предприятия и т. д.²⁰¹. Таким образом, современный человек постоянно и систематически находится под влиянием СМИ.

О воздействии средств массовой коммуникации на казахстанское общество можно судить по результатам социологического мониторинга среди экспертов медиа-средств. В частности, 52,9 процентов участников опроса, проведенного социологами среди них, признали высокий авторитет СМИ и высказались о доверии им населения²⁰². По сути, средства массовой информации в современной общественно-политической жизни Ка-

---

²⁰⁰ *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. — М., 2006. — С. 274.

²⁰¹ *Сарсенбаев А.* Стратегия формирования информационной политики Республики Казахстан в переходный период; Авт. дис. ... докт. полит. наук. — Алматы, 2000. — С. 13.

²⁰² СМИ и общество: реалии и перспективы // Казахстанская правда. 2003. 28 июня.

захстана стали главным инструментом для распространения сообщений, воздействующих на политическое сознание и формирующих в нем соответствующие ценностные приоритеты и понятия. Сам факт неоднократного обсуждения роли и места СМИ в модернизационных процессах казахстанского общества в связи с необходимостью поступательного совершенствования правовой основы их деятельности (в 1999, 2000 и 2003 гг. в процессе обсуждения законопроекта о средствах массовой информации в Республике Казахстан) свидетельствует о функциональной детерминантности «масс-медиа» в системе мер по реформированию политической системы. В частности, в качестве важных мер по систематизации медийной деятельности в Казахстане отмечается необходимость обеспечения соблюдения принципа равной состязательности в суде по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации субъектов массовых коммуникаций; реализации положений о языках распространения СМИ, получении объективной информации от субъектов государственной власти. Потенциальные же возможности казахстанских СМИ по линии государственного заказа на проведение государственной информационной политики демонстрируют около 30 % периодических изданий республиканского уровня, более 212 республиканских и региональных электронных СМИ и информационных агентств.

Концепция становления институтов гражданского общества в Казахстане предусматривает укрепление экономического фундамента «масс-медиа» и создание надлежащих условий для их определения в условиях рыночной конкуренции современного общества. Как свидетельствует мировой опыт, чем выше экономическая мощь и социокультурное влияние СМИ, тем они относительно свободнее от контроля со стороны государства. Вместе с тем, экономическое могущество медиа-средств достигается, преимущественно, в ходе их рекламной деятельности, которая ограничивает возможности обретения ими полной моральной и политической независимости. В этой связи, такие западные медиа-гиперкорпорации как «Шпигель», «Штерн», «Тайм», «Ньюсуик», «Панорама», «Вашингтон пост», «Монд», «Фигаро» с целью относительной суверенизации своей медийной державы (полная независимость — это миф, раскрытый в политических целях) сохраняют стабильное экономическое благополучие способом широкого использования коммуникационных технологий информационных сенсаций, когда в центр событийности вставляется априори факт, несообразующийся с кодексом поведения публичных деятелей и проводится антипиаркомпания разоблачительных медиа-выступлений. Такая методика способствует повышению тиража и популярности изданий. В связи с изложенным, показательны примеры всемирно известных

разоблачений в СМИ У. Клинтона, по поводу его аморального поведения, а также раздувания, оставившего заметный след в истории медийной практики, «Уотергейтского скандала», которое привело к отставке Р. Никсона. Не менее демонстративным является известное «дело о бриллиантах», получившем всемирную гласность благодаря настойчивым разоблачительным публикациям парижского еженедельника в 1981 году, которые и обусловили поражение Жискара Д'Эстена на выборах. Апеллируя к таким чувственным иррациональным, эмоционально-волевым компонентам общественного сознания как любовь к Родине, патриотические настроения, национализм средства массовой информации способны мобилизовать целые слои общества в поддержку тех или иных акций, или, напротив, нивелировать положительные характеристики того или иного политического деятеля, скомпрометировать определенные идеи некоторых заинтересованных групп. Изменения политических ориентиров в массовом сознании на эмоционально-психологическом уровне имеют характер в таких случаях не длительных, по проявлению и нестатичных, по содержанию, форм. Но, существенным образом меняют психологический рефлексный контекст политического поведения, ненавязчиво, но целеустремленно направляя его в требуемое русло определенного политического процесса.

Социально-политические аспекты распространения информационализма непременно приводят нас к проблеме сохранения национальной государственности, национальной идентичности в условиях современных тотальных процессов глобализации. В этой связи, привлекательна с научных позиций концепция американского учёного М. Кастеллса, который убеждён в умалении власти национального государства традиционного типа в результате роста влияния Международного валютного фонда и дерегулирования процессов, способствующих глобализации криминальных явлений, терроризма и аморализма. Срастаясь с политической средой, они подрывают порядок вертикального государственного контроля, в системе которого важную роль играют медиа. Тем самым, обеспечивая контроль за информацией, а с её помощью и за мнениями, поступками людей акторы глобализации, интеграции и распространения информационных технологий берут верх во многих странах мира. Начиная с 1990-х годов, этот процесс преобразовался в медиа-бизнес с захватом выгодных мегапозиций в информационной индустрии. Стимулируется же он и активизацией самих медиасредств, стремящихся к независимости, с которой государства должны соглашаться, чтобы не нарушить принципов демократии. Получается замкнутый круг, в котором и крупные державы терпят поражение в борьбе с медиа в информационном веке. В зависимости от медиа

оказывается и политика. Это происходит не прямо, а посредством «информационной демократии», «когда логика и организация электронных медиа формируют и структурируют политику»²⁰³. Наглядно это демонстрируется во время предвыборных кампаний, примеры по которым мы привели выше. Политика, вступая в сферу электронных «масс-медиа» начинает подчиняться таким её принципам как гонка за аудиторные рейтинги и получение выгод от развлекательных передач, создающих иллюзии беспристрастности. На деле всё ведёт к тому, что политика уподобляется развлекательно-драматическим играм, и не политические программы, а сами личности политиков становятся главными действующими лицами в преобразованиях политических событий.

Глобализация медийной индустрии во многом и обусловила первенство на современной политической арене конкуренции образов, имиджей политиков, отбросив на задний план проблему политического выбора через столкновение идей, изложение альтернатив их решения. Телевидение же, как наиболее действенный субъект медиапространства, усиливает персонификацию политических противоречий, представляя их не в форме столкновения интересов, ценностей, идей, программных установок, а в виде диалога политических лидеров, где программная конкуренция вытесняется личностно-индивидуалистской. В политических реалиях на информационном пространстве СНГ данный вывод подтверждается процессом телевизионной раскрутки политических тем в программах телевидения Казахстана и России, которые ведут известные в СНГ российские и казахстанские журналисты Соловьёв, Познер, Рерих и другие под рубриками «К барьеру», Лицом к лицу, Бетпе-бет и т. д.) Зародившись в США, эта тенденция быстро распространилась и усилила роль СМИ до уровня, когда власть информационных потоков одерживает верх над потоками власти²⁰⁴.

Формирование в общественном сознании такого «имиджа» политики в целом имеет разрушительные последствия. В частности, нивелируется позитивный потенциал политического конфликта, как противоборства ценностей и программных установок. Политический процесс посредством СМИ обедняется до уровня имиджевого политического конкурса с ценностями из сферы собственно маркетингового спроса.

В этой связи, в условиях глобальных трансформационных процессов, приоритетным с точки зрения осознания в целом функциональной пред-

---

²⁰³ *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Cyulture. Vol. 2. The Power of Identity. — P. 312.

²⁰⁴ Там же. — С. 342.

назначенности современных медиа — средств является понятие социально-политической информации. Его универсальное определение можно сформулировать следующим образом: совокупность разнообразных типов, видов информации, включающих данные из всех сфер человеческой деятельности, которые функционируют в подсистемных образованиях целостно-политической системы общества и влияют на процесс формирования (обозначения) проблемных задач общественно-политического устройства и их решения. В данном случае, логика изложения будет неясной, если не выделить еще один не менее важный аспект процесса политизации масс. Эффективное функционирование, в свою очередь, политической системы, соответственно действенность процессов социализации зависит от наличия у регулирующей данный ход социально-политической адаптации людей, подсистемы, адекватной информации относительно объекта регуляции и условий его функционирования. Отсюда, исходит требуемое условие доступности информации и органам управления, и всем слоям общества, что обеспечивает режим гласности - первичное требование в условиях реализации демократических принципов. Социально-политическая информация вступает в качестве составной части гласности, без которой нет и не может быть демократизма, социального творчества масс, их участия в управлении.

В гласности находит яркое выражение демократичность и народность «масс-медиа», неразрывность её связей с массами. Только через отношения гласности она может эффективно воздействовать на формирование и развитие идеологических, политических и организационных связей в обществе. Медиасредства, по сути, являются эффективным инструментарием обеспечения постоянной связи между субъектами процесса общественно-политического развития. В этом её современная роль организационного фактора реформ. Отражая явления, события, факты политической жизни, СМИ, с одной стороны, всесторонне информируют граждан о деятельности государственных и общественных организаций, отдельных личностей в сфере государственного управления, делая политику достоянием всех, с другой стороны - повседневно «оглашают информацию снизу», вынося на всеобщее «обозрение» мнения, размышления и предложения народа. Эффективность же этой ориентационной функции СМИ, по принципу «масс медиа» — потребитель — «масс медиа», не в малой степени определяет, в свою очередь, уровень активности, участия масс в управлении делами государства. Несомненно, критерием же позитивного отношения потребителей информации к «масс-медиа» является то, насколько СМИ осваивают современные требования аналитичности, правдивости и объективности. Эти три качества «медиа» наиболее объек-

тивно определяются степенью демократичности СМИ, которая, в свою очередь, опосредуется фактором гласности.

Итак, на основании изложенного выше, обобщая категории политической коммуникации и роль СМИ в современном политическом процессе, можно сформулировать деятельностные доминанты медийной политической коммуникации, которые заключаются, во-первых, в информировании населения, создания в обществе соответствующих определенных условий для политической самоидентификации личности в политической системе, политическом процессе; во-вторых, в политической ориентации (или переориентации) объекта на обозначенные цели развития путем деструктуризации элементов воспринимаемых им событий и изменения ранее существовавшего убеждения; в-третьих, в деятельностной мотивации поступков реципиента в сфере политических связей в направлении определенных целей; в-четвертых, в их регулятивных особенностях в процессе формирования общественного мнения о политических событиях и собственного имиджа в глазах объекта воздействия. Такая коммуникативная специфика современных СМИ и выдвинула их в качестве инструмента политтехнологий в практике деятельности зарубежных политиков, политологов, политических имиджмейкеров.

Исходя из перечисленных приоритетов в деятельности «масс-медиа» (речь идет о медийной политической коммуникации) в условиях плюралистического многообразия неизбежна как конструктивная, так и деструктивная борьба на информационном пространстве различных идейно-политических течений (в предыдущей части работы мы отметили особенности полиидейной структуры существующих взглядов на политическую модернизацию казахстанского общества, которые находят информационную нишу в соответствующих СМИ). В этой связи, СМИ могут выступить в роли катализатора конфликтных проявлений в политическом процессе. Достаточно привести краткую медийную фактографию из практики деятельности российских СМИ в 1999 году (номера газет «Московский комсомолец» от 20. 01; 03, 12 и 13. 02. 1999 г., а также «Независимая газета» от 19, 29. 01; 25. 02; 04. 04. 1999 г.), когда по сущности информационное противостояние двух оппозиционных политических групп, возглавляемых премьер-министром Примаковым Е. и олигархом Березовским Б. определили некоторые тенденции формирования политического сознания многих россиян на тот период государственно-политических реформ. СМИ «организовали» публичный характер данного политического конфликта, а по ходу развития событий противостояния перевели его в русло информационной войны. Авангардом в коммуникации «боевых действий» выступили газеты «Московский комсомолец» (МК) и «Независимая газета»

(НГ). Первая — открыто поддерживалась Примаковым, вторая была подконтрольна Березовскому. В данной информационной борьбе СМИ, по сути, сыграли роли основных акторов процесса. Их действия или намеренное бездействие (как метод психологического вызова на опубликованные факты с другой стороны) оказали действенное влияние на промежуточные результаты российских реформ и, в целом, на политическую ситуацию того периода в стране. Кульминацией медийного накала политического конфликта в стране явилась силовая фаза — жесткая поляризация сторон, с активизацией мобилизационного процесса «собираания сторонников» в различных слоях общества и арест одного из ведущих субъектов политического конфликта. На основе приводимого примера следует выделить одну из отличительных особенностей непосредственного участия СМИ в политическом конфликте и связанной с этим их доминантной роли в негативном детерминировании общественно-политической ситуации. Медийный контроль и генерирование конфликтного процесса нередко блокирует дискуссионность его проблематики в обществе, либо мобилизует его в русло собственных политических намерений. В этом заключается одна из манипулятивных ролей современных СМИ.

В связи с приведенными фактами медийного соучастия в мобилизации политических событий (их конфликтного потенциала), следует косвенно отметить то, что, являясь одним из известных, влиятельных политиков Примаков Е. (более того, находясь у власти во время оппозиционирования ему Березовского Е.) не учел коммуникационные и мобилизующие возможности медиасредств, что и привело его в данном случае к политическому поражению. Если осуществить небольшой историко-ретроспективный анализ его деятельности на посту главы российского правительства, то следует выделить эту особенность как характерную черту в целом политики Примакова, которая выдерживалась вне информационного пространства. По сути, в современной политической истории России он создал одно из самых информационно закрытых правительств, ограничив тем самым собственный диалог с обществом. Публичный же характер действий его оппонента через СМИ и определил, на наш взгляд, достижение Березовским одной из преследуемых политических целей — компрометация политического противника, его курса путем расшатывания политических установок, сконструированных правительством (можно понимать Примаковым Е.) на тот период российских реформ. Акцентируя внимание на основной задаче нашего анализа, которая заключается в выявлении деструктивной роли СМИ в указанном политическом конфликте, необходимо выделить то, что своих, в конечном счете, манипулятивных целей оба издания («МК» и «НГ») достигли благодаря систематическому

воздействию на элементы политических установок (организация относительно устойчивых чувств, знаний и т. д.), которые в общественном, индивидуальном сознании играют роль регуляторов отношения личности, групп, общностей к явлениям политического процесса, а также их политического поведения. В этой связи, цели по изменению этих установок достигаются с помощью средств убеждения: сообщения, интерпретации, внушения²⁰⁵.

Приведенные в выводах российского эксперта СМИ способы медиавлияния представляют из себя компоненты апробированной идеологическими структурами специального назначения методов изменения в массовом сознании объективных установок, либо формирования в нем изначально ценностных ориентаций определенного толка. В этой связи, сообщение является способом отражения действительности в плоскости идеологически значимых (для субъекта — инициатора) фактов события. Интерпретирование событийности политического конфликта, как правило, «вытalkingивает» комментатора из поля объективного анализа в пространство интересов одной из оппозиций. Внушение, как способ манипуляции, преследует целенаправленное воздействие на психическую сферу потребителя информации. Как правило, общественное сознание, в большинстве своем, относится с доверием к телерадиоинформации, принимает «за чистую монету» газетное слово. СМИ, используя этот фактор общественного доверия, систематизирует внушение посредством повторов в разных вариациях информационных сообщений без особой их обработки с целью рациональной аргументации, а больше акцентируя внимание общественности на аффективных, иррациональных компонентах высказываний. Поэтому те медиасредства, которые в большей степени нацелены быть не субъектами гласности, но активными акторами политических конфликтов (цели при этом таких устремлений сходятся к одному — повышение имиджа издания, его популяризации и увеличение тиража) включают в арсенал медийной практики такие приемы и средства, как информационный компромат; фильтрация, идеологическая обработка информационного материала оппозиции и новая ее подача уже в идеологическом обрамлении новоценностных претензий на определение в общественном сознании иных политических установок; конфликтогенное лексическое сопровождение информации; виртуальная глобализация конфликта; провоцирование информационной войны и вовлечение в нее силовых и государственных структур.

---

²⁰⁵ Скуленко М. Убеждающее воздействие публицистики. — Киев, 1986. — 276 с.

Перечисленные методы манипулятивных технологий СМИ были испытаны и на информационном поле Казахстана (разделение условное, так как современные постиндустриальные общества представляют из себя социумы сетевой коммуникации и Казахстан является в ней одним из компонентов глобального пространства). Так, в статусе «лидера манипуляции» общественным сознанием казахстанцев выступила «Независимая газета», которая, по сути, стала на тот период медийно-информационным полигоном апробации манипулятивных политических технологий. Публикации о непризнании права «... русскоязычного населения на самоопределение» в вопросах языка; об ограничениях в отношении «... национальных и религиозных меньшинств» в вопросах создания военизированных казачьих формирований; об угрозе элитизации Старшего жуза в ущерб Среднему и Младшему жузам в вопросах развития этнополитических процессов на территории страны и т. д. («Независимая газета» от 07. 04. 95; 07. 07. 94) вызвали в казахстанском обществе дискуссии разного толка. А отдельные газетные выступления типа обсуждения принадлежности пяти северных областей республики, которые стали предметом обсуждения на заседаниях высшего законодательного органа страны, провоцировали дезинтеграционные процессы в обществе. Стремление использовать инертный психологический потенциал массового сознания для культивирования собственных ценностей и понятий в политическом сознании казахстанцев не менее было присуще и таким изданиям, как «Век», «Сегодня», «Русская мысль». В качестве примера достаточно ознакомиться с содержанием номеров перечисленных изданий от 02. 06. 95; 26. 08. 94 и 08. 12. 94 соответственно. Обладая мощным регулятивным потенциалом, средства массовой коммуникации, нередко, обретают функциональную значимость институтов неформальной властной коррекции общественно-политических процессов. Вместе с тем, на всех уровнях СМИ заложены факторы не административной регуляции, а учитывающие социальные, политические потребности населения.

На основании изложенного, манипулятивные технологии СМИ в условиях политических конфликтов и прямое медийное участие в качестве акторов оппозиционирующих сторон в их событиях, следует выделить в отдельный ряд угроз общественно-политической стабильности. Это актуализировано тем, что общество, в начальной стадии такой медийной кампании увлеченно следя за процессом, приходит к пониманию их самоцельности и бесполезности в деле удовлетворения истинных социальных, общественных потребностей. Систематическое же увлечение медиасредств «интересами» конфликтующих элит нивелирует в обществен-

ном сознании в целом демократические ценности гласности и свободы слова.

Что же касается казахстанской практики «медиатизации» политического процесса, то она выражена менее «ярко» и заключается в том, что в начальный период становления независимой государственности Казахстана поведению СМИ было характерно преимущественно деидентификационное моделирование позициями элит, контролировавшими важные секторы общенациональных и региональных медиа. До середины 1990-х годов роль «масс-медиа» ограничивалась публичным освещением противоречий, возникающих между влиятельными политическими силами. «Новые акторы» информационного пространства (реальные собственники СМИ) использовали их в целях усиления позиций групп, доминирующих во власти и обеспечивали их успехи в политических кампаниях в периоды выборов, обсуждения важных законопроектов в представительных органах. В этой связи, большей части медиасредств Казахстана характерны более продуктивные, в сравнении с российской информационной действительностью, для общества посреднические функции, отличительными признаками чего является то, что наиболее растиражированные медиа, в основном, не стремятся ассоциировать себя с чьей-либо позицией. Они не участвуют в политических конфликтах элитных групп напрямую (если участвуют, то, в случае приверженности одного из субъектов оппозиции к идеологическим ориентациям власти, стремятся в «некомпрометирующих» себя тонах выразить их сторону). В основном же, информационное пространство в условиях политических конфликтов заполняется хронологическим описанием событий или констатацией, принимаемых оппозициями, мер (допускаются случаи их комментария со стороны власти, если они не участники процесса, или эксперта в области политических исследований). В условиях глобализации мировых угроз, усиления деструктивной роли медиасредств на информационном пространстве мира, способной к разрушению традиционных устоев национальной государственности, культурных, ментальных основ этнонациональных общностей такая посредническая роль СМИ в политических конфликтах обладает миротворческим потенциалом и способствует ослаблению влияния тех негативных компонентов явления, которые на уровне формирования в общественном сознании рефлексно-аффективных ассоциаций и эмоций приводят к формированию в социуме относительно статичных во времени элементов дисбаланса представительских интересов и, в целом, к дестабилизации общественно-политической обстановки.

В связи с изложенным, одним из эффективных способов урегулирования конфликта в латентной его стадии развития является организация

диалога по его поводу между специалистами, властью и общественностью на имеющемся информационном пространстве. Только полисубъектный диалог в состоянии привести к созданию и осмыслению той стратегии стабильности, которую поддержит население, к определению той идейной базы, которая сплотит все слои общества и сможет стать гарантом его консолидации и мобилизации на общие стратегические цели.

В этой связи, выявление актуальных проблем медийного пространства и связанных с этим потенциальных возможностей СМИ, позволяет нам определить приоритетные стратегические направления информационного воздействия. В условиях казахстанской действительности их необходимо формулировать с учетом политэтничности, поликонфессиональности и поликультурной особенности общества. Это:

- во-первых, информационное влияние на выработку у всех слоев социума чувства единой целостности, основанной на территориально-хозяйственной, социально-психологической, общей казахстанской культурной общности;

- во-вторых, — воспитание казахстанского патриотизма средствами информационного воздействия на тенденции формирования в общественном сознании народа чувств своей национально-государственной принадлежности;

- в-третьих, выработка и формирование на имеющемся информационном пространстве способом отражения наиболее общих, коренных межнациональных интересов такого общественного мнения, которое способствовало бы осознанию во всех слоях общества, преобладающих в Казахстане целей;

- в-четвертых, воспитание осознанно-уважительного отношения представителей всех наций и народностей, проживающих в стране, к важнейшим событиям национальной истории казахов, их традициям и обычаям;

- в-пятых, формирование у казахстанцев осознанных восприятий всех граней взаимоотношения между этно-национальными общностями, проживающими в стране.

Такая функциональная задействованность СМИ и их коммуникативная роль в общественно-политическом процессе будет способствовать решению актуальных идеологических проблем в современной модернизируемой казахстанской действительности, которые, исходя из вышеперечисленных медийных приоритетов, выражены в актуализации проблем формирования в общественном сознании казахстанского общества чувств государственной идентичности, общности интересов и целей, социально-политической общности, сопричастности к культуре титульного этноса.

Вместе с тем, не менее актуальным, в контексте, в целом, исследуемой проблемы, является вопрос религиозного просвещения. Тенденции расширения и укрепления религиозного мировоззрения — очевидный факт современности. Обращение к религиозным ценностям в конце минувшего столетия не было случайным явлением. Смена ценностных ориентиров постсоветского общества и идеологическая «вакуумизация», разрушение привычных идеалов, несвоевременное формирование альтернативных светских ориентиров в сфере идеологии повлекли соответствующие изменения и в мировоззренческих устоях социума. В условиях материального и духовного кризиса источником духовной поддержки стала религия. Постсоветскому обществу пришлось решать сложную дилемму, в основе которой были проблемы идентичности и современности, то есть, возрождения и развития народных традиций, сохранения специфического ментального «образа» национального сознания и в то же время необходимости соответствовать современной цивилизации, сочетания традиций и новых форм общественно-политической практики. Данная проблематика, во многом обусловленная усилением религиозного мировоззрения, явилась широким функциональным полем деятельности СМИ. Главная их задача состояла в том, чтобы не противодействовать желаниям и стремлениям людей осознанно пройти путь духовной идентификации в религии (или через религию), определить акценты рационального сочетания новоценностных устремлений большинства со светскими доминанциями современного общества.

Анализ коммуникационных особенностей в деятельности СМИ по стабилизации политического процесса позволяет выделить её идеологические аспекты, представляющие из себя широкое функциональное медиаполе, на котором идет и формирование теоретического сознания, как важного компонента политической и правовой культуры общества, участвующего непосредственно в политической социализации людей. В этой связи, идеологическая направленность медийной практики имеет несколько форм выражения. Первая — критическая, когда коммуникационные элементы (идеологические концепции или разного рода идеи, выдаваемые инициативным актором за ложное мировоззрение или ложное сознание) в СМИ служат обозначениями для систем взглядов лишь определенного политического движения или режима. В нашем случае она преимущественно выражена в тех СМИ, которые ассоциируют себя с радикальной оппозицией. Вторая — нейтральная форма, которая выражает идеи, убеждения представителей всех слоёв общества. Это, как правило, общественно-политические ориентации, свойственные определенному социальному действию и политическим программам. К третьей, специальной,

идеологически ориентированной форме, следует отнести манипуляцию политическим сознанием людей. Отдельные исследователи СМИ относят медийную манипуляцию к их основным функциональным предназначениям в постиндустриальном обществе. Так, российские эксперты отмечают, что в реальной практике буржуазного общества свобода слова стала предоставляться в той мере, в которой общественное мнение подчинялось манипуляции, а юридические запреты на свободу сообщений были устранены в США только в 60-е годы XX века, когда технология манипуляций стала безотказной²⁰⁶. Это заключение обосновывается тем, что с процессом глобализации информационного пространства проблема свободы сообщений обрела новое звучание в городском обществе, когда СМИ вытеснили личное общение как источник информации из сферы коммуникации. С середины 1980-х годов в США телевидение стало основным источником новостей для 62% американцев, газеты — для 56, радио — для 13, журналы — для 9, а прямое межличностное общение — только для 1 %. Таким образом, из процесса получения информации исключается диалог, создающий важнейшую защиту против манипуляции сознанием. Получатели сообщений превращаются в толпу в том смысле, что они могут лишь пассивно воспринимать сигналы от «коммуникатора-суггестора»²⁰⁷.

Каждая из отмеченных выше форм проявления современных функциональных особенностей СМИ наличествует в разных соотношениях, но взаимно сочетаясь в практике современной деятельности медиа — средств. И, признавая справедливость изложенных заключений, следует отметить, что претензии СМИ на информационную корреляцию общественно-политических процессов, когда ими преследуются цели и роль одного из идеологических субъектов — доминионов политики, несомненно, усиливаются по мере экономизации отношений и образования медиа-корпораций, холдингов, имеющих относительную независимость в материальном отношении субъектов информационного пространства, в связи с чем, обретающих большую свободу в выборе манипулятивных технологий для достижения обозначенной цели.

В связи с изложенным, необходимо отметить, что каждый аспект нашего анализа деятельности СМИ в современных условиях (речь идёт о структурологических, культурологических, политико-идеологических аспектах участия их в политическом процессе и политических конфликтах...) косвенно или прямо касается манипулятивного свойства функцио-

---

²⁰⁶ Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. — М., 2006. — С. 272.

²⁰⁷ Там же. — С. 273.

нальности информационного пространства и его основного субъекта — СМИ. В чем же заключается, в контексте изучаемой проблемы обеспечения эволюционности развития общественно-политического процесса, суть политической манипуляции, представляющей существенную угрозу традиционным ценностям и внутренней политической стабильности?

В целом, процесс манипулирования следует понимать как воздействие на общественное сознание с целью формирования установок (мнений) и ориентаций (поведения) в русле определённых направлений. Политическое же манипулирование в информационном пространстве следует, в этой связи, воспринимать как внедрение в политическое сознание масс под видом объективной информации сообщений, фактов, содержащих позиционные установки определённых групп; воздействие на болевые точки общественного сознания, возбуждающие страх, тревогу, ненависть и т. д.; реализация декларируемых и скрывааемых замыслов, достижение которых манипулятор связывает с поддержкой общественным мнением своей позиции²⁰⁸. В этой связи, главной целью объектного воздействия для СМИ является психологическая структура личности человека. Особенностью манипулятивных технологий в информационном пространстве общества являются внешний (открытый) стимул, посредством которого фиксируется внимание объекта с ориентацией в желаемое русло развития событий и внутренний (скрытый) стимул, вызывающий у объекта импульсивное стремление к не вполне осознанному действию. Для субъекта (СМИ) манипуляции очень важен внешний стимулятор, дающий инерцию к интенсивному развитию логической последовательности манипуляционного воздействия

Медийная манипуляция в политическом процессе — технология, требующая специальных знаний, навыков и умений, в связи с чем, требующая привлечения квалифицированных специалистов, политтехнологов и практических психологов. Арсенал манипулятивных технологий СМИ включает несколько основных форм воздействия на аудиторию, которые заключаются в информационном насилии («информационные войны», особенности которых мы рассмотрели выше), духовном насилии (внутреннее, психологическое программирование, специфика которых изложена в предыдущей части данного параграфа), диалогичных и убеждающих формах воздействия (систематическая, в разных версиях, передача одной и той же информации). Актуализация манипулятивных особенностей СМИ определила тенденции совершенствования обозначенных практических форм их воздействия на общественное сознание, что в свою очередь, по-

---

²⁰⁸ *Амелин В.* Социология политики. — М., 1992. — 317 с.

требовало классификации информационного оружия, которое сегодня об- суждается и среди военных специалистов, политехнологов^{209; 210; 211; 212; 213}.

Обозначенные негативные особенности манипулятивной специфики СМИ, как уже показано выше, выделяются в качестве доминирующих в процессе информатизации политических, общественных связей современности. В этой связи, они требуют определения конкретных регулятивных и контролирующих мер со стороны государства в системе законодательства и координирования процесса концентрации медиа — средств. Последнее условие обретает актуальность по мере усиления конкуренции среди субъектов распространения информации, вызывающей, в свою очередь, центристемительные тенденции объединения усилий и возможностей медиа — средств «в руках» ограниченного круга их политико-коммерческих спонсоров.

Исходя из вышеизложенного анализа политических, психологических, социальных факторов воздействия СМИ на общество, которые могут при определенных обстоятельствах и условиях привести к дестабилизации политической структуры и негативно скорректировать направления политического процесса, необходимо отметить то, что современная глобальная информационная система, обладающая сетевым характером организации коммуникационных процессов в режиме электронных технологий, способна разбалансировать структурирующие компоненты, в целом, государственности. В этой связи, её потенциальные возможности выражены:

- во-первых, тем, что она может нивелировать понятия юридически закрепленной территориальности (прозрачность для информации границ);
- во-вторых, как доказано на примере субъектного участия СМИ в политическом конфликте (изложено выше), способна дестабилизировать, основанные на праве, межсубъектные государственные связи;
- в-третьих, — дезорганизовать вербализованный нормативной правовой практикой общества стабильный современный политический про-

---

²⁰⁹ Крутских А., Федоров А. «О международной информационной безопасности» // Международная жизнь. — 2000. — № 2. — С. 37-48.

²¹⁰ Крутских А., Федоров А. «О международной информационной безопасности» // Международная жизнь. — 2000. — № 2. — С. 37-48.

²¹¹ Гриняев С. Американские эксперты об эскалации информационной войны в Интернете. — Зарубежное военное обозрение. — 2002. — № 6.

²¹² Фельдман Д. Информационная и национальная безопасность России. — Власть. — 2001. — № 9.

²¹³ Шаравов И. К. вопросу об информационной войне и информационном оружии. — Зарубежное военное обозрение. — 2000. — № 10.

цесс, предполагающий легитимное и прогнозируемое политическое поведение субъектов политического пространства;

– в-четвертых, может способствовать функционально-идеологическому проявлению на информационном пространстве экстремистских и маргинализированных сил, которые потенциально готовы к такой информационной активизации в качестве компенсации за отсутствие возможностей для организованных форм своего политического функционирования.

Угрозы информационной безопасности реализуются через несоответствие информационной деятельности некоторых органов государственного информирования, СМИ приоритетным интересам государственного, общественного, политического развития, сознательное манипулирование информационной продукцией, доводимой до населения, дезинформацию, что, в свою очередь, приводит к искажению информационно-психологической среды, общественно-политической обстановки, разрушению ментально-культурных основ, деструктуризации морально-нравственных ценностей.

Информационная безопасность подвергается угрозе и в сфере прав и свобод граждан, которые преимущественно реализуются в информационном пространстве через СМИ. Это может выражаться в форме принятия, осуществления актов, ущемляющих свободу граждан в гласном изъятии своей воли, в закрытом характере информационной деятельности СМИ, который, как правило, осуществляется под видом борьбы за качество информационной продукции.

Итак, изложенные аспекты угроз информационной безопасности показывают, что информация, как средство, является идеологическим оружием в решении политических стратегических задач, которое может быть с успехом использовано (о чем свидетельствуют факты из практики деятельности СМИ, приведённые в данной части исследования) в доминирующих направлениях развития цивилизации — против государственного суверенитета, путем дезорганизации отдельных её сегментов и ценностей, обретённых тем или иным народом в процессе общественного развития, способами переориентации привычных установок общественного сознания. В качестве причин информационной угрозы внутренней стабильности общества служат в основном неправомерная информационная деятельность в коммуникационном пространстве; манипуляторская информационная политика субъектов политического процесса; ограничение доступа к источникам информации (в том числе к СМИ); слабая систематизация СМИ и их деятельности в обществе, как основного политического коммуникативного звена; ограничение общественной коммуникации в «масс-медиа». В комплексном наличии таких факторов на информацион-

ном пространстве общества создаются предпосылки к нарушениям гражданских прав населения в сфере информационных связей, что, безусловно, является провоцирующим элементом для проявления недовольств, создает условия для свободного использования субъектами информирования манипулятивных способов воздействия на общественное сознание и, в целом, способна импулсировать политическую нестабильность. В этой связи, отдельные эксперты классифицируют угрозы информационной безопасности по системным и периферийным признакам²¹⁴.

Системные — носят целенаправленный, структурированный и централизованный характер. Они являются следствием упорядоченных действий властных и околоэлитных структур. Например, информационно-психологическая атака на конкретную политическую систему или её сегмент со стороны конкурирующего государства, транснациональной структуры или деструктивные акции внутри государственных квазиэлит. «Образцом» такого действия является деятельность компании «Майкрософт». Результаты экспертизы программных продуктов этой компании, проведённые французскими специалистами по заказу Министерства обороны Франции, явились основанием для предъявления обвинения в адрес «Майкрософт» в том, что она, по согласованию с Агентством национальной безопасности США встраивала в свое программное обеспечение недокументированные программы, позволяющие американским спецслужбам при необходимости получать несанкционированный доступ к компьютерам пользователей во время их работы в Интернете.

Периферийные угрозы связаны с деятельностью широкого спектра внесистемных сил — от международных террористических организаций, до хакерских групп. Отмечая их неструктурированность, диффузность и непрогнозируемое возникновение, специалисты делают акцент на проблематичности выработки действенной стратегии защиты. Это связано с тем, что глобализация информационализма упростила коммуникационные возможности экстремистско-террористических организаций, которые оперативно стали решать задачи, касающиеся управления боевыми отрядами, адресного набора политических адептов, проведение переговоров с желающими исполнить теракты в определенной точке мира, контролирования заказных операций. Появление же электронных сетей создало качественно новые условия и для пропаганды экстремистских идей, для ведения ими открытой полемики с официальными государственными структурами, их дискредитации в глазах общественности.

---

²¹⁴ Морозов И. Л. «Информационная безопасность политической системы»// Политические исследования. — 2002. — № 5. — С. 134-145.

В связи с изложенным, процесс обеспечения информационной безопасности представляется такой системой государственных мер, которая вырабатывала бы соответствующий защитный иммунитет самого государства, общества, социальных групп, личности от информационных угроз современности, негативного информационного влияния на общественное и индивидуальное сознание, психику людей, а также на информационную технологию (технические средства информации), содействовала бы формированию личностных и групповых навыков поведения в информационном пространстве, поддерживала бы мобилизующие свойства государственных и неправительственных структур к адекватным мерам противодействия. В целом, такая информационная политика должна гарантировать оперативную регуляцию информационных потоков для обеспечения их позитивной роли в поддержании жизнедеятельности и устойчивого функционирования общества и государства.

Меры по обеспечению информационной безопасности имеют «историческую родословную» в мировой практике от процессов самоорганизации (в начале 2000-х годов в США создана ассоциация «Америка, свободная от телевидения» («TV — Free America»), которая пропагандирует «катодную абстиненцию» — организует в национальном масштабе недельный бойкот ТВ в год) до радикальных кампаний в рамках государственной политики. Например, призыв Клинтона к Конгрессу США утвердить закон, обязывающий производителей телевизоров вставлять в них микросхему для цензурного просмотра передач, нашедший поддержку конгрессменов, является фактом признания руководством США бесконтрольной «свободы» ТВ, которая, по сути, преобразовалась в антиобщественную силу, культивирующую асоциальные нормы поведения. Как отмечают специалисты, в США тратят на обеспечение информационной безопасности около 50 млрд. долларов в год. А многие представители высшего военного ведомства этого государства убеждены в том, что главной чертой вооружённой борьбы в следующем столетии будет перенос акцента в сферу информационного противоборства, достижение же информационного господства станет обязательным условием победы над любым противником²¹⁵. Настоящее заключение, сделанное иностранными специалистами во второй половине прошлого столетия, характеризует перспективно-стратегическое развитие информационализма в XXI веке.

В этой связи, многие развитые страны мира практикуют довольно решительные меры регуляции информационно-коммуникационного пространства. Так, в Испании, в 1996 году, в процессе выборной кампании в

---

²¹⁵ Там же. — С. 140-141.

парламент страны, в связи с пропагандой терроризма, был запрещен показ видеоролика одной из радикальных баскских партий. Во Франции существуют запреты на отдельные публикации, которые налагаются соответствующим органом обеспечения национальной безопасности и могут быть обоснованы многими причинами, включая общественный порядок, национальную безопасность, международные отношения и т. д. В развитом демократическом обществе Германии, несмотря на то, что основным законом этой страны гарантированы широкие возможности для творческой инициативы населения, а в пятой статье Конституции данного государства конкретно сформулировано положение об отсутствии цензуры, контроль за массовой информацией осуществляется достаточно строго и эффективно. Например, федеральный конституционный суд «... рассмотрел уже более сотни дел, относящихся к свободе печати. Почти все они касались телевидения и возбуждались как по ходатайству зрителей, так и самих журналистов.... Было несколько случаев, когда срабатывали параграфы 131 и 184 Уголовного кодекса ФРГ, предусматривающие суровую кару за унижение достоинства человека и распространение порнографии»²¹⁶. Что же касается технологии неофициальной немецкой цензурной практики, то она представляет из себя оригинальный способ контроля массовой информационной продукции. Фильтрация телеэфира осуществляется за счет привлечения к этой работе на основе почасовой оплаты старшекурсников юридических и журналистских факультетов. Эти наёмные «цензоры» обязаны записывать и анализировать свой отрезок телеэфира и «... фиксировать на специальных бланках наличие и отсутствие нарушений. Все это передается в специальное земельное ведомство по вопросам радио и телевидения. Ведомство имеет право устно или письменно указать на незначительное нарушение. Следующий этап — предупреждение. В более серьезных случаях — денежные штрафы. Ну и в особых случаях ... возможно досрочное аннулирование лицензии»²¹⁷. Однако, основной контроль за немецкими СМИ осуществляется со стороны Совета по прессе — Presserat. «Совет принимает решения по всем важнейшим вопросам деятельности телерадиовещателя: утверждает бюджет, определяет и корректирует основные принципы содержания программ, ... Члены Совета должны представлять интересы общества и от его имени направлять информационную политику общественно-правовых телера-

---

²¹⁶ Золовкин С. Секреты качества немецкого ТВ / Караван. 2007. 23 марта. — С. 14-15.

²¹⁷ Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 26. 06. 1998.

диокомпаний»²¹⁸. И эта политика, как отмечает в своей работе автор, имеет ощутимый результат относительно познавательности и качества информационной продукции.

Не давая оценку правомерности, с позиции демократических ценностей, используемых методов запрета информации, необходимо отметить, что цензурная практика относительно негативных проявлений роли СМИ в общественно-политическом развитии имеет солидный опыт, представляющий определенный интерес и для обществ с преобладанием транзитных характеристик и формирующих свои институты гражданского регулирования внутренними процессами развития на начальном этапе. Экстремистско-террористические угрозы выявили в них проблемы, касающиеся определения нормативных границ взаимоотношения между СМИ и государственными структурами власти. Это:

- о критериях разделения полномочий по охране сведений, представляющих государственную тайну;
- о введении цензурных ограничений и свободе доступа к информации;
- о новоценностных подходах к определению самого понятия информация и ее регулятивного потенциала в современном политическом процессе.

Последний аспект имеет особую проблематику в связи с тем, что в процессе распространения экстремистско-террористической угрозы и её глобализации до мировых масштабов массовая информация, как основной продукт медиа — средств, обрела совершенно иное содержание и назначение в руках субъектов большой политики и террористов. Такое явление как «информационная война», рожденная в горниле известных боевых событий в горячих точках мира второй половины XX века, является своего рода следствием именно такой радикальной переориентации назначения информационной продукции.

Современные тенденции глобализации внесли и соответствующие коррективы в развитие информационного пространства Казахстана. В начале 2000-х годов казахстанский эксперт СМИ А. Сарсенбаев выделял три доминирующих тенденции в информационных процессах, происходящих в Казахстане. Это:

- азатизация (дистанцирование СМИ от государственной опеки и становление отношений «общество» — «СМИ»);

---

²¹⁸ Там же.

– легализация информационного пространства, становление правовой основы деятельности СМИ, разрешение любых проблем только судебным порядком;

– коммерциализация большинства СМИ, становление рынка рекламы в стране²¹⁹.

Эти характерные признаки в общем контексте информатизации казахстанского общества обрели сегодня форму объективированных явлений с некоторым превалярованием в развитии коммуникационных средств концепции «СМИ — бизнес».

В связи с изложенными особенностями современной ситуации в развитии информационного пространства в Казахстане определены внешние приоритеты информационной защиты казахстанского общества, которые заключаются в принятии государственных мер по недопущению:

– информационной зависимости страны и информационной экспансии или блокады со стороны других субъектов мирового сообщества;

– принятия решений и совершения действий, противоречащих национальным интересам формирования и бесперебойного функционирования информационного пространства республики;

Эти меры направлены:

– на формирование единого информационного пространства республики Казахстан;

– регулирование правового режима информационных ресурсов пограничных войск и стран СНГ;

– урегулирование некоторых вопросов Агентства по контролю за стратегическими ресурсами страны;

– концептуализацию процесса развития конкурентоспособности информационного пространства страны и т. д.^{220;221;222;223;224}

---

²¹⁹ *Сарсенбаев А.* Стратегия формирования информационной политики Республики Казахстан в переходный период; Авт. дис. ... докт. полит. наук. — Алматы, 2000. — С. 38.

²²⁰ Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 26. 06. 1998.

²²¹ Указ Президента Республики Казахстан № 3424 «О некоторых вопросах агентства по контролю за стратегическими ресурсами Республики Казахстан» от 24. 03. 1997.

²²² Указ Президента Республики Казахстан № 219 «Об утверждении соглашения о правовом режиме информационных ресурсов пограничных войск государств — участников СНГ» от 29. 09. 1999.

²²³ Указ Президента Республики Казахстан № 3787 «О формировании единого информационного пространства в Республике Казахстан» от 9. 12. 1997.

Вместе с тем, глобализационные процессы в сфере использования СМИ в качестве основного инструментария изменения тех или иных политических, идеологических установок требуют установления соответствующих этических табу, реализуемых через определенные разновидности цензуры с целью сдерживания разрушительного действия манипулятивной информации ниже некоторого приемлемого, критического уровня. Учитывая опыт западных государств в обеспечении информационной безопасности, видится целесообразным принятие законов и учреждение органов надзора, которые контролировали бы:

- объективность и беспристрастность телеинформационных передач, газетно-журнальных сообщений;
- разделение информационных сообщений от существующих мнений с указанием их авторов;
- наличие информационного предупреждения о различии позиции социальных групп и общественных движений по проблемам, которые в обществе выражены разными мнениями.

Информационно-аналитическая деятельность таких структур также должна включать системный анализ медийной продукции с элементами прогнозирования тенденций информационной практики СМИ относительно их безопасности стабильному функционированию всех сфер общества: осуществление мониторинга «событийной привлекательности» СМИ по проблемам внутренних и внешних угроз; определение алгоритма информационной практики деятельности СМИ, как основных субъектов-коммуникаторов современного политического процесса. Следовательно, информационно-аналитические функции соответствующих государственных структур должны обеспечивать позитивный структурный информационно-коммуникационный фон в обществе и действенность принимаемых решений, относительно информационных составляющих, в целом, процесса системообразования национальной безопасности страны.

Информационная политика должна, на наш взгляд, содержать положения согласно которым:

- в государственных медиасредствах всем парламентским партиям и фракциям должно быть предоставлено время для свободного изложения их программ и точек зрения пропорционально числу мандатов, а также другим политическим партиям и движениям, профессиональным союзам

---

²²⁴ Указ Президента Республики Казахстан № 163 «О концепции развития конкурентоспособности информационного пространства Республики Казахстан на 2006-2009 годы» от 18. 08. 2006.

и ассоциациям — согласно критериям, согласованным с наблюдательными советами;

- обеспечено право граждан, общественных и государственных организаций на опровержение ложной информации в тех же СМИ (в номерах изданий или передачах ТВ, в которых они опубликованы);

- гарантировано право неприкосновенности личного образа;

- гарантирована обязательная квота для демонстрации отечественных произведений культуры с ограничением рекламной продукции.

Безусловно, деятельность органов медийного надзора должна подкрепляться моралью, соответствующей культурой политического поведения и позитивными, в этих целях, интересами влиятельных сил общества, — политическими факторами, тенденцией развития которых в казахстанском обществе, а также их концептуальные особенности проанализированы в предыдущих частях настоящей работы.

В процессе нормативного закрепления роли СМИ в обществе акцент должен быть сделан на взаимной ответственности общества и СМИ, власти и журналистов. В этой связи, актуальной проблемой современных отношений государства и «масс-медиа» является необходимость соблюдения баланса интересов в сфере регулирования правительством информационного рынка (речь идёт о воспрепятствовании недоброкачественной медийной продукции). Социологический мониторинг мнений специалистов и экспертов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой проблематике показал, что большинство из них считают в целях обеспечения информационной безопасности вполне оправданной контрольную функцию государства за СМИ. Так, 50 % опрошенных экспертов ответили, что меры любого государства должны быть достаточно жесткими при проведении таких защитных мероприятий, 14,3 % — уверены, что государство должно контролировать любые СМИ, вне зависимости от того, где и кем они были учреждены. В целом, по результатам мониторинга высказавшихся против государственного контроля СМИ не оказалось²²⁵.

На основании вышеизложенного анализа и обоснования аспектов актуализации информационной безопасности республики Казахстан, а также в целях дальнейшей реализации Концепции развития конкурентоспособности информационного пространства Республики Казахстан подготовительными этапами, с целью обеспечения системности и научной методичности в процессе осуществления данной работы, на наш взгляд, должны стать:

---

²²⁵ СМИ и общество: реалии и перспективы // Казахстанская правда. 2003. 28 июня.

– научное объективирование коммуникационных технологических источников и характера исходящих от них угроз (имеющихся и потенциальных);

– разработка основных принципов системообразования защиты от информационных угроз (идеологическое, политическое, культурологическое и техническое направления);

– инициирование в рамках имеющихся договоренностей по вопросам обеспечения безопасности от внешних угроз (экстремистско-террористического, культурологического, информационного, экономического характера) на уровне СВМДА, ШОС, международных двух и многосторонних соглашений, принятие Деклараций и концептуальных соглашений по обеспечению региональной информационной безопасности с выходом в данной сфере на евразийское и мировое пространство нормативной регуляции;

– согласование основных принципов противодействия международной информационной агрессии с принципами функционирования ведущих международных организаций в области СМИ и прав человека;

– разработка основных принципов организации системы контроля безопасности информационного пространства страны в условиях его глобализации. При этом, в процессе нормативного субъективирования (определение в нормативных актах источниковой базы информационных угроз) в информационном пространстве информационных ресурсов (внутренние и внешние источники воздействия) они должны учитываться как стратегические ресурсы, а соответственно и исходящие от них угрозы — в рамках требований обеспечения в целом национальной и общественной безопасности страны.

Вопросы для самоконтроля:

1. Информационный фактор экстремистско-террористических угроз современности?

2. Формы выражения идеологической направленности информационно-медийной практики?

3. Основные формы манипулятивно-информационного воздействия на сознание населения?

4. Потенциальные возможности технологий СМИ в деструктуризации сознания, общественно-политической ситуации?

5. Классификация информационных угроз по системным и периферийным признакам?

6. Приоритетные направления формирования информационной политики в Казахстане? Идеологическое, политическое, правовое, культурологическое, общетехническое направления обеспечения безопасности казахстанского общества от издержек глобализации информационного пространства?

ГЛОССАРИЙ
УЧЕБНОГО КУРСА ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИЙ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА, РЕЛИГИОЗНОГО И
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА, А ТАК ЖЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ МЕРАМ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ УГРОЗАМ
(ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ, ТРЕБУЮЩИЕ
ПРАВИЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ)

Террор — 1) устрашение противников, выражающееся в физическом насилии, включая уничтожение; 2) запугивание, насилие.

Терроризм (Закон РК «О борьбе с терроризмом от 13. 07. 99 г.) — противоправное уголовно наказуемое деяние, совершаемое для подрыва безопасности государства, оказания воздействия на принятие государственными органами решений и достижений иных террористических целей путем:

- 1) уничтожения (повреждения) или угрозы уничтожения (повреждения) стратегических и жизненно важных объектов и коммуникаций государства, систем жизнеобеспечения населения, имущества и других материальных объектов;
- 2) посяательства на жизнь государственного или общественного деятеля для прекращения его государственной или политической деятельности или из мести за такую деятельность;
- 3) нападения на представителя иностранного государства или сотрудника между-народной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой;
- 4) насилия или угрозы насилия в отношении физических лиц.

Международный терроризм (Закон РК «О борьбе с терроризмом от 13. 07. 99.) — террористическая деятельность, выходящая за рамки одного государства.

Террористическая деятельность (Закон РК «О борьбе с терроризмом от 13. 07. 99.) — деятельность, направленная на совершение преступлений террористического характера и включающая в себя любое из следующих деяний:

- 1) распространение идеологии терроризма;
- 2) организацию, планирование, подготовку и совершение террористических актов;

- 3) подстрекательство к проведению террористических акций, призывы к насилию в террористических целях;
- 4) организацию незаконных вооруженных формирований или преступных организаций с целью совершения террористических акций, а равно участия в них;
- 5) вербовку, вооружение или использование террористов в террористических целях и акциях, обучение их террористическим навыкам;
- 6) финансирование террористических организаций и террористов;
- 7) пособничество в подготовке и совершении террористической акции.

Террористическая акция (Закон РК «О борьбе с терроризмом от 13. 07. 99.) — совокупность деяний, направленных на достижение целей терроризма и совершение других преступлений террористического характера.

Террористический акт (Закон РК «О борьбе с терроризмом от 13. 07. 99.) — непосредственное совершение покушения, взрыва, захвата заложника, поджога и других действий, создающих опасность гибели людей, причинения им значительного материального ущерба либо наступления других общественно опасных последствий, если эти действия совершены для достижения целей терроризма, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Террористическая организация (Закон РК «О борьбе с терроризмом от 13. 07. 99.) — Устойчивое объединение 2-х и более лиц для совершения террористической акции.

Террорист — (Закон РК «О борьбе с терроризмом от 13. 07. 99.) — лицо, участвующее в террористической деятельности.

Антитеррористическая операция (Закон РК «О борьбе с терроризмом от 13. 07. 99.) — комплекс специальных мероприятий, проводимых государственными органами для обеспечения безопасности граждан и должностных лиц, пересечения террористической акции, обезвреживания террористов и минимизации последствий террористической акции

Компетенция органов МВД в борьбе с терроризмом (Закон РК «О борьбе с терроризмом от 13. 07. 99.) — предупреждение и пресечение преступлений террористического характера, преследующих социальные, в том числе уголовные цели (взрывы, поджоги, причинение имущественного ущерба, похищение человека, захват заложников, незаконное лишение свободы, причинение вреда здоровью, убийства, совершенные с целью устрашения).

Экстремизм (латинское — «экстремус») — приверженность к крайним взглядам и мерам, использование обращения не к разуму, а чувствам

и предрассудкам людей, демагогии, провокаций, физического насилия и вооруженных методов борьбы для дестабилизации сложившихся общественных институтов и достижения авантюристических целей.

Религиозный экстремизм (проект Закона РК «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях») — приверженность в вероисповедании к крайним взглядам, направленным на насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности Республики Казахстана, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной, региональной, сословной и родовой розни, а также на разрушение личности человека, угрозу его жизни и здоровью.

Фанатизм (латинское «фанатикус» — неистовый, исступленный) —

- 1) страстная преданность чему-либо;
- 2) доведенная до крайней степени приверженность к каким-либо идеям, сопровождающаяся особой нетерпимостью к иным взглядам и их носителям;
- 3) образ мыслей и поведения фанатика.

Религиозный фанатизм — доведенная до крайней степени приверженность к одной из религий или одному из вероучений, сопровождающаяся нетерпимостью к другим религиям и вероучениям, а также их последователям.

Религиозный миссионер — духовное лицо, действующее по заданию религиозной организации или секты, посылаемое для распространения своей религии среди иноверцев или взглядов своей секты среди других лиц.

Миссионерская деятельность — (проект Закона РК «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях») — деятельность с целью проповедания распространения какого-либо учения посредством религиозно-просветительской, благотворительной и иной деятельности.

Религия (проект Закона РК «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях») — форма общественного сознания, выполняющая функцию мировоззрения, а также соответствующие поведение и действие, связанные с вероисповеданием.

Вероисповедания (проект Закона РК «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях») — принадлежность к какой-либо религии.

Свобода вероисповедания (проект Закона РК «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях») — неотъемлемый элемент свободы совести, включающий в себя:

- 1) право человека исповедовать любую религию или свои религиозные убеждения;

2) возможность каждого, независимо от принадлежности к той или иной религии, пользоваться всеми политическими и гражданскими правами и свободами.

Единая доктринальная концепция «Такфир» — обвинение в безбожии (куфре) мусульман — отступников. Мусульмане — отступники — это те, кто сочетает традиции «истинного» ислама (салафизма) с достижениями цивилизации, что является по мнению сторонников данной концепции отходом от предписаний шариата.

Интегризм — неделимость светского и духовного в концепциях салафитов.

Исламизм — приверженность идее введения исламского шариата как закона, определяющей жизнь современных исламских обществ.

Исламский активизм — радикализм действий салафитов по воплощению своих идеалов в действительность.

«Чистый Ислам» — исламское вероучение в эпоху пророка Мухаммеда и четырех «праведных халифов» — Абу-Бакра, Умара, Усмана и Али.

Политический ислам — религия неотделима от политики, что находит свое отражение в концепции исламского государства.

Мухаммед Абд-Аль-Ваххаб — сторонник ханбализма, наиболее строгой религиозно-правовой школы суннизма.

Саудовские ваххабиты — пуритане, получившие такое название из-за проповедуемого ими образа жизни, то есть буквалистское понимание священных текстов, без допускания их интерпретаций, естественно вне рамок ханбализма. Называют себя «людьми единобожия». Изображение живых существ приравнивается ими к ширку (посягательство на всемогущество Аллаха). Наиболее радикальные консервативные салафиты требуют в отношении такого ширка такфир — суровое наказание вплоть до смерти.

Неоваххабизм — используется для различения группировок, находящихся под влиянием идей ваххабизма. Радикальное течение, религиозно-идеологические (ваххабистские) установки которого сформулированы в контексте джихадистских методов их осуществления. Один из основных проповедников — Аль-Бана. Для обозначения данного идеологического направления автор вводит и новый термин «аль-банизм».

Джихадисты — идеология воинствующих группировок, которые ведут борьбу за свержение правительств радикальными методами, вплоть до террористических.

Салафизм — традиционалистское течение в исламе. В отличие фундаментализма он употребляется только относительно явлений, характерных для ислама.

Консервативный салафизм — объединение течений, стремящихся уберечь ислам от современной жизни, особенно неисламских обществ. Абсолютизируя при этом концепцию бид, а (инновация, новшество) как абсолютно неприемлемое дополнение к исконному исламу. Понятие бид, а консервативные салафиты распространяют как на атрибуты современной жизни, так и на огромное число норм, ритуалов и действий, многие из которых были исламизированы очень давно и стали неотъемлемой частью ислама. Не поддерживают идеи исламских традиционалистов и суфиев.

Таухид — исключительно строгий монотеизм салафитов ведет к частичному или полному отказу от таких привычных атрибутов как фотографирование, использование игрушек, имеющих форму животных или людей.

Политизированный ваххабизм (неоваххабизм) — или «сахизм» (от выражение «исламское пробуждение») получил распространение в 1970-е. Ваххабистские идеи сочетаются с идеями государственного устройства. Распространен большей частью в странах арабского мира.

Обновленческий салафизм — реформизм. Сторонники данного религиозного течения выражают идеи возврата к изначальному исламу, но направляют свою критику против предрассудков и обычаев, проникших в ислам из доисламских верований и ритуалов исламских народов. Отвергая нормы, чуждые истинным ценностям ислама они одновременно призывают мусульман использовать современные научные и технологические достижения Запада в интересах исламской уммы, заимствовать все то, что может быть полезно для прогресса мусульманских обществ, модернизации школьного образования. Противостоят исламским традиционалистам, включая суфиев.

«Большой джихад» — борьба против врагов ислама с применением силовых методов.

«Малый джихад» — индивидуальное усиление мусульманина, направленное укрепление своей веры. Может применяться только тогда, когда существование мусульман под угрозой, их права попираются или их территория отторгается от них.

Основные методологические подходы в исследованиях религиозного, политического, этнического экстремизма и международного терроризма:

Идеологические — за основу анализа экстремистско-террористических проявлений берутся фундаментализм, салафизм.

Бихевиористские и психологические — при бихевиористском исследовании экстремизм и терроризм рассматриваются как специфический тип поведения, основанный на исключении и нетерпимости к инакомыслию.

Психологические интерпретации исходят из того, что люди руководствуются не разумом, а эмоциями.

Функционалистские — рассмотрение ислама лишь как орудия политических устремлений. Здесь проводится параллель между религиозным и этническим насилием. Эксперты данного направления утверждают, что исламский радикализм — это лишь выражение этнических устремлений. Ислам, по их убеждениям, стал важным компонентом новой идентичности, формируемой у мусульманских этнических групп.

Экономические — исходят из важности социально-экономических условий как причины порождающей экстремизм и терроризм. Предполагается, что основные причины экстремизма и терроризма обуславливаются низким уровнем жизни, бедностью и нищетой. Такого рода объяснения, в свою очередь, подразделяются на статичные и динамичные.

Статичный подход предполагает рассмотрение условий в данный конкретный момент развития страны, региона и т. д., где сформировались предпосылки явления.

Динамичный — акцент делается на относительной экономической депривации, то есть за основу экстремистско-террористического явления берутся существенное снижение жизненного уровня, нарастание социально-экономических проблем в контексте тенденций развития.

Политические — причины явления обуславливаются господствованием репрессивных режимов, невозможностью участия масс в политической жизни общества, коррупцией, засильем клановых структур.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ И ПОДГОТОВКИ К ПРОМЕЖУТОЧНОМУ КОНТРОЛЮ ЗНАНИЙ

1. Терроризм: история и современная характеристика явления.
2. Региональные особенности развития экстремизма и терроризма (от планетарных тенденций феномена до центрально-азиатской специфики).
3. Терроризм и современные международные отношения.
4. Терроризм и организованная преступность (отдельные направления сращивания).
5. Массовый террор в России и меры, принятые государством по противодействию.
6. Шанхайская организация сотрудничества: основные принципы деятельности.
7. Политика «Двойных стандартов» в проблеме отношения к политическому и религиозному экстремизму и терроризму.
8. Закон РК «О борьбе с терроризмом» от 13. 07. 1999 г. (определения, основные положения...).
9. Закон РК «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» от 15. 01. 1992 г. (определения, основные положения...).
10. Основные направления антитеррористической деятельности и борьбы с экстремизмом (Государственная программа борьбы с терроризмом и иными проявлениями экстремизма и сепаратизма), утвержденная Указом № 480 с Президента РК от 09. 11. 2000 г.
11. УНА-УНСО «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона»: роль экстремистских организаций западных государств в террористической деятельности на территории Центральной Азии».
12. Декларация глав государств — членов Шанхайского организационного сотрудничества (ШОС) Санкт-Петербург, 07. 06. 2002 г. (основные положения)
13. Политическая и правовая культура казахстанского общества на современном этапе развития.
14. Политические партии и общественные объединения Казахстана: их роль в обеспечении стабильности межнациональных отношений.

15. Закон РК «О противодействии экстремизму» (определения экстремизма, основные термины и положения).
16. Фундаментализм и салафизм. Признаки определения.
17. Причины и мотивы формирования, распространения экстремизма и терроризма в мире? Мнения экспертов, занимающихся данной проблемой?
18. Какие особенности характерны современной стратегии и тактике экстремистско-террористической деятельности? В чем заключается суть целевых установок новой тактики субъектов мирового терроризма?
19. Какие особенности и мотивации характерны первому этапу международной антитеррористической деятельности? Нормативно-правовые акты (договоренности, конвенции и т. д.) по изучаемой проблеме данного периода?
20. Историческая и политическая обусловленность второго этапа противодействия мирового сообщества экстремизму и терроризму? Какие международные нормативно-правовые акты, документы позволяют наиболее наглядно представить антитеррористическую практику стран мира в данный период истории?
21. Какие особенности и мотивации характерны третьему этапу борьбы с экстремизмом и терроризмом на международном уровне? Основные нормативно-правовые документы (договоренности, конвенции и т. д.) данного времени?
22. В чем заключается суть «нового терроризма»? Пять рекомендованных направлений антитеррористической деятельности, изложенных в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН на 42 сессии ГА ООН в декабре 1987 года?
23. Особенности четвертого этапа актуализации на мировой политической арене проблемы борьбы с международным терроризмом?
24. Какие существенные признаки характерны террору, как методу оппозиционной политической борьбы и терроризму, как явлению?
25. Какие виды политического террора наиболее известны в истории развития явления и в чем заключалась основная цель таких мер военно-политического управления или методов реализации политических программ?
26. Какие особенности характерны проявлениям революционного левого и контрреволюционного правого терроризма?
27. В чем состоит особенность идеологического обоснования современной экстремистско-террористической угрозы религиозного толка отдельными сетевыми коммуникационными каналами мира?

28. Основные этапы и направления развития фундаментализма в исламе?
29. Какие эволюционные особенности характерны для консервативно-го и политизированного ваххабизма?
30. Какие основные признаки характерны неоваххабизму, альбаннизму и хомейнизму, как источниковой идеологической основе современного религиозного, религиозно-политического экстремизма и международного терроризма?
31. В чем суть идеи салафизма как явления и религиозного течения? Современные интерпретации данного явления?
32. Когда сформировалось фундаменталистское течение в христианстве и какие положения определили основу его радикального учения в протестантизме?
33. В чем заключается неприемлемость религиозных идей фундаменталистов для официальной церкви и религиозного христианского мировоззрения?
34. Какие исторические события и явления обусловили современный процесс распространения религиозно-политического экстремизма и терроризма?
35. Какое состояние развития современного общества в большей степени благоприятствует формированию конфликтогенного потенциала групп, масс?
36. Какие радикальные идеи содержатся в религиозном фундаментализме буддистского толка?
37. Какие формы характерны для политических мотивов формирования экстремизма религиозного толка?
38. Какие факторы способствуют радикализации религиозного сознания масс в современных обществах мира, благоприятствуют экстремистской идеологии и совершенствованию тактики террористической деятельности?
39. Какими основными положениями определяются естественные границы свободы культа?
40. На каких правах основываются ведущие характерные признаки категории свободы вероисповедания?
41. Какими мотивационными причинами обусловлены основные признаки преступлений, которые можно квалифицировать как экстремизм и терроризм на религиозной основе?
42. Какая ситуация сложилась в казахстанской практике межконфессиональных отношений и какие факторы определяют дестабилизирующий потенциал религиозной обстановки в Казахстане?

43. Какие факторы доминируют в мотивациях этнического экстремизма и терроризма?
44. В чем заключаются цели и особенности проявлений экстремизма и терроризма этнического толка?
45. Какие направления этнического экстремизма наиболее характерны для современного мира?
46. Какие факторы определяют мобилизационный потенциал основных направлений современного этнического экстремизма?
47. Основные уровни (этапы) формирования этно-национализма, как феноменального явления современности?
48. Какие типичные категории актов этнического протеста с использованием насилия изложены в классификации, рекомендованной известным западным экспертом терроризма Тэдом Робертом Гуром?
49. В чем заключаются основные признаки сходства и различия современных проявлений религиозного и этнического экстремизма?
50. В чем заключаются особенности и ценностные установки политического экстремизма «по форме»?
51. Что представляет из себя политический экстремизм «по действию»? В чем заключаются психологические и идеологические составляющие явления?
52. Какие особенности можно выделить в качестве критериев определения политического экстремизма и дифференциации его основных признаков?
53. Какой этап в формировании религиозного фундаментализма можно характеризовать как переходную стадию к появлению новоценностного явления политического экстремизма?
54. В чем заключается идеологическая сущность идейного и политического фанатизма? Какую роль играет фанатизм как мировоззренческое явление в формировании и распространении политического экстремизма?
55. В чем заключаются особенности казахстанской практики выявления и противодействия проявлениям политического экстремизма?
56. В чем заключается сущность политического радикализма и типичность его проявлений в идеологии экстремизма?
57. Какая теоретическая и концептуальная основа идеологии политического радикализма заложена в работах древних мыслителей и средневековых ученых?
58. В чем заключаются функциональные особенности явления политического радикализма и его «ценностное предназначение» для политической теории и практики общественного развития?

59. В чем заключается революционный способ переустройства общественно-политической системы? Основные приоритеты и ценности способа радикальных политических реформ?
60. В каких идеях проявился крайний политический радикализм славянофилов, религиозно-политических взглядов Иосифа Володского, анархизма М. А. Бакунина и других теоретиков, реформаторов русского общества?
61. В чем заключаются характерные особенности терроризма? Какими политическими целями и принципом криминального деяния обусловлены террористические акции в современности?
62. Какое значение придается в террористической деятельности фактору гласности и условию массовости, публичности проводимых актов террора? Почему указанные факторы определяют основные целевые мотивации субъектов терроризма?
63. Какие тенденции развития современной мировой цивилизации, политические и социальные факторы, определяющие приоритетные направления общественных процессов в социумах мира, способствуют усилению терроризма и формированию потенциала радикального сознания?
64. Какие типы промежуточных целей характерны террористическому акту? В чем заключается сущность теракта как метода политической борьбы?
65. Какую роль выполняют в современной экстремистско-террористической деятельности информационные технологии и средства массовой коммуникации?
66. Масштабы распространения явления насильственного исчезновения людей в мире? Основные мотивы и цели такого рода преступлений?
67. Какими факторами обусловлены отношения между структурами власти, масс-медиа и террористами (в контексте восприятия фактов насильственного политического заложничества)?
68. Как сформулирована дефиниция (определение) явления насильственного исчезновения лиц в международных документах?
69. В чем заключается особенность и привлекательность явления насильственного исчезновения людей для политических режимов, практикующих его в качестве метода борьбы с оппозицией?
70. Какие принципы в области соблюдения прав человека являются определяющими критериями в системе механизмов по выявлению нарушений насильственного характера в политических и правовых

- отношениях международного сообщества? Какое отражение они нашли во Всеобщей Декларации прав человека?
71. Какие мотивационные факторы, ставшие импульсом для возрождения и активизации религиозного сознания в восточных обществах, выделяет в своем исследовании ислама известный эксперт С. Хантингтон?
  72. Какие эволюционные признаки политического экстремизма и терроризма были заложены в основу профессиональных союзов типа «П-2», масонства в Европе?
  73. Какие мировоззренческие концепции доминируют в понимании сторонниками теологии связи религии и цивилизации?
  74. В чем сущность и основные признаки авторитарной и гуманистической религий по Э. Фромму?
  75. В чем состоит «политика двойных стандартов» относительно формулировок политической агрессии и противодействия экстремистско-террористическому явлению со стороны некоторых государств мира?
  76. Какие антагонизмы и особенности развития современного мира убеждают в преимущественно светских корнях международного экстремизма и терроризма?
  77. Какие политические события конца минувшего столетия обусловили процесс дезинтеграции постсоветских государств и какое влияние это оказало на формирование конфликтогенного потенциала в отношениях между странами евразийского континента?
  78. В чем заключаются региональные особенности экстремистско-террористического явления? Чем отличается специфика формирования и распространения экстремизма и терроризма в регионе Центральной Азии?
  79. Террористические организации в Центральной Азии: идеология и политическая мотивация?
  80. Какие тенденции характерны развитию экстремистско-террористического движения в регионе Центральной Азии?
  81. В чем заключаются новоценностные ориентации международного терроризма?
  82. Какие признаки распространения современного терроризма в Центральной Азии свидетельствуют о возрастании степени его угрозы — от вида антиправового деяния в общей совокупности уголовно-наказуемых преступлений до глобальной угрозы массового уничтожения?

83. В чем заключаются футурологические (прогнозируемые направления) особенности распространения экстремизма и терроризма в регионе Центральной и Средней Азии, в том числе и в Казахстане?
84. Какие стратегические направления противодействия экстремистско-террористическим угрозам в центрально-азиатском регионе можно выделить в качестве приоритетных мер обеспечения региональной безопасности?
85. Какая угроза заключается в современных проявлениях экстремизма и терроризма? Какое отражение нашел фактор экстремистско – террористической угрозы в международных документах?
86. В чем заключается специфика экстремистско-террористической угрозы базовым устоям общества?
87. Какую угрозу представляет экстремизм и терроризм для развития личности?
88. В чем заключается дестабилизационный потенциал экстремизма и терроризма для политической стабильности, национальной безопасности и институтам национальной государственности?
89. Какую угрозу представляет экстремизм и терроризм для развития гражданско-го общества, демократических ценностей и суверенитета государства?
90. В чем состоит угроза терроризма и экстремизма для национальных экономик государств мира, геоэкономики и геополитики регионов?
91. Какие причины обусловили формирование новых глобальных связей мировой политики? В чем заключается их основной конфликтно-генный потенциал?
92. В чем состоит основное противоречие современного процесса развития мирового сообщества? Какие формы сконструированных идентичностей выделяет в своих исследованиях известный западный социолог М. Кастеллс? В чем заключается функциональность этих форм?
93. Какие факторы определяют проблемную специфику модернизации развивающихся обществ?
94. Какая идея заложена в Доктрине цивилизованного обновления?
95. Виды транснациональных субъектов отношений? Их роль и влияние на современные процессы развития мирового сообщества?
96. В чем состоит специфика «дуалистичной детерминанты», определяющей перспективы развития современных субъектов мировой политики?
97. Какой уровень религиозного сознания сформирован в казахстанском обществе? По каким показателям можно определить «степень

- религиозности» населения Казахстана и в каких мерах государства определяется отношение к религии в стране?
98. Международная практика противодействия экстремизму и терроризму? Роль Казахстана в заключении и реализации международных договоренностей в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом ?
  99. Какая роль отводится СВМДА в процессе создания современной региональной системы безопасности?
  100. Какие меры по обеспечению стратегической защиты от экстремистско-террористических угроз современности необходимо предпринять в контексте системообразования региональной безопасности?
  101. Какие направления антитеррористической деятельности в Казахстане можно определить в качестве наиболее действенных и перспективных?
  102. Какие актуальные проблемы регионального антитеррора можно выделить в контексте концептуальных разработок понятийных характеристик явления?
  103. Какие меры антитеррористической борьбы можно выделить в качестве приоритетных на территории СНГ?
  104. Чем обусловлен фактор приоритетности современных теоретико-концептуальных разработок изучаемого явления?
  105. Какую роль в процессе стабилизации отношений между субъектами мировой политики в Центральной Азии играет Шанхайская организация сотрудничества?
  106. В чем заключаются основные принципы антитеррористической деятельности Совета Европы (основные направления работы междисциплинарной группы по организации международной деятельности в сфере борьбы с терроризмом — МГТ)?
  107. Роль международных организаций в борьбе с угрозами политической агрессии и преступлениями экстремистско-террористического характера? Факторы повышения действенности антитеррористической стратегии?

ТЕСТЫ

1. Характерные особенности распространения экстремизма и терроризма на современном этапе развития мировой цивилизации?

- A) военный характер эскалации напряженности
- B) скрытность направления теракта, неизвестность объекта нападения, возможности дистанционного управления
- C) открытость агрессии, конкретный объект нападения
- D) религиозный мотив глобальной угрозы
- E) участие в экстремистско-террористической угрозе коалиции стран

2. Основные причины и мотивы формирования, распространения экстремизма и терроризма в мире?

- A) глобализация международных отношений, социально-экономические кризисы регионального типа
- B) историческая обусловленность современного терроризма
- C) глобализация организованной преступности
- D) криминализация мира
- E) развитие наркотрафика

3. Какие особенности характерны современной стратегии и тактике экстремистско-террористической деятельности?

- A) локализация деятельности
- B) эскалация напряженности в отдельно взятом регионе
- C) интеграция усилий с официальными международными организациями
- D) контакты со структурами власти, тактика сокрытия, использование конфликтного потенциала
- E) стремление к нормативному закреплению террористической практики

4. Чем отличаются современные террористические акции от аналогичных актов политического насилия и агрессии XIX, первой половины XX столетий?

- A) атака только на политические объекты
- B) массовостью, неизбирательностью жертв
- C) одиночностью актов и стремлением к обретению экономических выгод

D) покушением на материальное благосостояние объектов нападения

E) стремлением к контактам с военными структурами

5. В каких правовых актах международного значения политический характер транснационального терроризма впервые нашел свое нормативное закрепление?

A) в Конвенции (1948 г.) о предупреждении геноцида и наказании за него; Кодексе преступлений (1954 г.)

B) в Конвенции (1933 г.) об определении агрессии

C) в Договоре ШОС

D) в Соглашении АНЗЮС; Договоре НАТО

E) в Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом

6. Годы и какие особенности, мотивации характерны первому этапу международной антитеррористической деятельности?

A) 10-20-е гг. XX в.; революционные движения в Евразии

B) 14-18-е гг. XX в.; первая мировая война и гражданская война в России

C) 80-90-е гг. XX в.; новый передел мира

D) 30-60-е гг. XX в. столетия; борьба с колониализмом, национально-освободительные движения, идеологические войны

E) 40-80-е гг. XIX в.; вторая мировая война, борьба с неоколониализмом

7. Период и историческая, политическая обусловленность второго этапа противодействия мирового сообщества экстремизму и терроризму?

A) 80-90-е гг. XIX в.; развитие капиталистических отношений

B) 60-70-е гг. XX в.; обострение международной криминальной обстановки, увеличение терактов против иностранных представительств...

C) 21-27 гг. XX в.; НЭП и коллективизация в СССР

D) 39-45 гг. XX в.; вторая мировая война

E) 79-89 гг. XX в.; революционные преобразования в арабских странах и в Иране

8. Какие международные нормативно-правовые акты, документы позволяют наиболее наглядно представить антитеррористическую практику стран мира в 60-70-е гг. XX века?

A) Шанхайская Конвенция (1972 г.)

B) Европейская Конвенция (1970 г.)

C) Страсбургская договоренность (1978 г.)

D) Конвенции: ООН (1973 г.) о борьбе с терроризмом; Монреальская — (1971 г.) о борьбе с незаконными актами против безопасности

гражданской авиации; Европейская (1976 г.) о борьбе с терроризмом и т. д.

Е) Акты Варшавского договора и НАТО данного периода

9. Период и какие особенности, мотивации характерны третьему этапу борьбы с экстремизмом и терроризмом на международном уровне?

А) 80-90-е гг. XX в.; изменение политической структуры мира, появление новых суверенов, нарушение баланса сил.

В) XIX в.; отмена крепостного права в России и период первоначального накопления капитала в США

С) 70-80-е гг. XVIII в.; развитие мануфактур и неокOLONиализм

Д) 10-15-е гг. XX в.; массовый террор в России и развитие социал-демократических движений в Европе

Е) 28-30-е гг. XX в.; массовые репрессии в СССР и идеологическое противостояние между СССР и США

10. В чем заключается суть «нового терроризма»?

А) бессистемность, отсутствие координации усилий субъектов терроризма

В) типичность объектов нападения и террористических угроз

С) системный характер, разнообразие объектов нападения, неизбирательность действий, координация усилий террористической сети мира...

Д) атипичность стратегии терроризма и интеграция в политический процесс Европы

Е) дезинтеграция внутри террористического движения

11. В чем суть основных рекомендованных направлений антитеррористической деятельности, изложенных в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН на 42 сессии ГА ООН в декабре 1987 года?

А) военное пресечение экстремистско-террористических операций

В) обеспечение задержания и судебного преследования, а также выдачи террористов; стремление к заключению договоренностей; обмен информацией...

С) локализация экстремистско-террористических угроз

Д) дезинтеграция субъектов терроризма и изоляция их мест расположения

Е) объединение материальных усилий стран в антитеррористической борьбе

12. Период и особенности четвертого этапа актуализации на мировой политической арене проблемы борьбы с международным терроризмом?

А) 2000-е годы; интенсивная трансформация евразийского пространства, интеграционные (Западная Европа), дезинтеграционные (Восточная Европа и Азия) процессы.

В) 90-е г. XX в.; объективирование новых суверенов мировой политики (субъектов СНГ)

С) 70-е г. XIX в.; национально-освободительные движения в Европе и Америке

Д) 80-е г. XX в.; рабочие движения в передней Азии и Среднеазиатском регионе

Е) 35-45-е гг. XX в.; столкновения между странами НАТО и Варшавского Договора

13. В чем заключается проблемная специфика теоретических разработок понятийных категорий экстремизма и терроризма?

А) экономическая интерпретация явлений

В) теологическая интерпретация явлений

С) социальная интерпретация явлений

Д) идеологическая и политическая интерпретация явлений

Е) интерпретация явлений как военных угроз

14. В чем заключается методологическая привлекательность функциональной трактовки понятия терроризма в исследованиях российского ученого М. П. Требина?

А) формулировка с учетом эскалации военной угрозы

В) определение явления по четырем логическим правилам: соразмерности, логичности, ясности и объективности

С) интерпретация с позиций восприятия явления как нравственной угрозы

Д) определение явления с точки зрения его социальной угрозы

Е) формулировка понятия по направлениям его политической угрозы

15. Какие виды политического террора наиболее известны в истории развития явления?

А) праворадикальный и леворадикальный

В) центристский террор

С) внутригосударственный террор

Д) исторически обусловленный политический террор

Е) экономический террор

16. Какая причина обусловила идеологическое обоснование современной экстремистско-террористической угрозы религиозного толка отдаленными сетевыми коммуникационными каналами мира?

А) экологическая обусловленность явления

В) обусловленность явления современными энергетическими кризисами

С) социально-экономическая деградация слабо развитых стран мира

Д) обусловленность проявлений экстремистско-террористических угроз соответствующими концептуальными требованиями теории

Е) политизация явления

17. Основные этапы и направления развития фундаментализма в исламе?

А) суфизм, неосуфизм, теократизм

В) консервативный ваххабизм, неоваххабизм, альбанизм, хоменизм

С) ваххабизм, манихейство, теологизм

Д) зороастризм, шиизм, сунизм

Е) завахиризм, омаризм, альусанизм

18. Какие особенности характерны для консервативного ваххабизма?

А) реакционный характер

В) экономическая обусловленность

С) интегрированность с манихейством

Д) неполитизированный характер

Е) патерналистская направленность

19. Какие особенности характерны для политизированного ваххабизма?

А) экстремистский характер

В) социально-экономическая обусловленность

С) сочетание с верованиями буддизма

Д) интегрированность с зороастризмом

Е) суфистская направленность

20. Какие основные признаки характерны неоваххабизму, альбаннизму и хомейнизму, как источниковой идеологической основе современного религиозного, религиозно-политического экстремизма и международного терроризма?

А) интегрированность в современную цивилизацию

В) культурологическая обусловленность с ценностями Запада

С) политическая ориентация в идеологии, подчинение учения доктрине борьбы с западничеством

Д) обусловленность экономическими приоритетами исторического периода

Е) сочетание с языческими верованиями

21. В чем суть идеи салафизма как явления в религии Ислам?

А) соблюдение принципов историзма

В) сочетание с идеями классицизма в философии

- C) обусловленность достижениями цивилизации
  - D) сохранение классической сути вероучения
  - E) обусловленность опытом восточной цивилизации
22. Когда сформировалось фундаменталистское течение в христианстве?
- A) в XX в.
  - B) в XIX в.
  - C) в XV в.
  - D) в XVII в.
  - E) в XVIII в.
23. Какие положения определили основу радикализма в протестантском направлении христианства?
- A) пять положений, которые включают непогрешимость священного писания, непорочное зачатие, искупление замещением, воскрешение Христа
  - B) три положения, которые включают оппозиционные взгляды относительно ислама
  - C) десять положений, включающих оппозиционность идей относительно современной культуры
  - D) положения, включающие патерналистские идеи
  - E) положения, включающие идеи рационализма
24. В чем заключается неприемлемость религиозных идей протестантских фундаменталистов для официальной церкви и религиозного христианского мировоззрения?
- A) в исторической обусловленности Библии
  - B) в обусловленности этих идей достижениями НТР
  - C) в отсутствии идеологической поддержки со стороны государства
  - D) в неприемлемости этих идей для современной культуры
  - E) в отсутствии исторического обоснования и логики фундаменталистских идей
25. Какую роль играют в современном политическом процессе протестантские фундаменталисты?
- A) являются большинством в выборных органах управления
  - B) интегрированы в политику отдельных стран и регионов
  - C) представляют самое влиятельное политическое лобби в мире
  - D) являются субъектами международных организаций
  - E) представляют большинство в ложе масонов
26. Когда зародился мормонизм в США?
- A) в 1885 г.

- В) в 1910 г.
С) в 1944 г.
D) в 1715 г.
E) в 1612 г.
27. Какие цели преследуются мормонами и их роль в формировании радикального мировоззрения в религиозном сознании христиан и иудеев?
- A) экономические, формирование новой государственности на территории США
B) тотальный идеологический контроль, формирование конфорнизма и вселенские амбиции
C) политические, вхождение в международные политические структуры с целью создания мировых теологических институтов
D) собственно религиозные, объединение усилий с мусульманством в целях сакрализации мира
E) дезинтеграция мирового сообщества, создание института управления религиями мира
28. Какие исторические события и явления обусловили современный процесс распространения религиозно-политического экстремизма и терроризма?
- A) интеграция Европы
B) наступательное развитие Восточной Европы
C) распространение курдского сепаратизма
D) ускоренное развитие капитализма, появление новых суверенов, социально-экономическая деградация отдельных регионов мира,...
E) усиление сепаратистских настроений в Узбекистане, Туркменистане, Китае
29. Какое состояние развития современного общества в большей степени благоприятствует формированию и реализации конфликтотенно-го потенциала групп, масс?
- A) ускоренная стратификация
B) недовольство интеллигенции, переходящее в русло антагонизма отношений
C) неустойчивое состояние постоянного накопления негативных тенденций, инертный потенциал массового сознания
D) увеличение числа маргиналов
E) усиление позиции люмпенов
30. Какие радикальные идеи содержатся в религиозном фундаментализме буддистского толка?
- A) зорастризма

В) космическая предопределенность личного и национального тождества, отвержение исторического процесса как основы бытия

С) манихейства

Д) идеи политического радикализма

Е) анархизма и обусловленности развития достижениями современной цивилизации

31. Какие формы характерны для политических мотивов формирования экстремизма религиозного толка?

А) статичные (скрытые) или легальные (поступательно-динамичные)

В) экономические

С) военно-технические

Д) геополитические, обусловленные новой идеологией

Е) вербальные, оформленные в нормативные рамки

32. Какие факторы способствуют радикализации религиозного сознания масс в современных обществах мира, благоприятствуют экстремистской идеологии и совершенствованию тактики террористической деятельности?

А) массофикация общественного сознания и идеология этнонационализма

В) отсутствие государственного контроля за распределением материальных благ и политическая конфронтация

С) экономические кризисы и дефолт

Д) наступление инородных ценностей, религиозная неграмотность, информационная глобализация, конфликты в регионах,...

Е) культурологическая депрессия и цивилизационный разрыв между регионами

33. Какими основными положениями определяются естественные границы свободы культа?

А) свобода отправления культа, беспрепятственность для других верований и соответствие нормативным требованиям государства

В) локализация вероучения, изолированность религиозных групп от светских организаций

С) интеграция культовых учреждений со светскими организациями, формирование универсальных культовых учреждений

Д) полное отделение от государства, организация культовой свободы по собственным законам жизни

Е) религиозная интеграция всех конфессий, формирование универсальной религии

34. Какими мотивационными причинами обусловлены основные признаки преступлений, которые можно квалифицировать как экстремизм и терроризм на религиозной основе?

А) посещение представителями одной религии культовых учреждений другой

В) неуважение к религиозной свободе в форме действия, умышленный и публичный его характер

С) отказ от вероисповедания, переход в другую веру

Д) этнические принципы формирования прихожан, призывы к материальной помощи культовым учреждениям

Е) вмешательство государства в дела религиозных общин, доминирование проповедников над прихожанами

35. Какая ситуация сложилась в казахстанской практике межконфессиональных отношений?

А) массовые проявления религиозного экстремизма

В) единичные проявления религиозного экстремизма

С) типичных проявлений религиозного экстремизма нет

Д) проявления религиозного экстремизма в Южном регионе

Е) проявления религиозного экстремизма в Центральном регионе

36. Какие направления риска определяют дестабилизационный потенциал религиозной обстановки в Казахстане?

А) распространение этнического терроризма

В) усиление политического экстремизма, дезинтеграция политического процесса

С) экономический кризис, социальный дискомфорт

Д) обострение ситуации внутри мусульманских общин и идеологическое влияние извне

Е) обострение отношений между институтами гражданского общества, падения уровня правовой культуры

37. Какие факторы доминируют в мотивациях этнического экстремизма и терроризма?

А) бытовые

В) социально-экономические, политические и идеологические

С) национальные

Д) влияние европейских стран

Е) усиление евразийских тенденций дезинтеграции

38. Какие цели преследует экстремизм и терроризм этнического толка?

А) реализация идей национализма, национальной идеологии и национальной самоидентификации в радикальной форме

- В) осуществление планов экономической дезинтеграции, экономическое эмбарго
  - С) идеи создания полиэтнической государственности, формирование полиэтноса
  - Д) реализация стратегии создания военного государства, милитаризация экономики
  - Е) реализация идей фашизма и геноцида
39. Какие направления этнического экстремизма наиболее характерны для современного мира?
- А) этно-экономическое, этно-экологическое
  - В) политико-региональное, психолого-нравственное, обструктивное
  - С) идеолого-реваншистское; политическое; собственно этническое
  - Д) антисоциальное, монополистское
  - Е) государственно-центристское, обскурантистское
40. Какие факторы определяют мобилизационный потенциал основных направлений современного этнического экстремизма?
- А) военно-мобилизационное, организационно-массовое
  - В) степень поддержки населением; методы достижения целей; финансовая база
  - С) степень поддержки вооруженными силами, силами политической оппозиции
  - Д) уровень вооруженности этнических движений, их качественный потенциал
  - Е) экологическая обстановка в регионе распространения этнического экстремизма
41. Какие типичные категории актов этнического протеста с использованием насилия изложены в классификации, рекомендованной известным западным экспертом терроризма Тэдом Робертом Гуром?
- А) экологический бандитизм, организованный терроризм
  - В) политический мятеж, социальная забастовка
  - С) политический бандитизм; спорадический терроризм; государственные перевороты, совершенные группами; партизанские движения локального типа и не локального типа; этнические движения, имеющие характер гражданской войны
  - Д) этно-государственный терроризм, перманентный экстремизм
  - Е) экономическое эмбарго, политическая забастовка
42. В чем заключаются особенности и ценностные установки политического экстремизма «по форме» ?
- А) идеологическое воздействие с целью смены политических ценностей

- В) идеологическое воздействие с целью государственного переворота
- С) психологическое воздействие в целях аномизации общества
- Д) психологическое воздействие в целях политических реформ
- Е) политическое воздействие в целях изменения общественного сознания

43. Что представляет из себя политический экстремизм «по действию»?

- А) практическое воплощение в жизнь идей экстремизма
- В) абстрагированное от идеи воображаемое действие
- С) формирование теоретического сознания на уровне государственной идеологии
- Д) формирование общественного сознания
- Е) структурализация массового сознания и общественной морали

44. Какие особенности можно выделить в качестве критериев определения политического экстремизма и дифференциации его основных признаков?

- А) военно-тактическое воздействие в целях изменения моральных ценностей
- В) целенаправленные высказывания общественных мыслей о приоритетах тех или иных идей
- С) идеологический обмен мнениями в целях формирования плюрализма взглядов на развитие общества
- Д) высказывания в общественных местах идей новой политико-экономической ориентации
- Е) целенаправленные высказывания политических идей о превосходстве одной общности и источнике зла другой в целях расширения числа своих сторонников

45. Какой этап в формировании религиозного фундаментализма можно характеризовать как переходную стадию к появлению новоценностного явления политического экстремизма?

- А) конец XIX в. — первая половина XX в.
- В) начало XIX в. -конец 20-х гг. XX в.
- С) XIX в.
- Д) середина XVIII в.
- Е) вторая половина XVII в.

46. В чем заключается сущность политического радикализма и типичность его проявлений в идеологии экстремизма?

- А) практическое воплощение экстремистской идеологии
- В) идеи об эволюционном переходе к новой формации

С) идеи о кардинальном изменении политических традиций, институтов..., которые характеризуются всеобщностью проявлений в радикальной идеологии любого направления

Д) теоретическая формулировка идеи интеграции различных форм цивилизаций

Е) идеи об уничтожении института государственности

47. Какая теоретическая и концептуальная основа идеологии политического радикализма заложена в работах древних мыслителей и средневековых ученых?

А) идеи о равном праве развития восточных и западных государств

В) идеи о жестком авторитарном государственно-политическом управлении и социальная иерархизация общества

С) идеи о превосходстве западной культуры

Д) идеи о превосходстве восточной культуры

Е) государственная концепция формирования идеологической основы общественного развития

48. В чем заключаются функциональные особенности явления политического радикализма и его «ценностное предназначение» для политической теории и практики общественного развития?

А) интегративные; моральные; центристские, в части касающейся формирования унитарной государственности

В) дезинтегративные; аморальные; авторитарные

С) индекативные; насильственные, в части волевого принуждения государства к определенным решениям; кардинально-преобразующая; стимулирующая

Д) позитивно-нравственные; функционалистские

Е) негативно-преобразующие; дисфункциональные

49. В чем заключается революционный способ переустройства общественно-политической системы?

А) изменение базовых ценностей и переход к новому строю

В) перестройка идеологической платформы

С) реконструкция политико-экономической платформы

Д) временная структурализация переходной модели общественного развития

Е) совершенствование пореформенных стадий

50. Основные приоритеты и ценности способа радикальных политических реформ?

А) переход способом военного вмешательства к новой модели общественного развития

В) насильственный слом старой модели отношений

С) слом старых механизмов общественной регуляции в результате эволюционного накопления элементов нового общественного строя

Д) смешанный метод реформирования общественной системы страны.

Е) половинчатые меры политических реформ

51. В чем проявился крайний политический радикализм славянофилов?

А) в социальном конформизме

В) в правовом нигилизме

С) в экономическом обскурантизме

Д) в психологическом отторжении моральных норм

Е) в аморализме

52. В чем проявились радикальные идеи взглядов Иосифа Володского?

А) в секуляризации общества

В) в политизации религии

С) в милитаризации общества

Д) в социально-нравственном нигилизме

Е) в идеологизации общества

53. В чем проявился радикализм М. А. Бакунина?

А) в анархизме

В) в социал-демократизме

С) в нацизме

Д) в ревизионизме религиозных учений

Е) в теоретическом остракизме

54. В чем выражается характерная функциональная особенность международного терроризма?

А) в уголовно-правовом аспекте

В) в морально-нравственном аспекте

С) в социально-бытовом аспекте

Д) в криминальном политическом функционально-деятельностном аспекте

Е) в политико-экономическом аспекте

55. Какое значение придается в террористической деятельности фактору гласности и условию массовости, публичности проводимых актов террора?

А) теоретико-концептуальное

В) функционально-политическое и идеологическое

С) общементальное

Д) военно-стратегическое

Е) организационно-массовое

56. Почему факторы гласности и массовости определяют основные целевые мотивации субъектов терроризма?

- А) достижение компромисса с органами власти
- В) достижение соответствующего общественно-политического резонанса
- С) рекрутирование в ряды террористов новых боевиков
- Д) с целью вызвать чувство сопереживания общества
- Е) с целью психологической обработки определенной части общества

57. Какие тенденции развития современной мировой цивилизации, политические и социальные факторы, определяющие приоритетные направления общественных процессов в социумах мира, способствуют усилению терроризма и формированию потенциала радикального сознания?

- А) экологические проблемы, обуславливающие тенденции развития политического процесса
- В) социально-нравственный кризис; политическая модернизация общества
- С) экономический модерн и идеологическая дисфункциональность правовой политики
- Д) социально-экономический кризис; усиление инерционного потенциала массового сознания и аномизация части населения; низкий уровень политической и правовой культуры
- Е) общественно-политические реформы и тенденции формирования новых производств

58. Какие типы промежуточных целей характерны террористическому акту?

- А) нивелирование в глазах общественности идей оппозиции; осуществление в радикальной форме идей национального самоопределения, политическое заложничество
- В) осуществление организационно-политических мероприятий (забастовок, стачек,...); ратификация договоренностей с официальными органами власти
- С) проведение культурно-массовых мероприятий благотворительного характера с целью пропаганды выдвигаемых идей
- Д) организация благотворительных мероприятий в целях пропаганды идей национализма
- Е) пропаганда радикальных идей и агитационная кампания рекрутирования в ряды боевиков

59. Какую роль выполняют в современной экстремистско-террористической деятельности информационные технологии и средства массовой коммуникации?

А) формирование культа лидеров экстремистско-террористических организаций

В) массовикация экстремистско-террористической деятельности и гласность выдвигаемых идей

С) обеспечение фактора сокрытия истинных замыслов террористических организаций

Д) интеграционная — сближение интересов субъектов террора с официальными структурами власти

Е) дисфункциональна к экстремистско-террористической деятельности

60. Масштабы распространения явления насильственного исчезновения людей в мире?

А) от 100 тысяч до 1 млн. человек в мире

В) от 5 тысяч до 12 тысяч человек в мире

С) от 700 тысяч до 5 млн. человек в мире

Д) от 1 до 1,5 млн. человек в мире

Е) от 10 тысяч до 20 тысяч человек в мире

61. Основные мотивы и цели преступлений, связанных с насильственным заложничеством в мировой политике?

А) принуждение к выполнению выдвигаемых требований

В) сближение позиций с объектами насильственного заложничества

С) дезинтеграция позиций с объектами насильственного заложничества

Д) сокрытие фактов и нивелирование позиций объектов насильственного заложничества

Е) уголовно-правовые, связанные с мотивами организованной преступности

62. Пределение насильственного исчезновения людей, данное Институтом прав человека коллегии адвокатов Парижа?

А) покушение на насильственное убийство или нанесение физического увечья с целью сокрытия политических преступлений

В) временное удержание в целях оказания политического давления на оппозицию

С) распускание ложных слухов о насильственном захвате политических оппонентов, квалифицируемые уголовным законодательством

Д) действия или события, которые могут нанести ущерб достоинству или физической, духовной неприкосновенности любого лица

Е) действия или события, которые сопровождаются насильственным захватом лиц, наделенных иммунитетом неприкосновенности

63. Как сформулирована дефиниция (определение) явления насильственного исчезновения лиц в ФЕДЕФАМ?

А) любое действие или упущение, которые направлены на сокрытие места нахождения политического противника или инакомыслящего и направленные на подавление оппозиции...

В) покушение на насильственное убийство или нанесение физического увечья с целью сокрытия политических преступлений

С) временное удержание в целях оказания политического давления на оппозицию

Д) распускание ложных слухов о насильственном захвате политических оппонентов, квалифицируемые уголовным законодательством

Е) действия или события, которые могут нанести ущерб достоинству или физической, духовной неприкосновенности любого лиц

64. В чем заключается особенность и привлекательность явления насильственного исчезновения людей для политических режимом, практикующих его в качестве метода борьбы с оппозицией?

А) гласность деяния

В) скрытность причин, политических мотивов и основных субъектов деяния

С) возможность демонстрации силы и политического потенциала

Д) распространенный эффективный метод решения проблем в международной дипломатии

Е) доступность

65. В каком международном документе нашли отражение основные принципы в области соблюдения прав человека, являющиеся определяющими критериями в системе механизмов по выявлению нарушений насильственного характера в политических и правовых отношениях международного сообщества? Какое отражение они нашли во Всеобщей Декларации прав человека?

А) в Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом

В) в Монреальской Конвенции о противодействии проявлениям терроризма

С) в Всеобщей декларации прав человека

Д) в Европейской Конвенции о борьбе с терроризмом

Е) в Центрально-Азиатской Конвенции о противодействии геноциду

66. Какие мотивационные факторы, ставшие импульсом для активизации экстремистских настроений в восточных обществах, выделяет в своем исследовании ислама известный эксперт С. Хантингтон?

А) усиление тенденций самоидентификации; негативная реакция в связи с политикой капитализма; племенные, культурные различия; высокая рождаемость

В) усиление тенденций интеграции в Центральной Азии; создание блоков арабских государств

С) снижение уровня политической и правовой культуры в арабских странах

Д) снижение уровня политической и правовой культуры в странах Средней Азии

Е) увеличение численности маргиналов в восточных обществах

67. Какие типы религий выделяются по Э. Фромму?

А) активистский и патриархальный

В) субкультурный и субрегиональный

С) авторитарный и гуманистический

Д) полирелигиозный и монорелигиозный

Е) западный и восточный

68. В чем заключаются особенности современного экстремистско-террористического явления?

А) в региональных признаках распространения

В) в экономических признаках распространения

С) в субконтинентальных признаках распространения

Д) в военно-стратегических признаках распространения

Е) в культурологических признаках распространения

69. Чем отличается специфика формирования и распространения экстремизма и терроризма в регионе Центральной Азии?

А) в усилении экономических факторов

В) в повышении общественной опасности по темпам роста, уровню организованности, степени тяжести, характеру и объему целей, расширению социальной базы

С) в усилении экологических факторов

Д) в усилении центробежных факторов

Е) в усилении центростремительных факторов

70. Какие признаки распространения современного терроризма в Центральной Азии свидетельствуют о возрастании степени его угрозы - от вида анти-правового деяния в общей совокупности уголовно-наказуемых преступлений до глобальной угрозы массового уничтожения?

А) сращивание с транснациональной преступностью

В) коррумпированность с властными структурами отдельных стран

С) вовлеченность террористических групп в политические процессы ведущих стран региона

- D) изолированное развитие от государственных структур
- E) объективирование в мировой политике государств, союзов, организаций и групп, иницирующих программы создания ядерного, бактериологического оружия

71. В чем заключаются футурологические (прогнозируемые направления) особенности распространения экстремизма и терроризма в регионе Центральной и Средней Азии, в том числе и в Казахстане?

- A) дезинтеграция субъектов терроризма; их социальная деградация
- B) переориентация субъектов терроризма на экономические выгоды; их трансформация в субъекты орг.преступности
- C) формирование мирового универсального субъекта терроризма; вербализация финансовой базы терроризма
- D) полное нивелирование идей терроризма; трансформация субъектов терроризма в международные субъекты отношений
- E) трансформация терроризма в активный региональный субъект отношений, профессионализация, тотальная интеграция в организованное преступное сообщество

72. Какие стратегические направления противодействия экстремистско-террористическим угрозам в центрально-азиатском регионе можно выделить в качестве приоритетных мер обеспечения региональной безопасности?

- A) совершенствование локальных государственных программ; формирование авангардного субъекта антитеррора
- B) создание единого правового поля; совершенствование законодательств по экстрадиции террористов; повышение эффективности деятельности международных антитеррористических организаций
- C) создание специальных военных формирований антитеррора на международном уровне; расширенная дислокация военных сил США в Центральной Азии
- D) совершенствование переговорного процесса с субъектами терроризма; уступки отдельным требованиям
- E) полный отказ от диалога с субъектами мирового терроризма; исключение практики всяческих контактов

73. В чем заключается опасность современных проявлений экстремизма и терроризма?

- A) сдерживает культурный обмен между странами
- B) сдерживает процесс народной дипломатии в отношениях между странами мира
- C) провоцирует конфликты между политическими объединениями

Д) является угрозой традиционной государственности, национальному суверенитету; демократическим ценностям общества

Е) обусловленность экономическими факторами развития мирового сообщества

74. В чем заключается специфика экстремистско – террористической угрозы базовым устоям общества?

А) убийство, покушение на убийство

В) разрушение памятников культуры и искусства

С) нивелирование личностных качеств, позитивно-ценностных интересов, потеря ориентиров, формирование приоритетно-патерналистских ценностей

Д) переориентация экономического уклада и политических векторов развития общества

Е) реформирование общественно-политических приоритетов развития общества; разработка обновленных конституционных норм

75. Какую угрозу представляет экстремизм и терроризм для развития личности?

А) нарушение прав и свобод человека в результате нивелирования личности и превращения его в товар или средство

В) формирует новый тип правовой культуры личности

С) формирует новый тип политической культуры личности

Д) дополняет личностные качества новыми элементами массового сознания

Е) переориентирует индивидуализм на коллективизм в мировоззрении личности

76. В чем заключается дестабилизационный потенциал экстремизма и терроризма для политической стабильности, национальной безопасности и институтам национальной государственности?

А) деструктуризация институтов национальной безопасности и государственного управления

В) создание экономического теневого рынка в целях подрыва государственной монополии в сфере общественно-политического управления

С) реформирование политической системы общества, реструктуризация системы государственных учреждений

Д) идеологизация государственной системы управления, реформа рынка политической конъюнктуры

Е) политизация экономики, деструктуризация государственных элементов предпринимательства

77. Какую угрозу представляет экстремизм и терроризм для развития гражданского общества, демократических ценностей и суверенитета государства?

- А) разрушает партийные устои политической системы общества
- В) дезориентирует партийные организации; дополняет конституционную систему общества новыми нормами
- С) формирует новые направления политического развития в целях усиления авторитарных методов управления
- Д) нивелирует позитивно-преобразующий потенциал гражданских институтов и дезориентирует их деятельность в русло дезинтеграции общества
- Е) дополняет демократические ценности религиозными догмами и лозунгами.

78. В чем состоит угроза терроризма и экстремизма для национальных экономик государств мира, геоэкономики и геополитики регионов?

- А) формирование теневой экономики с целью ослабления налоговой основы государства, долевого участия в распределении ресурсов в пользу собственных политических интересов
- В) инициирует введение новых статей расхода госбюджета; трансформирует налоговую систему
- С) дополняет национальные системы доходов криминальными источниками финансирования
- Д) реформирует официальную экономику под теневую; обеспечивает гарантии собственным доходам из национального бюджета
- Е) создает геоэкономическую систему финансового терроризма

79. Какие причины обусловили формирование новых глобальных связей мировой политики?

- А) экологический кризис
- В) экономический кризис и дефолт
- С) формирование субъектов международного терроризма
- Д) появление транснациональных субъектов международных отношений
- Е) инициативы США и Европейского сообщества

80. Какие формы сконструированных идентичностей выделяет в своих исследованиях известный западный социолог М. Кастеллс?

- А) статичная, вербальная
- В) узаконенная, сопротивляющаяся, проектируемая
- С) геополитическая, локальная
- Д) перспективная, тактическая, интегративная
- Е) федеральная, конфедеральная, унитарная

81. В чем заключается функциональность этих форм?
- А) выражаются в тоталитарном обществе; в благотворительных движениях; в стабилизационных процессах
  - В) обусловлены культурными факторами; социальными аспектами; в военных процессах
  - С) находят отражение в авторитарном обществе; женских движениях; гендерных процессах
  - Д) находят отражение в гражданском обществе; радикальных движениях; в модернизационных процессах
  - Е) ярко выражены в теократическом обществе; клерикальных движениях; в сакрализационных процессах
82. Какая идея заложена в Доктрине цивилизованного обновления?
- А) дезинтеграции западного и восточного культур
  - В) локализации восточной цивилизации и массофикации западного вестерна
  - С) интеграции экономик
  - Д) культурно-политической самоидентификации народов мира
  - Е) сочетание прогрессивных западных идей с восточным опытом нравственного совершенствования индивида
83. Основные цели транснациональных субъектов отношений?
- А) собственно религиозные; тотально-реваншистские
  - В) культурологические; национально-этнические
  - С) глобальные собственно-экономические; антиглобалистские
  - Д) дезинтеграционные; морально-этические
  - Е) интеграционные; сакральные
84. В чем состоит специфика «дуалистичной детерминанты», определяющей перспективы развития современных субъектов мировой политики?
- А) экономическое развитие Запада и духовное единение Востока
  - В) политический конформизм в западных и религиозный фанатизм в некоторых восточных обществах
  - С) культурное восприятие "вестерна" в восточных и экономическая дезинтеграция в европейских обществах
  - Д) культурная деградация запада и экономическая отсталость восточных обществ
  - Е) культурно-политическая дезинтеграция американизированных обществ и сакрализация восточных социумов
85. Основные принципы методологического обеспечения деятельности по профилактике насилия в сферах религии и политики?
- А) исторической обусловленности; компромисса

- В) отказ от негативных стереотипов прошлого; толерантности; изо-
торизма
- С) конценсуса; веротерпимости
- Д) всеобщности; предопределенности и концептуальности
- Е) единичности; борьбы противоположностей
86. Какие актуальные проблемы регионального антитеррора можно выделить в контексте концептуальных разработок понятийных характеристик явления?
- А) разработка финансовой стратегии антитеррора
- В) определение экономических направлений террористической деятельности
- С) разработка универсального международного закона по борьбе с терроризмом
- Д) разработка структуры континентального органа антитеррора и его функциональных приоритетов
- Е) разработка универсального определения
87. В каких направлениях проявилась роль Казахстана на Саммите (2010 г.) по ядерной безопасности?
- А) в экономическом и идеологическом
- В) в разъяснении экологической опасности ядерного вооружения и обосновании проекта создания координационного органа безъядерного движения
- С) по статусу; по зоне ответственности; по новым проектам инициатив
- Д) по созданию универсальных законодательных актов в контексте обсуждаемой проблемы
- Е) в идеях по вхождению Казахстана в международные организации Латинской Америки
88. В какой работе Н. Назарбаева изложены основные казахстанские инициативы по борьбе с международным ядерным терроризмом?
- А) «Критическое десятилетие»
- В) «Глобальный мир и ядерная безопасность»
- С) «В потоке истории»
- Д) «Стратегии развития Казахстан — 2030»
- Е) «На пороге XXI века»
89. Основные направления антитеррористической деятельности междисциплинарной группы по международной деятельности в борьбе с терроризмом (ГМТ) Совета Европы?

А) исследования понятий апология и призывы к терроризму; в борьбе с источником финансирования терроризма; в защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с органами антитеррора;...

В) консолидация усилий европейских государств в сфере борьбы с терроризмом

С) консолидация усилий евразийских государств в сфере борьбы с терроризмом

Д) изоляция некоторых стран, иницилирующих ядерные программы

Е) привлечение в качестве стран-наблюдателей в антиядерный клуб лидеров арабского мира

90. В чем заключаются специфические особенности теологических концепций ведущих религий мира?

А) в части соотношения их ценностей с ценностями зороастризма и манихейства

В) в части, касающейся практических связей со светским миром

С) в обусловленности вероучений языческими верованиями народов мира

Д) в части трактовки истоков и форм учений; в религиозных символах и ритуалах...

Е) в принципах понимания взаимообусловленности религии и цивилизации

91. Какие виды терроризма следует различать с точки зрения политической мотивации?

А) государственный; международный; собственно государственный, на религиозной почве; идеологический

В) межгосударственный; этнополитический; сепаратистский

С) консервативный; анархистский; аполитический

Д) аграрный; промышленный; девиантный

Е) обструктивный; асоциальный; массированный

92. В чем заключается основная идея доктрины «Дипломатии Великого Шелкового пути»?

А) возрождение экономических связей между Китаем, Казахстаном, Киргизией

В) возрождение евразийской цивилизации на основе восстановления транспортных коммуникаций, культурно-экономических связей по Великому Шелковому пути

С) формирование военно-стратегических линий по основным направлениям Великого Шелкового пути

Д) возрождение в прежних границах туркестанского региона

Е) построение нефтегазолиний по линиям Великого Шелкового пути

93. Какие признаки характерны дестабилизационному потенциалу «массовости»?

- A) агрессивность, наступательность, предсказуемость
- B) классовость, мобильность, отвлеченность
- C) аморфность; непредсказуемость; неоднородность; анонимность; статистичность
- D) централизованность, организованность
- E) обусловленность внешними факторами, перманентность

94. Основные типы возможных проявлений «массовости» в Казахстане?

A) выражение массовости как группы, сформированные политическими партиями; на базе организованных связей в условиях коллективных шествий

B) выражение массовости как общности, сформированной по призыву общественных институтов государства

C) выражение массовости как общности, сформированной на дистанционных коммуникациях через СМК; на базе стихийных взаимоотношений в условиях массовых сборищ и т. д.

D) выражение массовости как общности, сформированной по призыву институтов гражданского общества

E) выражение массовости как общности, сформированной иностранным вмешательством; эмиссарами религиозных организаций мира

95. Какие политические ориентации доминируют в казахстанском обществе?

A) на способы решения выдвинутых проблем; политическую систему, сотрудничество и индивидуальность

B) на конфликт и антагонистическое противоречие; аномизацию общества

C) на мобилизационное участие граждан в решении политических вопросов; автономизацию гражданских институтов управления

D) на приоритеты патерналистских ценностей; коллективизм

E) на принципы демократического централизма; эгоизм

96. Какие типы политического участия обуславливают состояние общественно-политической стабильности в Казахстане?

A) активистское и патерналистское

B) мобилизационное; избирательное; автономное

C) консервативное; либеральное и республиканское

D) изолированное; массовое

E) индивидуальное; коллективное; вспомогательное

97. Основные ценности гражданского типа политической культуры, закрепленные в нормативно-правовых актах международного и национально-государственного значения?

- A) сочетание активистских и подданических ценностей и взглядов
- B) сочетание индивидуалистских и коллективистских ценностей
- C) взаимобусловленность эгоистических и коллективистских ценностей
- D) сочетание консервативных и либеральных взглядов
- E) сочетание патерналистских и коллективистских взглядов

98. Признаки управляемой демократии?

- A) примирение конфликтов методом гласности
- B) недопущение антагонизмов в результате жесткого государственного контроля
- C) тотальное вмешательство государства в общественные дела
- D) примирение противоречий и конфликтов государством
- E) примирение противоречий и конфликтов партийными организациями

99. Особенности суверенной демократии?

- A) анархизм
- B) согласование и самоурегулирование отношений в обществе
- C) примирение конфликтов методом гласности
- D) недопущение антагонизмов в результате жесткого государственного контроля
- E) тотальное вмешательство государства в общественные дела

100. Какую роль играет конфликт в современном политическом процессе, политической социализации граждан в демократическом обществе?

- A) тормозит общественные процессы
- B) дезинтегрирующую
- C) революционную
- D) преобразующую
- E) провоцирует необратимость трансформации противоречий в антагонизмы

101. Какие модели конфликтов являются базовыми в современной общественно-политической практике?

- A) консервативная и либеральная
- B) постматериалистическая и индустриальная
- C) плюралистическая и авторитарная
- D) социал-демократическая и конституционная
- E) социал-националистическая и реформистская

102. Какие типы политической социализации характерны для современного казахстанского общества?

- A) неконфликтный, субкультурный
- B) конфликтный, диалогичный, эгоистичный
- C) либеральный, массовый
- D) консервативный, коллективистский
- E) монологичный, асоциальный

103. Какая идея заключена в теории Э. Фромма о «социальном характере» общества?

- A) взаимосвязь структуры основных средств производства с национальным менталитетом
- B) взаимосвязь между индивидуальной психической сферой человека и социэкономической структурой общества
- C) взаимозависимость идеологической и экономической платформ общества
- D) взаимообусловленность национальной экономики от менталитета нации
- E) взаимосвязь между культурой и экономикой общества

104. Значение «социального характера» в развитии современного общества?

- A) является первопричиной стабилизационных процессов или кон- фронтции в обществе
- B) обуславливает международную политику государства
- C) обуславливает уровень развития сферы национальной культуры и спорта
- D) обуславливает психическое состояние общества
- E) провоцирует аномизацию общества

105. Какие факторы способствуют динамичному развитию институ- тов гражданского общества в развивающихся странах?

- A) научно-технический прогресс и формирование слоя техниче- ской интеллигенции
- B) культурная революция и развитие сферы творчества, искусства
- C) формирование высокообразованного слоя; соответствие модер- низационной и кадровой политики; систематический мониторинг цен- ностных предпочтений субъектов гос-полит.реформ
- D) формирование среднего класса
- E) харизма руководителей страны

106. Какие права граждан доминируют в гражданском обществе?

- A) на гражданскую принадлежность; свободу развития материаль- ных потребления

В) на свободу смены вероисповедания; равноправие перед судом
С) на свободу развития международных отношений; свободу обращений в международный суд

Д) на жизнь и личную неприкосновенность; свободу волеизъявления; частную собственность; равноправие перед законом

Е) на свободу передвижения; совершенствования правовых институтов; участия в перераспределении национальных доходов

107. В чем заключается информационный фактор экстремистско-террористических угроз современности?

А) распространении экстремистско-террористических угроз и иных вызовов современности

В) распространении религиозных учений; усилении религиозного сознания масс

С) увеличении количества субъектов СМИ и СМК

Д) повышении роли международных организации в процессе формирования населения

Е) формирование новой глобальной структуры мира в сочетании с расширением коммуникационных возможностей СМИ

108. Основные формы манипулятивно - информационного воздействия на сознание населения?

А) пересказ, беседа

В) прямое информирование без комментариев, гласность

С) сообщение, интерпретирование, внушение

Д) репортажная форма информации, прямая трансляция события

Е) массовая информационная передача

109. По каким признакам классифицируются информационные угрозы?

А) системным и периферийным

В) глобальным и локальным

С) мировым и государственным

Д) региональным и континентальным

Е) субкультурным и массовым

110. Приоритетные направления формирования информационной политики в Казахстане и обеспечения безопасности казахстанского общества от издержек глобализации информационного пространства?

А) идеологическое, политическое, правовое, культурологическое, общетехническое.

В) экономическое, техническое, военное

С) экологическое, патриотическое

Д) общеполитическое, международное

Е) транснациональное, идеолого-конструктивное

111. Декларация Шанхайской организации сотрудничества принята в....?
- A) 1999 г.
  - B) 2002 г.
  - C) 1998 г.
  - D) 2001 г.
  - E) 2000 г.
112. Конвенция об определении агрессии принята в....?
- A) 1933 г.
  - B) 1957 г.
  - C) 1992 г.
  - D) 1999 г.
  - E) 1998 г.
113. В каком году принят в Казахстане Закон «О противодействии экстремизму» ?
- A) 2006 г.
  - B) 1999 г.
  - C) 2000 г.
  - D) 2007 г.
  - E) 1997 г.
114. Запрещенной в правовом порядке на территории Казахстана признана деятельность следующих организаций: ?
- A) Лашкар и Тайба, Хизб- ут- Тахрир, Общество социальных реформ
  - B) Организация Освобождения Палестины, ЛДПР
  - C) Компартия Италии, Лейбористы Англии
  - D) Лобнор, Скинхеды
  - E) Герильярос, Курдский национальный фронт освобождения
115. Ваххабизм — это ...?
- A) религиозное движение
  - B) философское учение древнего Вавилона
  - C) учение об эволюции
  - D) политическая оппозиция в Таджикистане
  - E) сторонники теории государственного строительства по Макиавелли.
116. Усама Бен Ладен — лидер ...?
- A) Политической оппозиции в Сирии
  - B) Талибов Афганистана
  - C) Партии Хамас в Палестине
  - D) Аль - Каида
  - E) Братья — мусульмане в Саудовской Аравии

117. Автором теории жесткого правителя в книге «Государь» является...?
- A) Макиавелли
  - B) Жан Жак Руссо
  - C) Платон
  - D) Аристотель
  - E) Аль Фараби
118. Теорию терроризма разрабатывал ....
- A) Спиридович
  - B) Кононов
  - C) Завиалов
  - D) Ольшанский
  - E) Каимов
119. Джума Намангани — это ....
- A) лидер исламского движения Узбекистана
  - B) политический оппозиционер в Казахстане
  - C) лидер курдской партии в Турции
  - D) спортивный комментатор
  - E) политический обозреватель
120. Шанхайская организация сотрудничества образована в .....
- A) 2001 г.
  - B) 2002 г.
  - C) 1998 г.
  - D) 1999 г.
  - E) 1992 г.
121. Закон о борьбе с терроризмом в Казахстане принят в ....
- A) 1999 г.
  - B) 1998 г.
  - C) 1995 г.
  - D) 2000 г.
  - E) 2001 г.
122. Филиал антитеррористического центра стран СНГ и среднеазиатского региона дислоцирован в ....
- A) Алматы
  - B) Астане
  - C) Шанхае (Китай)
  - D) Душанбе (Таджикистан).
  - E) Бишкеке (Киргизстан)
123. Период массового террора в России приходится ....
- A) на начало XIX века

- В) на начало XX века
С) на 50-е годы XX века
D) на конец XVIII века
E) на 1995-1998 гг.
124. Конвенция о борьбе с терроризмом и сепаратизмом стран Шанхайской организации сотрудничества принята в.....
- A) 2001 г.
B) 2000 г.
C) 1998 г.
D) 1993 г.
E) 1997 г.
125. Закон о свободе вероисповедания в Казахстане принят в .....
- A) 1992 г.
B) 1993 г.
C) 1995 г.
D) 2001 г.
E) 2002 г.
126. «Аум Синрикё» — это .....
- A) политическая организация в Центральной Азии
B) религиозная организация экстремистского толка в Японии
C) ассоциация сторонников антитеррора в странах ЦАР (Центральная Азия)
D) смешанная парламент. группа межгосударственного сотрудничества в Центр.Азии
E) спортивная организация, проявившая себя в теракциях в США (11.09.2001 г.).
127. Определение «нового терроризма» характерно ...
- A) для начала 21 века.
B) для середины 20 в.
C) для конца 19 в.
D) для начала 18 в.
E) для 30 г. 20 века.
128. «Аль-Кайда» — это .....
- A) террористическая организация международного уровня
B) политическая коалиция Афганистана
C) религиозная община курдов в Турции
D) антитеррористическое ведомство Израиля
E) антитеррористический центр стран Ближнего Востока
129. «Курдский экстремизм» характерен для .....
- A) Турции

- В) Латинской Америки
  - С) Канады
  - Д) Китая
  - Е) Узбекистана
130. «Хезболла» — это ....
- А) партия Аллаха исламских фундаменталистов шиитского толка (Ливан)
  - В) организация исламских фундаменталистов (Таджикистан)
  - С) Политическая организация Узбекистана
  - Д) Чеченский культурно-политический центр в Казахстане
  - Е) Религиозное экстремистское движение на Северном Кавказе
131. «Хамас» — это .....
- А) Исламское движения сопротивления (Пакистан)
  - В) Религиозная экстремистская организация Индии
  - С) Религиозные радикалы Узбекистана
  - Д) Международное террористическое сообщество (дислокация: Пакистан, Палестина).
  - Е) Религиозная секта (Алжир)
132. Проблемы терроризма у Назарбаева подробно изложены в книге:
- А) критическое десятилетие
  - В) на пороге XXI века
  - С) мысли о главном
  - Д) прошлое и настоящее
  - Е) без правых и левых
133. В мире транснациональных террористических организаций более....
- А) 150
  - В) 10
  - С) 5
  - Д) 22
  - Е) 13
134. Программной целью экстремистской идеологии Хизб-ут-Тахрир является?
- А) Воссоздание исламского халифата времен арабских завоеваний
  - В) Воссоздание исламской государственности периода Османской империи
  - С) Формирование исламского государства по современным канонам веры
  - Д) Объединение исламских государств в регионе Аравии
  - Е) Создание исламской зоны влияния в Центральной Азии

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная:

1. Назарбаев Н. А. Критическое десятилетие. — Алматы, 2003. — 240 с.
2. Кожушко Е. П. Современный терроризма: анализ основных направлений / Под общ. ред. А. Е. Тараса. — Мн.:Харвест, 2000. — 448 с.
3. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. — М.,2006. — 832 с.
4. Требин М. П. Терроризм в XXI веке / под общей ред. А. Е. Тараса. — Мн.: Харвест, 2003. — 816 с.
5. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. — М., 2003.

Дополнительная:

1. Мирский Г. И. Дракон встаёт на дыбы (о международном терроризме) // Мировая экономика и мировые отношения. — 2002. — № 3. — С. 40-45.
2. Нетаньяху Б. Война с терроризмом. Как демократии могут нанести поражение сети мирового терроризма. — М., 2002. — 207 с.
3. Гриняев С. Американские эксперты об эскалации информационной войны в Интернете. — Зарубежное военное обозрение. — 2002. — № 6.
4. Морозов И. Л. «Информационная безопасность политической системы» // Политические исследования. — 2002. — № 5. — С. 134-145.
5. Крутских А., Федоров А. «О международной информационной безопасности» // Международная жизнь. — 2000. — № 2. — С. 37-48.
6. Терроризм и террористы: Исторический справочник / Под общ. ред. А. Е. Тараса. — Мн.: Харвест, 1999. — 606 с.
7. Мухин А. Поколение 2008: наши и не наши. Справочно-информационное издание. — М.: Алгоритм, 2006. — 256 с.
8. Ключников Б. Исламизм, США и Европа: Война объявлена. — М.: Эксмо, 2003. — 320 с.
9. Змеевский А. В., Тарабрин В. Е. Терроризм. Нужны скоординированные усилия международного сообщества // Международная жизнь. — 1996. — № 4. — С. 14.

10. Иноземцев В. Глобализация по-американски как альтернатива вестернизации // Космополис. Зима. 2003/2004. — № 4. — С. 46.

СОКРАЩЕНИЯ

- ООН** — Организация Объединённых Наций
СНГ — Содружество Независимых Государств
ФБР — Федеральное Бюро Расследований
ЦРУ — Центральное разведывательное управление
США — Соединенные Штаты Америки
СМИ — Средства массовой информации
ЦПСИ — Центр правовой статистики и информации
МВД РК — Министерство внутренних дел Республики Казахстан
СМК — Средства массовой коммуникации
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ДКБ — Договор о коллективной безопасности
КНФО — Курдский национальный фронт освобождения
НОАК — Народная освободительная армия Курдистана
СУАР — Синьцзяно-Уйгурский автономный район
ЦАР — Центрально-азиатский регион
ХТИ — Хизб-ут-Тахрир
П-2 — Пропаганда 2
ИРА — Ирландская республиканская армия
ООП — Организация освобождения Палестины
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
НАТО — Северо-Атлантический блок государств
ФРГ — Федеративная республика Германии
ФЕДЕФАМ — Латиноамериканская Федерация Ассоциации родственников исчезнувших заключенных
ИДУ — Исламское движение Узбекистана
ЧС — Чрезвычайная ситуация
УК — Уголовный Кодекс
ШОС — Шанхайская Организация сотрудничества
ДИНК — Немецкая промышленная и торговая палата
ОБСЕ Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ЦАС — Центрально-азиатское сотрудничество
СВМДА — Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии
АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
ОДКБ — Объединенный договор о коллективной безопасности

КНБ РК — Комитет национальной безопасности Республики Казахстан

ГМТ — Междисциплинарная группа ООН по международной деятельности в борьбе с терроризмом

ГУУАМ — «Союз пяти» — Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова

МАГАТЭ — Международное агентство по атомной энергии

ЭСКАТО — Экономическая и Социальная комиссия для Азии и Тихого океана ООН

РФА — Региональный Форум АСЕАН по безопасности

КНР — Китайская Народная республика

СДПК — Социал-демократическая партия Казахстана

НПО — Неправительственные организации

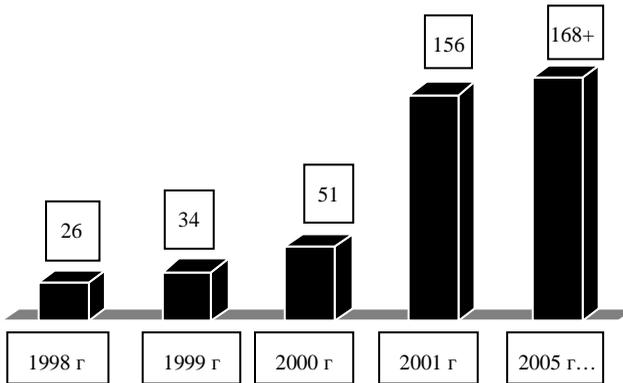
МК — Московский комсомолец

НГ — Независимая газета

КНР — Китайская Народная республика

ПРИЛОЖЕНИЕ А

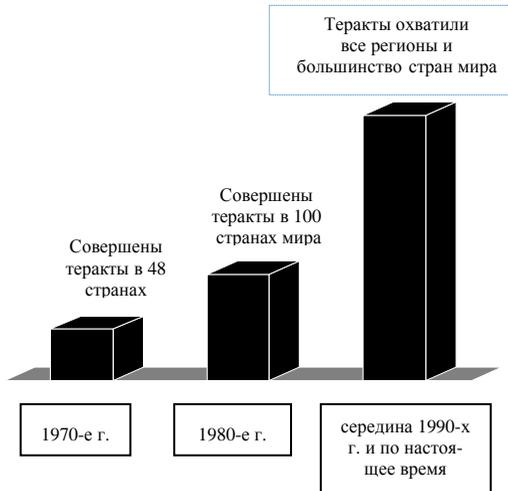
Тенденции роста количества зарегистрированных преступлений в РК по статьям уголовного кодекса за возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; захват заложников; организацию военизированного формирования; угон, а равно захват воздушного судна; заведомо ложные сообщения об акте терроризма (Указан период, характеризующийся среднестатистическими показателями последних 20 лет)

Комментарий к пр. А:

- В связи с резким увеличением преступлений, связанных с заведомо ложными сообщениями об акте терроризма (вторая половина 1990-х годов) в УК РК были внесены соответствующие статьи, предусматривающие за их совершение уголовное наказание. В приведенной выше диаграмме большая часть зарегистрированных преступлений приходится на ложные сообщения об акте терроризма (факт, свидетельствующий о популяризации событийной привлекательности экстремистско-террористического действия).

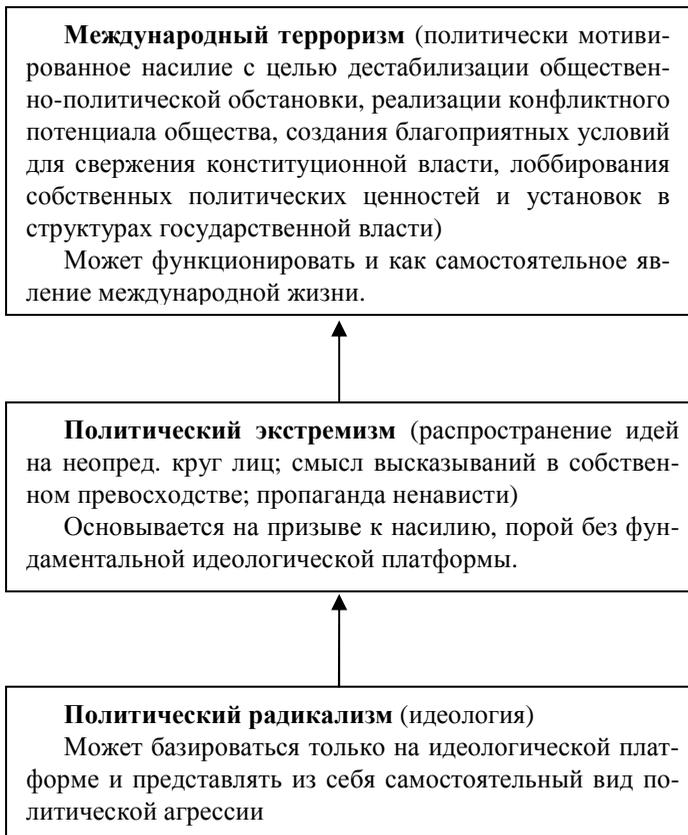
**Тенденции глобализации явления терроризма
и экстремизма в мире**

Примечание к пр. Б:

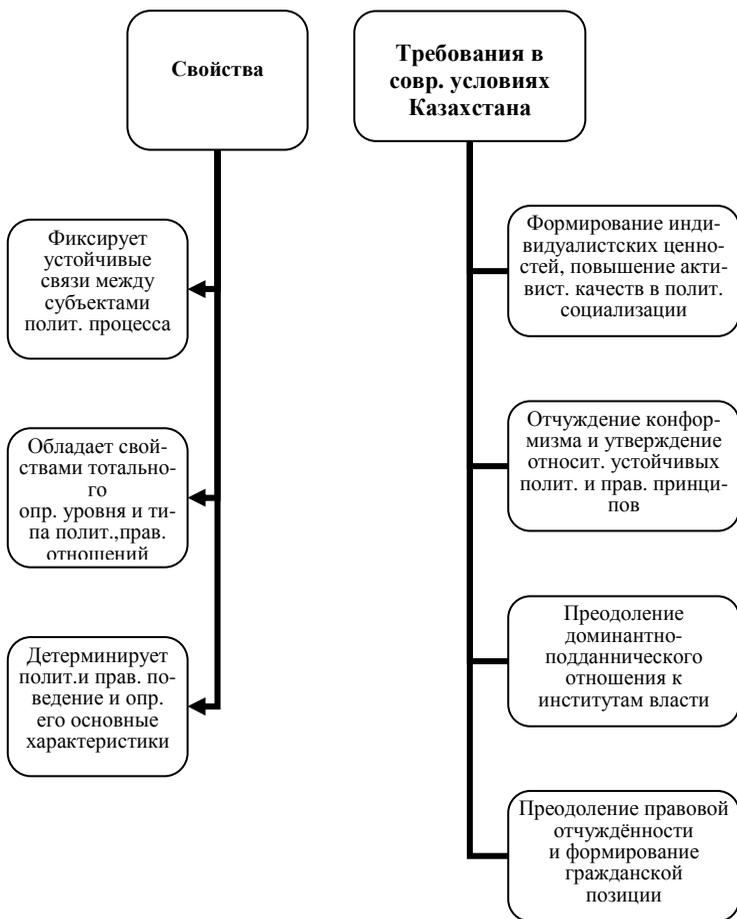
- Всего совершено с 1970-го по 1990-е годы более 10 тыс. террористических актов, жертвами которых стали свыше 500 тыс. человек.
- За период с 1990-го по 2000-е г.г. массовые людские и огромные материальные потери в связи с экстремистско-террористическими актами зафиксированы в Японии, России, США, Кении, Танзании, Индии, Пакистане, Турции, Албании, Египте, Югославии, Израиле, Палестине, Кыргызстане, Алжире, Грузии, Колумбии, на Украине, в государствах юго-восточной Азии, что свидетельствует о перманентном усилении и распространении явления в мире.

Процесс формирования терроризма как международного явления

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Функции и роль правовой и политической культур в условиях внутренних и внешних угроз современности (основные функции политических и правовых культурных ценностей: регулятивная, защитная, интегративная, коммуникативная)

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

Условия становления институтов гражданского общества в качестве фактора внутренней саморегуляции (мобилизации) защитного потенциала казахстанского общества от внутренних и внешних угроз

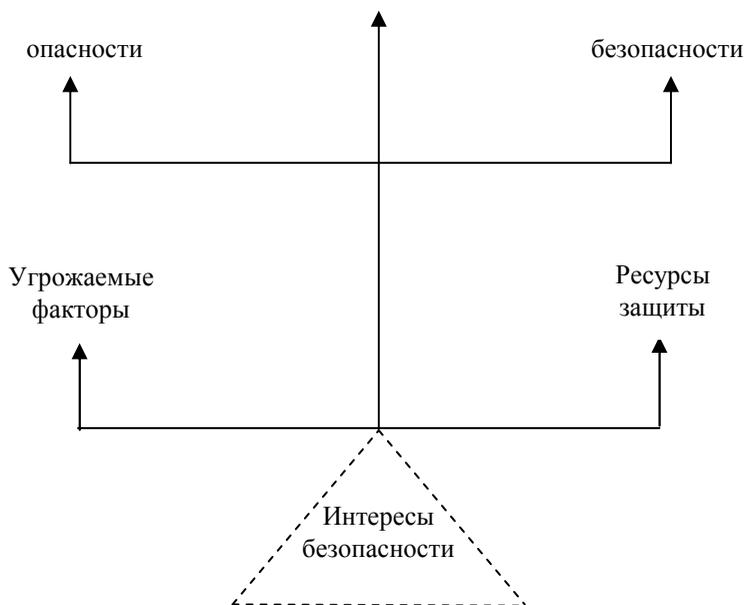

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

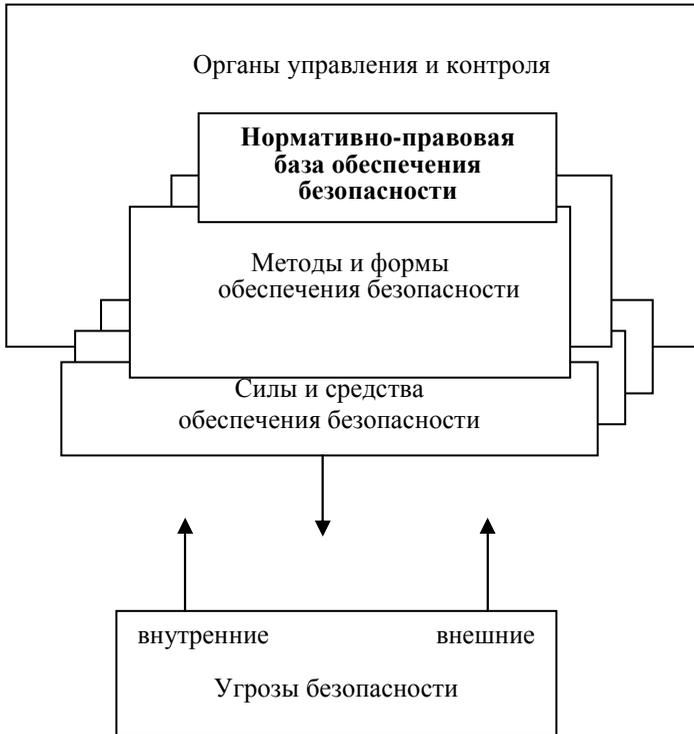
Методика оценки безопасности

СОСТОЯНИЕ

Основные звенья механизма обеспечения безопасности от международного терроризма

МЕХАНИЗМ — совокупность субъектов и норм, средств, методов и форм их деятельности, из которых складывается процесс формирования системы защиты.

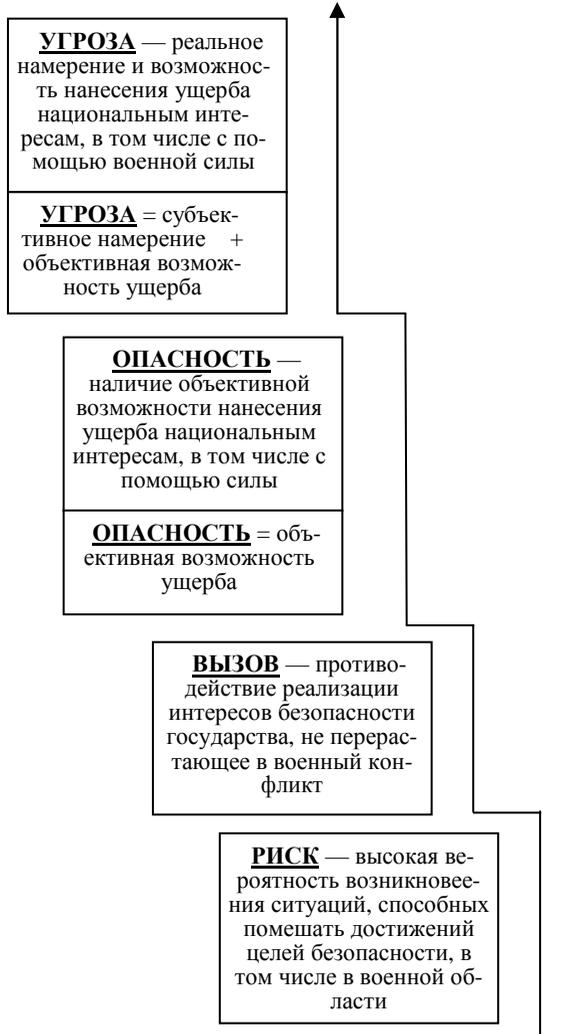

Классификация системы экстремистско-террористических угроз безопасности

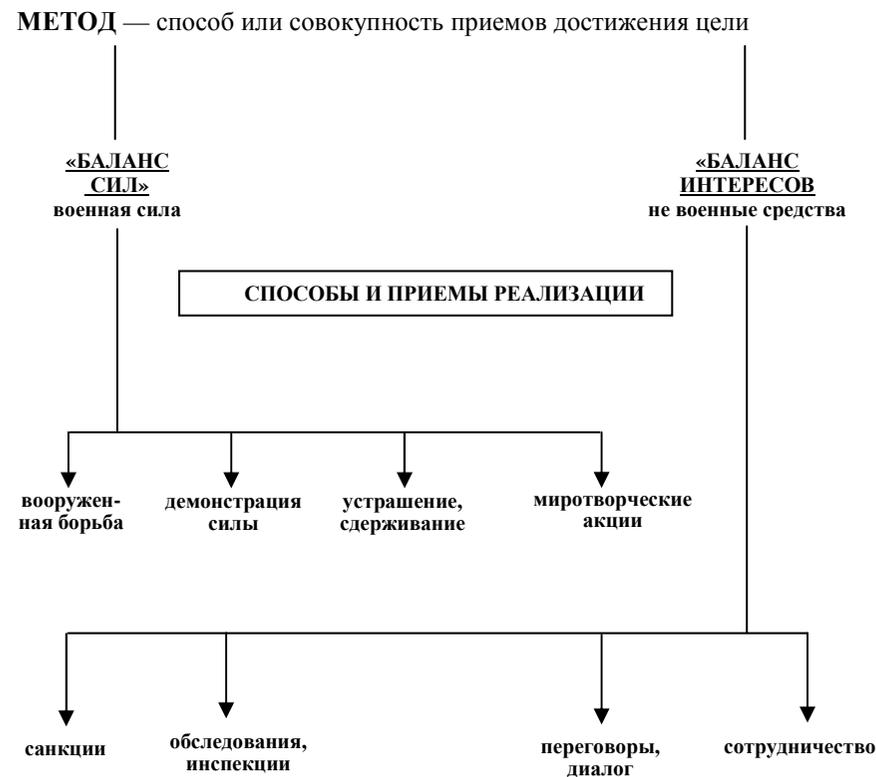

По остроте воздействия представляющая собой угрозу, а по масштабам распространения, имеющая глобальный характер, экстремизм и терроризм охватил все сферы мирового связей. **Выделены необходимые акценты проблемы.**

Основные виды угрожаемых факторов

Основные методы обеспечения безопасности
(от экстремистско-террористических угроз)

Пр.: Военный баланс сил предполагает тотальное подавление, баланс интересов отвергает **методы сотрудничества**

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА НАСИЛИЯ И АГРЕССИИ В ДЕЙСТВИИ — ЭТО...	3
ВВЕДЕНИЕ В ТЕРРОЛОГИЮ	12
Раздел1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА	28
1.1. Международный терроризм и современная геополитика	28
1.2. Международная деятельность в сфере борьбы с терроризмом	37
1.3. К вопросу об определениях терроризма, религиозного и политического экстремизма	46
1.4. Методология и аналитические подходы в исследованиях религиозного и политического экстремизма.....	55
Раздел2. ТИПОЛОГИЯ И ФАКТОРЫ УГРОЗЫ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА:	63
2.1. Религиозно-политический экстремизм.....	63
2.2. Этнический экстремизм	82
2.3. Политический экстремизм	89
2.4. Идеология экстремизма и терроризма.....	100
2.5. Международный терроризм.....	107
2.5.1. <i>Насильственное исчезновение людей (новый вид политического террора)</i>	114
2.6. Секуляристская основа экстремизма и терроризма.....	122
2.7. Международные подходы к оценке социальных последствий международного терроризма и экстремизма	132

Раздел 3. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ	141
3.1. Мотивы распространения религиозно-политической агрессии на евразийском континенте	141
3.2. Транснациональные субъекты мировой политики ...	156
3.3. Международные меры противодействия экстремизму и терроризму	166
3.3.1. <i>Методологическая основа противодействия экстремизму и терроризму</i>	180
3.4. Казахстан- субъект формирования региональной системы безопасности	187
Раздел 4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА	196
4.1. Политическая культура в условиях внутренних и внешних угроз	196
4.1.1. <i>Политический конфликт</i>	227
4.2. Гражданское общество	235
4.3. Информационализм	257
ГЛОССАРИЙ	292
ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ И ПОДГОТОВКИ К ПРОМЕЖУТОЧНОМУ КОНТРОЛЮ ЗНАНИЙ	298
ТЕСТЫ	306
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	337
СОКРАЩЕНИЯ	339
– ПРИЛОЖЕНИЕ А	341
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	341

ПРИЛОЖЕНИЕ В	342
ПРИЛОЖЕНИЕ Г.....	343
ПРИЛОЖЕНИЕ Д.....	344
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	345
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	346
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	347
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	348
ПРИЛОЖЕНИЕ 5.....	349
ПРИЛОЖЕНИЕ 6.....	350

Учебное пособие

Шалабаев Жусуп Аипович

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ

Технический редактор: *Г. К. Омарова*

Сдано в набор 28.04.2010 г. Подписано в печать 14. 05. 2010 г.

Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 19,1.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1500 экз. Заказ № 536.

Отпечатано в типографии КарЮОИ МВД РК им. Б. Бейсенова

г. Караганда, ул. Ермакова, 124.